

Абхазские сказки

1839 г.
Сочи.

УЧАСТНИКИ ВОЕННОГО СОВЕЩАНИЯ ЭПОХИ ЗАВОЕВАНИЯ КАВКАЗА.
Второй слева — Кац Маан, абхазский феодал. Третий — Аублаа Ахмат, предводитель сочинских садзов /одно из западноабхазских племен/.
В центре — Адагуа-ипа Хаджи-Берзек — знаменитый предводитель горных убыхов. Рядом с ним — абхазский князь из Цебельды Чаушкан Амаршан. Крайний справа — юноша Раста Инал-ипа, княжич, воспитанник Хаджи-Берзека.

Художник: Гагарин Григорий Григорьевич, князь, вице-президент Петербургской Академии художеств.
В период Кавказской войны сначала состоял на дипломатической службе, затем на военной службе. Автор ряда ценных живописных и графических работ по Абхазии.

Абхазские сказки и легенды

составитель

И. Хварцкия

МОСКВА
ДИ-ДИК
1994

Составитель книги И. Хварцкия бесконечно благодарен господину Эшба. Без неоценимой помощи Джемала Мушневича книга «Абхазские сказки и легенды» не смогла бы выйти в свет.

Издательство «ДИ-ДИК» со своей стороны благодарит господина Эшба Д. М. за творческое содействие в осуществлении данного издания.

Абхазские сказки и легенды.
Составитель И. Хварцкия.

Издание этой книги позволит широкому кругу читателей познакомиться как с классическими сказками и легендами абхазского народа, так и теми, которые переведены на русский язык впервые, специально для этого сборника собирателем фольклора и искусства И. Хварцкия.

Подготовка к печати — книжная редакция «ДИ-ДИК».
Художник В. Н. Белоусов.
Корректор Ю. П. Баклакова.

© Хварцкия И. Составление
© «ДИ-ДИК». Подготовка к печати, макет и компьютерная верстка

ISBN Б-87583-002-6

Лицензия ЛР № 030567 от 9.09.93 г.
Подписано в печать 25.05.94 г. Формат 60×90$^{1}/_{16}$.
Гарнитура Таймс. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 23.0. Тираж 10 000 экз. Заказ 1089.
Цена договорная.

Издательство «ДИ-ДИК».
103009, г. Москва К-9, ул. Тверская, д. 9.

Отпечатано с оригинал-макета в
АООТ «Ярославский полиграфкомбинат».
150049, г. Ярославль, ул. Свободы, 97.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книги бывают разные. Некоторые из них написаны на одном дыхании, и автор весь выражается в своей теме. Но есть другие темы, которые читаются десятилетиями, книги, которые, говоря словами одного великого русского фольклориста и собирателя устного творчества народов, читаются «собранными из разных мест статьями» как энциклопедии.

Предлагаемое читателю издание рассчитано в наше трудное время на всех. В эту книгу вошли, казалось бы, очень несходные между собой повествования. Но их объединяют две общие идеи — то, что автором, составителем, собирателем текстов книги выступает И. Хварцкия, посвятивший свою жизнь изучению абхазского народного творчества. И второе — что объединяющей идеей книги стало желание дать полное представление об историко-этнографическом своеобразии, культурной и филологической уникальности народа Абхазии.

Абхазия — одна из древнейших стран Евразии. Еще в I веке нашей эры в письменных источниках римлян, греков и других упоминаются предки абхазского народа: абазги и апсиалы. Сохранились до настоящего времени археологические остатки — развалины крепостей и храмов, засвидетельствовавшие развитую земледельческую и городскую культуру страны. Ныне Абхазия своей борьбой приковала к себе внимание всего мира. Именно поэтому выход в свет сборника сказок и легенд абхазского народа делает его историю, его быт и его верования столь жизненно важными.

В сборнике представлены мифы и предания, героические сказания о нартах, волшебные сказки и бытовые рассказы, а также рассказы, созданные профессиональными писателями Абхазии. Многим кавказским народам известны в различных вариантах предания о заключенном в страшной пещере и прикованном к скале герое-богоборце Абрскиле, абхазском Прометее. Сказания о нартах имеют очень глубокие корни в истории абхазского народа. Без героев-нартов и без всех бесчисленных рассказов о них невозможно представить себе жизнь абхазского народа.

Нартовские сказания, национальный абхазский эпос по богатству содержания и художественной ценности может быть поставлен в одном ряду с такими выдающимися памятниками мировой культуры, как «Илиада», «Песнь о Роланде», «Слово о

полку Игореве», «Давид Сасунский». Именно в эпосе, в сказаниях о нартах творческий гений абхазов нашел свое целостное выражение.

Нартовский эпос — уникальное явление в устной и письменной культуре абхазов. В основных циклах Нартов ясно выступают черты военной демократии, культ ратной доблести и чести, жажда дальних походов, боевых подвигов и поединков. В древнейший период содержание нартовского эпоса составляет борьба с великанами — олицетворением слепых и неуправляемых сил природы. В борьбе с ними нарты прибегают к колдовству, военной хитрости и мистической силе. Они добывают огонь у великанов, учат людей земледелию и ремеслу. В пантеоне мировой фольклорной классики абхазский эпос занял одно из самых важных мест, заинтересовав многочисленных исследователей как в России, так и в Европе — во Франции, Германии, Финляндии, Японии.

Герой-воин, наделенный сверхчеловеческой силой, помогает всем силам добра. Поэтому эпос абхазов постоянно бытует в двух формах: в стихотворной, ритмической и прозаической. Хоровое сопровождение помогает слушателям приобщиться к содержанию эпоса, который известен всем с детства, но тем не менее приобщение — процесс активного эмоционального и волевого соучастия абхаза в своей национальной истории. Отсюда всеобщая популярность сказителей. Весь XIX и половина XX века немыслимы без имен выдающихся сказителей. И только начиная с 1930 гг. ученые начали тщательно записывать тексты и музыкальное сопровождение сказаний, легенд, сказок абхазов.

Собственная письменность у абхазов появилась после 1862 г., когда русский кавказовед П. Услар на основе русской графики составил абхазский алфавит. Это послужило огромным толчком для создания в дальнейшем письменной профессиональной литературы у народа.

Роль устного творчества в духовной жизни абхазского народа неизмеримо высока. История собирания легенд и сказок также имеет богатую историческую традицию.

Издание сборника, подготовленного современным исследователем народного творчества Абхазии И. Хварцкия, имеет непреходящее значение, так как предоставляет возможность в наше трудное и горькое время увидеть великий эпос абхазов живым и жизнеутверждающим.

От редакции

Абхазские сказки и легенды

Предания и мифы

АПСУАРА
ВСЕ, ЧЕМ ЖИВУТ АБХАЗЫ

Рано утром, когда солнце еще не поднялось выше деревьев, седой как лунь старец верхом на муле въехал во двор абхаза. Хозяин вышел ему навстречу. Хотя гость и сказал, что он торопится, что он должен передать буквально несколько слов, абхаз пригласил его войти в дом, даже не спросив, что за дело его привело. Пока хозяин должным образом принимал гостя, полдень уже прошел.

— Пришел я вот за чем, — сказал гость, — сегодня ты придешь в такое-то, такое-то место, Бог будет наделять землей все народы мира. Тебе выпал жребий прийти туда от абхазцев. Но поспеши, — сказал он, — возможно, ты уже опоздал.

Сообщив это, гость сел на мула и, покинув двор, удалился.

Когда абхаз пришел в назначенное место, Всевышний покоился в окружении Высших Ангелов. Увидев абхазца, Бог сказал:

— Где ты был? Я уже роздал все земли.

— У меня был гость, из-за этого я опоздал, — сказал абхаз.

— Есть еще одна земля, но я оставил ее для себя... — озадаченно сказал Бог.

Тут вмешался Архангел:

— То, что сказал абхаз, это правда, этим гостем был я, из-за меня он опоздал, я не смог прервать его гостеприимство.

Выслушав Архангела, Бог сказал:

— Что ж, во имя справедливости я даю тебе, апсуа, земли Апсны (Абхазии), но взамен этого отныне все люди теряют возможность видеть мою славу при общении со мной.

И вот с тех пор живут абхазы на избранной Богом земле, чтут его, воспитывая в себе Апсуара *, стараясь тем самым загладить вину свою перед Богом и остальным человечеством, осознавая, что они стали причиной утраты дара лицезреть Бога. Вот почему с тех пор говорят абхазцы, что гость приносит с собой семь счастий, уносит одно.

Записано со слов жреца святилища
Дыдрыпш Заура Чичба в 1983 г.
Записал И. Хварцкия
Перевел с абхазского Л. Анджинджал

---

* Апсуара (абхазство) — все то, чем живут абхазы, моральный кодекс абхазского народа.

АБРСКИЛ
(Абхазский Прометей)

I вариант

В древнейшие времена в Абхазии жила одна прекрасная девица знатного происхождения. С самого детства она дала обет Богу оставаться на всю жизнь девою: родители не только не противились ее желанию, а напротив, помогали ей вести избранный ею образ жизни. Но, по прошествии некоторого времени, эта красавица вдруг сделалась беременною. Родители верили в непорочность своей дочери и потому спокойно ожидали рождения ее ребенка.

Родился мальчик. Он рос не по дням, а по часам, в десять лет он уже выглядел двадцатилетним юношей и скоро сделался прекраснейшим из молодых людей. С самого детства Абрскил — так звали его — отличался небывалой храбростью и удалью от своих сверстников; он не щадил себя в сражениях; когда соседние народы совершали набеги на священную землю Абхазии, богатырь мужественно защищал родину и Бог покровительствовал ему . В скором времени молва о подвигах Абрскила разнеслась по всей Абхазии и за пределами его отечества; земляки любили его, враги боялись. Но слава, почести, любовь и поклонение вскружили голову юному герою, и он возгордился безмерно, возомнил себя Богом на земле в облике человеческом — и этим вызвал гнев Божий.

Абрскил сделался жестоким, стал беспощадно истреблять светловолосых, голубоглазых, не щадил ни пленных, ни своих соотечественников, уверяя, что эти «пришлые» наводят порчу на всех, на кого поглядят.

Он мстил выходцам из рода Асуба и Кацуба, уничтожал виноградную лозу, перекинутую гирляндой через дорогу, если она мешала верховому ехать по ней, не нагнув головы. Когда спрашивали его, почему он так поступает, Абскрил говорил, что если проедет, не повредив лозу, тогда ему нужно наклонять голову вперед, а это похоже на поклонение Богу.

Бог потребовал, чтобы Абрскил оставил напрасное истребление людей и лозы и совершил сорок поклонов для искупления своей души, дабы избегнуть тяжкого наказания. Но герой отказался повиноваться Богу и не сделал ни одного поклона. Он сам царь

и бог на этой земле, он выше смертных, и не к чему ему бить поклоны...

Долго Бог щадил Абрскила и надеялся на то, что он исправится. Но Абрскил продолжал свои жестокие игры. Тогда Бог в гневе приказал своим ангелам поймать юношу, дабы предать его страшному возмездию за грехи его и за гордыню.

Абрскил же решил обезопасить свою жизнь и выбрал себе два укрытия: одно — на вершине горы Уарцаху, другое на пустынном берегу Черного моря. Едва посланные Богом ангелы появились на вершине горы, араш * Абрскила одним прыжком переносил своего хозяина к Черному морю: здесь Абрскил отдыхал до нового появления ангелов, ел пищу, приготовленную им самим из убитой им дичи, а араш его пасся на тучной траве и пил морскую воду **.

Как только араш чувствовал приближение ангелов, он говорил своему хозяину, что опасность близка, Абрскил вскакивал на коня — и они снова переносились на гору.

Долго продолжалось это безуспешное преследование Абрскила ангелами. Устав от бесплодных попыток выполнить волю Бога, ангелы обратились к одной хитрой старухе волшебнице с просьбой помочь им. Тогда волшебница посоветовала им растянуть бычью кожу на вершине Уарцаху и намазать ее скользким жиром. Одни ангелы остались на горе, другие появились на берегу. Араш прыгнул от моря на гору, и ноги его заскользили по растянутой коже. Конь упал, сбросив с себя всадника. Абрскил упал и больно расшибся. Тут-то ангелы схватили его. Связали и повели к Богу.

Разнеслась по Абхазии молва о поимке героя. Велика была радость светловолосых людей с голубыми глазами, но невозможно было описать печаль его друзей! Но, как ни старались они освободить своего любимого предводителя из плена, этого они сделать не могли, ибо Бог повелел тотчас же поместить Абрскила в такой пещере, где никто не мог его отыскать и куда невозможно было добраться ни одной живой душе.

Ангелы долго думали, но не могли найти такого места. Тогда они снова обратились к волшебнице и попросили ее указать им такое место для узника. Она назвала пещеру близ селенья Чилоу,

---

* Араш — сказочный конь, наделенный волшебными свойствами и силой.

** В селе Гуп на берегу реки Аалдзга сохранились отпечатки следов Абрскила и его араша на скале, словно на рыхлой земле. Отпечаток ступни Абрскила имеет длину приблизительно трех четвертей аршина, а глубину — более вершка.

у подошвы отрогов Панавского хребта. Пещера эта когда-то служила местом заточения одного богатыря, который томился в ней триста лет и, несмотря на все свои старания, не смог убежать оттуда, пока Бог не смилостивился над ним и не позволил выбраться из этой страшной темницы. В эту-то пещеру и ввели ангелы Абрскила с его арашем. Владетельница темницы приказала своим слугам заковать его в цепи и глаз с него не спускать. Долгое время выполняла старуха волю Господню: не давать ослушнику никакой пищи до его полного покаяния, — но затем сжалилась над прекрасным юношей и велела слугам тайно подносить Абрскилу еду. Но Бог проведал об этом и, разгневавшись, превратил непослушную старуху в собаку.

Долго томился Абрскил в этой пещере, в бессильной тоске думая о своей родине, постоянно мечтая получить хоть какую-нибудь весточку о прекрасной своей Абхазии. И вот однажды один из его друзей — Джомлат — нашел нескольких умелых проводников, взял с собой двенадцать мулов, навьюченных тюками с восковыми свечами, и, невзирая на запрет Бога, отправился к Панавскому хребту, отыскал тайный вход в пещеру и, засветив свечи, вошел туда со своими людьми. Долгой и трудной была их дорога, было темно, пещера то расширялась, то суживалась так, что людям приходилось двигаться ползком. Вот уж и свечи все кончились, а Джомлат все никак не мог увидеть того места, где томился легендарный Абрскил. И когда, уж совсем отчаявшись, люди стали думать и гадать, как же им выбраться назад из этого лабиринта, до них издалека донесся голос несчастного узника. Абрскил крикнул им, что напрасно они стараются увидеть его, ибо чем ближе они подвигаются, тем дальше его уводят от них. Герой Абрскил спросил, живут ли еще в Абхазии племена Асуба, Кацуба и голубоглазые блондины. Джомлат ответил, что на родине его все по-прежнему, но что Абхазия горько оплакивает судьбу своего защитника и покровителя. Герой произнес, горько рыдая:

— Погибла несчастная Абхазия!

Путешественники спросили, как им теперь выбраться назад без света.

Абрскил крикнул:

— Поверните своих мулов назад и возьмитесь за их хвосты, они выведут вас.

Долго молчали абхазы. Затем попрощались с героем и отправились назад. Абрскил же остался в темнице, глубоко скорбя, что не удалось ему повидаться со своими соотечественниками.

Выйдя из пещеры, Джомлат узнал, что находился в ней три дня...

И по сию пору абхазы считают, что Абрскил жив и станет свободным после второго пришествия Бога на землю. Жив, говорят, и его священный конь-араш, ибо даже и поныне горная речка близ селенья Чилоу выносит в своих водах из пещеры остатки конского навоза. Старожилы уверяют, что защитник абхазов покинет пещеру тогда, когда родина его станет свободной...

В.Гарцкия. Из абхазских народных преданий и поверий. Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1892, вып. XIII, отд. II, с. 34—38

АБХАЗСКИЙ ПРОМЕТЕЙ *

II вариант

Когда великий Бог задумал создать человека, взгляд его упал на движущиеся в небесном эфире планеты. На одной из них он решил устроить жилище для самого совершенного творения своего.

С этой целью он осыпал семенами эту безжизненную планету. Семена проросли и одели ее мягким, ровным покровом, а горячие лучи солнца вызвали к жизни растения, которые убрали землю зеленой изумрудной травой, ароматичными цветами, ветвистыми пальмами, могучими дубами и чинарами и целыми рощами плодовых деревьев.

Видя это чудесное превращение мертвой планеты в цветущую землю, дух зла похитил у великого Бога часть семян, заключавших в себе дорогие сокровища, которыми творец хотел подарить созданного человека, — золото, серебро, алмазы, рубины, яхонты и голубую бирюзу.

Но это не скрывалось от всевидящего Бога... Устрашившись гнева его, злой дух бросил на землю похищенные семена. Они также проросли, упав на ровную поверхность земной коры, и образовали неприступные горы, угрюмые скалы и утесы.

В наказание великий Бог низвергнул с небес и духа зла, заключив его душу вместе с похищенными богатствами в недра созданных им гор, и обрек его созерцать свой грех до тех пор, пока раскаяние не очистит его сердце.

Протекли века... Тысячи поколений сменились на Земле, которая плавным движением непрестанно носилась вокруг Солнца, черпая жизнь и силу в его лучах, а заключенная во мраке каменной темницы душа грешника не знала покоя.

Наводя страх на людей, он в бешеной ярости потрясал громады гор, силясь вырваться из страшных оков земли; знойное палящее дыхание его, прожигая земную кору, адским пламенем взлетало к небу, окутывая черными удушливыми тучами вершины «огнедышащих» гор, и расставленным кровавым потоком разливалось по склонам и цветущим долинам, неся с собою смерть и разрушение. Земля дрожала от подземных ударов; с огромных утесов

---

* Данный вариант легенды создан на основе абхазского сказания и существенно отличается от абхазского оригинала, в первую очередь тем, что в нем герой рождается от злого духа, совратившего невинную деву.

летели каменные глыбы; разверзались страшные бездны, поглощая целые селения; гибли люди и животные, гибли прекрасные растения, вывороченные с корнями и опаленные смертоносным дыханием злого духа.

Но горы крепко держали страшного узника в своих каменных объятиях, которые становились все теснее и теснее. Утомленный и измученный бессильной борьбой, он смирялся: огненное дыхание замирало в его мощной груди, земная кора застывала, вершины гор покрывались слоями искристого льда и мягким снежным покровом.

Но и тогда на каждом шагу гибель грозила человеку в этом царстве злого духа: подстерегая одиноких путников и идущие караваны, он погребал их под снежными обвалами и огромными лавинами. А тоска все больше и больше томила его мятежную душу. Седые туманы ползли, как змеи, по ущельям и беспросветной тяжелой мглой ложились на его каменную грудь, в которой накипали жгучие, мучительные слезы. Растопив ледяной покров гор, они бурными потоками неслись по ущельям и сбегали к морю.

Однажды на орошенные влагой слез злого духа, оттаявшие горные луга весенний ветер принес семена цветов и пахучих трав, которые расцвели пышным ковром. Сладкий шепот их и аромат проникли в грудь томящегося узника, и весенние воды наполнились новыми потоками его слез.

— Так как страдание очистило твое сердце, — услышал гордый дух голос творца, — я даю тебе свободу на одну весеннюю ночь, с тем чтобы ты не касался человека и с наступлением зари вновь вернулся в свое царство тьмы.

Когда солнце скрылось за гребнями гор и на небе зажглись звезды, могучим взмахом крыльев злой дух взвился над землей и увидел во всем блеске красоту творения Бога.

Уже близилось утро, а с ним и час заключения, а освобожденному узнику казалось, что эта весенняя ночь пролетела, как одно волшебное мгновенье.

Он видел величие небесного свода, обнимавшего благоухающую землю, и блеск звезд над нею, серебряное сияние лунного света, отраженного в глубоких водах океана; он видел весь чудный мир и своего врага — человека. Он заглянул в его жилище и услышал звуки поцелуев, которыми тот дарил свою прекрасную подругу — женщину... Он увидел в этом жилище и на одежде женщины сокровища гор, которые человек, рассекая грудь утесов, успел похитить у него...

Чувство злобы вновь закипело в душе демона. Взлетев на вершину самой неприступной горы, он воздвиг на ней из сверкающих льдин высокий чертог и перенес в него лучшие свои богатства, чтобы украсть их у человека. И сказочный дворец засиял самоцветными камнями.

По ущельям еще был разлит голубой туман, но первые лучи солнца уже озарили сверкающий чертог, когда злой дух почувствовал, что объятья земли влекут его в свои недра.

Он бросил последний взгляд на расстилающийся у ног его мир и вдруг услышал серебристый звон металла у горного источника.

Взглянул, и ему показалось, что он обронил горсть своих сокровищ там.

Спустившись к источнику, он увидел, что яркие рубины принадлежали устам красавицы девушки, чудный голос которой, как серебристая струя, звенел в свежем утреннем воздухе, блестящие черные бриллианты сияли в ее взоре под дугами тонких бровей, а крупные зерна жемчуга сверкали в улыбке.

То была княжна Мегри, дочь одного из богатейших владетелей Абхазии. Самые знатные из соседних черкесских князей и удальцов искали ее руки, но никому не удалось покорить сердце гордой красавицы, которое знало до сих пор лишь чувство любви к родине.

Демон впервые увидел такую красоту, и горячее желание пламенем охватило его душу. Он быстро окутал прекрасную девушку густым облаком, которое скрыло от нее родной аул. Разорвав своим могучим дыханием завесу тумана в одном месте, он показал глазам восхищенной Мегри свой сверкающий чертог. Дуновением горного ветра он очищал путь перед нею, расстилал под ноги ее зеленый ковер трав, осыпая его благоухающими цветами, и очарованная княжна незаметно очутилась в сказочном ледяном дворце горного духа...

Когда утомленная долгим путем и ослепленная блеском драгоценных камней, девушка заснула на богатом ложе из бирюзы, осыпанном яхонтами и изумрудами, демон овеял ее зноем горячего сновидения, полного жгучих и сладких грез. Пламенное дыхание его, коснувшись ее уст, проникло упоительной отравой в ее душу, в ее кровь...

Туман растаял в лучах солнца, и недра гор навеки поглотили злого духа, который нарушил волю Бога, коснувшись его творения. Княжна Мегри очнулась от своего волшебного сна и вернулась в родной аул...

Когда дыхание новой весны принесло пробуждение жизни на земле, у нее родился сын. Она назвала его Абрскилом.

Прошло много лет, и ребенок превратился в юношу богатырского роста, необычайной красоты, которую он унаследовал от матери вместе с горячей любовью к своей родине.

От отца же — демона он получил в дар сверхъестественную мощь и силу, непримиримую ненависть к людям и гордый, непокорный дух.

Вскоре он стал героем всей страны, любимцем народа и грозой соседних племен: от одного молниеносного взгляда черных, как мрак ночи, глаз его люди гибли, словно пронзенные меткой стрелой; от одного удара копья его рушились стены неприступных крепостей, а пред очарованием его красоты не могла устоять ни одна женщина.

Сначала Бог покровительствовал гордому и храброму князю как горячему защитнику родины. Но жажда гибели человеческого рода разгоралась все сильнее в сердце Абрскила, и он стал истреблять не только врагов, но и своих соплеменников, гордыня все более и более овладевала его душой. Не видя себе равного среди людей, он возомнил себя равным Богу. Если на пути его виноградная лоза сплетала вершины дерев, он гневно рассекал ее мечом, ибо не желал наклонять голову, дабы это не походило на поклонение божеству.

Тогда великий Бог повелел своим ангелам наказать возгордившегося человека. Но все крылатое войско Всевышнего не могло овладеть непобедимым Абрскилом. Одним прыжком перелетал он на своем верном араше с берега Черного моря на самые неприступные вершины великого Кавказа — владения своего отца.

Но однажды утомленный долгим преследованием, конь поскользнулся на ледяной вершине и вместе со своим всадником повис над пропастью, где на склоне горы, подобно черной пасти, зияла глубокая, мрачная пещера.

В нее слуги великого Бога заключили непокорного Абрскила, приковав его тяжелой цепью к скале. И гордый великан, не желавший преклонить головы перед творцом Земли, склонил ее под мрачным низким сводом пещеры, куда не доносились ни дыхание горного ветра, ни аромат цветов, ни песни красавиц Абхазии, не проникал ни один луч солнца.

Но верный араш не покинул своего господина... Он безостановочно гложет и гложет железную цепь в надежде освободить сына духа гор...

Проходят годы, века... Цепь становится такою тонкою, как шелковая нить, но мучительная жажда начинает томить животное. Чтоб утолить ее хотя на мгновение, конь пьет воду из источника, который журчит по дну пещеры — это слезы измученного страданием Абрскила. Когда же араш, напившись, вновь принимается лизать цепь — он находит ее такою же толстой и огромной, какой она была и прежде...

Черная пасть пещеры и поныне извергает тяжелое горячее дыхание истомленного коня и изнемогающего человека-великана. Ни один абхазец не решится войти в это «дьявольское помещение» *, опасаясь вызвать гнев Божий — гром и молнию.

Принявшие христианскую веру жители Абхазии указывают на одной из скал ** следы копыт огромного коня, глубоко ушедшие в камень, как в мягкую землю, и отпечаток ступни великана Абрскила, равный росту пятилетнего ребенка.

Когда Спаситель мира придет судить людей, — говорит народное поверье, — гордый князь будет прощен и освобожден от страданий.

Э. Жаннерэ. Иллюстрированное приложение к газете «Кавказ» (1903, март, № 3, с.6)

---

* Пещера «Ач-кы тызго» или Чиловская, у подошвы отрогов Панавского хребта, близ Очемчира.

** В селении Гуп, на берегу реки Аалдзга.

АБРСКИЛ

III вариант

Это было тысячи лет тому назад.

В тот час весны, когда каждое дыхание славит Творца, создавшего необъятный мир и подарившего всему жизнь, этот неоценимый дар, под бирюзой южного неба у ниши древнего храма, с «пандарой» в руках, готовая приветствовать зарю утра и нарождающийся день, стояла красавица Астана, одинокая служительница божьего храма, Творцу и вере посвятившая свою молодость и силы, душу и сердце.

Все пело вокруг нее. Пели птицы, пели, казалось ей, роскошные цветы и травы, пели деревья, пели ручьи и водопады, и высокие горы, покрытые зелеными лесами, пели моря, катившие свои светлые пенные волны... Благоухание цветов наполняло грудь Астаны. Долго любовалась она красотой природы. И тогда почудилось ей, что все эти звуки, эти песни слились в один прекрасный гимн, и гимн этот, паря над миром подобно орлу, плавно и тихо подымался к лучезарному, вечному небу.

Вся обратясь во внимание, юная Астана, под звуки этого торжественного, величественного гимна, подумала, как мудр и всесилен тот, кто создал все это и всему дал голос, чтобы им восхвалять Творца.

Тихо наклонилась красавица к земле и услышала в ней сердце, которое билось так же, как и ее, горячо любящее эту чудную природу, этот мир, доставляющий юной красавице так много отрады... Полная восторга, она не почувствовала, как руки ее коснулись струн «пандары», как полились небывалые дивные звуки навстречу царице-заре...

Астана пела. Вряд ли когда в мире звучал такой очаровательный голос, потому что не было человека, который так же горячо любил этот мир.

Тяжелой волной катилась на плечи пышная коса красавицы Астаны, в ее черных, как ночи юга, очах, горели алмазы солнца, а длинные белые одеяния, которые обвивали ее стройный стан, казались пурпуром под яркими лучами зари...

Пела Астана, и снова чудилось ей, что, внимая ее песне, все выше и выше подымались вершины гор, а с ними возносился к облакам и древний храм, и она окружена гирляндами цветов,

благоухающих роскошными ароматами, и где-то близко-близко возле нее тихие волны поют ей очаровательную колыбельную песнь.

Сладко заснула Астана, и новые райские сны видела юная красавица...

Чудилось ей, что ходит она в неземном саду, высокие деревья, тихо шелестя листвой, склоняют над нею развесистые ветви, вокруг благоухают новые дивные цветы. И вдруг кто-то весь в белом, окруженный сияньем радуги, наклонившись над ней, говорит:

— Девушка, за то, что ты лучше и краше всех восхваляла величие Творца, за то, что твоя песнь прекраснее всех земных песен, завтра ты будешь счастлива тем, что будешь иметь сына, который возвеличит родину свою, Абхазию. Имя ему — Абрскил.

Когда Астана очнулась от чудного видения, темная ночь уже плыла над миром во всем волшебном наряде и рассыпала яркие звезды.

Наутро сбылось предсказание, которое слышала красавица. Астана стала матерью подобного ей младенца-красавца.

И небо, и солнце, и розовые тучки приветствовали Абрскила, улыбаясь с высоты.

Через день, когда нежная мать приготовилась пеленать младенца, к великому удивлению Астаны, он заговорил:

— Мать моя, сын твой растет с каждым часом, — не связывай же своего Абрскила, дай ему волю.

С трепетом внимала красавица словам своего сына. Она любовалась им, пела ему песни, под которые тихо и сладко засыпал прекрасный младенец.

Через пять дней Абрскил выглядел уже как десятилетний мальчик. Черные кудри покрывали его красивую голову. На лице, белом, словно крыло лебедя, играл, подобно майской заре, яркий румянец. Глаза были такие же, как глаза матери, только выражение их было не то — по временам они блистали точно молнии.

На шестой день, нарубив гибких ветвей кизила, он сделал себе лук и стрелы.

Роскошный лес окружал древний храм, в котором жила красавица. В этот лес отправился на охоту Абрскил и к вечеру принес красивого фазана. Стрела поразила дичь в голову. Так стреляют только старые и самые ловкие охотники Абхазии. Наломав сухих сучьев, он разложил их и зажег костер, затем на пылающих углях поджарил убитую дичь.

Так бежали часы за часами, а вместе с ним рос и мужал Абрскил.

Недолго Астана дивилась своему сыну, недолго любовалась она им. Через десять дней Абрскил навсегда простился со своей матерью.

— Астана, — говорил он, покидая ее, — я призван защитить свою родину от врагов, я ухожу от тебя, но ты скоро услышишь о доблесных подвигах своего Абрскила; слава моя должна затмить славу богатырей мира!

Покинув мать, Абрскил направился в ближайший аул, где жили князья и урбеты абхазские. Там он был принят в войско, которое дивилось его богатырской силе, ловкости и небывалому умению владеть кривой саблей и гибким, острым кинжалом. Через год единогласно все войско избрало юношу своим вождем.

Из отдаленных концов мира то и дело приезжали послы от царей с богатыми подарками герою Абхазии. С послами от царей приходили певцы, которые в прекрасных песнях восхваляли славное имя Абрскила, сравнивая его с солнцем, что посылает великодушно свой свет земле и звездам. Гимны эти передавались народом из уст в уста; их распевали в войсках, в богатых дворцах и замках; из бедной хижины абхазца пастуха далеко разносился в ясную звездную ночь серебристый голос, то пела дочь его о герое Абхазии...

Абрскил, заметив повсюду такое поклонение, слыша гимны, в которых имя его восхваляется подобно имени Творца, возгордился этим и объявил всем, всему миру, что он равен по своему могуществу Творцу Вселенной.

— Творец, — говорил он, — товарищ мой, а не повелитель!

И стал Абрскил всюду выказывать свое неповиновение Богу.

Если на пути приходилось славному герою встречать деревья или лозы, переплетенные между собой и мешавшие пройти ему, не наклонив головы, Абрскил обнажал свой меч и разрубал их, дабы, не преклоняя головы, проехать или пройти дальше.

— Если я, — говорил богатырь, — наклоню свою голову, то Творец подумает, что я преклоняюсь перед ним.

И восстал славный герой Абхазии против величия Создателя.

Так проходили года за годами. Слава Абрскила гремела по всему миру. Непобедимым богатырем слыл он. Народные певцы только и пели, что о могучем богатыре Абрскиле, восхваляя его ловкость, силу и великодушие. Ни один враг Абхазии из опасения навлечь на себя гнев богатыря Абрскила не осмеливался ступить на землю его родины. Острые кинжалы и сабли врагов Абхазии ржавели в ножнах, ибо не только обнажать их, но даже и помыслить об этом никто не смел.

Так быстро все, и большой, и малый, и богатый, и бедный, стали, восхваляя Абрскила, поклоняться ему как Богу. Они всячески старались угодить богатырю, сблизиться с ним. Многие, многие искали родства с ним — и славные цари, и богатые князья. Каждый мечтал о его богатырской защите, потрясающей душу врагов.

А красавица Абхазия цвела и разрасталась с каждым днем. Любо было взглянуть на обильные жатвы хлеба, на прекрасные сборы плодов, на тучные стада овец. Ни одной вредной травки, ни одного ядовитого дерева не росло на этой прекрасной земле. То зеленым мягким шелком, то чистым ярким золотом переливались под яркими лучами южного солнца пышные высокие хлеба и травы. Чистые, как роса, реки и ручьи несли свои воды, полные целебной влаги, обильно поили людей и животных. И не было ни одного больного, ни одного немощного человека по всей Абхазии в то славное время.

Творец узнал о гордыне и неповиновении со стороны Абрскила. Долгое время терпеливо старался он образумить богатыря, заставить героя поклоняться себе. Однако все усилия, все старания образумить богатыря были напрасны. Тогда, разгневавшись на непокорного богатыря, Творец повелел двенадцати ангелам схватить неразумного Абрскила и, оковав его по рукам и ногам, бросить в мрачную пропасть.

Ангелы приступили к исполнению воли Божией. Однажды утром Абрскил спал, распростершись на мягкой траве в тенистом лесу; вдруг слышит он сквозь сон у самого уха своего конское ржанье и чей-то голос. Быстро вскочив, Абрскил увидел пред собою араша, верного коня своего, и объявил араш хозяину о воле Творца и о том, что двенадцать ангелов скоро настигнут богатыря.

— Садись на меня, я унесу тебя от твоих преследователей.

Моментально вскочил Абрскил на араша, и быстрее молнии понес его конь на берег Черного моря.

Там отдыхал богатырь до следующего дня, пока ангелы не появились вдали. Но лишь только араш завидел ангелов, он снова подхватил героя, и гордо понеслись они к горе Эрцаху. Там на барсовой шкуре сладко уснул Абрскил до другого дня.

Так — то в пещере горы Эрцаху, то на берегу Черного моря — укрывался непокорный Абрскил со своим арашем. На пустынном берегу Черного моря гордый богатырь любил охотиться на дичь, а верный ему араш всегда тут же, возле своего хозяина, щипал сочную шелковистую траву.

Отчаялись тогда ангелы, что не могут исполнить они волю повелителя своего. И им на помощь пришла одна хитрая голубоглазая старуха из племени, враждебного некогда Абхазии. Старуха эта посоветовала ангелам разостлать возле горного убежища Абрскила, в то время как богатырь умчится от них на своем араше к морю, огромные бычьи шкуры, смазанные овечьим жиром, и спрятаться нескольким ангелам за высоким утесом, а остальным направиться к Абрскилу. Совет старухи был исполнен. Разостлав густо смазанные шкуры у вершины горы Эрцаху, одни ангелы спрятались, а другие направились к морю, где на пустынном берегу спал в это время с выражением гордости и жестокости в чертах лица непокорный богатырь.

Вдруг араш заслышал приближение ангелов.

— Мчимся, Абрскил! — воскликнул он, разбудив богатыря.

Быстро, так быстро, как блещет молния, полетели они к вершине Эрцаху. Но здесь-то и суждено было погибнуть славному герою Абхазии Абрскилу.

Грузно упал араш, поскользнувшись, ступив на смазанные шкуры, и сбросил с себя гордого богатыря. В одно мгновение ангелы кинулись на непреклонного Абрскила и его араша. Долго и упорно сопротивлялся богатырь, но с посланными Творцом он был не в силах бороться. Обессиленный, упал Абрскил на землю, и тяжелые железные цепи сковали его по рукам и ногам.

Так был пленен Абрскил, славный герой Абхазии, равного которому не было в целом мире.

Та же участь постигла и араша.

Приковали ангелы узника к одной из отвесных скал в неизмеримой и мрачной пещере, что начиналась у горы Эрцаху и шла под всем Кавказом. Водрузив с помощью тяжелого молота огромный железный кол в эту скалу, они привязали к нему могучие цепи, сковывающие богатыря, и вернулись к Творцу рассказать обо всем. Бог, услышав о пленении Абрскила, вместо стражи из ангелов послал к нему серую «адарганцухву» *.

Едва Абрскил, вырываясь из цепей, могучими плечами своими настолько расшатывал водруженный на скалу железный кол, что достаточно было ничтожного усилия, чтобы вырвать его из ненавистной скалы, птичка адарганцухва, ловко вспорхнув, пролетала пред мечущими молнии глазами богатыря. И грузно опускался тяжелый молот на кол, который от этого снова погружался

* Адарганцухва — синица (*абх.*).

в скалу, а утомленный тщетной борьбой Абрскил вновь быстро и крепко засыпал.

Глубокая скорбь объяла всю Абхазию.

Печаль, уныние царили повсюду. Абхазские красавицы в своих песнях горько оплакивали участь славного героя. Они рвали на себе длинные пышные косы и призывали всех юношей к спасению Абрскила. Кругом раздавались рыдания:

— Кто, кто, дорогая Абхазия, кто, милая родина, спасет тебя от врагов твоих, кто заменит тебе Абрскила?

И вот собрались доблестные абхазские юноши спасти любимого богатыря. Двадцать мулов нагрузили они «чирагами» * для освещения мрачной пещеры. Кое-как освещая ущелье, шли храбрые абхазцы, готовые пожертвовать собой ради любимого героя своей родины.

Наконец приблизились они настолько, что ясно услышали стоны Абрскила. И в это время догорает у них последний «чираг».

— Абрскил, — кричали абхазцы, — скажи, скажи, что делать нам? У нас нет больше огня, чтобы освещать путь к тебе!

— О, дорогие дети мои, не дойти вам до меня, вернитесь обратно! Вы не можете освободить меня, потому что, чем ближе вы ко мне, тем дальше и дальше я от вас! Такова воля Творца. Вернитесь! Вернитесь домой, идите защищать мою дорогую Абхазию, дайте забыть мне о моей неволе, любите родину, как я люблю ее! Прощайте!

Страшный стон, сопровождая последние слова Абрскила и потрясая мрачные своды пещеры, вылетел из богатырской груди.

Тихо поникнув могучей главой на грудь, вновь непреклонный и гордый Абрскил отдался глубокой печали...

Так и по сей день мучается славный герой Абхазии. С грустью останавливается путник у мрачной пещеры горы Эрцаху, заслышав тяжкие стоны Абрскила; прошлая слава героя проносится пред его умственным взором, и, глубоко вздохнув, он дальше свершает свой путь...

Константин Горбунов. Торжество правды. СПб., 1913, с. 9—20

---

* Чираги — свечи (*абх.*).

АЦАНЫ

Когда-то Абхазию населял исчезнувший ныне народ — ацаны. Жили ацаны в горах и, говорят, были настолько малорослы, что лазили на папоротники, чтобы рубить их ветки.

Тогда на горах не бывало ни снега, ни дождя, даже ветер не дул, погода стояла всегда хорошая.

Ацаны жили беззаботно: никого не боялись, ни с кем не считались, даже бога у них не было.

«Кто же, кроме нас, владеет жизнью?» — говорили они, и, ничего, кроме своей головы, не ценили.

Однажды в полдень, когда ацаны находились внутри ацангвара, за каменной оградой, сверху незаметно для всех опустилась золотая корзина. В ней была золотая люлька, а в люльке лежал новорожденный ребенок. Увидали ацаны ребенка — обрадовались. Они приняли его к себе и воспитали. Он рос не по дням, а по часам, и вырос так быстро, что все удивились.

Прошло время, и покинул он своих воспитателей, вознесясь обратно на небо. И вот по тому ли, по другому ли, но ацаны порешили вдруг, что им на земле все дозволено. Ничто их уже не удерживало от зазнайства и неповиновения кому бы то ни было, от недостойных поступков. Возгордившись так, они стали совершать самые непристойные действия. Ни бога, ни людей — никого признавать ацаны не хотели.

«Кто такой бог (анцеа дзустада)? Небо наверху, а внизу — мы!» — говорили они. И сделались ацаны настолько нечестивыми, грязными существами (уаа кьашькуан), что всячески портили источники воды. Бурные реки высыхали и пропадали, если они поселялись на их берегах. Дошло до того, что ацаны мочились не иначе, как обратившись лицом к небесам в знак издевательства над Богом. Ради праздной забавы они начали превращать в мишень для стрельбы свои деревянные кадки, в которых содержали кислое молоко (абкул). И даже обнажив свое тело, стали осквернять молоко газом, которое выпускали из себя, соревнуясь, кто сильнее и глубже пробьет толщу жира (ахчат), образующегося в верхней части медного котла, куда сливали цельное молоко; подтирались свежим сыром; высушивали коровью кожу и били в нее, как в барабан, подражая грому небесному.

Все это не понравилось Богу. И гневу его не было предела. «Я вам покажу, что значит не призавать Бога и издеваться над небесами!». И решил Господь наказать ацанов за их богохульство,

нечестивость и безверие. Однажды призвал он к себе юношу — воспитанника ацанов и повелел ему узнать у нечестивцев, как же можно стереть их с лица земли.

Посланец Бога прибыл с этим поручением на землю ацанов. В это время ацаны, собравшись в кружок, сидели в своей ограде. Юноша, обратившись к их старейшине, спросил:

— Вы, как я вижу, не ведаете страха ни перед чем. Но есть ли на свете какая-нибудь сила, которая может вас победить?

На это ответили ему так:

— Есть против нас только одно средство — это огонь. Если сухая вата (хлопок), как глубокий снег, покроет всю землю и попадет в нее искорка огня, и загорится она, а вместе с ней и вся земля, мы, ацаны, исчезнем. А больше ничего нам не страшно.

Вызнав эту тайну, юноша тут же пропал.

Прошло немного времени. Однажды трехсотлетний большой отец ацанов, находясь при стаде, отдыхал, как обычно, сидя в тени, которая падала от длинной бороды козла (посудите сами, что это был за козел и какую имел бороду). И вдруг он заметил, что обычно неподвижная козлиная борода, доходившая до земли, начала странно шевелиться. То был ветер, который Бог впервые послал на землю ацанов. Страшное беспокойство охватило мудрого карликового старца. И все ацаны почувствовали, что надвигается что-то ужасное.

— Хай *, теперь конец нам! Мы вырастили не ахупха **, мы воспитали своего разорителя, он погубит нас! — закричал старейшина и указал всем ацанам на козла.

— Что такое? — спросили они.

Старик ответил:

— У нас, как вы сами знаете, никогда не было ветра, а вот теперь появился ветер и развевает бороду козла. Нас ждет погибель, нам конец.

А ветер дул все сильнее, и на землю выпал хлопковый снег. Он все шел и шел и достиг толщины двух саженей. Внезапно вата загорелась, и земля выгорела дотла. Так погибли ацаны. Но в горах до сих пор остались каменные ограды ацанов — «ацангвары».

По книге Ш. Д. Инал-ипа «Памятники абхазского фольклора». Сухуми, 1977

---

* Хай — возглас.

** Ахупха — воспитанник (*абх.*).

КОГДА ЦОУ СПАЛ

Было время, когда желания людей исполнялись, они жили так, как хотели, никто их не тревожил и они не знали, что такое грех. В гости к людям с неба спускались боги. Происходило это так. Гром раздавался в ясном небе и сверху спускалась золотая арба, на котором сидели боги. Для богов земля была местом отдыха.

Однажды боги спустились на землю и, отдыхая, неторопливо вели разговор между собой. Они рассуждали о том, кто из них больше нужен человеку, и каждый говорил в свою пользу. Боги не заметили, как беседа затянулась, и в это время совсем низко пролетела одна звезда. Она рыдала, обливаясь слезами. Искры, исходившие от звезды, посыпались на плечи и головы богов.

— Хай! — воскликнули боги. — Пока мы разговаривали, между звездами возникла ссора и обидели одну звезду.

Раздался грохот грома страшной силы, и ослепительная вспышка озарила небо. Боги сели на свою золотую арбу и вознеслись в небо.

В это время на берегу реки Жоэквара спал бог дождя Цоу, он не мог слышать то, о чем говорили боги. Он был в гостях у Цыблаку. Говорят, когда Цоу спал на берегу реки, случалось, что и река тоже засыпала, дабы своим шумом не разбудить его.

Спящую реку Жоэквара тогда увидел некий человек, и зная, что в это мгновение исполняется загаданное желание, захотел он стать дьяволом. Мгновение — и этот человек стал дьяволом, но он не знал, как применить свою сверхъестественную силу. Однако он недолго размышлял, ибо вскоре он превратил все живые существа на земле в живых камней. Люди не знали, кто же сделал их такими несчастными, и проклинали всех. Куда бы ни пришел дьявол, он слышал одни проклятия. Не выдержал он этого и сказал: «Хай, лучше бы мне стать ослом, чем слышать эти проклятия!» И дьявол превратился в осла, но дух его витал в небе.

Боги узнали, что с землей, которую они так любили, что-то случилось, люди перестали соблюдать обычаи, начали забывать богов.

Всевышний собрал всех богов и стали думать о причине земных несчастий.

Один из богов встал и сказал:

— Думаю, что больше всех виновен Решающий Судьбу.

— Я не вижу своей вины, надо спуститься на землю и искать причину несчастий там, — сказал Решающий Судьбу.

Чтобы проверить людей, Всевышний ниспослал на землю страшную засуху, но люди не попросили защиты у Всевышнего. Тогда Всевышний послал на землю потоп и землетрясение, но люди были безмолвны.

Всевышний под видом старика спустился на землю и увидел ужасающую картину: по земле ходили каменные люди и животные, в небе летали каменные птицы. Только мухи были такими, как раньше, и они роем налетели на Бога, чтобы испить его кровь. Понял Всевышний, что это дело рук дьявола. И изгнал его навсегда из Абхазии. Всевышний опять вдохнул радость в жизнь, и на земле жизнь стала прекрасной, как и прежде. С тех пор дьявол ненавидит Абхазию.

Записано со слов неустановленного сказителя
Записал С. Габниа
Перевел с абхазского И. Хварцкия

АЕРГ *

Героические подвиги Аерга бесчисленны, их всех не вспомнит даже Бог, не говоря о людях. Про него говорили: Аерг — тушитель огня, Аерг — тот, которого испытал Афы (Бог молнии). Старики, которых я застал, говорили, что он сразился с огнем. Говорят, с каждым подвигом его сила и мощь возрастала, а красота его становилась еще более поразительной. Он сопровождал Всевышнего в его пути, да не потеряем мы свет, исходящий от него!

Когда-то Бог, разгневавшись на нечестивых ацанов, послал на землю ватный снег и поджег его. Ацаны сгорели, но на землю сошла беда. Все живые существа выбежали из леса и вошли в реки. Волк и косуля тогда стояли рядом, спасаясь от огня. Покровитель леса Мзытхуа и покровитель диких животных Ажвейпш пошли к Богу, но Бог не смог принять их, потому что у него в гостях были Высшие Силы или Архангелы. Тогда они пошли к Шашуы, от которого исходят золотые лучи. Шашуы в их глазах увидел все. Он видел, как в это время Аерг боролся против огня. Аерг собрал огонь и загнал его в реку. В тот момент вода и огонь полюбили друг друга и помирились. С тех пор это место стало называться Берегом без воды, потому что вода высохла.

После этого геройства Бог во всем стал доверять Аергу, и Шашуы наградил его именем — Герой молний (Афы-рхаца). Так была спасена жизнь на земле, и Ажвейпш исполнил свой обет: он принес в жертву Богу лучшее животное и произнес молитву, держа насаженные на ореховую палку сердце и печень агнца.

Записано со слов Дармаа Шаадата
в с. Куланурхва 1984 г.
Записал С. Габниа.
Перевел с абхазского И. Хварцкия

* Аерг в абхазской мифологии соответствует Архангелу Михаилу.

БОГ И АЦАН

Однажды Бог, да будем получать мы свет, исходящий от Него, под видом простого человека ехал на муле и увидел ацана, который рубил ветки папоротника, взобравшись на него.

— Да обернется твой труд добром, — приветствовал его Бог.

— Добро пожаловать, — ответил ацан. Откуда ему было знать, с кем он говорит?

— Что тебя заставляет работать в такой знойный день? — удивился Всевышний.

— Я умру завтра, — отвечал ему ацан, — поэтому спешу закончить работу сегодня.

— Но если ты знаешь, что умрешь завтра, чем же тебе поможет то, что ты делаешь? — еще больше удивился Создатель, хотя, конечно, ответ он прекрасно знал сам, ведь он был Всевышним.

— Это пригодится тем, кто останется в этой жизни, после того как я уйду из нее, — спокойно сказал ацан, продолжая с усердием свою нелегкую работу.

Услышанное заставило Бога надолго задуматься.

— Отныне пусть никто не знает заранее, когда он умрет, — сказал Создатель, удаляясь от ничего не подозревавшего и продолжавшего трудиться ацана.

С тех пор никто не знает дня своей смерти.

Записано со слов 80-летнего сказителя Шамтона Дагвазиа в с. Моква в 1971 г.
Записал Ш. Д. Инал-Ипа
Перевел с абхазского В. Алборов

АЖВЕЙПШ

Ажвейпш, или, как его еще называют — Ажвейпшаа — повелитель лесов и гор, зверей и птиц; он покровитель охоты. У Ажвейпша семья: женатый сын по имени Иуана, вечно юные дочери-красавицы; есть у него еще верный слуга — быстроногий Шваквaз. Ажвейпш — хотя и седобородый, но еще крепкий старик. Все звери составляют его стадо; он пасет его, как хороший пастух, доит самок и распределяет между охотниками дичь. Им достаются лишь те животные, которые съел Ажвейпш, а остальные звери из стада Ажвейпша для охотников невидимы и потому недоступны. Только дичь, съеденная и воскрешенная Ажвейпшем, попадается на глаза охотникам, и они могут ее бить.

У Ажвейпша есть свои пастухи. Это — белые звери; они пасут других зверей. Охотники не убивают белых зверей, потому что знают: за это Ажвейпш их накажет — не даст больше дичи.

Однажды случилось так, что какой-то охотник нечаянно застрелил белого козленка, и вдруг откуда-то раздался плачущий девичий голос: «Мама, мама, моего козлнка убили!» Это был голос дочери Ажвейпша. С тех пор тот охотник не знал удачи. Сколько бы он ни бродил по горам и лесам, ему на глаза не попадалось никакой дичи. Так наказывал Ажвейпш.

Со временем владыка зверей и покровитель охоты одряхлел и оглох, поэтому с ним стали разговаривать громко. Дичь между охотниками, по указанию Ажвейпша, распределял слуга Шваквaз. Он тоже, как и его господин, постарел и немного стал туговат на ухо. Ажвейпш справедлив и добр. Он хочет распределять дичь всем охотникам поровну. Бывало так, что он скажет: «Давай тем, кому не давал!» А Шваквазу слышится: «Давай тем, кому давал!» Вот и получается так, что Шваквaз дает дичь не тому, кому следовало бы. Оттого некоторые охотники всегда удачливы, а иные ничего не могут добыть.

Единственным человеком, которому удалось видеть Ажвейпша, был герой-охотник Акун-ипа Хатажуква. А случилось это так.

Однажды Акун-ипа Хатажуква с товарищами отправился на охоту. В пути он отбился от них и забрел в густую чащу леса. Вдруг на него набежал олень. Охотник выстрелил в него и попал в бок, но не убил, а только ранил. Олень скрылся в зарослях. Акун-ипа Хатажуква пошел за ним по следам. Долго он прослеживал раненого оленя и к вечеру подошел к поляне, на которой увидел большое стадо оленей, туров, серн. Красивый седой старик

в конусообразной войлочной шапке доил одну из олених. Старик заметил охотника и окликнул его:

— Добро пожаловать! Зайди ко мне в дом. Я пока не могу отойти от стада, а то оно разбредется.

Охотник смекнул, что это был сам Ажвейпш. Дом был небольшой, но построен из меди. Акун-ипа Хатажуква вошел в него.

Подоив стадо, Ажвейпш и Шваквaз внесли в асура * большой медный котел с молоком.

— Охотник, ты устал и проголодался, — сказал владыка. — Садись и поешь.

Ажвейпш подал гостю ахарцуы **. Акун-ипа Хатажуква съел три ложки и почувствовал, что сыт. Затем Ажвейпш выбрал из своего стада и зарезал того самого оленя, которого подстрелил охотник. Сварили мясо. Хозяин подал гостю лопатку. Хатажуква вынул свой нож, отрезал от лопатки три ломтика мяса и съел, а затем незаметно воткнул свой нож между мясом и костью лопатки. После Ажвейпш собрал кости оленя и остатки мяса, сложил их в шкуру и ударил плеткой. В мгновение ока олень ожил, вскочил и присоединился к стаду.

Акун-ипа переночевал в доме Ажвейпша, а утром, съев три ложки ахарцвы и насытившись вдоволь, поблагодарил гостеприимного хозяина и отправился в путь. В лесу он встретил оленя и убил его. Скоро Акун-ипа Хатажуква нашел своих товарищей. Они ждали его на охотничьей поляне. Принесли оленя, освежевали его и сварили мясо. Каждому досталось по большому куску. Акун-ипа взял себе лопатку. Стал он обрезать с нее мясо и вдруг обнаружил свой нож. Товарищи очень удивились: как попал в тело оленя нож Акун-ипа? Тогда отважный охотник рассказал о том, как побывал в гостях у Ажвейпша и как воткнул свой нож между мясом и костью лопатки оленя.

— Вот видите, — сказал в заключение Акун-ипа, — наш великий золотой князь Ажвейпш посылает нам только тех животных, которых он зарезал сам, съел с родичами или гостями, а потом оживил для нас, простых смертных!

По книге «Абхазские сказки». Сухуми, 1983
Составил, обработал, перевел Х. Бгажба

---

* Асура — пристройка к дому.

** Ахарцуы — мацони (кислое молоко).

ДОЧЬ АЖВЕЙПША

У владыки зверей и птиц, покровителя охоты, лесного старца Ажвейпша вечно юные дочери. Их тела белы, как парное молоко, а золотистые кудри свисают до щиколоток. Они часто заводят знакомство с холостыми охотниками и становятся их возлюбленными. Своих избранников дочери Ажвейпша щедро награждают дичью.

Но случилось так, что старшая дочь Ажвейпша влюбилась в женатого охотника. Они встречались на цветущих горных полянах или в пещерах.

Случалось, что она не отпускала охотника, и он проводил с нею ночь в лесу. А чтобы у жены не было подозрений, он приносил в таких случаях особенно много дичи.

Но вот однажды дочь Ажвейпша проводила своего возлюбленного до самого его огорода, который примыкал к лесу, и заночевала с ним на балкончике кукурузного амбара.

Жена охотника, вставшая рано утром, пошла в огород и увидела, что рядом с мужем спит лесная красавица. Ее золотистые кудри свешивались до самой земли, и тихий ветерок купал в пыли концы длинных шелковистых прядей.

Много разных чувств вспыхнуло в сердце обиженной женщины, но победило великодушие. Она подняла золотистые волосы соперницы, перевязала их своим головным платком и осторожно положила на грудь дочери Ажвейпша. Затем она бесшумно ушла. Вскоре лесная красавица проснулась и догадалась обо всем.

После этого дочь Ажвейпша больше не заводила знакомств с женатыми мужчинами.

По книге «Абхазские сказки». Сухуми, 1983
Составил, обработал, перевел Х. Бгажба

ОХОТНИК СМЕЛ И ЕГО СЫН

В том селе, где жил охотник Смел, все его уважали. Смел считал, что его дело — охота, и он занимался только ею. Все село питалось мясом дичи, которую добывал Смел. Каждый раз, когда он шел на охоту, его сопровождало полсотни односельчан с лошадьми и ослами. Они навьючивали лошадей и ослов дневной добычей Смела. Когда истощались запасы дичи, Смел опять шел на охоту. Сам царь уважал охотника Смела, а соседи помогали ему во всем — засевали поле и исполняли все работы по хозяйству.

Всякий раз, когда Смел уходил на охоту, он брал с собой своего ученика, соседского мальчика Хныша; тот помогал ему нести припасы и снаряжение. Смел учил его выслеживать зверя.

Но вот случилось несчастье — умер Смел, оставив жену с малолетним сыном — других детей у него не было. Все село оплакивало его смерть. «Как мы были счастливы, когда он был жив! Всех нас он кормил дичью, вот теперь мы почувствовали, какого благодетеля лишились!» — твердили односельчане.

С тех пор, как только соседям случалось собраться, они всегда с грустью вспоминали чудесного охотника.

Но время шло. Ученик Смела Хныш стал известным охотником и тоже снабжал народ дичью, хоть и не так щедро, как Смел. Подрос и сын охотника Смела. Часто он брал отцовское ружье и стрелял в цель. Как-то раз он обратился к подручному своего отца:

— Не возьмешь ли ты меня с собой поохотиться? Правда, я пока не смогу убивать дичь, но научи меня, как мой отец когда-то учил тебя.

После долгих просьб Хныш согласился взять мальчика с собой. Они договорились о месте встречи в лесу. Довольный мальчик побежал домой поделиться с матерью своей радостью.

— Мама, — стал он ее упрашивать, — приготовь мне охотничьи припасы. Хныш согласился взять меня помощником. Скорей готовь припасы, а то я опоздаю!

— Унан! * — воскликнула мать. — Да ведь ты еще ребенок! И он все же согласен с тобой возиться? Пусть же Создатель будет милостив к нему и пошлет ему удачу!

---

* Унан — возглас удивления.

Мать стала готовить снаряжение: подала отцовское ружье, затем свернула маленькую бурку и повесила ее через плечо сына. Мальчик пришел к назначенному месту в лесу, но Хныша еще не было. Да он и не собирался прийти в условленное место — один ушел на охоту в другую сторону.

Сын Смела ждал Хныша, пока не стемнело. Тогда он отправился в обратный путь. Но сбился с дороги. Наконец мальчик остановился перед огромным буком. В самом низу ствола было дупло. Мальчик влез в него и сказал:

— Бук, этой ночью — я твой гость!

Немного погодя начался дождь. А поблизости от того места, где ночевал мальчик, протекала речка. За речкой, в скале было обиталище лесного владыки.

И вот в полночь из-за речки раздался зычный голос:

— Шважы! *

С вершины бука, в котором сидел мальчик, послышался ответ:

— Эй, кто зовет меня?

— Иди, уже пора, — ответил голос из-за речки.

На это дух, хозяин бука, крикнул:

— Как же я приду? У меня гость!

— Если у тебя гость, приходи вместе с ним, — разве мы не сможем принять и его? — послышалось в ответ.

Тогда хозяин бука спустился вниз и сказал мальчику:

— Ты меня не бойся, — иди туда, куда я пойду!

Сын Смела доверился, повесил ружье через плечо, накинул бурку и последовал за хозяином бука. Так пришли они к речке, перебрались через нее и подошли к скале. Скала раздвинулась и опять закрылась за ними. Мальчик огляделся и видит: горит много свечей и какие-то люди сидят за трапезой. Хозяин бука оставил мальчика в сторонке, а сам подошел к сидевшим за столом.

— Добро пожаловать! — приветствовали его собравшиеся.

— Почему ты так запоздал? Я думал, что ты раньше придешь, — сказал ему седой почтенный старик.

— Ухацкы **, Ажвейпш, — ответил хозяин бука, — как я мог прийти? Заблудившийся мальчик устроился ночевать в дупле моего бука и сказал: «Я твой гость». Мне жаль было оставить его одного.

---

* Шважы — буквально: старый бог.

** Ухацкы — возглас преданности; буквально: «Да падет моя голова вместо твоей».

Оказывается, седой старик был владыкой леса, зверей и птиц, покровителей охоты.

Ажвейпш спросил:

— Чей он сын?

Хозяин бука ответил:

— Этот мальчик сын охотника Смела, которого ты когда-то жаловал дичью.

— Да разве он уже так вырос, что может сам охотиться? — опять спросил Ажвейпш. — Ведь он, должно быть, еще совсем ребенок.

И тогда хозяин бука стал рассказывать:

— Ты, верно, помнишь, Ажвейпш, что когда Смел ходил на охоту, он брал с собой парня, по имени Хныш, чтобы обучить его охоте. Когда же Смел умер, Хныш тоже стал охотником. И вот маленький сын Смела стал упрашивать Хныша взять его на охоту. Тот прикинулся, что согласился. Но когда мальчик пришел в указанное место, он никого там не нашел. Разве этот себялюбец Хныш взял бы мальчика на охоту! — он направился совсем в другую сторону. Когда стемнело, мальчик пытался вернуться домой, но заблудился и заночевал в дупле моего бука. Вот этого мальчика я и привел сюда.

— Если так, — сказал Ажвейпш, — покажи его мне.

Хозяин бука подвел мальчика к Ажвейпшу, тот взглянул на него и засмеялся:

— Оказывается, он совсем ребенок! А того зазнайку-парня, — добавил Ажвейпш, — я проучу, чтобы ему было неповадно!

— Не стесняйся! — сказал он мальчику. — Садись, кушай и ни о чем не беспокойся. Мой друг, который привел тебя сюда, поможет тебе во всем, только смотри, слушайся его.

Когда трапеза кончилась, хозяин бука увел мальчика. Они вернулись к дуплу. Покровитель мальчика сказал ему:

— Сиди, где сидел. Утром, как только станет светло, ты увидишь вблизи тура. Стреляй в него, тур станет твоей добычей. Его послал тебе Ажвейпш, у которого мы были этой ночью. А Хныш будет находиться поблизости. Услышав выстрел, он прибежит сюда и начнет тебя уговаривать: «Давай-ка скажем всем, что этого тура убил я». На это ты ему ответишь: «Хорошо, если желаешь, чтобы все думали, что тура убил ты, ударь трижды по этому буку и скажи: „То, что я должен убить и что ты должен убить, пусть с того дня достанется тебе!"»

Сказал это хозяин бука и исчез в его вершине.

Как он предсказал, так все и произошло. Наступил рассвет, уже можно было различить мушку ружья. Вот невдалеке от бука прошел тур. Мальчик выстрелил в него и убил наповал. На выстрел прибежал Хныш. Увидев мальчика, он стал оправдываться:

— Мы с тобой уговорились вместе идти на охоту, но я невольно обманул тебя. Гоняясь за дичью, я бросился в другую сторону. Потом стало темно, где мне было тебя разыскивать?.. Но теперь я тебя прошу, — добавил он, — сказать всем, что тура убил я.

Мальчик помолчал и сказал:

— Хорошо, но если ты хочешь, чтобы я всем сказал, что тура убил ты, тогда ударь три раза рукой по этому буку и скажи: «Пусть с этого дня вся дичь, которую я убью и которую ты добудешь, достанется тебе!»

Хныш поступил так, как потребовал мальчик. Затем они вернулись в село, и сын Смела всех оповестил:

— Охотник, с которым я ходил на охоту, убил тура. Отправляйтесь за мясом!

— Вот удача! — воскликнули односельчане. — Этот охотник теперь заменяет нам Смела.

Захватили лошадей, мулов и отправились в лес. Мальчик привел их туда, где лежал убитый тур. С него сняли шкуру, забрали тушу и поехали домой. Все хвалили охотника:

— Ты для нас добываешь мясо, как раньше добывал Смел.

Вскоре Хныш с сыном Смела пошли туда, где был убит тур. Смотрят — в овраге пасется стадо косуль. Стал Хныш стрелять: раз выстрелил, два, три, но ни разу не попал. Тогда стал стрелять мальчик и уложил целую дюжину косуль. Когда они вернулись, Хныш созвал народ и признался, что это не он убил давешнего тура, а мальчик.

— С этого дня я не смогу больше охотиться для вас, — сказал он. — Этот мальчик, сын Смела, стал таким же умелым охотником, как его отец. Теперь он будет вам помогать, а в лесу моей ноги больше не будет. Стыдно мне туда ходить. Вы меня по великодушию, может быть, простите, а звери, чего доброго, засмеют.

По книге «Абхазские сказки». Сухуми, 1983

Составил, обработал, перевел Х. Бгажба

ЦХЫ-МШ

После Всевышнего, выше всех богов, стоит бог молнии —Афы ах ду. Его правая рука — Шашуы *.

К Шашуы обращена молитва: «Да не потеряем свет, исходящий от тебя! Да простится нам наше незнание!»

Цхы-мш пользовался особым доверием Шашуы. Он провожал день и встречал ночь. Путь его лежал от Утренней звезды к Вечерней. Цхы-мш принес в жертву богам свою любовь. Любил он Рассветную звезду. Они встречались в пути, и Рассветная звезда провожала Цхы-мша недолго, ибо должна была возвратиться, зачерпнуть небесную воду и посылать ее на землю в виде росы. Затем ее шепот будил мужчин: «Проснись, нан **, уже пора вставать, пока птички не проснулись, пока луч Шашуы не коснулся лица твоего!»

Записано со слов Кучи Тваба в с. Дурипш в 1984 г.
Записал С. Габниа
Перевел с абхазского И. Хварцкия

---

* Шашуы — бог кузни и кузнечного ремесла в абхазской мифологии. Одновременно он является и богом справедливости.

** Нан — ласковое обращение женщин.

АГУЖ-ИПА УАЗДАМЫР

В давнишние времена жили девушки из рода Ассир (чудесные). Жили они в горах, в каменных оградах, построенных еще ацанами. Мужчины не имели права заходить туда, а девушки к людям не выходили. Напялив на себя змеиную кожу, к ним через каменную ограду проник Агудж-ипа Уаздамыр. Две девушки подошли к ограде, но он спрятался, не вышел к ним. Когда подошла младшая, он посватался к ней. Девушки, приметив, где он пролезал, поставили силки из ножниц. Возвращаясь обратно через ограду, он порезался ножницами. Его невеста это заметила и попросила Бога разрешить ей покинуть ацангвару.

Она шла по следам и пела:

Агудж-ипа Уаздамыр
Пошел свататься
И был убит своими свояченицами.
Сквозь темные тучи проведя,
Сквозь красную зарю пробив,
Несут на колесных носилках,
Вот здесь провели,
Не видели ли вы его?

Ее заметил пастух и сказал:

— Ты уже близка к нему, скоро увидишь.

Увидев мертвого жениха, она прилегла рядом с ним на тахту и уснула. Во сне из ее глаз выкатились слезы, которые превратились в свинец, и она отдала его пастуху, чтобы он использовал свинец для охраны стад.

Потом она откинула одеяло и легла на кровать. Вытащила из-за пазухи платок и оживила им жениха...

По книге А.А.Аншба «Абхазский фольклор и действительность». Тбилиси, Мецниереба, 1982

АБХАЗЫ И АРАПЫ

Абхазы вышли из страны арапов (Рапстан), которые делились на две группы: черных и белых. Абхазы произошли от последних. Черные придерживались закона: око за око, зуб за зуб, и на этой почве между черными и белыми возникла война. Потерпев поражение, белые, вынужденные покинуть родину, направились на север.

К вечеру они остановились на большой поляне. Вдруг ночью просыпается одна старуха и, рыдая, говорит:

— Хазаратаалы * преследуют нас на своем коне Дулдул, перережет всех своей саблей.

— Что делать? — обратились к ней гонимые.

— Принесите мешок пшеничной муки, соль и сито. Ничто, кроме хлеба-соли, нас не спасет, — сказала вещая старуха.

Подали ей все то, что она потребовала. По ее распоряжению весь народ разместился посреди поляны, а она обошла сородичей кругом, сея через сито муку и соль. Когда же Хазаратаалы показался на горизонте, она вышла вперед и стала на колени. То же сделал и весь ее народ. Хазаратаалы на Дулдуле летел прямо на них, размахивая саблей. Но конь его вдруг остановился, как вкопанный, не смея переступить хлеб-соль. При этом старуха обнажила свою грудь и, обращаясь к преследователю, сказала:

— Сын мой, не это ли взрастило и тебя? Не убивай нас, отпусти, мы уходим, никому зла не желаем.

Так и не удалось Хазаратаалы добраться до них. Не смея наступить на хлеб-соль, он повернул и ушел обратно, сказав:

— Сегодня, покидая нас, вы повернулись к нам спиной, но пусть со временем снова обернетесь сюда лицом!

А белые, двигаясь дальше, осели временно на земле армян, которые напали на них и многих истребили. Отомстив армянам, когда те были собраны в большом храме, белые люди отправились дальше и достигли Кубани. Почувствовав, однако, что не могут вынести здешнего холода, они отправили гонцов на поиски теплых мест. Последние попали в Абхазию, которая в то время была вся покрыта лесом. Они обосновались сперва на Лыхненской

---

* Хазаратаалы считался святым военачальником среди арапов.

поляне. Затем из-за гор постепенно стали стекаться к ним их сородичи. Но часть из них все же осталась на севере — это абазинцы.

Аш. Военно-статистическое обозрение страны, заключенной между Мингрелиею, крепостью Анапою, Черным морем и северо-западной частью Кавказского станового хребта. 1830, ЦГВИА, ВУА, Ф. 414, N 310, л.4

АБХАЗ И НАУТ

Албанская легенда

На юг от реки Евфрат в незапамятные времена жили два семейных брата. Были они очень богаты: не было счета их коням, верблюдам, рабам. Но вот разгневался творец на ту землю и послал засуху. Погибла большая часть стад, умирали с голоду люди. И тогда братья, в поисках новых мест, пошли на север. Дошли до высоких гор, где буйные потоки мчатся по дну пропастей, а седые облака разрывают грудь свою о вершины бесплодных скал.

— Это и есть обетованная страна! — сказал один брат. — Видишь сколько тут воды? Засухи нечего опасаться! И травы всегда хватит для наших стад!

Но другой брат не захотел оставаться здесь и они расстались. Старший — его звали Абхазом — остался в приглянувшихся ему горах Кавказа. Младший — его звали Наутом — пошел дальше, обошел Черное море, пересек Балканы. И, наконец, увидел горы, походившие на те, которые задержали Абхаза. — Эти горы будут моими и детей и внуков моих! — сказал Наут. И раскинул свой стан там, где теперь стоит город Эльбассан. От старшего, Абхаза, пошло самое воинственное племя Кавказа — абхазы, родные братья албанцев. От Наута пошли арнауты, или албанцы, — самое неукротимое племя в мире *.

М. К. Первухин. Страна белых гор (Албанские впечатления)// Природа и люди. 1916,№ 11, с.172

---

* Абхазы с албанцами не имеют ничего общего, тем не менее Ц. Бжания в абазинском ауле Псыж записал предание, согласно которому абазины когда-то жили среди арнаутов. Можно добавить, что название «Арнаут» сохранилось в Абхазии в качестве одного крестьянского родового имени (сел. Лыхны).

«АПСЫ ИУАА»

Когда-то, в стародавние времена, на земле существовало множество драконов и других страшных чудовищ. И люди тоже жили тогда, но жили они в страхе, потому что истребляли их драконы, и становилось их все меньше.

Однажды на земле родился человек, который силой, умом и красотой выделялся среди других людей, и все смотрели на него с надеждой как на защитника и предводителя. Жил он одиноко в пещере, там, где горы близко подходили к морю. Когда пришло время, этот мужчина женился на самой красивой женщине. Но неожиданно, в день свадьбы, он умер. Люди, потеряв своего предводителя, долго горевали, но с надеждой на чудо решили проводить его невесту в пещеру, где лежал покойник, веря, что он все же подарит им наследника. И чудо свершилось: женщина забеременела и родила мальчика. Род, который пошел от него, и стали называть «апсы иуаа» * — «люди покойника» или «люди души» **.

Записано со слов Темыра Хварцкия
в с. Звандрипш в 1965 г.
Записал И. Хварцкия
Перевела с абхазского Т. Алексеева

---

* Обращает на себя внимание идентичность этнонимов «Апсны» (Абхазия), «Апсуа»(Абхаз) с именем первоначального верховного бога Апсу, от которого с богиней Тиамат произошли другие боги. «Когда вверху небеса еще не были известны, а внизу суша имени не имела, был только Апсу Изначальный», — гласит шумеро-аккадская поэзия.

** Слово «Апсы» в абхазском языке имеет два значения: «душа» и «покойник». Самоназвание абхаза — апсуа.

ДВА БРАТА

У двух братьев было много овец. Они пошли пасти их вместе. В это время младший сказал:

— Я залезу на эту скалу.

Залез и остался там: подняться поднялся, а спуститься не может.

Подвернулась ему веточка, он за нее ухватился. Выскользнет из рук — костей не соберешь.

Тогда старший брат взял в руки свирель и сел у подножия скалы. Начал играть на свирели задумчивые, печальные мелодии.

— Даст Бог, ты сорвешься со скалы и погибнешь, а я возьму твою жену, — говорит, — твоего единственного сына сделаю козопасом и овчаром, — говорит, — твою дочь водоноской сделаю, — говорит.*

Так прошла эта мучительная ночь. А этот осёл думает в душе: «Ох, спуститься бы только живым, я с ним расправлюсь, убью на месте!»

Как только рассвело, старший брат поднял крик, стал сзывать народ:

— Я пропал, мой младший брат застрял на скале, веточка выскользнет из рук — сорвется, разобьется вдребезги, помогите!

Люди достали веревки, доски, ветки, все это связали и с трудом, но благополучно сняли со скалы глупца. Когда его спасли, братья погнали скот домой. По дороге им встретилась река, большая как море, через которую был проложен огромный мост. Когда братья дошли до середины моста (старший шел впереди, а младший — сзади), младший ударом ноги сбросил старшего в воду. Тогда все овцы вслед за старшим братом бросились в реку.

Младший брат пришел домой, жена поставила перед ним еду.

— И овец нет, и брата твоего нет, куда подевались? — спросила она у мужа.

— Ох, я отомстил за себя! — ответил муж.

— Что ты сделал, чтобы потух очаг? — спросила жена.

— Что я сделал? Вчера я застрял на скале, а он всю ночь оскорблял меня. Я весь горел на огне, я лопался от злости. А

---

* Примечание сказительницы: «Старший брат боялся, что младший нечаянно уснет и сорвется со скалы, и потому старался его разозлить, чтобы он не заснул, но младший, осёл, не понял своего брата».

сегодня по дороге на большом мосту я сбросил его в воду, — сказал он.

Только он приступил к еде, жена моментально убрала ее.

— Чтобы погас твой очаг, ты погубил (буквально — съел) своего брата, — сказала она. — Говоря тебе обидные слова, он пытался не дать тебе уснуть и тем спасти тебя, а ты не понял. А теперь иди на берег реки и играй на свирели и пой так: «Моя смерть — твоя смерть; твоя погибель — моя погибель».

Ходил, ходил, пока из реки не показался его брат. Вслед за ним вышли и овцы. Но не успел брат дойти до берега, как младший подбежал к нему и крикнул: «Ой, мой бедный брат, погубленный мной, это ты идешь?!»

— Ах, чтоб у тебя никогда не было удачи! Приходи ежегодно к этой реке, получишь клубок (моток) шерсти, больше тебе не суждено иметь, — сказал старший брат и, повернувшись, ушел под воду. И овцы ушли вместе с ним.

Если бы глупец сумел сдержать себя и не подбежал бы к своему брату до того, пока с овцами не вышел на берег, брат и его овцы остались бы живы и невредимы. Но не вытерпел, бедняга. Говорят, с тех пор раз в году эта огромная река выбрасывает на поверхность воды овечью шерсть.

*Это предание записано у 64-летней абхазской сказительницы Шадии Халваш * в г. Батуми в 1964 г.*
Записал Ш. Х. Салакая
По книге А. А. Аншба. «Абхазский фольклор и действительность». Тбилиси, «Мецниереба», 1982

* О почтительном отношении народа к преданию сама сказительница говорит так: «Когда мой бедный отец это рассказывал, народ плакал».

ХАВЯ АМАРШАН

Хавя Амаршан был удалец и охотник, каких в то время не было во всей Апсны. Даже боги знали его. Пуля его была метка, глаз верен, и могучие плечи могли снести с гор зубра.

Раз под вечер бог Ажвейпш, пастух всех зверей, сидел, по обыкновению, на корточках на опушке горного леса и доил лань. Нечаянно лань толкнула ногой ведро и пролила молоко наземь.

«Чтоб тебя Хавя Амаршан застрелил!» — выругался огорченный Ажвейпш, поднялся, взял пустое ведро и пошел прочь.

Услышал Хавя слова Ажвейпша. Он давно подкрался и смотрел, как Ажвейпш доил лань. Мигом сдернул с плеч винтовку и повалил лань на месте. Затем связал ей все четыре ноги вместе, взвалил на плечи и пошел домой.

Только вечерело. Под горой, у самой дороги, на краю большого болота, дышащего сонмами ядовитых испарений, собрались бледные, зловонные тени болезней, как густые клубы пара. Сидят друг около друга злые, мрачные и с тихим хохотом, с шипеньем, полным ужаса смерти, рассказывают друг другу, кого из людей терзали они и жгли своим дыханием, кого преждевременно свели в могилу.

Легкой походкой, как шакал, подкрался Хавя к ним, прилег наземь и стал слушать. Долго рассказывали болезни друг другу свои подвиги и, наконец, стали рядить, кому куда на этот раз идти.

Распределились все, осталась одна лихорадка.

— Ну, я пойду к Хавя Амаршану, — сказала лихорадка, — попробую справиться с ним, хоть он и силен, крепок, но и я не без мощи.

— Ой, оставь, не ходи к нему, — стали отговаривать лихорадку другие болезни, —Хавя человек как кремень, хитер. Пробовали мы, да ничего не вышло. Наживешь еще с ним беды.

— Ничего, попробую, — отвечала им лихорадка. — Он, кстати, сегодня на охоте. Вернется к ночи домой и попросит, по обыкновению, у жены напиться. Поднесет она ему чашку с водой, как только возьмет он ее, вскочу в чашу. Выпьет он воду вместе со мной, и примусь я тогда за него.

План этот болезни нашли удачным. Пожелали друг другу успеха. Назначили срок нового свидания ровно через месяц и разошлись каждый в свою сторону.

Пришел домой и Хавя, загадочно усмехаясь. Дорогой зашел он к пастуху и взял у него хороший, крепкий бурдюк для воды. Пришел Хавя домой. Поздоровался с гостями. Сказал жене, чтобы она дала ему напиться. Жена поспешно подала ему полную чашу воды с медом, чтобы сладко напился муж. А лихорадка уже притаилась в углу и ждет. Взглянул на нее искоса Хавя. Взял чашу у жены. Поднес ко рту и нарочно на одно мгновенье придержал ее. Лихорадка быстро прыгнула из угла в чашу, только один маленький пузырек булькнул. Тогда Хавя моментально вылил воду из чаши в бурдюк, завязал его крепко, повесил на крюк над огнем и сел с гостем ужинать.

Две недели сушил Хавя бурдюк над огнем, и когда он стал величиной с кулак, пожалел Хавя лихорадку, снял бурдюк с крюка, развязал его и выбросил в воду, а сам через две недели отправился к болоту на условное место, запрятался в кусты и стал ждать.

Только солнце стало садиться и стал подниматься с болота пар, стали с разных концов сходиться болезни. Вот собрались все. Нет одной лихорадки. Долго ждали ее болезни и дивились, чего она не идет. Наконец, вдали на дороге показалась и лихорадка, но в каком виде!

Еле тащилась она, иссушенная, изломанная, хромая на обе ноги, чуть дыша, останавливаясь на каждом шагу. Кинулись болезни к ней и помогли добраться до своего места. Села лихорадка и слабым, еле слышным голосом рассказала друзьям свои злоключения.

В старину люди от лихорадки умирали, так сильна была она, после же того, как Хавя Амаршан изморил ее, она только мучает людей.

Убивать же их у нее не хватает сил.

Записал М. М. Галашевский
(«Сухумский вестник», 1910, 10 окт.)

АБЫНУАВЫ

Говорят, что в старину в лесах Абхазии обитал абынуавы — лесной человек. Абынуавы похож на человека. Он высокого роста, весь покрыт шерстью. На лице его шерсть образует подобие бороды. И даже уши заросли ею, только ладони рук голые. Грудная кость сильно выступает вперед. И ногти у него длинные, цепкие.

Одевался абынуавы в звериные шкуры. Он обладал громадной силой, был неустрашим и зол. И поэтому встреча с ним не обещала ничего хорошего.

Лесной человек жил охотой на диких зверей. Пойманного зверя он разрезал костяным выступом на груди и высасывал из него кровь.

Абынуавы выходил на добычу только ночью, а днем укрывался в недоступных дремучих лесах. Он был в постоянной вражде с охотниками, нападал на них и похищал у них добычу. Шло время. Люди стали вырубать лес, прорезать его тропинками. Абынуавы удалялся все дальше в глухие леса и погиб от руки отважного охотника Мард-ипа Мардсоу. Произошло это вот как.

Однажды отважный охотник Мард-ипа Мардсоу пас стадо в лесу, в верховьях реки Бзыбь. Днем он убил дикую козу. Вечером развел костер и жарил на вертеле печень и сердце дичи. Вдруг слышит — идет кто-то по лесу, ломает ветки и кричит: «Мард-ипа Мардсоу здесь?» Охотник догадался, что это зовет абынуавы, и не ответил.

Снова раздается голос: «Мард-ипа Мардсоу здесь?» Мардсоу опять не ответил, быстро зарядил кремневку, положил на пень бурку, а сам спрятался в кустах. Подходит абынуавы, бросается на бурку, думая, что под нею спит охотник.

— Стой! — крикнул Мард-ипа Мардсоу.

— Не стреляй, все равно не попадешь: в меня попадает лишь одна пуля из ста, — насмешливо бросил абынаувы.

— Эта пуля будет как сто пуль, — сказал Мард-ипа Мардсоу.

Он выстрелил и попал абынуавы в сердце. Застонал лесной человек и убежал.

Утром пошел Мард-ипа Мардсоу с кремневкой и собаками по кровавому следу и в лесной чаще нашел мертвого абынуавы. Видит — около него сидят две сестры его и плачут, причитают:

— Мы же говорили тебе: не ходи в лес, где охотится Мард-ипа Мардсоу.

Когда перед ними появился отважный охотник, сестры абынуавы испугались и стали просить его не убивать их. Мард-ипа Мардсоу успокоил их:

— Не бойтесь. Пусть только никто не смеет показываться в моем лесу, где я охочусь, — сказав это, охотник удалился.

Убив лесного человека-абынуавы, Мард-ипа Мардсоу оповестил народ, что отныне можно охотиться свободно.

Из книги «Абхазские сказки». Сухуми, 1983

Составил, обработал, перевел Х. Бгажба

АИАГА ГУРЮАК

Храбрейший и удачливый охотник Аиага Гурюак однажды в горах услышал страшный рев, доносившийся со стороны водопада. Такого душераздирающего рева ему никогда не приходилось слышать. Сердце Аиага Гурюака не дрогнуло, и, держа наготове ружье, он направился к водопаду, откуда доносился крик.

Аиага поднялся на скалу и увидел дракона, терзавшего медведя на берегу горного ручья.

Бесстрашный охотник, прицелившись, выстрелил в дракона, но дракон даже не почувствовал, что в него попала пуля, и продолжал убивать медведя. Одиннадцать раз выстрелил охотник в дракона, после чего чудовище оставило свою жертву и ринулось на Аиагу. У охотника остался один заряд, и он решил выстрелить, когда дракон подойдет ближе. В это время черная туча появилась в небе, грянул гром и сверкнула молния. Охотник увидел, как молния поразила дракона.

Аиага Гурюак устало сел на камень, облегченно вздохнул и закрыл глаза.

Неожиданно раздался голос:

— Гурюак, да будешь ты еще больше удачлив!

Аиага вскочил от неожиданности и произнес:

— Кто ты, чей голос я сейчас услышал? Спасибо, но я должен сказать тебе, что не я убил дракона.

— Я — Ажвейпш, помог тебе убить дракона, но и ты всадил в чудовище одиннадцать пуль. До сих пор добыча принадлежала тому охотнику, кто последним выстрелом убивал дичь, но отныне добыча будет принадлежать тому, пуля которого первой настигнет дикое животное, если даже эта пуля будет не смертельной, — услышал охотник голос Ажвейпша.

С тех пор в горах воцарился закон: забирает дичь тот, кто первым выстрелом попадает в нее.

Записано со слов Сината Джеина в с. Лыхны в 1972 г.
Записал К. Шакрыл
Перевел с абхазского И. Хварцкия

БАРАНЗАА АБЫГУ

Каждый охотник знает, что если убьешь дичь белого цвета, прогневаешь владыку диких животных и птиц Ажвейпша.

Баранзаа Абыгу знал об этом, но, не сдержав охотничьего азарта, убил однажды белого кабана.

Ажвейпш проклял Абыгуа так: «Пусть ты умрешь, как только мясо этого кабана кончится». Абыгу слышал эти слова проклятия. Он был не из простых и пошел на хитрость. Вынув сердце и печень кабана и выдолбив отверстие в буковом дереве, он положил туда сердце и печень и закрыл дыру выдолбленной щепкой. Рана на дереве зажила. Абыгу поднял кабана и направился домой.

Когда кончилось мясо кабана, все представители рода Баранзаа умерли. Но Абыгу остался. Он одряхлел, ему уже исполнилось 300 лет, но он все не умирал, хотя был уже не прочь и умереть, потому что надоело жить.

В конце концов он собрал родственников и послал их к тому дереву, где он спрятал сердце и печень кабана.

— Это дерево самое старое, вы его не спутаете с другими деревьями, — сказал он им. — На этом дереве вы увидите след от удара топора. В том самом месте, внутри ствола, лежит что-то. Выньте его оттуда и принесите мне.

Родственники решили, что старик совсем выжил из ума, но все-таки пошли искать это дерево. Долго они искали и, наконец, нашли и дерево, и след от топора. Продолбив дерево в том месте, они извлекли оттуда сердце и печень кабана. Мясо было совсем свежее, как в тот день, когда Абыгу его положил туда. Родственники принесли старику мясо. Старик сказал:

— То, что вы принесли, сварите в котле и отдайте собакам. Ни в коем случае вы не пробуйте это мясо. Из-за этого мяса я не могу умереть.

Старик рассказал от начала до конца все, как было.

Когда собаки освободили свои желудки от съеденного мяса, Абыгу растянулся на кровати и умер.

Записано со слов Кукуны Бениа-Кехир-ипа в с. Бармыш в 1963 г.
Записал К. Шакрыл
Перевел с абхазского И. Хварцкия

КАК ХАВЯ АМАРШАН СЛУЧАЙНО ОКАЗАЛСЯ ВО ВЛАДЕНИЯХ АЖВЕЙПША

Однажды Хавя выстрелил в косулю и ранил ее. На этот раз знаменитый охотник промахнулся. Но Хавя стал преследовать раненую косулю и оказался во владениях владыки зверей и птиц Ажвейпша. Раненая косуля оказалась дочерью Ажвейпша. Как ни пытался охотник, он не смог выбраться из этого мира в свой мир. И от этого страдают и Хавя, и Ажвейпш, потому что они не видят друг друга. Начались страшные болезни во владении Ажвейпша. Ажвейпш пригласил Знающую. Она сказала, что в мир Ажвейпша попал чужеродный, и чтобы изгнать его, нужно открыть двери владения Ажвейпша.

— Другим способом нельзя избавиться вам от болезней, — сказала Знающая.

Ажвейпш открыл двери, ведущие в мир людей из его владения. Хавя Амаршан выбрался из владения Ажвейпша, и там прекратились болезни.

Записано со слов Калги Халита в с. Абгархук в 1988 г.
Записал З. Джопуа
Перевел с абхазского И. Хварцкия

ХУДЫШ

Род ацанов был уничтожен Богом, но один ацан случайно избежал смерти. В то время, когда огонь бушевал по всей земле ацанов, он был на охоте со своим закадычным другом Бырцем. С ним была его собака Худыш.

Вернувшись в родные края, он увидел страшное пепелище на месте цветущих садов и полей. Что было делать одинокому ацану? Он спустился с гор и решил поселиться на побережье. Люди, жившие на побережье, помогли ацану пустить, как говорится, корни. Соседи построили для него пацху, огородили усадьбу, зарезали быка и устроили пир. В разгар пира со свадебной песней «Радеда» группа всадников въехала во двор с невестой для ацана.

Так начал жить среди долинных жителей горец ацан. Люди присматривались к ацану и его жене и радовались: муж и жена жили дружно. Он был хорошим хозяином, смелым охотником, она — трудолюбивой, гостеприимной хозяйкой.

Прошло некоторое время. Ацан стал замечать какие-то перемены в поведении жены, но не придавал этому значения. А оказалось, что жена ацана тайно встречалась с волком. Более того, когда ацана не было дома, волк стал приходить к ней домой. Некоторые соседи, заметив это, стали поговаривать, что это ацан иногда приходит домой, напялив на себя волчью шкуру.

Пришел однажды волк домой к жене ацана. Женщина поспешно закрыла дверь пацхи. Она приказала волку вырыть глубокую яму внутри пацхи, надеясь на то, что муж, войдя в дом, упадет в яму, где его будет ждать волк. Волк вырыл яму, а женщина разделась донага и стала купаться. В это время ее муж вернулся с охоты и не успел еще переступить порог дома, как его собака Худыш, опередив хозяина, ворвалась в пацху и растерзала волка. Собака первой учуяла измену женщины. Люди собрались и решили наказать женщину: раскаленным железом выжгли они кожу на ее лбу и отпустили на все четыре стороны.

Человек может совершать чудовищные поступки и совершает их. А потом постепенно забывает о своих поступках и повторяет снова...

Записано со слов Кучи Тваоба в с. Дурипш в 1984 г.
Записал С. Габниа
Перевел с абхазского И. Хварцкия

ПЕЩЕРА ЧЕРТЕЙ

Пастух Кун охотился в горах, и Ажвейпш послал ему добычу — дикую козу. В пещере Кун нашел спрятанный охотниками котел, развел огонь и, быстро разделав козу, положил мясо в котел. Пастух сидел и ждал, когда сварится мясо. Вдруг он отчетливо услышал какие-то голоса:

— Эй, идите сюда, сегодня у нас свадьба! — и Кун увидел, что его окружили черти.

— Сегодня у нас большая свадьба! — опять повторили черти в один голос и стали танцевать. Закончив, они приблизились к охотнику и, дергая его за одежду, стали требовать: «Дай мяса! Мяса дай!»

Кун начал отмахиваться от них и незаметно обнаружил, что тоже танцует вместе с ними. Воспользовавшись этим, черти начали из котла выхватывать куски мяса.

«Хай! Проклятые Богом! Не дали мне даже произнести слова молитвы по обычаю!» — подумал про себя Кун и, рассердившись, выхватил из огня горящую головешку и пошел на чертей, размахивая ею. Кого-то головешка зацепила, кого-то уложила насмерть, кого-то обожгла, — одним словом, страшно вопя, черти разбежались. Но начали раздаваться душераздирающие крики. Кун решил, что дольше оставаться здесь бессмысленно, собрал свои вещи и отправился домой. Позади себя он слышал чей-то голос, повторявший:

— Умер, умер Данья, брат Хакьи! Умер брат Хакьи!

Когда Кун пришел домой, его кошка прыгнула на него, пытаясь выцарапать ему глаза. Изловчившись, Кун сумел схватить кошку и швырнул ее со всей силой. Визг ее где-то затих. Тогда Кун вспомнил, что кошку-то и звали Хакья.

Поэтому не зря абхазы говорят, что у кошки дьявольская натура.

Записано со слов Тишкуа Ашуба в с. Дурипш в 1985 г.
Записал С. Габниа
Перевел И. Хварцкия

КАК ЛЮДИ СТАЛИ ПРИНОСИТЬ ЖЕРТВУ БОГУ

Один крестьянин женился поздно и принес Богу такой обет: «Если Всевышний даст мне наследника, я зарежу и принесу Ему в жертву самое дорогое, чем я владею».

У крестьянина родился сын. Когда сыну исполнилось пять лет, крестьянин сказал жене: «Искупай ребенка, мне надо с ним куда-то пойти».

Жена вымыла мальчика, надела на него чистое белье и отпустила его с отцом. Едва мальчик с отцом вышли со двора, женщина услышала откуда-то голос:

— Твой муж хочет убить сына, зачем ты отпустила сына?

— Если отец решил убить своего сына, пусть убивает, — ответствовала женщина.

В дороге мальчик тоже услышал голос:

— Твой отец хочет убить тебя, вернись домой.

— Он мой отец. Если он решил, что надо меня убить, пусть убивает, — ответил мальчик.

Отец с сыном дошли до красивой поляны и остановились, и сын сказал отцу:

— Отец, почему ты стоишь в раздумьи? Сделай же то, что ты задумал. Но об одном прошу: не испачкай ворот рубашки кровью, маму жалко.

Сказав так, лег мальчик на траву. А отец взял нож и произнес, обратившись к небесам: «Я исполню то, что обещал тебе, Всевышний». Стал он резать горло сыну, но на горле мальчика не появилось ни царапины.

Тут откуда ни возьмись появился на поляне ягненок. Крестьянин зарезал ягненка и, исполнив обет, вернулся с сыном, живым и невредимым, домой.

С тех пор люди стали приносить в жертву Богу овец. К дню жертвоприношения, по абхазскому обычаю, готовят мамалыгу. Жрец произносит слова молитвы. Потом кладут агнца на подстилку из ореховых веток, садятся на землю, дабы отведать мяса жертвенного животного.

Записано со слов Султана Гумба в с. Дурипш в 1980 г.
Записал З. Джопуа
Перевел с абхазского И. Хварцкия

КАК ЛЮДИ СТАЛИ КУРИТЬ ТАБАК

Жил один, всеми уважаемый, достойный человек. Женился он поздно и жил с женой недолго. Через год после женитьбы он умер. Жена его вскоре родила сына. Вырос мальчик в статного, красивого юношу. Мать присматривалась к мужчинам, но не увидела такого, кто пришелся бы ей по душе. Единственный, кто напоминал ей умершего мужа, был ее сын.

Однажды мать позвала сына и сказала ему:

— Нан, я должна уйти из дома надолго. Возможно, я больше не приду домой. Примерно через год в твой двор войдет женщина. Ты должен на ней жениться, потому что тебе не суждено жениться на другой.

Через год его мать, изменив свой облик, вернулась домой. Сын посмотрел на нее и не узнал свою мать. Помня просьбу матери, юноша женился на этой женщине.

Прошло время, и сына вдруг озарило, что жена его — его мать. Когда он убедился окончательно, что женился на своей матери, он повел ее в лес, убил, похоронил под деревом, а сам пошел куда глаза глядят.

На могиле этой женщины выросло одно растение и зацвело. Один пастух сорвал лист этого растения и, растерев на ладони, понюхал. Запах ему понравился. Дома он посеял семена этого растения. Это был табак. Так люди стали курить. Поэтому говорят, что табак вырос на груди распутной женщины.

Записано со слов Гуны Уахайда в с. Звандрипш в 1975 г.
Записал А. Аншба
Перевел с абхазского И. Хварцкия

ОТ СУДЬБЫ НЕ УЙДЕШЬ

Жил-был один весельчак и гуляка, который женился, когда ему уже перевалило за шестьдесят. Со своей женой, единственной дочерью одинокой вдовы, он познакомился на одной свадьбе, и, как говорится, полюбили они друг друга с первого взгляда, хотя ей едва исполнилось восемнадцать лет.

Однажды, когда они лежали в постели, муж обратил внимание на шрам на теле юной жены своей.

— Откуда взялся шрам у тебя на животе? — спросил он.

— В ту ночь, когда я родилась, — отвечала жена, — изможденная родами мать, выкупав, уложила меня в колыбель, а сама уснула как убитая. Вдруг откуда ни возьмись в доме появилась большая кошка, схватила меня и потащила на чердак. Она вспорола мне живот, но мать, проснувшись от моего плача, быстро вскочила, нашла меня на чердаке и, спустившись в комнату, зашила живот нитками. Бог пожалел мою мать, и я осталась жива.

— А твоя мать видела ту кошку? — спросил муж.

— Нет, мать видела только силуэт кошки, которая спрыгнула с крыши.

Мужчина лежал, словно пораженный молнией. Он вспомнил одну давнюю историю.

Однажды он решил увести корову, которую давно приметил. Ночью незаметно он проник в коровник и осторожно стал отвязывать корову. Коровник был пристроен к дому. Вдруг мужчина услышал взмах крыльев и голоса. То были ангелы, которые опустились на крышу дома.

— Сегодня у этой вдовы родилась дочь. Пусть она вырастет в красивую, умную девушку, — сказал первый ангел.

— Она выйдет замуж за того мужчину, который сейчас находится в коровнике, чтобы украсть единственную корову вдовы, — сказал второй ангел.

— Если тот, кто нас слышит, расскажет кому-нибудь о том, что он услышал, пусть он окаменеет, — сказал третий ангел. После этого они улетели.

Мужчина решил избежать предсказанной судьбы, пробрался в дом, вспорол ножом живот новорожденной девочки и забросил ее на чердак, а сам скрылся.

— Каким несчастным человеком был бы я, если бы ты умерла... — сказал мужчина и обнял свою жену.

По книге К. С. Шакрыл «Народные сказания — неиссякаемый родник». Сухуми, «Алашара», 1990

ВЛАДЕНИЕ АНАНЫ ГУНДЫ

Было это около трехсот лет тому назад. Абатаа Базрыква, охотник из абазинского села Хважкыт, совершив убийство, скрылся в горах. Спустя некоторое время перешел он через перевал Нахар и дошел до села Псху, к братьям Аджыр-ипа, которых хорошо знал и раньше. Братья дали Абатаа землю, и он поселился здесь окончательно. Базрыква был опытным охотником и знал все горные тропы Карачая. Вместе с братьями Аджыр-ипа они часто переходили через горные хребты на север и перегоняли оттуда угнанный скот. В те времена это было частым явлением.

У братьев Аджыр-ипа была красавица сестра Гуагура, которая безумно влюбилась в Абатаа Базрыкву. Братья недолго совещались и выдали ее замуж за Базрыкву. Но в это же самое время сам Базрыква полюбил другую девушку из рода Алтейба, которую звали Гуигуил, и женился на ней. Так у Базрыквы стало две жены, и это в те далекие времена случалось очень редко. Тем не менее женщины уважали друг друга, и Абатаа зажил со своими женами дружно.

Обычно летом Базрыква перегонял свой скот на гору Атыпду, что находится между Шхапшдзой и Куламбой. Там же, на пастбище, вместе с ним находились и его жены. Целыми днями Базрыква охотился на дикого зверя, тем более что у него было ружье, старинное, кремневое абхазское ружье — редкость по тем временам, — которое подарили ему братья Аджир-ипа.

Однажды Абатаа охотился на горе Старый Пардгял. Неожиданно он заметил стадо диких коз и несколько раз выстрелил, но козы укрылись между скал восточнее горы. Пока Абатаа дошел до холма Одинокого Человека, он убил трех туров, и хотя трудно было добраться до того места, куда упали туры, но он спустился туда и снял с них шкуры. В тот день в горах стояла сильная жара, мучила жажда, но вокруг не было ни маленького ручейка, ни источника. Вдруг взгляд Абатаа упал на кусочки черного камня, отколотые от скалы его пулей. Он поднял их, они почему-то были влажные и вдобавок окрасили его руки в черный цвет. Базрыква решил, что это редкие камни и, может быть, еще пригодятся, и положил их в свою походную сумку.

Мучимый жаждой, изнуренный долгой ходьбой, Базрыква вынужден был часть мяса оставить на полпути — зарыл возле большого камня, — а с оставшейся половиной добычи двинулся

дальше и дошел до подножия горы Хашхвапсалара. Тут он увидел небольшой «кусок» влажной земли. Положив свою тяжелую ношу, Абатаа взял посох и вырыл немного земли. В образовавшейся ямке вдруг появилась вода. Она была до того холодна, что охотнику свело зубы. Базрыква срезал тростник, смастерил родничок и маленькими глотками вдоволь напился холодной воды. Он отдохнул немного и, возвратившись обратно, принес оставленную часть добычи. Так он добрался до горы «Где стоит ачамха», где его ожидал мул. Взвалив на мула свою тяжелую ношу, он отправился на свою стоянку. А родник этот, который открыл Базрыква, и сегодня журчит тонкой струйкой, даря живительную влагу любому путнику, и называется он — Родник Базрыквы.

На другой день после возвращения Абатаа показал всем, какие камешки он подобрал во время охоты. Его жена Гуагура в этот момент стирала одежду, и случайно один из камней упал в таз с водой и вода окрасилась в черный цвет. А другая жена, Гуигуил, связала для мужа носки и бросила их в таз, чтобы постирать, и они тоже окрасились в черный цвет. С тех пор люди стали пользоваться этим красителем. Охотники, побывавшие на холме Одинокого Человека, обязательно приносили куски этого камня с собой. А краситель этот назвали акырдуаг. (Я помню, как мои невестки Антика и Маруша сшили мне черкеску и покрасили этим красителем. Хороша была черкеска.)

Абатаа Базрыква был непревзойденным охотником, его ноги не знали усталости, в горах он всегда ходил один. Так он прожил немало лет. Летом он отправлял своих жен на отдых в горы, и сейчас то место, где они отдыхали, называется Стоянкой женщин. С юга эту гору перерезает река, вытекающая из Куламбы, — Бурная Река. Она течет к реке Лацаа. По пути в нее впадают горные реки, сбегающие с гор Аданге, Атигхы, Ачара, Квапак. В этом месте проходит граница между Бзыбскими и Абжуйскими горами.

Однажды Базрыква перегнал своих коз на гору Хсырхуа, что севернее горы Ахапш. Место это называется Большая Стоянка. Как-то вечером Базрыква сказал своим пастухам, что хочет подняться на гору, которая называется Владение Ананы Гунды *.

В народе есть предание, что никто не может подняться на гору, потому что Анана Гунда может разгневаться. Но Базрыква все же отправился во владение Ананы Гунды рано утром, и

* Анана Гунда — в абхазской мифологии богиня пчел

больше его никто не видел. Он не вернулся. Пастухи говорили: «С утра гора была ясная, но к вечеру ее окутали черные тучи. Вскоре разразилась гроза, небо и землю сотрясал гром. Но небо было ясное, буря бушевала только вокруг самой горы — во владениях Ананы Гунды».

Из книги Заура Бутба «Ты — мне, я — тебе». Сухуми, «Алашара», 1987
Перевел с абхазского В. Алборов

ЕЦВАДЖАА

Семь братьев, семь звезд Ецваджаа садились на своих коней и отправлялись в поход, и вся Вселенная, застыв в изумлении, глядела им вслед. Искры от подков дождем рассыпались по всему небу. Братья и внешностью, и даже голосом были так похожи, что нельзя было отличить их друг от друга.

Однажды Создатель позвал братьев Ецваджаа к себе и сказал:

— Садитесь на своих коней и езжайте к тому месту, где семь дорог расходятся в семь миров. Каждый пойдет отдельной дорогой, и в пути он встретит необычайно красивый камень. Каждый принесет мне по кусочку от тех камней.

Братья Ецваджаа отправились в путь, и когда дошли они до пересечения семи дорог, Вселенная раскрылась. Каждый пошел своей дорогой, и пока Вселенная опять не закрылась, они успели добыть по кусочку красивого камня. На гарцующих конях братья въехали во двор Создателя. Кони их так и танцевали под ними! Говорят, в древности кони могли танцевать даже лучше, чем люди.

Оказалось, что каждый кусочек камня имел свой особый цвет, и братья, вместе со своими конями, приняли на себя цвета камней из семи миров. После этого Создатель смог отличить братьев Ецваджаа по цвету. И братья стали причастны к семи мирам.

Записано со слов Кучи Тванба в с. Дурипш в 1984 г.
Записал С. Ганбиа
Перевел с абхазского И. Хварцкия

ЛЕГЕНДА ОБ УТРЕННЕЙ ЗВЕЗДЕ И ВЕЧЕРНЕЙ ЗВЕЗДЕ

Два брата отправились в горы на охоту рано утром. Старший брат пошел по следу шестнадцатирогого оленя по отвесным скалам. Лишь к концу дня настиг было его на неприступной скале, но тут зашло солнце, и, не рискуя сорваться в глубокую пропасть, он не смог спуститься. В отчаянии старший запел песню, в которой он звал на помощь своего младшего брата.

Младший брат услышал пение старшего и поспешил на его зов к подножию скалы, но ничем помочь не мог: черная ночь быстро опустилась на горы. Чтобы брат не заснул и не сорвался со скалы, всю ночь младший брат пел песни, в которых издевался, смеялся над ним, приводя его в ярость, которая не позволяла тому сомкнуть глаз.

Так до рассвета пел младший брат:

Уаа, рада, радагущагья, оуа!
Я детей твоих превращу в холопов,
Ты умрешь сегодня,
Уаа рад, рарира-уа,
А жена твоя давно мне нравится!
Уаа рад, рад-гущагья оу-оу уаа...

Старший брат не понял мудрой находчивости своего младшего брата, не стал слушать его объяснения. Шел он молча, злобу на младшего затаил.

Когда братья переходили по мосту через бурную реку, старший выстрелил в спину младшему, и черные быстрые воды поглотили тело юноши.

Вернулся домой старший брат и рассказал матери о том, что произошло. Мать рвала на себе волосы: «Что ты наделал? Он же своими песнями спас тебя от гибели!» —и, громко крича и рыдая, стала оплакивать младшего сына.

Потрясенный старший брат пошел к реке, которая унесла тело убитого им брата, и долго лил в нее горячие слезы. Но не облегчили слезы душу. Тогда, завернувшись в бурку, бросился старший с моста в бурную реку. И с тех пор мерцают на

небосклоне две звезды: Шарпиецв (Утренняя звезда) — младший брат; Хулпиецв (Вечерняя звезда) — старший брат.

Из книги «Абхазские народные песни».
Сухуми Абгосиздат, 1959
Составили И. Кортуа и В. Ахобадзе

ПОЛЯНА ЗВЕЗДЫ

В горах Абхазии, между Ачандарой и Псху, есть поляна, которую пастухи называют «Поляной звезды». Когда-то на эту красивую поляну садилась звезда, и с нее сходила дева необыкновенной красоты. Она заводила знакомства только с женатыми пастухами и охотниками. Почему она знакомилась только с пастухами и охотниками, понятно, — ибо в горы поднимаются в основном пастухи и охотники, но вот почему с женатыми — непонятно.

Говорят, те мужчины, которые познали любовь звездной девы, оставляли потом своих жен, потому что уже больше не могли с ними жить...

Записано со слов Сергея Габниа в г. Сухуми в 1981 г.
Записал и перевел И. Хварцкия

ЗВЕЗДА АБАЗИНА

Есть в ночном небе одна звезда, которую абхазы называют Звездой абазина. Она зажигается ночью, и ночной путник порою путает ее с Утренней звездой. Название ее родилось так.

Один абазин гостил у своих родственников в Абхазии и, возвращаясь к себе домой, решил переночевать в горах, чтобы встать с Утренней звездой и перейти через перевал. Проснувшись ночью, он увидел эту яркую полночную звезду и принял ее за Утреннюю. Быстро встав, абазин пошел к перевалу, думая, что скоро рассветет. Но путеводная звезда потерялась среди других звезд, и путнику пришлось продолжать опасный путь в кромешной тьме. Недолго шел абазин, ибо сорвался в темноте со скалы и погиб.

С тех пор эту полночную звезду называют Звездой абазина.

Записано со слов Нестора Конджария в с. Калдахвара в 1975 г.
Записал А. Аншба
Перевел с абхазского И. Хварцкия

ЗВЕЗДА ТРЕХ БРАТЬЕВ

Когда-то жили три брата. И была у них сестра — людоедка. Братья дали обет никогда не жениться, ибо боялись, что через поколения опять родится в их роду дьявол или людоед, а затем сбежали от сестры и нашли себе жилище в небе, превратившись в звезду. Если человек, встав рано утром и переступив порог, поймает взглядом эту звезду — будет ему сопутствовать удача. Его охраняют добрые души тех братьев.

Записано со слов Кучи Тванба в с. Дурипш в 1984 г.
Записал С. Габниа
Перевел с абхазского И. Хварцкия

ЖГАРАА *

Жгараа — созвездие из четырех звезд. Говорят, что расположение звезд отражает случай воровства, который произошел когда-то. Первая звезда — это человек, укравший корову. За ним следует вторая звезда — это сама корова. Третья звезда — хозяин, преследующий вора, а за ним, чуть сбоку, светит четвертая звезда — это собака хозяина.

Записано со слов Алыксы Конджария
в с. Калдахвара в 1975 г.
Записал А. Аншба
Перевел с абхазского И. Хварцкия

* Жгараа — ведущие корову (*абх.*).

«НАР УЛБААИТ!»

Когда нарты погубили своего младшего брата — Сасрыкву, которого презрительно называли незаконнорожденным, он превратился в созвездие. Его можно видеть в Южном полушарии неба в середине лета, напоминает оно по виду фигуру человека и лужу крови у его ног.

Спустившегося с дерева абхазы приветствуют так: «Нар улбаait!» («Чтоб ты спустился с Нара!»). Но в древности это словосочетание произносилось редко и означало приветствие, обращенное к тому, кто спустился с неба.

Записано со слов Сергея Габниа в г. Сухуми в 1981 г.
Записал и перевел с абхазского И. Хварцкия

КУВШИН

Под видом человека пророк вошел во двор одинокой женщины. Увидев гостя, женщина пригласила его в дом, быстро накрыла стол и пошла в погреб за вином. Два кувшина были зарыты в земле: один был полон, другой — уже полупустой.

Женщина не решилась открыть полный кувшин и взяла вино из открытого, полупустого кувшина.

Налила женщина вино в стакан и, поставив его перед гостем, извинилась перед ним за небогатый стол. Она пожаловалась на свою судьбу, сказав:

— Боже, за что ты безжалостно отнял у меня всех родных, и мужа и сыновей?

— Дад, скажи, из какого кувшина ты взяла вино, из полного или из полупустого? — спросил гость.

— Из полного... — солгала женщина.

— Бог иногда поступает так, как ты с этим кувшином вина. Если он приметит одну семью и начинает забирать людей оттуда, он не примется за другую семью, пока не заберет всех из той семьи, — сказал пророк и покинул дом.

Записано Артуром Аншба на похоронах в Сухуми в 1975 г.
Сказитель не установлен

О ТОМ, КАК РАЗЛУЧИЛИСЬ АМРА И АМЫЗ

В горной стране жила девушка несравненной красоты. Она была хорошего нрава и искусной рукодельницей. На равнинной местности, в соседстве с ней, жил прекрасный юноша. Он был ловким джигитом, ничего не боялся, любил странствовать.

До юноши дошел слух о прекрасной девушке из горной страны. Он давно дал клятву, что возьмет себе в жены только такую девушку, которая в один день, от зари до зари, сошьет ему бурку, и черкеску, и башлык, и ноговицы, и чувяки.

Набрал он войлока, сукна, шелка и сафьяна и поехал к красавице горянке. Пришел и рассказал ей о своем условии.

Девушке джигит уж больно приглянулся, она полюбила его.

Девушка приняла условия.

— Приходи завтра после захода солнца, будет исполнена твоя просьба, — сказала красавица.

Юноша уехал домой. На следующий день с самого утра девушка принялась за работу. Вечером, на закате солнца, у нее все уже было готово, даже чувяки с кожаными носками, только не успела пришить застежки к черкеске и архалаку — времени не хватило. Если бы солнце задержалось чуть-чуть, хотя бы на высоту топорища, она все бы кончила, но солнце уже заходило. Тогда девушка, видя, что она не сможет выполнить свое обещание, спустилась с балкона, взобралась на камень, что лежал перед домом, и стала молить Бога:

— Творец наш, создавший меня, прошу тебя, приподними солнце на высоту длины топорища, чтобы я успела закончить свое шитье!

И желание девушки исполнилось: солнце, которое уже почти зашло, вдруг поднялось вверх, и девушка смогла закончить в срок свою работу.

Тут пришел юноша. Примерили одежду и обувь, все пришлось как раз впору, как будто девушка сняла с него мерку.

В день свадьбы он послал за невестой дружков-верховых, и они привезли девушку. Три дня и три ночи гости не вставали из-за стола. Но вот кончился пир, и вечером жених, как принято, вошел в амхара *.

* Амхара — домик для новобрачных.

Только молодожены разделись и собрались лечь в постель, как кто-то позвал со двора:

— Эй, хозяин! — и назвал жениха по имени.

— Хай! — быстро откликнулся он.

— Иди скорей сюда! — позвал тот же голос.

Юноша тотчас же оделся, вышел из амхара и куда-то исчез.

Молодая ждала-ждала, но в ту ночь он не вернулся. Явился он только на рассвете, мокрый от росы. Наступило утро, а молодые так и не успели прилечь.

А вечером, едва они остались одни, неизвестный снова позвал хозяина и увел с собой. И опять он вернулся только на рассвете.

На третью ночь повторилось то же самое — так каждую ночь кто-то вызывал и уводил его с собой.

Надоело все это молодой, говорит она золовке:

— Каждый вечер твоего брата кто-то вызывает, и затем они уходят, так что мы вдвоем как муж и жена ни одной ночи не провели.

— Если так, — ответила золовка, — я прослежу за братом этой ночью и никуда его не отпущу!

Вечером золовка спряталась около амхара, чтобы подкараулить брата. Вот наступило время ложиться спать. Вдруг опять тот же самый голос снова вызвал хозяина, тот вышел и пошел, не останавливаясь. Сестра бросилась за ним, догнала, поймала, но не смогла удержать — на глазах у сестры юноша стал превращаться то в змею, то в лягушку, девушка испугалась и выпустила брата. Он ушел, а сестра вернулась домой и рассказала все, что видела.

— Ну, на следующую ночь я его не пущу! — сказала тогда мать юноши, и вечером, притаившись, стала караулить.

Наступило время ложиться спать. Снова кто-то позвал юношу, снова он вышел из дома и пошел. Мать бросилась вдогонку, настигла, поймала, но лучше бы в ее руках оказался враг, чем сын: сперва он обернулся змеей и начал кусаться, потом превратился в лягушку, затем — в пламя и стал жечь. Мать долго его не пускала, наконец, не стерпела, выпустила, и он ушел.

Домой юноша вернулся, как всегда, усталым, изнуренным.

Тогда молодая говорит золовке и свекрови:

— Вы не смогли его задержать — этой ночью я сама поймаю его и никуда не пущу!

В ту же ночь, когда муж вышел из дому, жена пошла следом и поймала его. Он, как и раньше, сначала превратился в змею,

в лягушку, потом стал пламенем, — все же она не пускала его, пока он не скажет, куда уходит. Юноша молчал. Вдруг появилась какая-то женщина и говорит:

— Я прокляла этого юношу. Каждую ночь он будет уходить от тебя, потому что ты своей молитвой разлучила меня с ним, моим мужем, и мы из-за тебя больше никогда не сойдемся.

Оказывается, эта женщина была Амрой — Солнцем, а ее мужем был Амыз — Месяц.

Раньше Амра и Амыз жили вместе и никогда не разлучались, как муж с женой. Теперь, по вине девушки, они разошлись и больше не смогли сойтись.

Но и новый брак не принес счастья. Как только наступает вечер и молодые собираются лечь в постель, приходит Амра и уводит юношу с собой.

Так продолжается и по сей день.

По книге «Абхазские сказки». Сухуми, «Алашара», 1973
Составил и обработал Х. Бгажба

ОТЧЕГО НА ЛУНЕ ПЯТНА

Жил богатый князь. У него было трое сыновей, а хотелось ему иметь еще дочь. Князь стал молить Бога, прося у него дочку. Желание его исполнилось: скоро его семья пополнилась дочерью. По этому поводу князь устроил большой пир.

Однажды в загон для скота ворвался волк, схватил ягненка и унес. Карауливший в эту ночь стадо младший из братьев увидел волка и выстрелил в него. «Вроде попал, — думает он. — Пойду-ка посмотрю». Видит он, там, где пуля настигла волка, лежит отбитый палец. Взял он его, завернул в тряпочку и принес домой.

В это время лежавшая в колыбели новорожденная плакала. Подошли к ней и видят, что у нее на руке оторван палец. Приложил младший брат оторванный палец к руке сестры-младенца и видит: подходит. Тут он понял, что новорожденная ведьма — оборотень. Это она под видом волка таскала скот из княжеского стада.

Огорчились братья такому неприятному открытию и разошлись кто куда. Сестра-колдунья погналась за младшим братом. Бросился он бежать, а та — за ним. Видит младший брат, дятел долбит дерево.

— Задержи, дятел, как-нибудь ведьму, а то мне от нее плохо будет, — попросил он.

Но дятел ответил:

— Не могу, нет времени. Мне нужно поскорее добыть пищу своим детям. Видишь, дерево гнилое, скоро оно упадет. Придется тогда голодать.

Младший брат ударил дерево палкой, и стало оно молодое, крепкое. Пошел он дальше. В глухом лесу увидел он маленькую избушку, а на пороге сидит колдунья Арупап. Младший брат попросил ее:

— Помоги, нан, матушка, спаси от сестры-ведьмы. Погубит она меня.

— Иди скорее дальше. По дороге ты встретишь большой двор, но не заходи в него, а следуй все прямо.

Младший брат все шел и шел, миновал двор, о котором говорила Арупап, и наконец пришел в края, где жила красавица Луна. Он ей очень понравился, и она вышла за него замуж.

Прошло много времени, стала Луна замечать, что ее муж загрустил.

— Что с тобой, о чем ты думаешь? — спросила она мужа.

Он рассказал ей о сестре-чародейке, о том, что его беспокоит судьба братьев и родителей. Выслушала его Луна, дала ему кольцо, а потом говорит:

— Иди и найди своих братьев и родителей, а если тебе придется очень трудно, тогда брось это кольцо мне.

Муж Луны сел на коня и поехал. Много дней и ночей был он в пути, наконец приезжает домой. Никто его не встретил, видит он, что хозяйство запущено, заброшено. Стоит только одна хижина с конусообразной крышей — акуацв, над ней дымок вьется. Спешился он и подошел к дому. Выходит ему навстречу сестра. Она обрадовалась, обняла брата, приглашает в дом. Через некоторое время сестра вышла. Она съела левую заднюю ногу араша, а потом вошла и спросила брата:

— Милый братец, что же ты это приехал на коне о трех ногах?

Понял брат, в чем дело, и ответил:

— Да.

Снова вышла сестра, съела вторую ногу араша.

— Что же ты, милый брат, приехал на лошади о двух ногах? — спрашивает она его.

Он ответил так же, как и в первый раз. Так сестра по частям съела всю лошадь, а потом обращается к брату снова:

— Милый братец, что же ты пешком пришел?

Затем она вышла, сказав, чтобы он поджидал ее, а сама пошла в кузницу точить зубы. Сидит брат и думает, что же делать? В это время в избушку прибежала крыса. Схватила она апхиарцу и стала играть на ней, приговаривая:

— Уходи скорее, твоя сестра точит зубы на тебя. Она хочет тебя съесть.

Брат пустился бежать. Ведьма наточила зубы, вошла в избушку, видит, нет брата. Отправилась она за ним вдогонку, вот-вот догонит. Он добежал до дятла и просит его помочь ему. Дятел сказал: «Беги, а я покажу ведьме другую дорогу».

Но ведьма скоро догадалась, что дятел ее не по той дороге послал, и снова погналась за братом. Стала она его догонять. Добежал он до избушки Арупап. Колдунья Арупап тоже немного задержала злую ведьму-людоеда. Но все же сестра стала догонять брата: вот-вот схватит его. Тут брат снял с пальца кольцо и бросил его жене в небо. Выскочили несколько собак, и набросились они на ведьму, а брат ведьмы быстро начал взбираться по лунной

дорожке в дом жены. Вывернулась ведьма от собак, подпрыгнула и схватила брата за ногу. Ей удалось оторвать ногу брата до колена. Так с оторванной ногой он и живет теперь на Луне. Если вы внимательно присмотритесь в очертания пятен на Луне, то увидите в них одноногого человека — это он.

По книге «Абхазские сказки». Сухуми, «Алашара», 1973
Составил и обработал Х. Бгажба

Гавриил Галашевский

РИЦХА

Легенда об озере Рица

Однажды летел над Апсны вольный, как ветер в горах, дух горный Ацы *.

Под ним сияли снегами и вдали спешили чередою высокие горы. Забытой стояла в стороне Агепста-гора. Гранями чистого льда зорко следила Агепста, как солнце всходило, а вечер гора отразила глубины голубые и пламенный взор близко летевшего духа гор Ацы. И глянул случайно Ацы с вершины Агепсты к подножию горы... Вздрогнул Ацы: глубоко внизу бездна сияла, меж гор и лесов зияла, как черная ночь, как дикого зверя отверстая пасть. И задумал в тот вечер Ацы бездну меж гор светом Агепсты высокой всю озарить.

Черпнул светозарным, как льды на Агепсте, ковшом глубины закатные неба и залил ту бездну вмиг эфиром небес. И вдруг — засияла где бездна — сверкнула светом Агепсты чистого озера гладь. Рассеялась в бездне той темень ночи, и к ночи в глубинах озерных зажглись лучезарно, как в небе, звезды и месяц.

С тех пор разлилось когда озеро среди гор, кто знает, как времени много прошло? Спустились с гор люди. Селились у чистой воды, и скоро близ озера вырос богатый аул.

Посреди озера жила на острове с младенцем грудным вдова по имени Рицха **.

Земли на острове том было лишь столько, чтобы саклю поставить, не больше! Но была у Рицхи не только под саклей земля. От острова к берегу шла полоска скалистой земли, и по этой земле Рицха ходила в аул работать на землях богатых...

День проработает Рицха у одного, два — у другого хозяина, и не было дома в ауле, который не знал бы, что у Рицхи-вдовы нет земли никакой, что бедна она вовсе, а кормит младенца едва.

Но подрос и младенец ее. Стало трудно... В ауле кормилась Рицха у того, где была на работе, и никто не давал ей с собой ни крошки абысты ***, и никто не подумал в богатом ауле, как же кормит ребенка вдова?!

---

* Ацы — вымышленное имя горного духа для рифмы.

** Рицха — имя вдовы, переводится с абхазского как «бедняжка».

*** Абыста — просо (*абх.*).

Приносила же Рицха домой с собой лишь столько абысты, сколько случайно ее западало во время работы в чувяки ее. Снимая чувяки те с ног, ссыпала на камни по горсти из каждой и камнем толкла, варила ребенку кашу и кормила его. И случилось, что вдова заболела и день или два не могла подняться с постели.

С вихрем в ту пору осенним с вершины Агепсты летел на озеро дух Ацы, и слышит — в безмолвии гор плачет ребенок. Впервые заметил он среди озера саклю — дверь приоткрыта, заглянул и вздрогнул.

Вздрогнул Ацы. Вспомнил он вечер — в вершине Агепсты сияла заря, а внизу, как дикого зверя отверстая пасть, бездна сияла меж гор... Вздрогнул Ацы... здесь увидел он снова ту бездну, но... меж людьми.

И бережно взял Ацы плач ребенка, помчал он с ним мимо домов аулов богатов людей, помчал ребенка голодного плач. Чтобы слышнее был он, вихрем понесся по крышам аула, и пораскрывались в домах настежь двери и окна.

Взглянули с досадой те люди на остров, откуда с вихрем несся назойливый крик, встали и наглухо двери и окна закрыли. Эхо высоко на скалах звучало, и вторили крику и горы, и лес.

Разгневался дух. С эхом вознесся на скалы и выше лесами понесся он, как ураган, взвился до Агепсты. Обхватил он вершину горы и с силой потряс: сверкнули среди ночи молнии ало и сине, раскатисто громы взгремели в горах. Разверзлась земля, обвалилась — и аул поглотила с людьми вода.

Рицха взяла ребенка в испуге, собрала все силы и вышла из сакли. И только ступила она на порог, как сакля и остров исчезли в пучине озерной. Тесно прижавши ребенка к груди, Рицха, сплетаясь ногами, спешит по узкой тропе... и шаг за шагом вслед ей валится в озеро узкая Рицхи земля. И так невредимо вышла она на берег Юпшары.

К утру засияла снова, как свет на Агепсте, хрустальная озера гладь, а к ночи в тот же день в глубинах озерных зажглись лучезарно, как в небе, те же звезды и месяц.

«Советский писатель Абхазии».
Сухум, 1933, 8 дек.

АЖГЕРИ КУЧУК И ЧЕРКЕС САРУАТ

Горемычный Ажгери Кучук, абхазский витязь, когда решил, что пришло время жениться со славой, послал людей к своим друзьям и постоянным спутникам в походе Махматкаче и Хиртизле, чтобы на третий день, который был вторником, они явились к нему, готовые к путешествию. Когда в назначенный вторник явились друзья, готовые отправиться с ним в путь, Кучук велел подавать ему коня. В те времена младшим не полагалось осведомляться, куда они отправляются в путь. И спутники Кучука двинулись с ним по направлению к Северному Кавказу. А Кучук задумал пленить русских, засевших в крепости, и умыкнуть генеральскую дочь. Когда они без отдыха прошли четыре дня пути, Махматкача переглянулся со своим приятелем, что не ускользнуло от взгляда Кучука. Они стояли на развилке трех троп.

— Несчастный, столько лет ты путешествуешь со мной, а не научился угадывать мои мысли! Ступай за мной прямо и направо! — воскликнул в негодовании Кучук.

Они шли еще семь дней, и наконец Кучук остановился в одной чаще и сказал, что теперь можно и передохнуть.

Они привязали коней и уселись под деревом, расстелив бурки. Кучук первый почувствовал приближение всадника, который виднелся в пыли от копыт своего коня, и определил, что это джигит.

— Друзья, опасный всадник направляется к нам. Если он подъедет справа и приветствует нас — берите его стремя и помогите спешиться, потому что он будет нам другом. А если он подъедет слева и приветствует нас, — убейте его, иначе он вас опередит, — распорядился Кучук.

Но при этом он сам, не дожидаясь, когда неведомый всадник приблизится к ним с левой или правой стороны, крикнул ему:

— Всадник, подними-ка шапку на конец сабли!

Всадник приподнял шапку над головой, Кучук, не вставая с места, выстрелил и прострелил шапку гостя.

— Ажгери Кучук, узнаю тебя по выстрелу. Если это ты, то подними теперь свою шапку, потому что я черкес Саруат, — сказал, приближаясь, всадник, и когда Кучук приподнял шапку, выстрел прожег ее прямо посередине.

Затем он подъехал справа от них, приветствуя путников.

— Добро пожаловать, гости! — сказал он, спешился, накинул на ветку узду коня, но из скромности присел поодаль от них под другим деревом.

— Гости, я хочу быть вашим хозяином, если вы снизойдете до меня, — сказал он.

Кучук и друзья подошли к черкесу и уселись на его бурке.

— Не гнушайтесь хозяйским обедом, — сказал тот и разложил перед ними еду из своих запасов.

Кучук с приятелями решили, что черкес еще молод и должен ухаживать за ними, и, не приглашая его к трапезе, стали есть.

— Теперь мы отведали твоего хозяйского обеда. Можешь и ты отойти и подкрепиться, — сказали они парню.

— Я сыт, благодарю вас, — ответил юноша. — Вы — мои гости и, хоть я и не равен вам, но эти места мне хорошо знакомы, позвольте мне быть вашим проводником.

— Мы идем брать русскую крепость, и если ты нам поможешь, это будет весьма кстати.

В сопровождении юного друга они пропутешествовали еще довольно долго, и наконец перед ними открылась желанная крепость. Но они нашли ее хорошо укрепленной и сильно охраняемой, каковым обстоятельством были весьма озадачены.

— Чтобы забраться в крепость, я прошу вас дать мне сроку сорок минут, — сказал Саруат.

Порыскав в окрестностях, заарканивая по два, по три человека, в одночасье он пленил сорок казаков и под их прикрытием с друзьями ворвался в крепость.

Обыскали семь покоев, но не обнаружили нигде генеральской дочери. Уже внизу Саруат случайно заметил, что девушка на мгновение выглянула из антресолей, где нашла убежище от хищников.

— Я прошу у вас позволения дать мне еще сорок минут, — попросил черкес Кучука и его друзей.

Кучук согласился. Они повели пленников, а Саруат снова вернулся в крепость. Прикрикнув на своего гнедого, он взобрался наверх по лестнице и спустился, держа генеральскую дочь на луке седла.

— Теперь в путь! — сказал он.

Когда же они вернулись к месту своей первой встречи, Саруат предложил устроить тут привал и передохнуть.

Сели и стали отдыхать. Кучук велел спутникам передать Саруату, что ему приглянулся гнедой черкеса.

— Пусть отдаст мне его и забирает моего скакуна, — сказал он.

— Мой гнедой вряд ли подойдет Кучуку. С ним одна возня, только за ночь съедает семь снопов сена, — сказал юноша.

Но Кучук стал упорствовать.

— В таком случае попросите его, чтобы он позволил мне последний раз прогарцевать на нем, потому что я еще вдоволь не наездился на гнедом, — попросил Саруат.

Получив позволение, Саруат несколько раз прогарцевал мимо спутников, схватил генеральскую дочь и был таков. Он поехал без остановки, по пути узнавая дорогу к селу Кучука. Когда он наконец добрался до села Кучука и нашел его дом, на его зов вышла к нему мать Кучука вся в слезах.

— Что с тобой, бабушка?

— Пока Кучук находился в походе, на село напали, ограбили и взяли в полон его сестру, — ответила старуха.

Черкес осведомился, в каком направлении удалились грабители, и узнал, что они ушли день и еще полдня назад.

— Утри слезы, бабушка, и посмотри вот за этой девушкой, — сказал Саруат и умчался.

Грабителей, удалявшихся день и еще полдня, он нагнал за полдня. В перестрелке он ранил предводителя грабителей, а также случайным выстрелом была ранена сестра Кучука. Расправившись с грабителями, черкес вернулся в село Кучука с освобожденными пленными.

— Сельчане твои возвращены, а теперь зови лекаря, дочь твоя ранена, — сказал он матери Кучука. — И пусть Кучук никого не подозревает, она ранена мною. Когда же ты расскажешь сыну, что все это сделал юноша, который привез девушку, прибавь, что если он захочет меня найти, то найдет в таком-то ауле, — сказал он и был таков.

Кучук вскоре вернулся, угнетенный тем, что потерял на полпути свою генеральскую дочь, и тут все узнал и убедился, что этот черкес превзошел его во всем.

Записано со слов Пашв Шевкета в г. Хендеке (Турция) в 1975 г.
Записал О. Чакар (Шамба)
Перевел с абхазского Д. Зантария

ПЕСНЬ ПРО ЕНДЖИ-ХАНУМ

Когда она родилась, к ней приставили в первый день
Двадцать девять кормилиц,
А на второй день еще двенадцать кормилиц
С самым вкусным грудным молоком.
В этом мире среди носящих платок
Не было женщины,
Чей стан был бы гибче.
Кормили ее овечьим бурдюком, обсыпанным русским сахаром,
Поили молоком черной коровы, не разбавленным,
Чтобы цвет лица у нее был румяный,
Обували сафьяном, смягченным ватой,
Чачбу Енджи-Ханум.
Спросите, кому она досталась — Химкорасе Маршану!
Он не просил ее руки, а требовал.
Старцы Дала, Цебельды, Гагр и Очамчиры
Улаживали спор жениха с братом красавицы,
Уже джигиты двинулись за невестой,
Когда явился Золотой Шабат.
Не найдя достойного коня,
Он пустился вдогонку джигитам на муле.
И выделялся среди всех, сиятельный.
Когда джигиты с невестой тронулись,
Громко распевая песни,
Решено было не показывать Золотого Шабата
Прелестной Енджи-Ханум от греха подальше.
Химкораса затеял великий пир,
Который длился десять дней и ночей,
А Шабата все прятали.
А когда его допустили на танец,
Народ, став на ноги, приглашал его взлететь.
Когда невеста заинтересовалась причиной оживления,
Подруга уклонилась от ответа,
Но не учла упрямый нрав женщин рода Чачба.
Енджи-Ханум выглянула за полог
И увидела сияющего Золотого Шабата,
Который плясал, ногами не касаясь земли.
Она снова спросила, кто он.
«Это брат твоего мужа — Золотой Шабат» — был ответ.

«Печаль суждена мне, — сказала она, —
Потому что он, а не Химкораса достоин меня,
И терпеть мне суждено эту беду!»
Вскоре после свадьбы
Золотой Шабат прислал ей тканей
И Енджи-Ханум, способная вышить полет птицы,
Решила пошить ему черкеску.
Но не в силах отогнать его образ,
Ножницами ранила пальчики.
Он явился и спросил, что с пальцами,
И только тогда она заметила рану.
Все ткани перекроила,
Но изменило ей искусство,
И Енджи-Ханум заперлась в покоях.
Дал и Цебельда повергла в печаль.
И пошли миряне судить-рядить.
И тут вызвался цебельдинский старик
Из худого роду
Пойти к Енджи-Ханум и сказать ей два слова.
Получив согласие народа,
Старик постучался к предававшейся печали.
«Дева, прославленная красотой,
Позволь старику тебе сказать два слова».
«Говори, если ты полагаешь,
Что это развеет мою тоску», —
Сказала она, и старец заговорил:
«Дева, тебе завидуют солнце и луна!
Дочь царя и сестра царя!
Хотелось бы, чтобы ты была первой из тех,
Кто понимает, что никогда не было в мире
И не может быть и впредь такого,
Чтобы жену старшего брата выдавали за младшего».
Это было его первое слово,
А второго он не успел сказать.
Енджи-Ханум запустила в него головешкой из камина,
И старик убрался восвояси.

Записано со слов сказителя Кьящ Раджаба в г. Адабазар (Турция) в 1975 г.
Записал Д. Хараниа
Перевел с абхазского Д. Зантария

ПЕСНЯ
О КАТМАС-ИПА ХАЛЫБЕЕ АМАРШАН

В теснинах Егры назначена плата за его голову,
И воспитатель его был среди заговорщиков.
О, угостили его не бычьей лопаткой *, а свиной голенью,
И поцеловал он не грудь женщины,
А сосок суки.
Что было в сердце — в сердце умерло,
Что было в коленях — в коленях умерло.
Сын Катмаса Халыбей Маршан!
Взор его был подобен утренней звезде.
Смастерен уже эшафот для его казни,
И пошита его, смертника, рубаха,
А казаки ходят строем перед расстрелом.
«Коняга умрет — поле останется.
Человек умрет — слово остается, —
так сказал сын Катмаса сирота Халыбей, —
На поминки по мне не разоряйтесь,
Я сам себе справил кровавую тризну.
Пусть наши отцы не носят по мне траур,
Меня оплачет старуха мать.
Но если вы решите, что надо справить обычай,
Тогда долинным Маршанам скажите,
Что я освобождаю их от дани, —
Это и будут мои поминки.
Оружие мое и папаху пошлите Маршану Шабату
Тогда кровь его устыдится и он отомстит за меня»!

Люди спросят:
— Маршаны отомстят за брата,
Но как поступила его жена Таткуг из рода Ач?
У мудрости своей она спросила,
Был у нее раб из рода Садз.
Она усыновила его:
Дала прикоснуться губами к своей груди.
Но когда Садз шел на целование груди,
Он так сказал:

---

* Бычья лопатка считается у абхазов почетной частью жертвенного животного.

«Когда бы у меня был табун в триста кобылиц,
Половину из них подарил бы новой матери
Как дар за усыновление,
Но чем владеет домашний раб?
Кожа и кости мои принадлежат
Всевышнему, сотворившему меня;
Мясо и сила — Маршанам, которые меня кормят,
Только над жизнью своей, над душой я властен,
Ее и приношу тебе в дар!»
Именно с помощью Садза свершила полную месть
Таткуг из рода Ач.

По книге «Абхазская народная поэзия». Сухуми, 1972
Составители Д. И. Гуниа и Х. С. Бгажба
Перевел с абхазского Д. Зантория

ПЕСНЯ О ХУИТЕ АЙБА

Уа рада Айба-хаца *!
Уа рарира уаа уарада!
И убили сына его, и послали к нему горевестника —
Чтоб заманить неуловимого Хуита.
Уарада уа-а оу-у **, жертва невинная,
несчастный Хуатхуат, сын Хуита.
И явился неустрашимый Айба домой,
И схватил он бездыханное тело сына своего,
И опознал он тотчас на груди Хуатхуата
След пули коварного Жвыж-ипа Хазача, уаа рарира уа-а!
— Хай абаакуа ***, Хазач, как посмел ты
смешать молоко с кровью?
Он положил осторожно тело сына,
и поправил его, ох оуа-уа!
Перешагнул порог дома Айба, а навстречу — стражники.
Уа рарира уа-а уарада!
А впереди Гуадж Ацишба! Уа-а радара уа-а!
— Да обойдет его горе, наверно, пособолезновать пришел
почтенный брат твой, благоверная жена моя Циш-пха ****!
Сегодня — в последний раз, мой верный Хяпшь! —
Бросил клич своему коню Айба и, пальнув два раза в воздух,
Проскользнул сквозь кольцо стражников.
В долине Мчишты нагнал его ретивый Хяпшь
И взлетел в седло Хути, уа радара уа,
И помчал его конь туда, где притаился Жвыж-ипа.
Уа радара, уарада уа-а!
И приблизился Айба к крыльцу дома Жвыж-ипа, уарада уа,
И вскричала тогда жена Хазача:
«О, уара *****, пришел твой час!»
Уа уарада радари, уа!

---

* Хаца — герой, мужчина (настоящий).

** Уа-а оу-у — особый плач в исключительных трагических случаях.

*** Убийца сына Айба Хуита — Жвыж-ипа Хазач был молочным братом Хуита.

**** Циш-пха, жена Айба Хуита, была родной сестрой стражника Гуаджа Цишба.

***** О уара — обращение женщины к мужчине.

«Угомонись, о бара *, его теперь ничто не удержит!» —
прикрикнул на нее Хазач из засады.
И грянул выстрел коварного Жвыж-ипа,
И угодила пуля прямо в сердце Айба.
Уа рада ра уа-а!
И сомкнулись мертвой хваткой пальцы Хуита
на горле Жвыж-ипа.
Уаа радари рад Айба-хаца!
Уаа уарадара рада ра-а уа! **

Эту песню пел под аккомпанемент апцхярцы Мустафа Чалмаза из с.Звандрипш
Записал в г.Сухуми в 1991 г. И. Хварцхия
Перевела с абхазского Л. Аргун

* О бара — обращение мужчины к женщине.

** Уаа уарадара рада ра-а уа — рефрен в абхазских песнях (не переводится).

ПЕСНЬ О САХАТКЕРИ, СЫНЕ КЕРАНТУХА

Уаа рад, уарада-ра!
Эта песня сложена в честь древних героев.
Расскажу вам, что приключилось с убыхом
Керантух-ипа Сахаткери.
Когда солнце клонилось к закату,
Сто врагов Сахаткери знали,
Что он едет домой по бзыбским тропам.
Они ждали его в засаде на берегу реки
И готовили ружья.
Бзыбская полночь уже наступила,
Когда появился сын Керантуха
На коне Лымхаше *.
Оказался он в центре засады.
Грянуло сразу сто выстрелов,
И двадцать пять пуль срезали
Белое ухо коня Лымхаша.
Соскочил с коня Сахаткери
И поклялся, что не упустит
Тех, чьи пули срезали ухо.
Он открыл стрельбу и на месте
Уложил двадцать пять человек из ста!
А потом вскочил на коня и скрылся,

Эту песню под аккомпанемент анхярцы исполнял народный певец и сказитель Кчач Алыкса из с. Бармыш Записано со слов С. Чкотуа в г. Сухуми в 1991 г.
Записал И. Хварцкия.
Перевела с абхазского Н. Венедиктова

* Лымхаш — Белое ухо (*абх.*)

Из абхазского героического эпоса «Нартаа»

РОЖДЕНИЕ НАРТА САСРЫКВЫ

Нарт Сасрыква был самым младшим, сотым сыном Сатаней-Гуаши. Необычным было его рождение.

Однажды Сатаней-Гуаша белила холсты на берегу Кубани. К полудню, устав от работы, она разделась донага и улеглась в тени кустарника. Дул приятный ветерок, а ее тело белело подобно только что снятому сыру. Отдохнув, она вошла в прохладную воду.

На другом берегу паслось стадо коров, а у самой реки спал Эрчхеу — нартский пастух. Его лохматые брови касались травы, и ветер их шевелил.

Сатаней-Гуаша сразу узнала его и крикнула:

— Это ты, Эрчхеу? Взгляни сюда!

Этот окрик разбудил его. Подняв густые брови, он стал прислушиваться. Голос его очаровал. Присмотревшись, он увидел, что у дальнего берега, лежа на спине, плавает Сатаней-Гуаша. У пастуха вскипела кровь в жилах, он был словно охвачен огнем. Эрчхеу вскрикнул:

— Сатаней-Гуаша, наша госпожа, не ты ли звала меня?

Услышав голос Эрчхеу, которого Сатаней-Гуаша давно приметила и к которому стремилось ее сердце, она ответила:

— Да, это я позвала тебя. Переправься ко мне, я скажу, что хотела.

После ливней Кубань сильно разлилась. Эрчхеу бросился в реку, но ее быстрое течение отбросило его назад. Он опять ринулся в воду, но бурлящая река снова отнесла его к берегу. Третий раз бросился он в воду, опираясь на шест, но вода вырвала у него шест.

После этого пастух убедился, что ему не сладить с бурным течением. Он крикнул:

— Сил больше у меня нет, если попытаюсь снова плыть, — утону. А ты вот что сделай: повернись ко мне, покажи весь свой облик.

Она исполнила желание Эрчхеу.

Пастух долго глядел на нее и, напрягши все силы, крикнул:

— Сатаней, встань у большого камня. Я в него пущу что-то.

Испуганная Гуаша укрылась за камнем.

Он пустил туда свое мужское семя. И оно полетело с громом и молнией, как огненная туча. Оно ударилось о камень, и на

нем возник человеческий образ. Увидев его, Гуаша догадалась, что здесь проявилась волшебная сила.

И снова крикнул ей пастух;

— Высечь этот образ на камне тебе поможет лишь искусный кузнец Айнар. У него клещи вместо левой руки, правая служит молотком, а нога — наковальней.

Гуаша привела кузнеца. Он трудился над камнем три дня. И, наконец, камень принял человеческий облик.

И тогда он сказал ей:

— При рождении этого витязя у соседа ожеребится кобыла, и вырастет из жеребенка араш необыкновенной силы и красоты. Сатаней, постарайся раздобыть этого жеребенка для своего сына, рожденного из камня. Этот конь будет под стать ему.

Сатаней спрятала под мышку каменное изображение и пошла домой. Она держала его в тепле целый год, скрывая от людей.

Накануне перевоплощения каменного облика Сатаней-Гуаша соткала добротный холст из конопли, отбелила его на солнце, разложив на берегу, а из белоснежной шерсти наткала сукна.

Затем Сатаней-Гуаша начала шить черкеску, архалук и башлык. С утра она трудилась и не заметила, как наступил вечер. К вечеру одежда была готова.

Люлька, в которой раньше лежали ее девяносто девять сыновей, стояла у нее в горнице, но ей захотелось иметь особую колыбель. Она пошла к кузнецу Айнару и сказала ему:

— Тебе одному известно, что случилось со мной. Я опять нуждаюсь в твоей помощи.

— Что тебя тревожит, Сатаней-Гуаша? Если тебе что-нибудь надо, Айнар-кузнец не пожалеет своих рук, своего молота, наковальня у него всегда готова, и огонь никогда не гаснет.

— Я хочу иметь колыбель! Но она не должна походить на обычную. Ты знаешь, что тот, который в нее ляжет, не будет похож на других детей. Для него колыбель должна быть выкована из стали, она должна сама качаться и не должна скрипеть.

— Хорошо, такую колыбель я могу приготовить, — сказал Айнар-кузнец.

— Я надеюсь на твои золотые руки. Но, Айнар-кузнец, вот что я еще хотела сказать тебе. Ты начнешь ковать колыбель. Твой огонь днем и ночью будет гореть, твой молот будет греметь, как гром. Мои сыновья, которые сейчас в походе, могут вернуться и спросить тебя, чем ты занят? А что ты ответишь? Неужели ты скажешь им о том, что делаешь колыбель для их брата,

который должен родиться? Тогда они пристанут ко мне и станут расспрашивать. Что я им отвечу?

— Не беспокойся, Сатаней-Гуаша, Айнар-кузнец не только умеет мастерить, но и мастер хранить тайны. Работать буду бесшумно, и дым не будет подыматься над кузней. А сталь в моих руках, как мягкий воск.

Сатаней-Гуаша вернулась домой. Всю ночь не утихал ураган, хлестал град, гремел гром.

Но в нартском селении люди спали спокойно. Только два человека не спали: Сатаней-Гуаша и Айнар-кузнец.

Могла ли Сатаней-Гуаша спокойно почивать? Она трепетно ожидала воплощения каменного образа. Всю ночь она ходила по горнице взад и вперед. Долго обдумывала, какое имя дать новорожденному. Много имен она перебрала и, наконец, остановилась на имени Сасрыква.

Айнар-кузнец тоже не сомкнул глаз в эту ночь. Он трудился у своей наковальни. От удара его молота, как звезды, сыпались искры. Он ковал колыбель.

Стало рассветать. Небо прояснилось. Как только солнечные лучи коснулись снежного хребта, в доме засуетились женщины. Все обрадовались. Родился мальчик.

Но никто не мог дотронуться до младенца — он был огненно-красный. Что было делать? Как кормить? Женщины не смели его коснуться. Они стояли вокруг новорожденного, не веря своим глазам.

В ту ночь у соседа ожеребилась кобыла, но жеребенок не походил на обычных жеребят. Никого к себе не подпускал, ударом копыт отбрасывал того, кто пробовал к нему подойти. Прослышав об этом, Сатаней-Гуаша обрадовалась:

— Жеребеночек, жеребеночек, ровесник моего сына, только ты под стать ему!

В ту же ночь младшему дали имя Сасрыква — человек из камня, а жеребенка назвали Бзоу.

Из книги «Абхазские сказки». Сухуми, 1983
Составил, перевел Х. Бгажба

ЧЕЛОВЕК, ЖИВШИЙ ВНЕ ВРЕМЕНИ

Рождение нарта Сасрыквы было необычным. По воле Создателя и благодаря свету, который он источает, младший брат нартов рос мгновенно. Поэтому говорят, что его жизнь была вне зависимости от времени. Прежде чем отправиться в свой героический путь, он успел сказать: «Мать, где мой конь, оружие?» Его жизнь уместилась в этих словах. Неукротимая Сатаней-Гуаша ответила словами: «Вот твой конь, оружие!» Когда Солнце пересекло середину неба, герой уже успел совершить все свои подвиги.

В это трудно поверить, но он был из тех, про кого говорят: «Он умер и до своего рождения!»

После его гибели Сатаней-Гуаша сложила о нем песню и пела скорбным голосом:

Среди звезд твое место опустело,
Но зажжешься в моем сердце звездой.
Тебя не успела коснуться родниковая вода.
Ты не увидел путь, очерченный Шашуы,
Но светом остался в моих глазах, Сасрыква,
Родившийся после восхода Солнца,
Но не успевший к закату Солнца.
Ты искупался в лучах света,
Свет Шашуы стал цветом траура для тебя!

Голос Сатаней-Гуаши звучал между небом и землей. Эту песню услышала Лдзаа-Ныха и пришла к матери нартов.

— Твоя песня тоской наполнила мое сердце, Сасрыква принадлежит мне, я заберу его, — сказала Лдзаа-Ныха и поднялась в небо вместе с Сасрыквой. И сегодня они живут вместе. Душа Сасрыквы светится там, с ног до головы он украшен звездами. Лдзаа-Ныха так любит Сасрыкву, что вслух не произносит его имя. Так говорил Мстаф Ашуба. Лдзаа-Ныха родила от Сасрыквы мальчика, и Сатаней-Гуаша подарила им корову по имени Хапш.

Записано со слов Кучи Тванба в с. Дурипш в 1984 г.
Записал С. Габниа
Перевел с абхазского И. Хварцкия

НАРТЫ И ДРАКОНЫ

Нарты были посланы на землю Богом, чтобы спасти род человеческий. Было время, когда земля кишела драконами, и люди жили на вершинах деревьев, спасаясь от свирепых чудовищ.

Младший брат нартов светился и в утробе матери, а Сатаней-Гуаша видела лицо сына и до его рождения.

Бог создал нартов богатырями, и они стали уничтожать на земле драконов. И великанов они призвали на помощь, но потом пришлось воевать и против самих великанов. Сабли нартов в длину достигали восьми метров, теперь представьте себе самих нартов!

Когда земля была очищена от драконов, нарты уговорили людей спуститься с деревьев, но часть из них не решилась спуститься на землю, и они превратились в обезьян.

Все нарты похоронены в пределах Абхазии и Кавказа. Если кто-то из нартов погибал на чужбине, Сасрыква переносил его прах на родину.

После того как нарты очистили Кавказ от драконов, Сасрыква преследовал этих чудовищ на Западе и уничтожал их.

Сасрыква не умер, он вознесся в небо, и он снова придет на землю, чтобы спасти людей.

Записано со слов Шакира Тванба в г. Адабазары (Турция)
Записал Д. Бганба
Подготовил к печати Р. Гожба
Перевел с абхазского И. Хварцкия

НАРТЫ И ТУЧИ

Абхазы заимствовали у нартов все. Жили нарты в древности, и называли их великими. Однажды возникла ссора между старшим братом нартов и тучей.

— Если туча победит меня, это и на вас ляжет позором, поэтому до сегодняшнего дня не знавшие поражения нарты должны одолеть тучу! — объявил старший брат, созвав своих братьев. Братья согласились и, оседлав своих коней, отправились воевать с тучей. Увидев, что нарты объединились против нее, туча позвала на помощь остальные тучи.

Сатаней-Гуаша при помощи своего дара предвидения узнала, что сыновья затеяли недоброе, и, воздев руки вверх, обратилась с мольбой к Шашуы: «О, Шашуы, обладающий Всевышней Силой, сделай так, чтобы мои сыновья вернулись домой живыми и невредимыми. За это я обязуюсь зажечь сто свечей в Небесной Поляне, разведу сотни овец для жертвоприношения!»

Такой обет принесла она Шашуы. Услышав голос Сатаней-Гуаши, Шашуы развел враждующие стороны.

Так продолжает свой путь в пространстве Шашуы, и этому пути нет конца.

Отцом нартов был Нар Мрамба, мать, Сатаней-Гуаша, была из рода Шашуы.

Записано со слов Кучи Тванба в с. Дурипш в 1984 г.
Записал С. Габниа
Перевел И. Хварцкия

КАК НАРТ СУМЕЛ ЖЕНИТЬСЯ НА ДОЧЕРИ АЖВЕЙПША

Давно пытался нарт жениться на дочери Ажвейпша, но не смог подступиться к жилищу владыки. Тогда нарт пустился на хитрость. Он собрал своих братьев и отправился в лес. Братья-нарты сели в круг и стали петь «Песню медведя». Ее услышала дочь Ажвейпша и, выбежав из своего дома, направилась к тому месту, откуда доносилась песня. Она остановилась поблизости и стала слушать... Там ее нарты и поймали.

Рассказ о том, как нарт женился на дочери Ажвейпша, я слышал от стариков.

Записано со слов Калги Халита в с. Абхаргук в 1988 г.
Записал З. Джопуа
Перевел с абхазского И.Хварцкия

КАК БОГ ПОЗВАЛ К СЕБЕ САТАНЕЙ-ГУАШУ

Однажды к Сатаней-Гуаше пришел посланник Бога и сообщил ей, что Бог ждет ее в назначенный день на Поляне богов у Святого камня.

Собравшись в дорогу, Сатаней-Гуаша изготовила своими руками невиданных размеров Шамаку (опора с винтообразной лестницей, поднимающейся в небо) и стала подниматься по ней в небо, по дороге, начертанной для нее Богом. Когда Сатаней-Гуаша поднялась до определенного уровня, она увидела, что Солнце идет ей навстречу. Когда они приблизились, чтобы не перерезать друг другу путь, каждый сделал на месте полукруг и продолжил свою дорогу.

До того как наступил полдень, Сатаней-Гуаша добралась во Поляны богов. О чем они говорили с Создателем, никому неведомо. Она вернулась на землю до захода Солнца за горизонт. На прощание Бог подарил Сатаней-Гуаше одно маленькое солнце, а волосы ее осыпал звездами.

Слово Сатаней-Гуаши доходило до Бога, и она сама была наполовину Богом. Шамаку, по которой она поднималась на небо, стали называть опорой Сатаней, поэтому к ее имени Сатаней стали добавлять слово Гуаша (опора).

Говорят, когда Сатаней-Гуаша, осыпанная звездами, с сияющим маленьким солнцем в руке, возвращалась на землю, ее увидел Цхы-мш и, пораженный ее красотой, остановился, не в состоянии идти дальше. И вместе с ним тогда остановилось время.

Записано со слов Кучи Лакрба в г. Гудаута в 1987 г.
Записал С. Габниа
Перевел с абхазского И. Хварцкия

САТАНЕЙ-ГУАША И РЕКА КУБАНЬ

Сатаней-Гуаша любила купаться в Кубани, и прекрасные косы ее после купания в реке излучали особенный свет, подобный утреннему солнцу. Само название реки произошло вот как. В давнишние времена называли эту реку Шхабом. Недалеко от реки Шхаб жил необыкновенно красивый юноша, которого звали Кубина (Кубань). Он пылко полюбил Сатаней-Гуашу, и Сатаней ответила взаимностью на его любовь. Люди, жившие на берегах Шхаба, в песне воспели любовь Кубины к Сатаней. Но сверхъестественная сила — Адоуха, которой обладала Сатаней-Гуаша, могла испепелить юношу, и поэтому она решила превратить возлюбленного в реку. Юноша, желая вечно ласкать тело Сатаней-Гуаши, согласился превратиться в воду и стал частицей реки Шхаб. С тех пор люди стали называть эту реку Кубиной. А Сатаней-Гуаша купалась только в реке Кубина. Говорят, что она от реки Кубань и зачала сына-богатыря.

Вот почему у человека, стоящего на берегу этой реки, появляется желание искупаться в ней. Его охватывает энергия любви. Говорят, что даже Бог омыл лицо свое водами реки Кубань.

Записано со слов Кучи Лакрба в г. Гудаута в 1987 г.
Записал С. Габниа
Перевел с абхазского И. Хварцкия

САСРЫКВА И ЕГО ОТЕЦ

— Коня мне приведите, моего коня! — воскликнул Сасрыква сразу после рождения. Поискали люди в нартском табуне, но его коня не нашли.

— Не нашли твоего коня, — сказали ему.

— Поищите как следует, и найдете! — ответил он им.

Когда поискали как следует, нашли одного араша, которого раньше здесь не было. Тут же оседлали араша и привели к Сасрыкве. Младший брат нартов вскочил на коня и перемахнул через нартский дом, восклицая, что равного ему по силе мужчины нету на свете.

— Мать, кто мой отец? — спросил он Сатаней-Гуаша.

— Твой отец Эрчхоу, — сказала мать.

— Ты должна повести меня к тому месту, где вы встретились с моим отцом.

Мать согласилась, и пошли они в Ирианскую долину. На той стороне реки увидели большое тростниковое болото.

— Нан, не сможешь ты перейти через реку, — сказала Сатаней-Гуаша. Но он отправил мать домой, а сам загнал араша в воду. На той стороне он встретился с Эрчхоу. Они познакомились. Сасрыква решил узнать, есть ли мужчина на свете сильнее его.

— Дад, я знаю, что вот это тростниковое болото — след лошадиного копыта, и сам посуди, есть ли мужчина сильнее, чем ты... — сказал Эрчхоу.

Записано со слов Хусина Габниа в с. Джирхва в 1955 г.
Записал Ц. Бжания
Перевел с абхазского И. Хварцкия

САСРЫКВА СБИВАЕТ ЗВЕЗДУ

Однажды девяносто девять братьев собрались в поход. Все было готово: оружие проверено, обувь цела, лепешки медовые — в переметных сумках. Коней своих нарты выкупали в Кубани, оседлали их. Братья попили, поели. И Сатаней-Гуаша сказала им:

— Счастливого пути, дети мои!

Разом поднялись братья со своих мест. Каждый из них держал в руке кнут. Садились на коней по старшинству.

Ударил кнутом нарт Сит, и показалось всем, будто гром ударил. Стрелою вылетел из ворот нарт Сит. А за ним понеслись его братья.

Опустел двор. Только нарт Сасрыква остался со своей матерью. Он печален.

Легонько держит повод своего огнеподобного коня Бзоу.

Печален нарт Сасрыква, ибо никто не пригласил его в поход.

Братья перед походом сели за общий стол,
А Сасрыква в стороне остался как столб.
Никто его к столу не позвал, не приветил,
Как будто и нету его на свете.

Как все остальные вымыл коня, почистил и оседлал,
Как все он кнут в правую руку взял,
Но сесть на коня не предложили ему,
Из всех ста братьев ему одному.

Распевая песни, выехали братья в широкие ворота,
Сасрыква остался один как если бы сирота.
Как ветер носятся братья, подвиги совершают,
Громкая слава повсюду их сопровождает.

А Сасрыква стоит неподвижно, руки скрестив на груди.
Почему же его не взяли? Что ждет его впереди?
Неужели его оставили навсегда стоять у ворот,
Телят и коров пасти, да пугать ворон?

Заплакал нарт Сасрыква. Поплелся к матери.

— О мать, — проговорил он.

— Здесь я, сын мой. Что тебе?

— О мать, братья мои отправились в поход, и никто не пригласил меня. В чем причина?

— О свет моих очей! Разве старшие должны приглашать младшего? Следуй за ними.

Сасрыква недолго раздумывал — вскочил на верного Бзоу и в мгновение ока исчез за воротами. Быстро нагнал он своих братьев и, не смея опережать старших, поехал сзади.

— Кто ты? Куда путь держишь? — спросил его.

— Как кто? Я брат ваш! — воскликнул Сасрыква.

— Не знали, — с усмешкой произнес Гутсакья.

— Ты не от нашего отца рожден, — сказал Сит.

— И еще лезешь к нам в братья? — сказал нарт Гутсакья.

Что делать? Сасрыква вернулся домой точно побитый.

— Что случилось? — с тревогой обратилась к нему Сатаней-Гуаша.

— Ничего, — ответил Сасрыква, — я позабыл лепешки. Накорми-ка меня. И если это возможно — приготовь мой любимый айладж.

Сатаней-Гуаша живо просеяла муку, взяла свежего сыру и приготовила айладж. Она подала сыну кушанье, исходившее паром.

— Садись и поешь вместе со мной, — попросил Сасрыква.

Сатаней-Гуаша положила перед собой горячий айладж. Она коснулась горячего айладжа пальцем. Но тут Сасрыква схватил ее руку и воткнул палец глубоко в горячий-прегорячий айладж. Мать вскрикнула.

— Пока ты не объяснишь, кто я, — сказал Сасрыква, — не выпущу твоей руки.

— Ты — мой сын, — сказала Сатаней-Гуаша, с трудом преодолевая боль. — И ты лучше всех.

— Я не спрашиваю, лучше я или хуже, — сказал пылающий гневом Сасрыква. — Кто мой отец? И почему братья мои смеются надо мной?

Сатаней-Гуаша не растерялась. Она сказала твердым голосом:

— Пусть твои братья, которые пренебрегают тобой, вечно нуждаются в твоей помощи!.. А ты, сын мой, — часть скалы. В тебе чудодейственная сила. Пусть лучше расскажет об этом кузнец Айнар.

Сасрыква выбежал во двор, сел на коня и помчался вслед за своими братьями.

Сатаней-Гуаша подняла к небу глаза и молитвенно проговорила:

— Пусть вас, братья Сасрыквы, обидевшие сына моего, на-

стигнет невиданный дождь — страшнее любого града, и ветер пусть дует вам в глаза — страшнее любого ветра, и пусть жизнь ваша зависит от сына моего Сасрыквы.

Между тем огнеподобный Бзоу летит вперед, и все ему нипочем — ни дождь, ни град, ни ветер, ни встречные реки. Он несется по долинам и горам, точно быстроногая серна.

Двое суток ехал Сасрыква, ехал в горы, все в горы. И вот усилился дождь. И повалил снег. И ветер подул, да такой, что казалось, горы обратятся в прах. А когда прояснилось — Сасрыква увидел своих братьев. Они жались друг к другу так тесно, что можно было набросить на них одну шапку. Бороды их обросли сосульками, и сосульки касались земли. Они погибали от холода.

— Что с вами? — спросил Сасрыква братьев.

Они очнулись словно ото сна и заговорили все разом.

— Сасрыква, брат наш! Мы умираем! Мы замерзаем! Спаси нас!

— Я с вами! — сказал Сасрыква. — Не бойтесь: я здесь!

И подумал: «Что же делать? Где раздобыть огонь на этой голой земле?»

Над ним раскинулось широкое небо, и было оно усыпано звездами. Они горели так ярко! «Их спасет только звезда!» — сказал про себя Сасрыква. Он натянул тетиву лука, прицелился в самую яркую из звезд и выпустил стрелу. И сбил яркую, самую яркую звезду! Она упала на землю, излучая тепло и свет. Насквозь промерзшие нарты собрались в кружок и стали греться. Но как ни была ярка и тепла эта звезда, согреть нартов она не могла. Их мог обогреть только земной огонь!

Сасрыква сел на коня и въехал на гребень горы. Видит — вьется дым. И он поехал на этот дым, решив, что там, где есть дым, есть и огонь. Но не так-то просто оказалось до огня добраться. Пришлось Сасрыкве переплывать бурные реки и проходить глубокие овраги, прежде чем ощутил он тепло огромного костра, в котором сгорали даже камни.

Однако путь к костру преграждал великан, свернувшийся так, что колени его касались подбородка. Великан спал, и Сасрыква не смог разбудить его.

Тогда обратился нарт к своему коню с такими словами:

— Будь шустрым, как белка, а я стану легким как пух!

И нарт разогнал коня своего Бзоу и влетел в правое ухо великана, а через левое вылетел! Набрал Сасрыква угольев и уже хотел было прежним путем возвратиться назад.

Но, по несчастью, обронил пылающий уголек, и лохматое великанье ухо загорелось. Чудовище проснулось, и Сасрыква вместе со своим конем очутился у него на ладони.

— Эй, ничтожный апсуа! — вскричал великан. — Как попал ты ко мне? И как тебя звать?

Сасрыква ответил:

— Я всего-навсего слуга нарта Сасрыквы.

— Ах, вот оно что! Скажи, ничтожный апсуа, а правда ли, что живет на свете Сасрыква, совершающий удивительные подвиги?

— Да, живет, — ответил Сасрыква, а сам с беспокойством думал о своих братьях. «Как бы отделаться от этого великана?» — размышлял он.

— Расскажи-ка о его подвигах, — сказал великан, тараща огромные глаза на нарта.

— Долго рассказывать, — сказал Сасрыква.

— Ничего, что долго, рассказывай...

— Ну что ж, — начал Сасрыква, — расскажу, только не вздумай следовать его примеру.

— Это почему же?

— Потому что не всякий это сможет... Вот, скажем, поднял однажды Сасрыква валун величиной с дом, поставил его на скалу, а сам стал под скалой. Он приказал мне сдвинуть с места валун, который едва держался на самом краю утеса. И что бы ты думал? Валун разбился о голову Сасрыквы! Только не вздумай повторять его подвиг!

Однако великан только рукой махнул и через мгновение уже тащил на гору преогромный валун. Рядом с валуном поставил ничтожного апсуа — слугу Сасрыквы, и попросил помочь совершить подвиг. Сасрыква столкнул валун, и полетел валун с превеликим грохотом. Ударился о голову великана и тут же рассыпался, точно был слеплен из сухого песка.

Огорчился Сасрыква, но что поделаешь — силен великан!

— На что же еще способен твой Сасрыква? — взревел великан.

Нарт сказал:

— Этот Сасрыква собрал однажды куски железа, сварил их в котле и выпил, точно молоко. Ему понравилось расплавленное железо.

Великан приступил к делу: живо расплавил в котле куски железа и выпил.

— Да, — проговорил он, — знает твой Сасрыква толк в еде — очень приятно пить железо.

Огорчился Сасрыква, но что делать — силен великан!

— Ну, расскажи еще что-нибудь о Сасрыкве, — просит великан.

— Сасрыква, — говорит нарт, — очень любит в морозный день окунуться в реку и стоять в ней неделю, а порой и больше. Войдет в воду и ждет, пока она не замерзнет, а потом ломает лед и выходит на берег цел-невредим.

— Так вот оно что! — говорит великан. — Сумел Сасрыква — сумею и я!

В это самое время Сатаней-Гуаша своим адоуха * узнает о тяжелом положении, в которое попал ее любимый сын. И произносит такое заклинание:

— Ударьте морозы посильнее, чтобы накрепко замерз великан в воде!

И в самом деле ударили морозы. Замерзли горные реки. Вот тут и пришлось великану испытать свою силу.

Залез он в воду, и она замерзла вокруг него. Но великан легко взломал лед. Тогда Сасрыква раздобыл стог сена, разбросал сено по льду, и сделался лед во много раз прочнее.

Стоит великан во льду — одна голова торчит над гладкой ледяной поверхностью. А когда захотел он выбраться, то уже не смог. Пытался было взломать лед, но все напрасно. Пытался было уговорить Сасрыкву, чтобы тот помог ему, но все напрасно. Видит великан — грозит ему погибель.

— Эх, проклятый, — говорит великан нарту, — наверное, ты и есть Сасрыква, ибо обхитрил меня, вокруг пальца обвел.

— Ты угадал, — ответил Сасрыква и обнажил шашку, чтобы отрубить голову ловко пойманному чудовищу.

— Эй, Сасрыква! — кричит великан. — Нет, ты не сумеешь отрубить мне голову. Но раз ты такой молодец, одарю я тебя перед смертью. Слушай меня: шашка твоя погнется, точно соломинка. Возьми лучше мою, если только сумеешь вытащить ее из ножен. Вытащи ее и толкни по гладкой поверхности льда так, чтобы она ударилась о мою шею и перерезала толстую жилу. Жила эта чудодейственная. Сделай из нее пояс для прекраснейшей и умнейшей из женщин — Сатаней-Гуаши и для себя — непревзойденного героя. И вы станете бессмертными.

---

* Адоуха — ясновидение, сверхъестественная сила.

Что долго раздумывать! «Попытка не пытка», — сказал себе Сасрыква и послушался великана. В самом деле, отрубив голову, нарт обнаружил на шее толстую жилу. Вырезал он эту жилу. Но не был бы Сасрыква нартом, если бы полностью доверился чудовищу.

Сасрыква набросил жилу на высокую липу, стоявшую неподалеку, и она свалилась, точно подрубленная. Коварный замысел великана раскрылся!

Расправившись с великаном, нарт поднял горящую головешку и на верном коне Бзоу прискакал к братьям.

Звезда, согревавшая нартов, понемногу гасла, теряла свое тепло.

— Не падайте духом, братья мои! — крикнул Сасрыква.— Вот я привез вам огонь земной взамен огня небесного.

— Огонь-то есть, — уныло сказали братья, — а где же хворосту взять, вокруг все голо.

Сасрыква сказал:

— Выньте газыри свои, расщепите их — и разгорится костер!

Братья послушались Сасрыкву. И запылал костер, вскоре в котлах уже варилось мясо серны и оленей, убитых Сасрыквой.

Напились нарты мясного отвара и досыта наелись мяса.

Записано со слов Хаджарата Ашуба
в 1946 г. в с. Гвада
Записал Б. Шинкуба
Из книги «Нарт Сасрыква и 99 его братьев». Сухуми, «Алашара», 1988

ПЕСНЬ О САТАНЕЙ-ГУАШЕ

(подстрочный перевод)

Когда утром встала Сатаней-Гуаша,
Акуном принесенные круги шерсти Сатаней-Гуаша
Обвила вокруг своей левой руки, Сатаней-Гуаша
Пятою своею толкнув, Сатаней-Гуаша
Громадный бук с корнем вырвала, Сатаней-Гуаша,
Подняла, повертела и скоро в прядку превратила,
Сатаней-Гуаша
Кончиком ноги толкнула Сатаней-Гуаша,
И скалу большую вырвала Сатаней-Гуаша,
Ногтем ее вдавила Сатаней-Гуаша,
В самое сердце просверлила Сатаней-Гуаша,
И пряслом ее сделала Сатаней-Гуаша,
Вздохнула ими и прясть начала Сатаней-Гуаша,
С гулким шумом ступая, Сатаней-Гуаша,
Пошла-понеслась Сатаней-Гуаша,
По долине Бзыби Сатаней-Гуаша.
При возвращении пред вечером Сатаней-Гуаша
Из тысячи кругов шерсти, Сатаней-Гуаша,
Нитки разобранные двух видов, Сатаней-Гуаша,
Пряденная в отдельности каждая, Сатаней-Гуаша,
Внесла во двор домой, Сатаней-Гуаша,
В следующий день, чуть рассвет, Сатаней-Гуаша,
На станок их накинула, Сатаней-Гуаша,
И, начав ткать с велликой силой, Сатаней-Гуаша,
Мощным движением ударяла, Сатаней-Гуаша,
Заставляя землю дрожать и небо, Сатаней-Гуаша,
За работу села, за станок Сатаней-Гуаша,
Пока солнце не зашло, Сатаней-Гуаша,
Всю материю соткала, Сатаней-Гуаша,
Вынесла из-за станка Сатаней-Гуаша,
Сложила; в порядок уложила Сатаней-Гуаша,
В третий день, чуть рассвет, Сатаней-Гуаша,
Взяла свои ножницы, Сатаней-Гуаша,
Одежды ста своих сыновей Сатаней-Гуаша,
Кроить-шить начала Сатаней-Гуаша,
Пока солнце стояло на высоте дерева, Сатаней-Гуаша,
Одежду сыновей своих, Сатаней-Гуаша,
Сшив и выутюжив, положила, Сатаней-Гуаша,

Когда Солнце зашло (заходило в воду), Сатаней-Гуаша,
Сыновья один за другим, Сатаней-Гуаша,
Из доблестного похода возвращались, Сатаней-Гуаша,
Овеянные громкой славой, Сатаней-Гуаша,
С богатой добычей въехали, Сатаней-Гуаша,
Обводя руку вокруг их голов (возьму вашу боль на себя)
Сатаней-Гуаша,
Став впереди, ввела их в дом Сатаней-Гуаша,
Одного за другим поставила Сатаней-Гуаша,
Примерку одежды им устроила Сатаней-Гуаша,
Пусть и сшитые не примеренные, Сатаней-Гуаша,
Платья из шерсти добротные, Сатаней-Гуаша,
Когда одела всех и каждого Сатаней-Гуаша,
Дружно вместе, потрясая небо, Сатаней-Гуаша,
Сыновья с матерью заплясали, Сатаней-Гуаша.

Записано со слов Езуга Лабза в г. Гудаута в 1949 г.
Записал К. Шакрыл
По книге Ш. Д. Инал-ипа «Памятники абхазского фольклора», Сухуми, 1977

ПОБЕЖДЕННЫЕ ЖЕНЩИНАМИ

Богатырское племя аиргъ считалось равным нартам по славе и геройству. В племени аиргъ были два брата: старшего звали Рад, младшего — Раш. А отца их звали Римца, мать — Рарира. Хания была сестрою Рада и Раша.

Рад был сильным, храбрым мужчиной, ни в чем не уступавшим нартам. Дикому буйволу уподоблялся он, завидев перед собою врага. Стрелы его не знали промаха.

Аиргъ и нарты, уходя добывать славу, иногда брали с собою своих сестер. Но в бою женщины участвовали лишь в крайних случаях. Когда не угрожала опасность, сестер оставляли там, где готовилась пища для братьев. Сестер оставляли, а братья шли вперед — сражаться.

Однажды нарты и аиргъ двинулись в горы. А Гунда и Хания находились у походных очагов.

Ханию хотел взять в жены некто Хуаша Бырзык. Однако Хания отказалась выйти за него замуж, ибо не любила его. Братья Хании сказали Бырзыку, что не отдадут за него сестру, потому что этого не желает сама Хания. Хуаша смертельно обиделся и начал враждовать с племенем аиргъ.

Что оставалось делать Хуаше? Разумеется, похитить Ханию. У него был конь по кличке Зар. Казалось бы, конь, но он все понимал, как человек! Он был верным другом и помощником в бою. Нетрудно похитить кого угодно, имея такого коня, как Зар.

Пронюхал Хуаша, что сестры остались одни у походных очагов. Удобнее случая и не придумаешь! Собрал Бырзык своих друзей и вместе с ними заявился незваным гостем. Спрыгнул он с коня и сказал Хании так:

— Собирайся! Я погоню тебя перед своим конем.

— Ты не знаешь нас, — ответила Хания.

— Род мой неукротим! Видишь эту палку? Она очень опасна.

Хания носила с собой кизиловую палку. Ни у кого до нее не было в Апсны такой палки. Их стали носить потом, после Хании.

— Я не желаю слушать твою болтовню! — вскричал Хуаша.

— Нас много, и вы покоритесь! Впрочем, мой конь и один справится с тобой, он донесет тебя в зубах.

Гунда сказала:

— Наш род не знает поражения, и мы никогда не станем пленницами! Давайте сражаться!

Друзья Хуаша приготовились к бою.

Хания сказала:

— Покончим с нашим спором. Один на один хочу я сразиться с Хуашем. Если победит он — что ж, я ваша. Если победа будет моя — убирайтесь восвояси.

— Хорошо! — воскликнул Бырзык. — Мы пришли сюда, чтобы сражаться, и мы будем сражаться!

Гунда сказала Хании:

— Я буду колотить их своими пятками. Едва ли они устоят против моих пяток.

— А за этого примется палка, — сказала Хания.

И тут же набросилась Хания на Хуашу. Палка ее сверкала на солнце, точно молния. Удары сыпались на Хуашу, будто град. А Гунда билась с врагами, точно кобылица против стаи волков. Силу ее ног испытали они в полной мере. С тех пор палку из кизила называют — палкой Аергов.

Видит конь Зар — дело плохо, и ну бить копытами, брызгать слюной и грозно мотать хвостом! Но его быстро укротили Гунда и Хания — стреножили и огрели хлыстом.

Победив своих врагов, женщины свободно вздохнули и на досуге сложили песню о стреноженном Заре. А на свирели играл нарт Кятаван, посланный сюда нартами и аиргъ. Эту песню поют в Апсны и по сей день. Называется она «Азар». Поют ее только на скачках.

К «Азару» обычно добавляется заздравный тост нартов и аиргъ. Вот он:

Уаа,
Вы, юноши, что на земле появитесь после нас,
Благословляем и приветствуем вашего час.
Пусть земля вас встретит изобилием на столе,
И моложе ста лет не предали бы вас земле.
Пусть зло для народа будет и ваше зло,
Пусть добро для народа будет и ваше добро.
Ваше слово пусть будет «нет» — «нет», «да» — «да».
Не солжет, не слукавит, не нарушится никогда.
Ваше слово пусть будет такую же крепость иметь.
Как понятие «жизнь» и понятие «смерть».
А поколенья, что на земле появятся после вас,

Благословите и вы в свой последний час.
Чтобы жил нескончаемо наш народ
От века до века, из рода в род.

Таков сказ о Гунде и Хании и побежденных ими мужчинах.

По книге «Нарт Сасрыква и 99 его братьев». Сухуми, «Алашара», 1988

МЫЛХВЫЗЫ

Нарты Мылхвызам приходились племянниками по материнской линии. Когда-то Мылхвызы сразились с Ермыджами, и весь род Мылхвызов погиб на поле брани. Не осталось никого, кто бы мог, как говорится, прикрикнуть на собаку. Но одна беременная женщина, жена одного из Мылхвызов, сбежала в соседнее село и осталась в живых. Она родила сына.

Когда Мылхвыз вырос, он от матери узнал трагическую историю своего рода, вскочил на своего коня Акырмырдж (этот конь был лучше, чем араш Сасрыквы) и двинулся в путь. Когда он стал приближаться к жилищу нартов, словно ураган, нартский пастух Ирыза, сидевший во дворе, сказал:

— Видно, один из Мылхвызов сохранился, он едет к нам.

Сасрыква вышел из дома и встретил гостя, но дыхание коня подняло его и стало кидать из стороны в сторону.

Мылхвыз крикнул ему:

— Сасрыква, не подходи к Акырмыджу! Уходи!

Но Сасрыква не ушел, он всегда искал встречу с опасностью. Когда Мылхвыз соскочил с коня, конь Акырмыдж успокоился. Нарты встретили его радушно, потому что высоко чтили представителей героического рода своей матери.

Мылхвыз был до того красивым мужчиной, что нартский пастух Ирыза скончался от чрезмерного восхищения им.

Нарты сели на своих коней и вместе с Мылхвызом отправились в поход против Ермыджей.

Записано со слов Леуа Ацнариа в с. Кутол в 1955 г.
Записал Ц. Бжания
Перевел с абхазского И. Хварцкия

НАРТЫ И СЕСТРА АЦАНОВ

Нарт Кун пошел на охоту. Он выследил зубра и прицелился, чтобы пустить стрелу. И вдруг зубр упал. Нарт понял, что кто-то его опередил. Он поспешил к убитому зубру. Карлик-ацан свежевал шкуру убитого зубра.

— Пусть следующий раз Ажвейпшаа пошлет тебе лучшего зверя! — приветствовал его Кун.

Это был ацан Хачыр. По обычаю, он отрезал заднюю правую ногу зубра и предложил настигшему его нарту. Но нарт решил его перехитрить.

— Ты возьми столько мяса, сколько унесешь, а остальное останется мне, — предложил он ацану, решив, что карлик много не унесет.

Ацан освежевал убитого зверя, завернул мясо в шкуру, и вдруг, легко взвалив на себя огромную ношу, пошел своей дорогой. Изумленный нарт последовал за ним на расстоянии.

Когда он увидел жизнь ацанов в карликовых оградах, нарт Кун зажегся желанием породниться с ним.

Кун послал к ацанам сватов, прося выдать за него их сестру.

— Породниться с нартами для нас большая честь, — сказали ацаны нартским посланникам. — Мы выдадим нашу сестру за Куна, но с одним условием: он никогда не назовет ее маленькой и грязной.

Нарт принял условие, и таким образом сестра ацанов стала его женой.

Некоторое время они жили в мире и согласии, но однажды Кун разгневался и сказал:

— Угораздило же меня жениться на сестре грязных и маленьких ацанов!

Сестра ацанов была беременна. Она вспорола себе живот, выбросила младенца и пошла прочь, оставляя кровавые следы. Ребенка не могли кормить, потому что его горячие губы обжигали груди кормилиц.

— Кормите его расплавленной сталью, — бросила сестра ацанов через плечо, когда ее догнали.

Прошло время, и нарт Кун забеспокоился.

— Ацан Хачыр не виден в траве, как бы он не убил меня, — сказал нарт и стал хлопотать о примирении.

Старейшины нартов начали переговоры с ацанами. Хачыр

поставил такое условие, чтобы нарты разрешили ему провести одну ночь с их матерью, Сатаней-Гуашей.

Нарты согласились и оставили ацана Хачыра наедине с матерью. Она решила, что карлик окажется жалким на ложе любви. Но к утру Сатаней-Гуаше пришлось взмолиться к небу и воспользоваться своим даром повелевать стихиями. Она попросила солнце взойти на четверть часа раньше.

Из книги Ц. Бжания «Из истории хозяйства абхазов»
Перевел с абхазского Д. Зантария

МЕЧ САСРЫКВЫ

Однажды, как обычно, нарты отправились в поход. Но молодого Сасрыкву они не взяли с собой. Младший брат нартов принес плуг, которого не поднять и ста мужчинам, запряг здоровых быков и отправился в долину Кубани пахать землю. Закончив через некоторое время эту тяжелую работу, он распряг быков и погнал их домой. Но быки не слушались молодого нарта и разбрелись в разные стороны. Тогда Сасрыква схватил большой ком земли и кинул его в того быка, который больше всего не слушался его. Но ком земли, пущенный рукой Сасрыквы, пробил насквозь тело быка и упал невдалеке на только что вспаханное поле. Бык, конечно же, сразу рухнул как подкошенный и испустил дух.

Удивился Сасрыква, поднял тот ком земли и понял, в чем дело: это был кусок железа. Ударил его Сасрыква камнем, но камень раскололся от удара на мелкие куски. Ударил он железом свою соху, но она погнулась, как тесто. И понял тогда Сасрыква, что это не простое железо, а рожденное молнией. С великим трудом он отколол от него маленький кусочек и сделал шило, а оставшийся кусок отнес в нартскую кузню и долго упрашивал Айнар-жия * сделать ему из этого железа необычный острый меч. Старый мастер не мог отказать молодому нарту и пообещал ему выковать меч до возвращения братьев из похода.

В назначенный день рано утром Сасрыква пришел к Айнару-кузнецу.

— Вот меч, сделанный из железа, рожденного молнией! — Айнар-жий поднес Сасрыкве один из многочисленных мечей, висевших на стене в ряд.

Молодой нарт достал свое шило, которое он смастерил из отколотого от куска железа, рожденного молнией, и проткнул лезвие меча.

— Это не тот меч, который я попросил тебя изготовить, — сказал он и бросил меч в угол.

Так один за другим проверил он все мечи, висевшие в кузне, и все они легко протыкались этим шилом. Айнар-жий хотел таким образом проверить молодого нарта, но в конце концов принес ему сверкающий на солнце острейший меч.

Сасрыква попробовал проткнуть его шилом, но не смог сделать

---

* Жий — кузнец (*абх.*).

на лезвии даже царапины. Это был действительно меч, изготовленный из железа, рожденного молнией.

— Это тот самый меч, подобного которому нет на свете, — сказал Сасрыква и вышел из кузницы.

Записано со слов Ч. Цвижба в с. Члоу в 1968 г.
Записал С. Цвижба
Перевел с абхазского В. Аиборов

СИЛЬНЕЕ СИЛЬНОГО

Рано утром, выкупав Бзоу, Сасрыква поднимал скамью, на которой умещались все сто братьев, и перекидывал ее через дом. Пока летела скамья, Сасрыква успевал перебежать на задворок и там ловил ее. Это повторялось трижды.

А потом, бывало, поставит скамью на место, усадит на нее мать и опять спрашивает:

— Есть ли кто сильнее меня?

Снова мать вышла из себя и сказала:

— Забыл ты, Сасрыква, что живут на свете люди и посильнее тебя!

И тут она грохнулась на скамью и разломала ее. Поднялась, рассерженная донельзя, и, ударившись головою о железный брус, погнула его.

— Если ты не хвастаешь попусту, — воскликнула Сатаней-Гуаша, — иди вот этой дорогой, и ты снова увидишь того, кто сильнее тебя!

Не говоря ни слова, нарт вскочил на коня и отправился в путь.

Скакал он по той дороге ровно пятнадцать дней, а на шестнадцатый увидел пахаря, пашущего поле. Пахарь был неимоверного роста, был он однорукий, могучий.

— Добрый день! — крикнул Сасрыква, почтительно привстав на стременах.

Но пахарь не расслышал его слов. Он продолжал пахать, выворачивая глыбы величиною с добрый дом.

— Благодарного труда тебе и семье твоей! — снова крикнул Сасрыква.

Однако пахарь и на этот раз не расслышал его. Тогда Сасрыква огрел коня плетью и помчался навстречу неучтивому пахарю. Увидев всадника, пахарь накрыл его глыбой земли величиною с добрый дом и продолжал свою работу.

В полдень пришла к нему жена, принесла еду в железной миске. Была эта миска не меньше амбара, в котором хранят кукурузу.

Наевшись, пахарь сказал жене:

— Да, чуть было не позабыл. Здесь у меня припрятана забава для детей. Это какой-то жалкий абхазец. Заклинаю тебя нашей верой, возьми его с собой!

С этими словами он отбросил глыбу величиною с добрый дом

и передал Сасрыкву вместе с его конем жене. Та посадила нарта в миску и без труда понесла домой лесной тропою.

По дороге Сасрыква уцепился за встречные ветки и, накрепко обхватив коня коленями, выскочил из миски. Очутившись на воле, конь Бзоу понесся быстрее ветра.

Вот скачет Сасрыква во весь опор и видит аробщика. Это был не простой аробщик, был он громадный, ростом с того самого пахаря.

— Да приумножится твое добро! — сказал Сасрыква.

— И тебе того же самого! — ответил аробщик.

— Однако что же случилось? Я вижу, ты торопишься, необычайно торопишься.

Сасрыква признался:

— К чему скрывать? Я побаиваюсь за себя. Вот-вот нагонит меня враг. Если это возможно — дай мне укрыться где-нибудь понадежнее.

— Полезай сюда, — сказал аробщик, приподняв миску, которая стояла на арбе вверх дном.

Недолго думая полез Сасрыква под миску. Вместе со своим конем.

Вот догоняет пахарь аробщика.

— Я ищу одного жалкого абхазца, — говорит он, обращаясь к аробщику. — Не видал ли ты его?

Аробщик отвечает:

— Как же не видел, если он у меня в миске сидит?

— Отдай его мне, — говорит пахарь. — Он мой.

Аробщик и в ус не дует.

— Ты слышал поговорку: «Не в свою миску не лезь». Убирайся отсюда, пока цел!

И началась тут драка: пахарь сцепился с аробщиком. Покатились они по земле, вздымая клубы пыли.

Пахарь одолел аробщика, подмял его под себя и кричит Сасрыкве:

— А ну, поди-ка сюда!

— Не могу! — отвечает Сасрыква. — Я же в миске!

Толкнул пахарь ногою миску, перевернул ее, и Сасрыква вместе с конем вывалился на землю.

— А теперь, — говорит пахарь, — вырви у меня волос из бороды, и я свяжу этого старого великана.

Но как ни силился Сасрыква вырвать волос из бороды пахаря, так и не смог.

— А еще мужчиной называешься и носишься по белу свету, — с укоризной сказал пахарь, сам вырвал волос и связал тем волосом аробщика.

Затем встал, отряхнулся, запросто отправил Сасрыкву вместе с его конем в карман своего архалука и направился домой...

Что говорить? Служил великий нарт забавой детям пахаря, они играли им, как мячом, передавая один другому.

Спустя день, когда возвратился пахарь с поля, Сасрыква сказал ему:

— Послушай, почему ты так невежливо обращаешься со своим гостем? Я же нарт Сасрыква, и тебе следует быть со мной поучтивее...

— Умереть мне! — воскликнул пахарь. — Как же это так случилось, что я не узнал тебя?!

Он позвал своих братьев, и они вместе с нартом пили вино до самого утра.

А утром сказал Сасрыква пахарю:

— Я открылся перед тобой и назвал свое имя. Скажи, кто ты, который сильнее самого сильного?

— Эх, Сасрыква, Сасрыква, — ответил пахарь. — Да разве я самый сильный? Ужель ты думаешь, что нет человека сильнее меня? А вот послушай и реши сам... Как-то я с моими товарищами отправился в горы. Там застигла нас непогода, и мы укрылись в пещере. Пещера оказалась глазом бараньего черепа. А поблизости пастух пас стадо, у него была собака, и она, та самая собака, притащила в зубах этот череп своему хозяину. Разумеется, вместе с нами. Пастух, раздосадованный глупой выходкой собаки, забросил череп в овраг, словно камешек. При падении мои товарищи погибли. Я же чудом спас свою душу, но остался без руки. Вот где человек посильнее нас с тобой!

— Да, — задумчиво произнес нарт, — тот человек необычайной силы...

— Вот ты и задумайся теперь, — посоветовал нарту пахарь-великан.

Простился с ним Сасрыква и поехал назад, к своей великой матери...

С тех пор перестал похваляться своей силой нарт Сасрыква, ибо понял он, что всегда найдется тот, кто сильнее сильного.

Записано со слов С. Сакания в с. Кутол в 1948 г.
Записал Г.Шинкуба
Из книги «Нарт Сасрыква и 99 его братьев». Сухуми, «Алашара», 1988

УДИВИТЕЛЬНЕЕ УДИВИТЕЛЬНОГО

Уже год, как женат Сасрыква. И, по обычаю, пригласил он к себе братьев жены и устроил пир.

Перед тем как покинуть гостеприимный кров, братья аиргь говорят Сасрыкве:

— Очень соскучилась наша сестра по отчему дому. Разреши ей ненадолго поехать с нами.

Сасрыква не мог отказать в этой просьбе, и жена его уехала с братьями на лучшей лошади.

Вот прошел месяц. Еще один... А братья аиргь не возвращают свою сестру. Стал беспокоиться нарт Сасрыква, и решил он разузнать, в чем дело. Сел на коня и двинулся в путь.

Неизвестно доподлинно, сколько дней провел он в дороге. Но хорошо известно, что в один прекрасный день подъехал он к берегу бурной реки, точнее — небольшой бурной реки. Посредине реки возвышался валун, а на том валуне бились смертельным боем два бараньих черепа с огромными рогами.

Сасрыква был поражен. Ему казалось, что видит он все это во сне. Чтобы бились мертвые черепа?! Да где же это видано? Где это слыхано?

Сасрыква переправился вброд через реку, размышляя над странным боем двух бараньих черепов. И он сказал себе: дурной этот знак. А разве могло быть иначе?

Дорога вела к тесному ущелью. И вдруг стало темным-темно! Что за наваждение?.. Сасрыква глянул на небо, а его и не видно: вороны заслонили небо! Летели они такой плотной стаей, что небо казалось в глубоком трауре.

«Куда летят птицы? — думал нарт. — И откуда их такое множество? Нет, не к добру это».

И едет себе дальше, все дальше по ущелью. Еще день, и два, и три. На четвертый выезжает на широкую равнину. Видит — посредине равнины стоит большое дерево, а под деревом свалены в кучу старые и новые женские и мужские чувяки, ноговицы и мягкие сапоги.

Обувка, что поновее, сама взбегает вверх по стволу дерева, а которая постарее — с верхушки торопится вниз.

Нет, никогда не бывало ничего похожего! Чтобы бегала обувка, точно живая?! Чтобы чувяки понимали, куда им бежать — вверх

или вниз?! Нет, это чудо из чудес! Это нечто удивительное. И ничего хорошего все это не предвещает.

Так думал нарт, скача по равнине. И вскоре он заметил, что конь его покрывает большущие расстояния: за день проделывает трехдневный путь! И это тоже удивительно!

Нарт терялся в догадках...

Вот приехал он во дворец братьев аиргъ: ворота открыты настежь и коновязь пуста.

Спешился нарт, шагает по двору. И что же? Здесь его ждет такое, что удивительнее удивительного.

Подумай сам: лежит собака, не ощенилась она, — а щенки уже лают, злобно лают на Сасрыкву, словно пытаются схватить его за ногу. А между тем собака спит глубоким сном и не слышит лая своих щенков, до поры до времени сидящих в ее утробе.

Однако самое что ни на есть удивительное было впереди.

Щенки продолжали яростно лаять, а их уже осаживал чей-то властный голос. «На место, на место, проклятые!» — кричал кто-то на щенков. И как ты думаешь, кто бы это кричал, кто заступался за Сасрыкву? Младенец, находящийся в утробе матери. Вот кто! А мать его, ничего не подозревая, вертела себе жернова ручной мельницы и пела себе песню:

Саунау, Саунау *,
Мели, мельница, мели,
Саунау, Саунау.
Ты, младенец мой, дремли.
Дам тебе я кашки блюдце,
Мели, мельница, мели.
Ты потом отдашь мне блюдом,
Мели, мельница, мели.

Сасрыква, что называется, обомлел от удивления. Но самое, пресамое удивительное оказалось все-таки впереди.

Вот идет навстречу нарту Сасрыкве его жена, его любимая жена. Увидел ее нарт и сказал себе: «Должно быть, настал мой конец». А что он мог еще подумать, если к нему шла жена, любимая жена, но без головы. Нет головы, а разговаривает! Вот поди разберись во всем этом! И недаром великий нарт едва не лишился чувств.

---

* Саунау — божество, покровительница мукомолья.

Она не сразу подошла к мужу — дала ему возможность передохнуть, прийти в себя. Выждав положенное время, обратилась она к нарту с такими словами:

— Что с тобой? Почему ты так печален?

Нарт ответил:

— Как же не быть мне печальным, если всю дорогу, едучи к тебе, видел удивительные чудеса. Они ничего хорошего не предвещают.

— Расскажи же, что ты видел, что удивило тебя?

Нарт рассказал о том, как бились бараньи черепа посредине реки, о том, как новая обувка поднималась на дерево, а спускалась вниз по стволу, о том, как лаяли щенки из утробы собаки, и о том, как осаживал их еще не появившийся на свет младенец.

— И это все? — спросила сестра братьев аиргь.

— Пожалуй, все, — ответил муж, — если не считать того, что не вижу я твоей головы, но слышу твою речь. Мне кажется, что все это не к добру.

— Ты прав, — сказала ему жена. — Не жди добра.

— Так открой же мне, что все это значит!

— Слушай, — сказала сестра братьев аиргь, — я ничего от тебя не скрою... Ты видел черепа баранов? Это черепа тех самых баранов, которых зарезали нарты и великаны в знак примирения. Черепа эти торчали на двух шестах по берегам реки, которая служит рубежом земли нартов и земли великанов. А то, что они бьются теперь, означает только одно: между нартами и великанами снова разгорелась война. Ты видел стаю ворон? Это значит, что великаны напали на твое село... Ты видел старую и новую обувку? Это старые уходят, а свежие силы приходят тебе на помощь. Ты слышал лай неощенившихся щенят? Это злобствуют те, которые хотят войны. Ты слышал голос младенца из утробы матери? Это голоса тех, кто на твоей стороне! Это означает, что растут те, кто желает войны с тобой, кто замышляет дурное против тебя, это означает также, что растут и те, кто за тебя, кто против войны, кто за благо и мир!.. Что до моей головы — я скажу тебе так: ты — моя голова. И пока твоя жизнь в опасности — не будет у меня головы. Если дрогнешь в бою — не будет у меня головы! Если от страха сожмется в бою твое сердце — не будет у меня головы! Но ты победишь — верь и не падай духом. И снова появится у меня голова.

Выслушал нарт сестру братьев аиргь — свою любимую жену — и вскочил на коня.

Он крикнул жене:

— Если село мое в опасности — могу ли я находиться далеко от него? Я очень тороплюсь. И прошу тебя об одном: возвращайся, возвращайся поскорее и береги мой очаг, пусть стоит мой дом как крепость! Все это я поручаю тебе. Не мешкай же!

И он исчез, как ветер в горах.

По книге «Нарт Сасрыква и 99 его братьев». Сухуми, «Алашара», 1988

ВЕЛИКИЙ КУВШИН

Виноградники нартов были обширны, славились обильными урожаями. Виноделием занимался нарт Сит. Он знал свое дело как никто другой.

Хранилось вино в глиняных кувшинах. По ту и эту стороны Кавказского хребта, пожалуй, нет места, где бы люди не находили в земле остатки нартских кувшинов. В них очень удобно было держать вино: со временем оно делалось ароматным, точно земляника, долго сохраняло свежесть и вкус винограда.

Кувшины были разной величины. Те, которые побольше, имели собственные имена: Вадзамакят, Хямхуа, Авадзакят, Агдзакят. Самым большим, великим кувшином считался Вадзамакят. Он вмещал шестьсот обычных нартских кувшинов, употребляемых для воды.

Надо сказать, что Вадзамакят не был простым глиняным кувшином. Он отличался свойствами, тайна которых не раскрыта до сей поры. Следует знать, что Вадзамакят изготовили особым способом. Как и кем — это тоже неизвестно. Вино Вадзамакят обладало особой силой: выпив его, нарты становились еще более могучими. Говорят, что клали в этот кувшин разрубленную красную змею. Но где водится эта змея — никому не ведомо. Вот еще одно удивительное свойство Вадзамакята: сколько ни черпай вина из него — оно не убывало.

Все это, разумеется, создало великую славу этому нартскому кувшину. Если нарты поклялись возле него — значит, так тому и быть: никакого отступления! Да, священный был кувшин этот Вадзамакят!

Великий кувшин был зарыт в самом сердце Кавказских гор — на Клухорском перевале. Правда, иные утверждают, что не на Клухорском, а на Нахарском. Но об этом можно поспорить.

Как ни дружили между собой нарты, как ни были они спаяны родственной кровью, но пошло меж ними это самое «мое-твое». Пришлось им поделить отцовское добро и разграничить это «мое-твое». Что делать? — такова жизнь.

Сасрыква сказал так:

— Я ничего не хочу из отцовского добра — дайте мне только Вадзамакят. И ничего другого я и не возьму!

Скажу прямо: каждый из нартов хотел того же самого. Сасрыква лишь опередил их. После его слов никто не обмолвился

о кувшине, но отдать его младшему брату тоже никому не хотелось.

Одним словом, Вадзамакят стал причиной горячих споров. Спорили день, спорили два. Долго спорили братья.

И вот Сасрыква сказал:

— Давайте решим дело так: пусть каждый из нас расскажет о своих подвигах. Самый удивительный подвиг заставит заклокотать вино в Вадзамакяте. Тому и достанется кувшин.

Говоря это, Сасрыква был убежден, что кувшин достанется именно ему, ибо кто из братьев мог сравниться с ним геройскими подвигами?

Первым стал возле кувшина старший из братьев — Сит. Он долго рассказывал о своих подвигах, но вино и не думало клокотать. Вслед за ним его место по старшинству занимали остальные нарты, но вино оставалось спокойным, как молоко в глиняной посуде.

Пришел черед Сасрыквы. Он занял место своих братьев и с пылом рассказал о своих подвигах. Воистину это были геройские подвиги! Рот разинешь, слушая о них, обо всем на свете позабудешь.

Но вот незадача: не заклокотало вино. Ничего, кроме обычного шипения, вызываемого крепостью самого вина.

Сасрыква огорчился, очень огорчился!

Здесь же, недалеко от кувшина, стоял работник нартов по прозвищу Бжеиква-Бжашла, что означаает Получерный-Полуседой. Мужественным был этот человек, больше того — он был героем. Но никто не знал об этом, кроме матери нартов великой Сатаней-Гуаши.

Сатаней-Гуаша сердцем чуяла беду, угрожавшую ее сыновьям в дни многотрудных походов. И тогда она вызывала Бжеикву-Бжашлу, окрашивала всю его одежду, лицо, ноги, руки наполовину в белую, наполовину в черную краску и посылала на подмогу сыновьям. Исполнив свой долг, не открывая своего имени, Бжеиква-Бжашла возвращался домой. Так и не знали нарты, кто их таинственный друг...

Видит Бжеиква-Бжашла, что никому из нартов не достается Вадзамакят. И обратился тогда он к братьям:

— Дайте и мне слово сказать.

Нарты удивились:

— Тебе слово? До что ты можешь сказать? Ну, если не лень — говори.

И Бжеиква-Бжашла начал так:

— О великие нарты, вспомните, как однажды собрались великаны со всех концов света, чтобы погубить вас. Они устроили засаду в горах, с нетерпением ждали вашего появления. Вы оседлали своих огнеподобных коней и смело вышли в поход. Вас не остановили укрепления, построенные великанами. Вы храбро бросились на врага. А иначе вы не были бы нартами! Бились вы долго. Кровь великанов лилась рекой, но их было множество, и они окружили вас, зашли к вам с тыла. Смертельная опасность угрожала вам, и в эти мгновения дрогнуло сердце вашей матери. Сатаней-Гуаша позвала меня и сказала так: «Жизнь моих сыновей на волоске. Нельзя мешкать, надо спешить на помощь. Прояви мужество, Бжеиква-Бжашла!» Не раз приходилось мне оказывать вам поддержку в битвах. Разве мог не внять я просьбе Сатаней-Гуаши и на этот раз? Я перекрасил свою одежду, чувяки, лицо и руки в черно-белый цвет и стал получерным-полуседым. Двинулся я в путь и повстречал великана на коне. Он стал наседать на меня, но огнеподобный конь его вздрогнул, остановился, застыл на месте. А великан прикрикнул на него: «Кого ты испугался? Если Бжеикву-Бжашлу, то не родился он еще, а если и родился, то не созрел для битв, а если даже и созрел, не посмеет явиться сюда!» И великан пришпорил своего огнеподобного коня. А я ему в ответ: «Я и родился, и созрел для битв, и явился сюда! Давай сражаться, коли в тебе сила мужа!» Мы бросились друг на друга с шашками наголо. Без особого труда одолел я его и пошел дальше... Слышу: словно гром грохочет. Вижу: едет младший брат убитого великана, но посильнее и пострашнее старшего. Я выскочил на дорогу, и огнеподобный конь великана застыл от испуга, он стал точно каменный. А великан прикрикнул на него: «Кого ты испугался? Если работника нартов Бжеикву-Бжашлу, то не родился он еще, а если и родился, то не созрел для битв, а если даже и созрел — не посмеет явиться сюда!» И он пришпорил своего огнеподобного коня. А я ответил: «Я родился и уже окреп, явился сюда и своих нартов ищу. Наверное, их задержал этот валяющийся без головы твой брат!» И мы бросились друг на друга с шашками наголо, и молнии заблистали вокруг. Я одолел его, отсек ему голову и двинулся дальше. И вот тут-то я увидел такое, что никогда не видел: мне навстречу ехал на огнеподобном коне младший брат двух мертвых великанов. Земля под ним дрожала и трескалась. Конь его, огнеподобный, при виде меня застыл на месте. Великан прикрикнул на него: «Ах, чтоб

тебя волки изодрали! Если ты боишься Бжеикву-Бжашлу, то не родился он еще, а если и родился, то не созрел для битв, а если даже и созрел, что он против меня?!» И вонзил он в коня шпоры. Я ответил: «Родился я и окреп и даже успел явиться сюда, чтобы отомстить за нартов. Покажи свое мужество!» И мы бросились друг на друга с шашками наголо. Гром и молния были меж нами, земля качалась, подобно колыбели. Я напрягал все силы. С великана струился пот, и вокруг нас образовалось целое озеро. Он выстрелил в меня — и стрела оторвала ногу. Выстрелил в него я — и сорвал с него голову. Я победил!.. Осмотрелся вокруг, привязал свою ногу поплотнее, выбрался из озера, вспорол брюхо огнеподобному коню великана, и улегся в брюхе, и, засыпая, подумал: здесь меня никто не найдет, да и нога скорее приживется к месту... Пролежал я в брюхе коня три дня и три ночи. Выспался, отдохнул, и рана тем временем зажила. На четвертый день направился к вам. Великаны, узнав, что главари их убиты, пали духом. Мы разбили их и отправились домой... И вот пред вами я — Бжеиква-Бжашла, пред вами и Сатаней-Гуаша, которая не даст мне соврать!

Едва выговорил работник нартов последние слова, как заклокотало вино в кувшине Вадзамакят, словно разложили под ним огонь.

Нарты очень удивились. А разгневанный Сасрыква, напрягая силы, вытащил из земли кувшин Вадзамакят. И он сказал так, обращаясь к кувшину:

— Ты повинен в наших раздорах. Не будет тебя — не будет и споров меж нартами!

И он столкнул кувшин с перевала в сторону Апсны. И покатился Вадзамакят, и разбился он вдребезги в середине Апсны.

Так завершился этот спор о великом кувшине нартов.

На дне Вадзамакята оставались виноградные косточки. Эти косточки рассыпались по земле Апсны, и выросли из них виноградные лозы. И назывались они нартскими лозами. Не было в мире лучшего, чем вино, добываемое из нартских лоз, но — увы! — выродился этот виноград, нет его больше в Апсны.

По книге «Нарт Сасрыква и 99 его братьев». Сухуми, «Алашара», 1988

ПЕСНЯ НАРЧХОУ

Уаа-уаа, уаа-уаа,
Аа-ха-хаа!
Уа́а, уарадара,
Аа-хаа-хаа!
Нарчхоу-герой едет в гости
И приехал он в гости к нартам,
И нарты, перебросившись меж собой словами,
Закололи быка и начали свежевать.
«Что вы делаете?» — спросил их Нарчхоу.
«Гость у нас, для него мы быка зарезали», — отвечали нарты.
«Разве угощенье гостю на земле готовят?» — сказал он.
И, рассердившись, поднял Нарчхоу
Огромного быка за заднюю ногу.
Поднял быка и держит его на весу,
И нарты вмиг содрали бычью шкуру,
Разделали тушу и наполнили мясом котел.
Только бычья нога осталась у Нарчхоу в руке.
«Это самый почетный кусок, — сказал он, —
Не забудь об этом, Нарт Сасрыква!»
И понес и отдал от Нарту Сасрыкве бычью ногу.

Нарчхоу-герой и Хуажарпыс
Затеяли борьбу в долине Гарп.
Дрожало небо, когда вбивали друг друга в землю.
И поступь их отдавалась громом.
Вокруг народ собрался и смотрит.
И вместе со всеми стоит Сатаней-Гуаша.
Стали просить ее, чтоб она помирила их,
А она: «Я отдам победителю дочь мою!»
Слышите крик Гунды-Красы?
«Совесть моя со мной, — крикнула сестра нартов, —
Если победит Нарчхоу, я не пойду с ним!
Крепись, герой Хуажарпыс!» — крикнула она напоследок.
Видите ли вы, что делает Нарт Сасрыква?
Он целует подол Сатаней-Гуаши,
Она молчит — он ей грудь целует *.

* По древнему обычаю кавказских горцев, почтенная женщина, мать обязана выполнить просьбу того мужчины, который сумел коснуться губами ее груди.

«Нужно ли помирить их?» — она спросила,
И великий народ поднял руки — согласен.
Гунду-Красу она превратила в гору *,
Нарчхоу — в белый камень **,
А Хуажарпыса-героя — в зеленеющий рододендрон ***.
Целование женской груди абхазы взяли у нартов.
Бычья нога с тех пор самый почетный кусок мяса.
Братья наши — нарты-герои,
Их обычаи — стали нашими.
Уаа-уарадара, уаа-уаа-уаа-уаа!
Ха-хай, абаакуа!

Записано со слов М. Саканиа в 1973 г.
Записала И. Басариа
Перевела с абхазского Н. Венедектова.
Опубликовано в газете «Апсны Капш»
(12 авг. 1987 г.)
Публикацию подготовил В. Когониа

---

* В Абхазии есть гора, связанная с именем сестры нартов — Владение Ананы Гунды.

** Согласно древнему преданию, абхазы давали клятву, встав на большой белый камень, лицом на восток.

*** Абхазы строили плетеные хижины (апацхи) только из рододенрона.

О ТОМ, КАК У НАРТОВ ПОЯВИЛИСЬ СВИРЕЛЬ И ПЕСНЯ

Должны рассказать мы людям теперь,
Как у нартов появились и песня и свирель.
Лучшая подруга и песни и пляски.
Ачарпын — называлась свирель по-абхазски.

Кятаван один из нартов жил-поживал,
Недостатка в мужестве он не знал.
Как мужчина знал он охотничье дело,
Мимо цели ни разу не пролетела
Стрела, что он выпускал из лука,
Да имел он верные глаз и руку.
Был он выносли́в, был быстроног,
Ему что равнина, что горный склон.
Через пропасть как серна перепрыгивать мог,
На скалы мгновенно взбирался он.
В споре любом был прям и честен,
Но больше всего любил он песню.
От начала века и до конца
Не было и не будет такого певца.
Пел он под звуки своей свирели,
После него и другие люди запели.
Сохранили люди о том рассказ
Как запел богатырь тот в первый раз.

А дело было так, что однажды
Отправился на охоту Кятаван отважный,
Сказал, что в такой-то день он вернется,
Когда от дерева тень скалы коснется.
Настрелял он дичи довольно,
Донести лишь бы стало силы.
Тут ногу внезапно и больно
Ядовитая змея укусила.
Свет в глазах у него помутился,
Без сознанья на землю он свалился.
Свалился он около лежащего дерева,
У быстрой реки, у самого берега.
И хоть был он силен и был он молод.
Бросало его то в жар, то в холод.

Жизнь со смертью в его теле боролась,
Вдруг он слышит как будто голос.

Ай, ай, ай, Кятаван, ты же лучший из богатырей,
В воду столкни бревно поскорей.
Река со своей бурливой волной
Принесет тебя на бревне домой.

В бреду, не соображая, что он делает,
Столкнул охотник в воду сухое дерево,
Кое-как на него уселся,
Дичь погрузил и свое оружие,
Распухшую ногу в воду свесил.
Вода несет его, вода его кружит.
Охотника на бревне вода несет,
А охотник не то бредит, не то поет:
— Уа, рарира, уа, райда, уа, рашье...
Братья нарты из дома повысыпали все.
— Не иначе это наш брат по реке плывет,
Не то поет, не то на помощь зовет.
Увидели братья, как вдалеке
Бревно с их братом плывет по реке.
Поймали они бревно, притащили к берегу,
Посмотрели на брата, глазам не верят.
Брат их весь посинел и распух,
Еще немного и он испустит дух.
— Что это с тобой, Кятаван, наш брат?
Что с тобой случилось, доблестный нарт?
— Да, я нарт, не боюсь ни воды, ни огня,
Но меня на охоте укусила змея.
Больного на постель уложили тихо,
Послали за прославленной лекарихой.
Была она племени айргов матерью,
Лежала к ней дорога не прямая, не скатертью,
Вели к ней тропинки витиеватые,
Где деревья дремучие, узловатые,
Но не было человека ее полезней,
Умела она излечивать все болезни.
Знала она каждую целебную травку,
Больной исцелялся, шел на поправку.

Присела она около нарта, взяла его за голову,
Начала нашептывать волшебный заговор.

«Хути, хути, валкватас,
Уходи, болезнь, от нас.
Кровь змеиная черна,
Человечья кровь красна.
Вот я дуну
Фу, фу, фу,
Вот я плюну,
Тьфу, тьфу, тьфу.
Хути, хути, валкватас,
Уходи, болезнь, от нас».
Она колдовала, а больной между тем
Бормотал не понятное никем:
Уа, рарира, уа, райда, уа, рашье.
Тут стали повторять за ним все.
Шепотом, вполголоса стали повторять, полагая,
Что это больному помогает:
Уа, рарира, уа, райда...

Больной поправился, все были рады.
Но слова, которые он повторял, сохранились,
В абхазскую песню они превратились.
Если когда-нибудь вам услышать придется,
Ни одна песня без этих слов не поется.

Расскажем мы добрым людям теперь,
Как появилась у абхазов свирель.
Лучшая подруга песни и пляски
Арчапын — называется свирель по-абхазски.
Арчапын, это горное растенье такое,
Похожее на траву, но внутри пустое.

А дело было так, что однажды
Пас коров и овец Кятаван отважный.
В полдень солнце его пригрело,
Богатырское тело его сомлело.
Свою темноволосую богатырскую голову
Положил он в тени на камень голый.
Уснул он крепко, уснул он сладко,
Забыл про овец, забыл про стадо.
А овцы, между тем, и другая скотина
Набросились на заросли ачарпына.
В пастухе пробужденье со сном боролось,
Когда он услышал как будто голос,

— Разве ты не хочешь прославленным стать,
Души отраду народу дать?
Пока глаза твои крепко спят,
Овцы славу твою съедят.
От этого голоса пастух проснулся,
От этого голоса пастух встрепенулся.
Смотрит: овцы и другая скотина
Набросились на заросли ачарпына.
Ломают они арчапын и едят,
Весь его истребить норовят.
В середину стада пастух ворвался:
Глядит, последний стебель остался.
Срезал его под самый корень,
Поднял его он с лицом своим вровень.
Думает, что бы тот голос значил.
Вдруг слышит: кто-то тихонько плачет.
Кто-то тихо песенку напевает,
Подсвистывает, подвывает.
Оказывается, это ветерка дуновенье
В трубчатом стебле создало пенье,
Создало свист, создало жужжанье,
Создало тихое подвыванье.
Сообразил пастух, что дальше делать
Со стеблем звонким и пустотелым.
Проделал он дырочки там, где надо
Зажимать их для музыкального лада.
С тех пор незапамятных и поныне
Играют абхазы на арчапыне.
Потому они памяти предков верны,
Не забудет нартов страна Апсны.

Из книги «Нарт Сасрыква и 99 его братьев». Сухуми, «Алашара», 1990
Перевел с абхазского В. Солоухин

О ТОМ, КАК ЖЕНИЛСЯ НАРТ ДЫД

Мужественный Дыд был одним из ста братьев нартов. Жил он на горе Дыдрыпш, что недалеко от села Ачандара.

Дыд владел огнеподобным конем, какого не было ни у кого. Только вскочит Дыд на него, а конь уж прыгает под самое небо. С вершины Дыдрыпша опускался конь-араш прямо на Лыхненскую площадь, осторожно касаясь копытами земли. Когда конь летел в воздухе — сыпались искры. Когда ночью летел — казалось, будто огнем полыхает небо... Из Лыхны Дыд направлялся берегом моря на запад в поисках славы...

В селе Лыдзаа проживали люди рода Лыдзаа. Хорошие были люди. Любили путешествовать, подобно Дыду, и часто встречались с ним на берегу моря. Даже стычки бывали между ними и Дыдом. Но не так-то просто было запугать род Лыдзаа!

Была в роду Лыдзаа красивая девушка. И рост, и стан, и шея — не оторвешь глаз! Цвет лица — что кровь с молоком. Глаза блестящие и черные, как спелая ежевика. Она походила на молодого ястреба, только что вылетевшего из гнезда. Всех пленила девушка из рода Лыдзаа!

Однажды в летний день девушка умывалась у родника. А в это время ехал мимо Дыд на своем огнеподобном коне. Герой увидел девушку. Очень она ему понравилась, и не удивительно — уж очень была хороша, да и сам Дыд пребывал в расцвете сил и не был женат.

Девушка выпила глоток воды, наполнила кувшин. И только сделала шаг — как перед нею вырос герой на огнеподобном коне.

— Добрый день, — сказал Дыд.

— Добрый день, — с поклоном отвечала девушка.

— Могу я спросить, — сказал Дыд, — кто живет тут поблизости?

Девушка поставила кувшин на землю и сказала:

— Здесь живет род Лыдзаа.

— А кто же ты?

— Коль желаешь познакомиться с нами, зайди в наш дом, он тут недалеко. Мы гостеприимные хозяева.

Дыд сказал:

— Зашел бы, да тороплюсь. Но я знаю теперь, где ты живешь. До свидания!

С трудом оторвал он свой взгляд от девушки и отправился в путь.

А девушка? Дыд понравился ей. Она жалела о том, что не заехал он к ним, и долго смотрела ему вослед. Да и он не раз оборачивался. Не посмел он заехать к ней во двор, потому что не ведала еще девушка о мужестве его и о делах его. А рассказывать самому об этом неудобно. Пусть от других услышит...

Дыд направился туда, куда задумал. Кто знает, сколько времени был он в пути?

И вот возвращается Дыд назад, к себе. Подъезжает он к реке Бзыбь. Смотрит — и видит на том, на другом, берегу дым столбом стоит.

Быстро переправился герой через Бзыбь и повстречал женщину — одинокую и опечаленную. И Дыд спросил ее:

— Что случилось? Откуда этот дым?

— Видишь, сын мой: там, где дым сейчас, — живет мужественный род Лыдзаа. Но, видно, настал его последний час!.. Была в роду Лыдзаа девушка — молодая и прекрасная. И полюбил ее Акулан Акуланкиара — человек тоже мужественный. Он посватался к девушке Лыдзаа. Она отказала ему, ибо не понравился он ей. К несчастью, не понравился! И жених обиделся. И поклялся похитить ее во что бы то ни стало... А братья ее сказали так: «Пусть только кто-нибудь посмеет силой забрать нашу сестру!» Акулан Акуланкиара стоял на своем. А Лыдзаа твердили: «Мы себя настоящими людьми считаем!» Разве так просто запугать Лыдзаа? Стали посредничать мудрые люди. Но примирить так и не смогли. Акулан Акуланкиара сказал: «Силой заберу ее!» И вот уже больше недели сражаются Лыдзаа и войско Акулана Акуланкиары. Горят жилища. Горит лес. Льется кровь. Каждый, кто способен поднять даже палку, пошел сражаться.

И женщина горько зарыдала.

Огорчился Дыд. Отпустил коня, расстелил бурку и лег на нее, чтобы немного передохнуть после дороги. И даже задремал от усталости.

А женщина пошла приготовить еду для гостя. Он умылся, отведал еды и сел на коня. И, прощаясь, сказал так:

— Увидишь, женщина, что будет: хочу помериться силой с Акуланкиарой. Он не уйдет так, как ему хочется.

Но герой опоздал: Акулан Акуланкиара похитил девушку и скрылся в горах. Лыдзаа, оставшиеся в живых, преследовали его,

шли по пятам, время от времени вступая в сражение с теми, кто прикрывал отход Акулана.

Что делать?

Дыд расспросил людей, в каком направлении бежал похититель. А расспросив, дал себе слово — отрезать ему путь.

Огнеподобный конь-араш подпрыгнул вверх и доставил героя к узкому ущелью. Вот здесь-то и встретил Акулана Акуланкиару нарт-богатырь. И он крикнул похитителю и всем, кто был вместе с ним:

— Бросай оружие, кто не хочет смерти!

Смелый Акулан Акуланкиара ответил:

— Кому это жизнь надоела? Кто посмел появиться передо мной?

Девушка из рода Лыдзаа узнала голос Дыда. Он придал ей силы, и она набросилась на Акулана Акуланкиару. Набросилась, как львица!

Дыд, не мешкая, вылетел из засады, грозя растоптать врагов.

И враги побросали оружие.

И связал Дыд врагов. Но Акулана Акуланкиару не связал, а погнал его впереди себя, сказав девушке из рода Лыдзаа:

— Жди меня здесь и стереги врагов. А я поеду туда, где твои братья бьются.

И вскоре открылось его глазам поле битвы. Лыдзаа рубились с врагами. Кровь текла, с обеих сторон падали люди — падали, чтобы уж больше никогда не подняться!

Видел все это Дыд с высокого холма, и сказал он Акулану Акуланкиаре:

— Если ты хочешь, чтобы ты и войско твое уцелели, — останови своих. Если словом не остановишь, я убью тебя и перебью твое войско. Выбирай!

Акулан Акуланкиара был не глуп. Он понял, что имеет дело с нартом. И он сказал:

— Я — в твоих руках и поступлю, как ты хочешь.

А затем вдохнул побольше воздуха в грудь и крикнул, чтобы его слышали все, кто бьется:

— Оставьте оружие! Это говорю я, Акулан Акуланкиара!

Не раз пришлось повторить эти слова похитителю девушки рода Лыдзаа, прежде чем его войско взяло их в толк и побросало оружие.

А люди из рода Лыдзаа долго не могли понять, что случилось. Все стало ясно только тогда, когда подъехал к ним сам Дыд и

рассказал, что любит их сестру и что ради нее вел он битву против Акулана Акуланкиары и его войска.

Так окончилось сражение. Люди рода Лыдзаа сосчитали, сколько воинов погибло с их стороны, и заставили Акулана Акуланкиару отдать им столько же людей да еще двух в придачу за попытку похитить девушку.

Остальных пленников отпустили, а потом вернулись к своим очагам, устроили пир и с почетом приняли Дыда. А Дыд попросил выдать за него их сестру, ибо, сказал он: «Я люблю ее, она же — любит меня».

Люди из рода Лыдзаа посоветовались меж собой и сказали:

— Если ты любишь ее и она любит тебя, мы согласны выдать за тебя сестру нашу.

Девять дней и девять ночей продолжался свадебный пир. Потом люди из рода Лыдзаа отправили сестру свою и ее подружек вместе с Дыдом. И Дыд увез сестру Лыдзаа к себе.

Из книги «Нарт Сасрыква и 99 его братьев». Сухуми, «Алашара», 1990
Перевел с абхазского Г. Гулиа

НАРТ САСРЫКВА И ДИКИЙ КОНЬ

Погиб Бзоу — славнейший из коней. Долго, очень долго не мог выбрать себе Сасрыква другого: перед его глазами точно живой стоял его друг, его товарищ в беде — конь Бзоу!

В те времена паслись на воле дикие кони. Только нартская порода коней была приручена. Поэтому всадников было очень немного. Случилось так, что девяносто девять братьев собрались на берегу горной реки, чтобы держать важный совет. Были среди них и другие люди — из соседних деревень.

Сасрыкву не предупредили о том, что братья его будут держать совет. И младший из нартов огорчился. Не доверяют или за мужчину не считают? Идти или не идти на совет? Хоть и был обижен Сасрыква, тем не менее решил идти.

Вот идет он, а перед глазами точно живой конь его Бзоу — верный друг и товарищ в беде. Вот Сасрыква достиг бурливой реки и надо уж переправляться на противоположный берег. Но как? Ведь нет любимого друга Бзоу!

В это время неподалеку пасся дикий конь. Невзрачный на вид. Из простой породы. Однако конь есть конь, хоть и непородистый.

Подошел к нему Сасрыква и говорит:

— Сделай одолжение, добрый конь, — переправь меня на ту сторону реки.

Нарт полагал, что, подобно нартским коням, и этот понимает человеческий язык. Но то был дикий конь и слов человечьих не понимал.

Сасрыква срезал ветки шелковицы, содрал с них кору и сплел из нее узду. Конь, к удивлению нарта, разрешил набросить на себя узду и вел себя очень покорно. А ведь говорили, что дикие кони скорее погибнут, чем подпустят к себе кого-нибудь. Сасрыква был первым на земле, кто осмелился взнуздать дикого коня. Конь этот подчинился седоку, несмотря на то, что узда была из веток и ни в какое сравнение не шла с уздой из сыромятной бычьей кожи.

Вот Сасрыква направил коня в самый стрежень реки, а затем повернул его против течения. И конь пошел против бурного течения, рассекая грудью воду, подобно быстрой ладье.

Неизвестно, как долго плыли они вверх по реке и какой путь проплыли. Спустя некоторое время конь, подчиняясь седоку, взял

круто вправо и выплыл на берег. Отсюда уж было совсем недалеко до нартов, обсуждавших важное дело.

Нарты удивились приезду своего младшего брата. Еще больше поразились они тому, что приехал он на простом, неказистом коне дикой породы. Этот поступок смутил нартов, тем более что видели все это и посторонние.

— Сказал бы нам, — проворчал нарт Сит, — и каждый одолжил бы тебе коня.

А Гутсакья крикнул:

— Не приставайте к нему — он нашел себе самого подходящего!

Сасрыква молча проглотил и эту обиду.

Однако люди из соседних сел совсем иначе восприняли приезд нарта Сасрыквы на необъезженном, диком коне. Они поняли, что любой смертный может вот так же взнуздать дикого коня, который только кажется диким и неподатливым. Они стали просить героя Сасрыкву рассказать им, как удалось ему приручить коня.

Вот с этого самого дня и началось приручение диких коней.

Записано со слов Сулеймана Ахба в с. Ачандара в 1946 г.
Записал Б. Шинкуба
Из книги «Нарт Сасрыква и 99 его братьев». Сухуми, «Алашара», 1988

КОВАРСТВО БРАТЬЕВ. ГИБЕЛЬ САСРЫКВЫ

Случилось то, чего больше всего опасалось Сатаней-Гуаша: ненависть и раздор окончательно вселились в нартскую семью, после того, как Нарджхоу умыкнул их сестру Гунду. Нарты решили разойтись по миру и навсегда покинуть родину.

Перед уходом стали они делить добро. Разделили все, но разгорелся спор из-за волшебного нартского кувшина Аваздзамакят. Вино из этого кувшина обладало способностью придавать отпившему силу и бодрость.

Сасрыква предложил:

— Отдадим кувшин тому, кто сумеет правдивым рассказом о своих подвигах вскипятить вино в кувшине.

Одни за другим нарты стали рассказывать о своих походах, но вино так и не закипело. Когда же Сасрыква рассказал о своих подвигах, вино в кувшине стало пениться и затем забурлило. Нартам пришлось уступить кувшин Сасрыкве. Братья оседлали лошадей, навьючили свое добро и двинулись в путь. По дороге они встретили ведьму Арупан, которая ехала верхом на петухе Шашуы.

— Куда вы, столько народу, переселяетесь? — спросила ведьма.

Братья рассказали ей, что всему, мол, виною Сасрыква.

— Да не проще ли вам от него избавиться, — сказала Арупан, которая подсмотрела, как кузнец держал его за правое колено, закаляя на огне. — Вы предложите ему разбить правой ногой на лету большой камень. Нога у Сасрыквы от удара, наверное, переломится, и он потеряет прыть, перестанет вмешиваться в ваши дела.

Братья поблагодарили ведьму, вернулись домой и стали просить Сасрыкву разбить ногой на лету камень, чтобы они окончательно убедились в его превосходстве.

Сасрыква, не подозревая коварства братьев, согласился и ударил правой ногой сброшенный со скалы камень. Нога в колене переломилась. Сасрыква упал без сил, и злые братья, забрав кувшин, оставили его истекать кровью.

Прилетел ворон и стал пить кровь. Когда Сасрыква стал его упрекать, ворон ответил:

— Каждый из нашего племени пользуется бедой другого. На то мы и вороны.

И Сасрыква проклял ворона:

— Пусть птенцы твои, когда подрастут, выклюют тебе глаза!

Вот почему птенцы ворона, когда становятся взрослыми, гоняются за старыми родителями, пытаясь выклевать им глаза.

После ворона явился волк и тоже стал пить кровь, но когда увидел умирающего Сасрыкву, то выразил ему сочувствие. В благодарность за это Сасрыква дотронулся мизинцем до шеи волка и сказал:

— Пусть в твоей шее будет столько сил, сколько в моем мизинце!

Вот почему у волка настолько сильна шея, что он может, убегая, тащить барана.

Наконец, прилетели голубь и голубка. Они опустились около Сасрыквы на окровавленную землю и пожалели умирающего богатыря.

И Сасрыква попросил их:

— Передайте матери, что я уразумел ее мудрые слова, да слишком поздно.

Голуби улетели исполнить его просьбу. А лапки у них так и остались красными.

Вот каким афырхаца * был Сасрыква. О его храбрости и мужестве люди не забудут. Недаром говорят: «От потомков Сасрыквы люди приобщились к храбрости, а лень и трусость развели злые духи».

По книге «Абхазские сказки»
Составил, обработал и перевел на русский язык Х. Бгажба

* Афырхаца — герой молнии, храбрейший.

КАК ПРОВОДИЛИ САСРЫКВУ НА ТОТ СВЕТ

Во времена нартов был такой обычай: когда умирал человек, приходил кто-нибудь с того света и сопровождал его в последнем пути. Но когда пришел черед Сасрыквы, он заупрямился.

— Я не пойду туда, потому что там нет равного мне героя, — сказал он.

Нарты ушли без него.

А на том свете был некто нарт Цвиц *. Он стал говорить братьям так:

— Вы не смогли привести Сасрыкву, так я пойду за ним.

И он пришел за Сасрыквой на этот свет.

— Ступай со мной, Сасрыква, — предложил он.

— Я пойду только с тем, кто совершил подвигов больше меня.

— Тогда послушай меня, и я расскажу, что было со мной, — заговорил Цвиц.

«Как-то приехали ко мне дорогие гости. И я вышел, чтобы достать для них достойные дары. Вышел я на распутье семи дорог и увидел, что едут мне навстречу двадцать один всадник. Один из них был на белом коне. Когда я спросил, куда они держат путь, всадник на белом коне выпустил в меня стрелу, которая не прошла насквозь, а застряла в моем теле. В таком положении я собрал нужные дары, вернулся и с почетом проводил гостей. Потом собрал родичей и распорядился, чтобы после смерти похоронили меня на распутье семи дорог, но чтобы каждое утро они приводили туда моего коня оседланным и оставляли там вместе с моим мечом.

Родичи удивились, ведь я выглядел вполне здоровым. Однако я умер. И похоронили меня там, где я просил.

Однажды вдали я завидел моих убийц.

— Вон где лежит убитый мной! — воскликнул всадник на белом коне.

В гневе восстал я из могилы, сел на коня, вынул меч из ножен и перебил всех. Всадника на белом коне я заставил прежде обежать мою могилу, а потом обезглавил».

— Вот что приключилось со мной после моей гибели, — закончил Цвиц свой рассказ.

---

* Цвиц — стружка.

— Ты смог после смерти совершить подвиг, достойнее моих прижизненных, — сказал Сасрыква и покорно отправился с Цвицем в мир иной.

Записано со слов сказителя Ашуба Шмафа в с. Джгярда в 1955 г.
Записал Ц. Бжания
Перевел с абхазского Д. Зантария

СОЛНЦЕ И ЛУНА

Говорят, что когда-то Луна была далекой звездой, но Шашуы приблизил ее к Солнцу, и Солнце пылко полюбило ее. Их любви, трогательной и чистой, удивлялись Небо, Звезды, Аныха.

Однажды Солнце отправилось на охоту в Место, Где Живут Олени. Воспользовавшись отсутствием Солнца, черт вскружил голову Луне и уговорил ее пойти с ним во Владение Чертей. Многочисленные черти обрадовались и долго не отпускали Луну, они играли с ней, причем забавлялись легкомысленной невестой Солнца как хотели.

Солнце, узнав об этом, сильно рассердилось на свою возлюбленную. Луна раскаялась и стала горевать. Но однажды перед Луной опять возник хитрый черт и предложил ей погулять с ним. Луна не смогла удержаться от соблазна.

На этот раз Шашуы обжег Луну своим грозным оком и навечно изгнал ее из своего Владения. Для нее закрылись Небесные Ворота. А о том, что такое Небесные Ворота, я слышал от Аджба Темыра, который предсказывал будущее по звездам. По его словам, то, что открывается взору человека, когда открываются Небесные Ворота, нельзя пересказать. Свет, который сияет там, очаровывает.

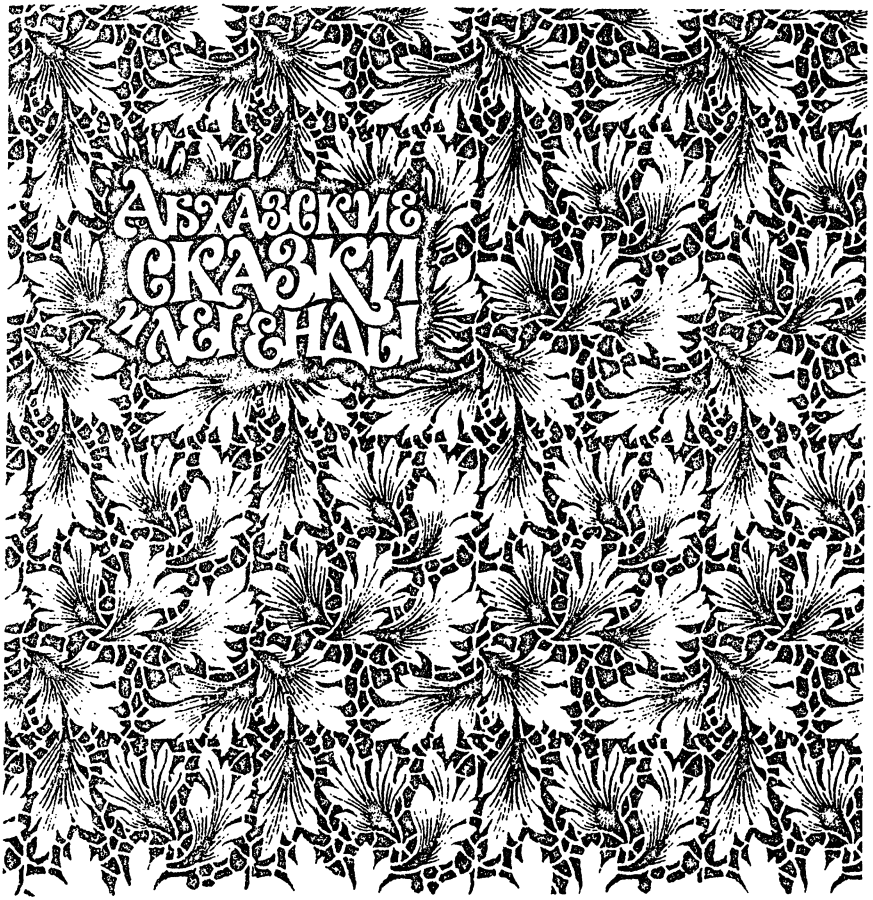
Говорят, из людей в Небесные Ворота вошли нарт Сасрыква, Абрскил, Ахра. И еще — конь Сасрыквы Бзоу и собака Худыш.

За Небесными Воротами царит один вечный закон — нельзя перерезать путь того, кто идет тебе навстречу. Шашуы строго наказывает того, кто нарушает этот закон.

Кроме дочери Ажвейпша Амзы (Луны), Шашуы наказал одну из дочерей Аерга, ту, которая прилетела на звезде и заводила знакомства с женатыми охотниками и пастухами.

Абхазы никогда не нарушали вечные законы Шашуы.

Записано со слов Кучи Тванба в с. Дурипш в 1984 г.
Записал С. Габниа
Перевел с абхазского И. Хварцкия

ВОЛШЕБНЫЕ И БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

СЛУЧАЙ В ГОРАХ

Жили три брата; все они были женаты. У двух младших были дети, а старший был бездетным. Он очень хотел иметь детей. Об этом он мечтал двенадцать лет.

Но вот на тринадцатом году жена родила ему сына.

Отец очень любил мальчика.

У братьев было стадо, и они пасли его в горах по очереди.

Однажды, когда пришла очередь старшего, он отправился в горы и взял с собой сына, которому было уже десять лет.

Как-то вечером, когда уже темнело, мальчик отошел от шалаша. Этого никто из пастухов не заметил.

Высокая трава скрывала мальчика с головой. И когда он шел, над его головой трава покачивалась. Это пугало коз, и они бросались из стороны в сторону.

Отец увидел, что стадо что-то беспокоит и, взяв ружье, вышел из шалаша.

«Должно быть, волк подкрадывается к стаду», — решил отец и выстрелил в то место, где колебалась трава. Стебли стали неподвижны.

Отец подошел подобрать добычу и нашел лишь своего мертвого сына.

Он принес сына, положил его на бурку и опустился на землю около него.

Кругом стояли его товарищи-пастухи.

Долго сидел отец. Потом пошел и принес ачарпын. Он заиграл скорбную мелодию и запел:

Плакать нельзя. —
Так велит закон гор.
А нарадоваться я не успел.
Такова жизнь на земле.

На тринадцатой версте я нашел,
На десятой версте потерял.
Мальчик мой, недалеко ты ушел!
Ничего ты еще не видел...

Твоя несчастная мать
Стоит на дороге.

Чистую рубашку приготовила —
Тебя ожидает...

Всю ночь, тихую и звездную, он просидел возле сына, не отрывая от него глаз. А на рассвете умер, не выдержало его отцовское сердце.

Из книги «Абхазские сказки». Сухуми, «Алашара», 1973
Составил и обработал Х. Бгажба

ВСАДНИК И ПАХАРЬ

Однажды какой-то всадник, проезжая через село, поравнялся со стариком, который пахал, остановил коня и обратился с приветствием к старику:

— Да делать тебе хорошее!

— Да видеть тебе хорошее! — ответил пахарь.

— Эх, старик, наверное, ты не смог встать утром?

— Я-то встал утром, да проку нет.

— Как твоя двойка? — спросил всадник.

— Моя двойка стала тройкой, — ответил старик.

— Каков твой взор?

— Мой взор стал близок.

Что же обозначали эти загадочные вопросы? А вот что.

То, что сказал всадник: «Старик, ты, наверное, не сумел встать утром», означало «Если бы ты вовремя женился, теперь пахали бы твои сыновья».

«Женился-то вовремя, да умерли мои сыновья», — вот что значит ответ пахаря.

«Крепко ли держишься на ногах?» — вот что означал вопрос всадника: «Как твоя двойка?»

«Я стал опираться на посох и потому моя двойка стала тройкой», — вот как надо понимать ответ старика.

Спрашивая, «каков твой взор?», всадник хотел узнать, не ослабело ли зрение у старика.

Ответ старика означал: «мое зрение ослабло и поэтому я плохо вижу мир».

Из книги «Абхазские сказки». Сухуми, «Алашара», 1973.
Составил и обработал Х. Бгажба

ДЕВУШКА, КОТОРУЮ УМЫКНУЛ МЕДВЕДЬ

Известный на всем Кавказе удалой абхазский князь Хавя Амаршан в горах услышал голос девушки, доносившийся из пещеры:

Широколапый, неужели меня мать родила для тебя?
Пусть мой плач разносит весть о моем горе.
Только Хавя Амаршан может освободить меня,
Но разве донесется до него мой голос?

— Я услышал твой голос, я иду освобождать тебя! — крикнул Хавя и пошел на голос девушки.

— Медведь растерзает тебя, если ты не окажешь ему достойного сопротивления! — донесся до храброго Хавя голос девушки, которую умыкнул медведь.

Хавя встал у входа в пещеру, и когда оттуда с ревом вышел медведь, он саблей разрубил свирепого зверя.

— Ты свободна, девушка, выходи! — крикнул Хавя девушке.

— Нет, я не могу глядеть тебе в глаза, но ты смыл с меня позор. Теперь я брошусь со скалы, а ты отнесешь моей матери мои косточки! — ответила девушка.

Но Хавя все же уговорил ее идти с ним.

От медведя девушка родила мальчика. Звали его Медвежье Ухо, потому что уши его по форме напоминали медвежьи, в остальном же этот мальчик ничем не отличался от человека. Из него потом вырос храбрейший и благороднейший юноша.

Записано со слов Темыра Хварцкия
в с. Звандрипш в 1961 г.
Записал В. Хварцкия
Перевел с абхазского И. Хварцкия

ТРИ КНЯЗЯ И СТАРИК ГОРБУН

Как-то три князя сидели и беседовали. К ним присоединился старик горбун.

— Есть ли на свете мужчина, который сможет один разоружить и связать сто мужчин; без еды и питья преодолеть дорогу в девять дней и ночей; сдержать себя, увидев собственную жену, спящую с другим мужчиной? — спросил один из князей своих собеседников.

— Есть такой человек. Это — мой сын, — ответил старик горбун.

— Приведи к нам своего сына, мы испытаем его, — сказали князья.

Старик послал за сыном, и когда он пришел, князья сказали ему:

— Мы хотим тебя испытать. Преодолей дорогу в девять дней и ночей пешком, без еды и питья. За тобой будут следить.

Сын старика отправился в дорогу. Тем временем князья распорядились устроить ему засаду. И вот, по возвращении на девятый день, сына старика окружили сто вооруженных мужчин. Но сын старика, ловко орудуя кизиловой палкой, бросился в бой. Разоружив и связав сто мужчин по рукам, он пригнал их к тому месту, где его ждали князья.

К тому времени князья уговорили его жену пустить к себе в постель другого мужчину, объяснив ей, что это необходимо для проверки самообладания сына горбуна.

Возвратился сын старика домой голодный и уставший и увидел на своей супружеской постели мужчину, на руке которого покоилась голова его жены. Он растолкал жену и сказал:

— Кажется, у него рука затекла.

Князья убедились в том, что сын старика действительно выполнил все условия, и спросили его: как это ему удалось?

— Было это лет десять тому назад, — начал рассказывать сын старика. — Я был в горах у пастухов. Однажды старики послали меня за водой, вместо кувшина дав мне высушенный человечий желудок, размером с ладонь.

Когда я стал наполнять родниковой водой желудок, он растянулся настолько, что я не смог поднять его, и пришлось вылить половину. Я понял, что если человеческий желудок может так

сжиматься и растягиваться, значит, он может долго выдерживать и голод.

Теперь о том, как я сумел связать сто мужчин. Однажды я увидел, как сто собак окружили одну собаку, чтобы загрызть ее. Но эта собака так умело защищалась и даже переходила в нападение, что сумела сама загрызть сто собак. Сегодня я боролся с устроившими мне засаду мужчинами, используя метод борьбы той собаки. Придя домой, я увидел свою жену, спавшую с другим мужчиной, и сдержал себя, потому что вспомнил один случай. Когда-то я был в плену. Однажды я был свидетелем того, как одну женщину использовали двадцать мужчин. Двадцать первым был я. После этого я дал себе слово никогда не осуждать женщину за измену.

Записано со слов Лазария Пшкана
в с. Гуп в 1965 г.
Записал К. Шакрыл
Перевел с абхазского И. Хварцкия

ДОСТОЙНЫЙ МУЖЧИНА И МАЛЬЧИК

Жил в одном селении уважаемый всеми мужчина, у которого не было детей. Однажды утром он вымыл лицо родниковой водой и, воздев руки к небу, принес Богу такой обет: «Если ты, о Всевышний, дашь мне сына или дочь, я зарежу быка, рога которого равны тринадцати вершкам!»

Прошло время, и жена этого мужчины родила сына. Муж оседлал коня и двинулся в путь в поисках быка. Много сел обошел мужчина, но нигде не увидел быка, рога которого были бы равны тринадцати вершкам. Но без быка возвратиться домой он не мог, поэтому мужчина поехал за помощью к одному известному мудрецу и рассказал ему обо всем.

— Дад, я не могу помочь тебе, но дам один совет. Посмотри на эту поляну, там играют дети. Ты подойди к ним, спроси, кого из них зовут Назам, и расскажи ему о своем деле. Он должен тебе помочь.

Мужчина попрощался с мудрецом и направился к детям. Он подошел к ним, отозвал в сторону мальчика по имени Назам и рассказал ему про свой обет, о том, что ищет быка с рогами, равными тринадцати вершкам.

— На вид ты умный человек, но не пойму: как ты не смог разрешить столь простое дело?

— Скажи же мне, где найти такого быка! — взмолился мужчина.

— Не стоило далеко ходить за быком, и у тебя дома найдется такой бык, нужно только его рога измерить вершками твоего младенца, — сказал мальчик.

Обрадованный мужчина поцеловал мальчика, отдал ему деньги, предназначавшиеся для покупки быка, и, вскочив на коня, помчался домой.

Записано со слов сказителя Сината Джения в с. Лыхны в 1972 г.
Записал К. Шакрыл
Перевел И. Хварцкия

СЫНОВЬЯ ЗАМУХО

У Замухо, старого человека, было пятнадцать сыновей. Однажды, когда сыновей не было дома, шайка абреков под предводительством Акьятаха совершила набег на село, захватила в плен людей, погнала скот в сторону горного перевала. В числе попавших в плен был и старик Замухо.

— Хай, абаапсы! — попросил старик грабителей. — Дома остались мои собаки. В дороге они и вам принесут пользу, разрешите, я позову их.

— Зови своих собак, старик безмозглый! — сказали грабители.

— Ия, уыу, уыу! — громовым голосом крикнул старик. — Данакай, Каймет, Кайтуква, Тауажия, Пачирхак, Хакарчи, Лакимурза, Чаамаф, Пашаргуна, Киямаф, Базырбак, Кансоу, Гунаала, Алауша, Хышата! Скорей, абааква! — так позвал старик по именам всех своих сыновей.

Сыновья в это время были в лесу, верст за десять. Они готовили дрова на зиму. Грабители шли спокойно вперед, думая, что старик зовет своих собак. Тем временем сыновья старика, услышав крик отца, догадались, в чем дело, схватили каждый по кизиловой палке и погнались вслед за грабителями. Юноши — пятнадцать сыновей старика — напали на грабителей, избили их палками и освободили людей. Самих же грабителей связали и пригнали в село.

Из книги «Историко-героические сказания абхазов». Сухуми, 1978.
Составил С. Зухба
Перевел с абхазского И. Хварцкия

СМЕЛОСТЬ ЖЕНЩИНЫ

У одного князя родился сын. Князь пригласил старую женщину, известную жрицу, и она, благословляя младенца, сказала: «Пусть ты будешь смелым, как женщина». Эти слова не понравились князю, и он решил наказать жрицу. Но старая женщина сказала:

— Князь, не спеши наказывать меня. Лучше послушай мой совет. Завтра тайно вызови к себе достойных мужчин из твоего села и каждому отдельно предложи принести к тебе отрезанные головы своих жен. Обещай им за это щедрые подарки.

Князь решил проверить слова старухи и, поочередно вызвав к себе лучших мужчин села, предложил им за щедрые подарки принести головы своих жен. Мужчины ушли домой очень удрученные. Наутро все они пришли к князю и сказали:

— Не взыщи нас, князь, но мы не можем убить своих жен за подарки.

В тот же день старуха пришла к князю.

— Решился ли кто-нибудь из мужчин исполнить то, что ты предложил? — спросила она.

— Нет, никто не решился, — ответил князь.

— А теперь вызови к себе их жен и предложи им щедрые подарки взамен отрезанных голов их мужей, причем скажи, что самый щедрый подарок получит та, которая раньше других принесет в мешке голову мужа.

Князь поступил так, как сказала старая жрица.

Рано утром князя разбудили голоса женщин, которые стояли во дворе и спорили, какая из них раньше пришла. Каждая держала мешок, в котором лежала окровавленная голова мужа. Князь разгневался и выгнал из села женщин за такое злодейство.

— Теперь, князь, ты убедился в том, что женщина смелее, чем мужчина? — спросила старуха князя.

Что мог ответить князь на это?

Записано со слов сказителя Темыра Хварцкия в с. Звандрипш в 1963 г.
Записал К. Шакрыл
Перевел с абхазского И. Хварцкия

ВОСПОМИНАНИЕ О ПОТОПЕ

В глубокой древности, в долунной истории своей, Абхазия была так перенаселена, что по крышам домов кошки добирались от приморья до самых далеких гор. Море наше тогда было пресным и не таким большим и глубоким, как сейчас, а горы — низкими. Абхазия тогда была большой страной — море отходило далеко от гор, а перед ним лежала большая Апсны Акяка * — Равнина Абхазии. Это название Апсны Акяка сохранилось в народе и до сих пор. А равнины такой уже нет, не так ли?

Так вот, жил в то далекое время добрый царь Абхазии Хаит. За его доброту Анцуа ниспослал ему волшебную оленью шкуру с поющими золотыми волосками. Каждый волосок пел свою песню, не похожую на другие. Волшебная шкура могла исполнить любое желание Хаита, но за каждое исполненное желание с нее выпадало по одному волоску.

Услышав о волшебной шкуре, все больше бедных стали обращаться к Хаиту с просьбами о помощи. И он, добрый царь, исполнял их просьбы при помощи волшебной шкуры.

Шло время. И на волшебной шкуре остался только один, последний волосок, тогда Хаит сказал о своем желании, и с нее упал последний волосок. И собрал Хаит народ и объявил, что пришел его час, и он умрет, но превратится в доброго духа и переселится в море. И будет выходить он на берег в облике белого быка, предвещая войну, или же в облике белого коня, предвещая потопы и землетрясения.

Хаит умер и, превратившись в доброго духа, переселился в море. Однажды, спустя семь лет, белый конь вышел из пучины на берег — и случилось большое несчастье: море внезапно выступило из берегов и затопило всю землю. Только вершины самых высоких холмов, трехгорий Иарцаху и руины дворца Хаита на холме Хат были видны над морскими валами. В живых остались только те, кто жил в этих местах. А на небесах появилось большое незаходящее светило величиной с аклат **, которое опускалось только до горизонта. Оно и стало потом луной.

Долгое время море то отступало, то наступало то невиданными доселе валами, то небольшими потоками, сметая все на своем

---

* Акяка — равнина (*абх.*).

** Аклат — плетеная корзина для сбора винограда.

пути. Потом оно постепенно успокоилось и, наконец, отступило насовсем. Но побережье осталось заболоченным, во многих местах там выросли непроходимые болота, где обитали чудовища. А люди еще долгое время не спускались с высоких холмов, пока сто братьев-нартов не уничтожили на побережье моря чудовищ сначала от Кубины до Рюаны *, потом до самой Дардыны **. и не осушили много прибрежных лесистых болот, заросших большими, как деревья, папоротниками. Только после этого люди опять стали жить у моря. А большая равнина Апсны Акяка так и осталась под водой.

Море еще затопит землю, но перед этим, предупреждая о беде, добрый дух Хаит снова выйдет из пучины на берег в облике белого коня...

Много времени прошло с тех пор, но по сей день осталось имя доброго царя древней Абхазии Хаита в народном выражении «Хаит, абаапсы!» как возглас призыва, просьбы, обращения. Правда, потом, спустя много лет, некоторые стали принимать его за злого духа, раз он предвещал только бедствия и страдания.

Люди должны помнить Хаита и должны быть внимательны, чтобы вовремя заметить выходящего из пучины на берег моря белого коня и белого быка. Выйдя на берег, добрый дух делает несколько шагов в сторону, словно указывая людям, откуда может прийти беда.

По книге Заура Бутба «Приключения Чагу Чацба». Сухуми, 1990

---

* Рюаны — река Риони.

** Дардыны — Дарданеллы (по-абхазски — веретено).

ЗАГАДОЧНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ В ГОРАХ

Горы для нас нечто гораздо большее, чем простое нагромождение диких скал. Это священный край, по которому грозные божества и духи гор не всякому дозволяют ступать ногой. Это особая страна, где все чисто: наверху — ясное небо, внизу — первозданная земля, а вокруг — манящая красота. Издавна горы являются как бы вторым нашим домом, близким, родным, изобильным, хотя и небезопасным.

Однажды летом мой отец Абраг со своими друзьями Куаблухом Капба и Екупом Аршба перегоняли свои стада коз на горные пастбища. Тогда мне было семнадцать лет.

Мы остановились на стоянке горы Ахархва.

Ночи в горах бывают холодные, но однажды в теплую лунную ночь перед сном мы все вышли из шалаша на свежий воздух. Старшие, усевшись на бурках, рассказывали о своих приключениях в горах. В это время из-под высокой горы большого ущелья раздался сильный прерывистый не то рев, не то мычание какого-то зверя: р-рр-ем-ем... р-рр-ем... ем-р-рр-ем-ем...

— Это ревет лев, — сказал Куаблух.

— А может быть, и барс... похоже на рев барса, кто знает, сохранились ли они у нас еще, — заметил Екуп.

— По-моему, это горный медведь, обитающий только в скалистых местах. Хотя он и небольшой, но очень опасный, даже идет на человека по его следам, — сказал отец.

Нам этот рев не был страшен: каждый имел ружье в шалаше, охраняли нас три большие кавказские овчарки, а стадо было в ацангваре *.

Отец начал было свой рассказ, но тут со стороны высокой горы, откуда раздавался рев, появился оранжевого цвета огненный шар величиной с большой кулак. Он висел на высоте человеческого роста и имел искрящийся короткий хвост.

— Храни нас, Господи! — произнес отец, потом посмотрел на меня и сказал: — Не разговаривай и не шевелись!

— Помилуй, Всевышний!

— Помилуй, — промолвили и другие.

---

* Ацангвары — каменные ограды, встречающиеся в горах Абхазии, называемые в народе жилищами карликов-ацанов, живших в Абхазии в древности.

Все сидели неподвижно, и никто не шевельнулся.

Шар пролетел мимо, то опускаясь, то поднимаясь над буграми.

— Это Хатушьашьв, молния возмездия, десница Великого Анцва. Будешь знать в следующий раз, — сказал отец. — При ее появлении разговаривать и двигаться не положено.

— А кто тогда Адад и Афы? — спросил я.

— Адад — бог грома, Афы — бог небесной молнии и ветра.

— Она, наверное, поразила зверя, рев которого мы слышали. Прилетела с той стороны, — сказал Екуп. — И здесь око Всемогущего следит за нами.

— Куда она полетела?! — спросил Куаблух.

— Должно быть, к высокой горе Фук, к своему обиталищу, — сказал отец.

— Куда полетела? — переспросил я, желая узнать больше об этой горе.

— К высокой горе Фук. Есть там дальше такая вершина, ее отсюда видно. Она является одним из местообиталищ Хатушьашьва.

По книге Бутба «Приключения Чачу Чацба». Сухуми, 1990

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ДЕВУШКИ

Жила-была одна девушка, по красоте и уму равную которой было трудно сыскать на свете. Было у нее два брата, оба уже имели свои семьи, были довольны собой и своими женами. Братья, конечно, хотели, чтобы и сестра вышла замуж за хорошего, порядочного человека, но она всем отказывала. А неподалеку, в соседней деревне, жил немного глуповатый парень. Так уж получилось, что полюбила эта девушка именно этого парня, и не только полюбила, но и вышла за него замуж втайне от братьев. Братья, когда все узнали, конечно, оскорбились и хотели вернуть ее в дом, но она и не думала покидать своего любимого мужа. Тогда братья оставили ее в покое.

Однажды молодая жена этого глуповатого парня сшила ему хороший башлык и, отправляя его на сельский сход, сказала:

— Если кто-то обратит внимание на твой башлык и попросит тебя его подарить, ты не раздумывай, соглашайся.

Когда парень пришел на сход, то все сразу заметили у него необычайно красивый башлык. Какой-то уважаемый человек захотел иметь такой башлык и попросил подарить ему его. Парень, как и велела жена, снял с себя и отдал башлык.

В следующий раз этот парень опять собрался на сход, а жена сшила ему красивые туфли и опять сказала, чтоб он подарил их тому, кто его об этом попросит на сходе. Конечно, на сходе все заметили новые туфли парня, и он опять подарил их тому, кто попросил. Когда он рассказал об этом дома, жена удовлетворенно кивнула и сказала:

— А теперь иди куда глаза глядят и соверши подвиг.

Отправила мужа в дорогу, а сама пустила слух, что в поход идет мужчина, стоящий ста храбрецов. Люди услыхали и заговорили, что за славой пошел храбрый воин. Так эту выдумку молодой жены подхватили все в округе, и дошел этот слух в конце концов до князя, который правил этим краем.

По дороге глуповатый парень встретил пастуха и спросил его, как совершить геройский поступок.

— Убей сто мух и отнеси в свое село, — ответил тот. Как он сказал, так парень и сделал. «Это тоже хорошо», — сказала ему жена. В это самое время началась война, и князь объявил, что хочет назначить предводителем войска того человека, который шел за славой. К тому времени уже прослышали враги о храбреце

как о необыкновенном и могущественном воине. И победило в битве войско, во главе которого стоял наш глуповатый парень. Когда постарел старый князь и не смог уже править своей землей, собрал он народ и объявил, что новым князем будет этот храбрый, хоть и глуповатый на вид парень. Народ принял это как должное, потому что каким бы глупым человек ни был, он, став князем, будет выглядеть умным. Вот так: уж коли умная жена захочет, она из глупого мужа и князя сотворит. И после того, как муж этой женщины сделался князем, ее братья, конечно, признали его и простили сестру свою.

Записано со слов сказителя Темыра Хварцкия в с. Звандрипш в 1965 г.
Записал К. Шакрыл
Перевел с абхазского В. Алборов

ЧЕРЕП

Ехал один всадник по лесу, и лошадь его споткнулась о человечий череп. Соскочил всадник с коня, поднял череп и внимательно рассмотрел его. Это был старый череп, омытый и изъеденный дождевой водой. «Какой смертью ты умер? — думал он. — Предательская ли рука погубила тебя, или смерть нашел ты в бою, защищая честь свою, а может, ты ушел в мир иной, дожив до глубокой старости?» Всадник с черепом вернулся домой, положил его на траву во дворе, под орехом, и, вскочив на коня, отправился в путь. Через неделю мужчина возвратился домой и, не найдя черепа, спросил жену, куда он подевался.

— Я споткнулась о череп и упала. Разозлившись, я его сожгла, — сказала жена и показала мужу оставшийся от черепа белый пепел в очаге.

— Я не знаю, кто был ты, — сказал мужчина, глядя на пепел, — но проклятье преследует тебя и после смерти, и самое страшное случилось с тобой после смерти...

— Я погиб случайно, — услышал он голос, исходивший из пепла, — меня убил один абрек, когда я ехал верхом на лошади по лесной тропе. Я хотел в тот день разлучить мужа и жену. Я был клеветником.

Записано со слов Есыфа Хагуш в с. Звандрипш в 1979 г.
Записал и перевел с абхазского И. Хварцкия

МЕСТО, ГДЕ НА ДЕРЕВЕ ПОДВЕШИВАЛИ ЦЫПЛЕНКА

В селе Калдахвара, восточнее моста через реку Бзыбь, есть большой холм, называемый Местом, где на дереве подвешивали цыпленка.

Во время сильной засухи, чтобы пошел дождь, совершался такой обряд: на ветке дерева за ноги, вниз головой подвешивали цыпленка. Обряд этот имели право совершать только представители рода Сымсым. Два-три старика из этого рода под деревом разводили небольшой костер, такой, чтобы цыпленок не сгорел. После этого она возвращались обратно домой. Много раз я сам был свидетелем этого обряда, потому что старики ходили на этот холм мимо нашей усадьбы. Не успевали старики возвратиться домой, как темные тучи заволакивали небо и начинался ливень. Возвращались старики часто вымокшими до ниточки.

Записано со слов Шлимана Хагуш
в с. Калдахвара в 1963 г.
Записал К. Шакрыл
Перевел с абхазского И. Хварцкия

КАК РОДИЛАСЬ «ПЕСНЬ О СКАЛЕ»

Один знаменитый охотник на горе Хвинчиквара сорвался со скалы и был тяжело ранен случайным выстрелом собственного ружья.

Умирая на голой скале, этот охотник напевал так:

Некому сообщить моим родным о том, что я умираю здесь,
Но я затяну печальную песню...
И скала эта станет местом отдыха для меня,
Может, Айтар * услышит меня...

Записано со слов Миши Аргун в с. Ткварчал в 1974 г.
Записал А.Аншба
Перевел с абхазского И. Хварцкия

* Айтар — божество в языческом пантеоне абхазов.

ДЕНЬ ВОЛЧЬЕГО КУПАНИЯ

Есть один день в году, когда встречаются весна и лето, и называется он у абхазов Днем волчьего купания, ибо волк купается только один раз в году, и именно в этот день. Если жарок этот день, год будет засушливым, а если пасмурно или идет дождь —будет год дождливый. Такая вот примета.

Записано со слов Жени Хварцкия в с. Звандрипш в 1989 г.
Записал и перевел с абхазского И. Хварцкия

КАК СНЯТЬ С СЕБЯ ПРОКЛЯТИЕ

Люди, давшие клятву у больших святилищ — Елыр, Дыдрыпш, Инал-Куба, Лдзаа, Лашкендар, Лыхны, Кияч — и по обстоятельствам, оказавшимся сильнее них (например, в начале 1930-х годов многие абхазцы дали клятву у святилища Дыдрыш о том, что не вступят в колхоз. Впоследствии, конечно, за исключением некоторых, все были вынуждены вступить в колхозы, тем самым нарушив клятву), не сдержавшие свою клятву, могут снять с себя проклятье таким образом: на чистое, красивое поле вдали от дома надо прийти всем со специально испеченными хлебами, со свечами и с солью. Обязательно взять с собой кувшин с чистым темным вином. Моление произносит жрец — чистый, просветленный старик, держа в правой руке стакан вина, а в левой ореховую палку, на которую насажены сердце, печень и челюсть жертвенного животного. (Для таких случаев обычно режут телку.)

Вот так снимали с себя абхазцы проклятье, в том числе и те, которые давали обет не вступать в колхозы. Но они сняли с себя проклятье через десятилетия, там же, где давали клятву, — у святилища Дыдрыпш, да простит Бог, что я называю имя божества, да не потеряем мы свет, идущий из него!

Есть еще моление, когда с тебя снимает проклятье целый род. Представители этого рода собирают деньги и на них покупают козленка, готовят одну общую свечу, пекут и варят две разновидности хлеба (ачахаржв, ахуажв) — по 32 штуки каждого; готовят мамалыгу, открывают кувшин или бочку с чистым, без всяких примесей, черным вином. На берегу речки старейшина рода произносит моление. После проведения обряда с собой нельзя брать домой остатки еды.

Этот обряд очищения от грехов называется «Наше незнание открыло нас».

Записано со слов ясновидящей Ирины Агрба-Хашиг в с. Хуап в 1991 г. Записал и перевел с абхазского И. Хварцкия

НЕОБЫЧНЫЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ

Жил один старик со своей старухой. Детей у них не было. Однажды старик пошел в лес за дровами. Собрал он охапку дров и сильно устал. Ему захотелось напиться, вымыть лицо и руки. Он подошел к роднику, который протекал недалеко от того места, где он собирал дрова, положил охапку дров на землю, напился, омыл лицо и вдруг превратился в девушку-красавицу.

— Что со мной случилось? — изумился старик, застыв на месте.

В это самое время к роднику подошел сын князя. Княжеский сын хотел напиться, но, заметив красивую девушку, тут же решил взять ее в жены. Так и сделал: привел в свой дом и устроил свадьбу.

Прошло много времени, жена княжича родила трех сыновей и воспитала их.

Как-то раз, утром, жена взяла кувшин и пошла к роднику набрать воды на том самом месте, где она из старика превратилась в девушку. Пришла, набрала полный кувшин воды и умылась. Но как только умылась — стала прекрасной кобылицей. Эту кобылицу увидел княжеский сын, тот, который женился на ней, когда она была девушкой.

— Хороша кобыла! — сказал он. — Пусть походит в моем табуне! — и пустил в свой табун.

Кобыла принесла трех жеребят и выкормила их. После этого она опять пошла к роднику, где в свое время превратилась из женщины в кобылицу, и снова напилась родниковой воды. Как только выпила родниковой воды, — тотчас же превратилась в собаку. Княжеский сын заметил ее.

— Какая хорошая собака! — сказал он и привел собаку к себе домой.

Собака ощенилась тремя щенками. Она их выкормила и однажды вместе со щенятами пошла к роднику, напилась воды и вдруг снова превратилась в старика, каким он был раньше. Щенки, увидев, что их мать стала человеком, испугались и побежали прочь. Старик подивился всему, что с ним приключилось, взял охапку дров — она лежала на том же месте, где была оставлена, и пошел домой.

А жена была в обиде на мужа.

— Чего ты там так долго пропадал? — проворчала она.

Старик ничего не ответил, ни о чем не рассказал, только проговорил, помолчав:

— Снимай мамалыгу, я есть хочу!

Жена сняла котел с мамалыгой, и они пообедали.

Прошло три года. Как-то раз старик прослышал, что один князь, у которого была прекрасная дочь, налил в большой котел молока, поставил его посреди двора и объявил:

— Я выдам свою дочь замуж за того человека, который сможет своим словом вскипятить это молоко!

Когда об этом услышали юноши, они собрались к князю и, с его разрешения, начали состязаться в рассказах о том, о сем, но сколько ни рассказывали, — молоко не закипало.

«Пойду-ка и я, попробую, — решил старик, — посмотрю, что будет. Закипит ли молоко, если я расскажу все, что со мной случилось?» Собрался он в путь и пошел, расспрашивая встречных, как дойти до княжеского дворца. Дорогу пересекла река. Вброд через нее нельзя было переправиться, поэтому старик стал поджидать, чтобы какой-нибудь верховой перевез его на другой берег. Видит: подъезжают к реке три всадника — трое юношей, которых он родил и вскормил, когда был женщиной, на трех лошадях, которых он родил и вскормил, когда был кобылицей, с тремя собаками, которых он родил и вскормил, когда сам превратился в собаку. Старик обрадовался — он думал, что сыновья помогут ему перебраться через реку, но те не узнали его. Старик приподнялся с земли и попросил всадников:

— Дадраа *, переправьте меня через реку!

Но старший и средний сыновья ответили:

— Мы спешим, нам некогда с тобой возиться! — и проехали мимо.

Только младший сын пожалел старика и, подъехав к нему, посадил на коня позади себя. Так они переправились через реку. Тут младший догнал своих братьев, а старик пошел следом и добрался до княжеского двора. Там все стали над ним смеяться:

— И зачем было этому старику плестись сюда? О чем он думает?

Вокруг котла с молоком стояло много народу, каждый по очереди что-то говорил, рассказывал, но молоко не кипело. Старика долго оттирали от котла. Наконец, под вечер ему дали слово, посмеиваясь:

---

* Дадраа — ласкательное обращение во множественном числе старшего к младшим.

— Послушаем, что станет болтать этот выживший из ума старик!

А старик начал рассказ о всех своих превращениях и о том, что с ним случилось. Не успел он рассказать и половины всего, что пережил, как вдруг молоко в котле стало кипеть. Все поразились, они думали, что князь теперь откажется от своих слов, но тот, увидя, что молоко закипело, сказал:

— Я хозяин своего слова, и я сдержу его во что бы то ни стало. Я рад счастью своей дочери. Завтра же сыграем свадьбу, и я прошу вас всех остаться.

После этого старик попросил у князя слово. Князь разрешил. Тогда старик сказал, обратясь к народу:

— Князь сдержал свое слово, но я, как видите, — старик. Поэтому я хочу, чтобы княжеская дочь была мне не женой, а снохой, если князь не будет против.

Старик подозвал к себе своих трех сыновей, указал на младшего и пожелал, чтобы князь выдал за него свою дочь. Князь согласился. Народу это очень понравилось. Вскоре князь устроил большой пир.

Так сыновья старика узнали своего родителя. Они очень обрадовались и устроили дома пир в честь своего отца. После этого старику жилось хорошо.

Из книги «Абхазские сказки». Сухуми, 1983

Составил, обработал, перевел Х. Бгажба

ЧЕЛОВЕК И ЗМЕЯ

Была весна. Крестьяне очищали поля от кукурузных стеблей и сжигали их. Повсюду подымались столбы дыма и краснели язычки огня.

Крестьянин, ехавший мимо поля, обратил внимание на невысокое дерево, под которым медленно горела подожженная трава. С верхушки дерева доносилось громкое шипенье — туда забралась задыхавшаяся от дыма змея. Всадник подумал: «На моих глазах гибнет живое существо, могу ли я пройти равнодушно мимо? Нет, нельзя!» И поднявшись в стременах, он коснулся змеи плеткой.

Змея переползла на ее черенок, соскользнула по рукоятке, очутилась на груди всадника и мгновенно обвилась вокруг его шеи.

— Что ты делаешь? — воскликнул испуганный всадник.

— То, что полагается моей породе. Да и ваша порода не святая. Я хочу тебя ужалить. До того хочется, что прямо челюсти сводит! — прошипела змея своему благодетелю.

— Хороша благодарность! — воскликнул он. — А ты, змея, еще считаешься мудрой!

— Я должна тебя ужалить и не могу от этого удержаться.

— Хорошо, пусть я буду твоей жертвой, — ответил всадник, — но все же для моего утешения разреши спросить первого встречного — благороден ли твой поступок?

Змея пошевелила хвостом, чуть-чуть расслабила звенья и согласилась, решив, что того, кто ей будет перечить, она тоже успеет ужалить и получит двойное удовольствие.

По дороге им повстречался бык.

Бык терпеливо выслушал жалобу всадника, проглотил жвачку и промычал:

— Когда я был еще теленком, то по целым дням не видел своей матери. С утра ее угоняли на пастбище, а меня хозяин запирал в хлев. Вечером, когда возвращалась мать и я пытался утолить голод ее молоком, хозяин оттаскивал меня, колотил и не разрешал приблизился к матери. Когда я вырос, на меня надели ярмо, и я должен был выполнять самые тяжелые работы. А что за это получал? Побои и гнилую солому... От человека не жди добра. Он испокон веку хитер, зол и готов угнетать всякую тварь.

— Ну, слышишь — моя правда! — прошипела змея.

— Позволь спросить еще хоть одного встречного, — взмолился всадник.

Змея согласилась. Попалось им по дороге большое тутовое дерево. Всадник решил обратиться к нему со своей жалобой.

Дерево покачало вершиной, вздохнуло так, что зашелестели листья, и повело такую речь:

— В моей тени отдыхают проезжие. Но одни из них обрывают листья, чтобы кормить своих лошадей и шелковичных червей. Другие сбивают мои сладкие плоды, а мне живется вовсе несладко. На человека положиться нельзя, он всегда подведет и обидит.

— Ну, чья правда? — снова прошипела змея. — Довольно мне с тобой возиться — сейчас ты узнаешь вкус моего яда.

Всадник умолил змею подождать еще немного.

В это время выскочила на дорогу куница и остановилась, оглядываясь по сторонам.

Всадник рассказал ей о своем горе.

— Хорошо, я готова стать судьей, — сказала куница. — Но вы так тесно сплелись, что я не могу даже как следует разглядеть вас. Ты, змея, слезь с человека и немного отползи; я стану между вами и тогда рассужу.

Когда змея соскользнула с человека и чуть отползла, куница подскочила к ней, впилась в затылок и отгрызла змее голову.

— Вот тебе за то, что ты норовишь залезать в дупло и губишь беззащитных детенышей, — приговаривала куница, поедая змею.

А мужчина думал о том, как жена обрадуется, увидев такой пушистый мех, и рука его потянулась к ружью.

Из книги «Абхазские сказки». Сухуми, 1983

Составил, обработал, перевел Х. Бгажба

«ВОРОВСТВО» ДУШИ

В одной абхазской деревне проживала девушка обворожительной красоты. Родители хотели выдать ее замуж за богатого старика, а она давно отдала свое сердце одному бедному молодому человеку. По обычаю края, дочь не могла идти против желания родителей, и потому бедный влюбленный приходил в отчаяние. На похищение любимой девушки он не решался, так как, с одной стороны, родители не расставались с дочерью ни днем, ни ночью, а с другой — при каждом намеке на возможность похищения, красавица отговаривала от подобного шага, обнадеживая его, что она умрет и потом выйдет за него замуж!

Наконец, назначен был день свадьбы; но вдруг разнесся слух, что такая-то девушка скончалась скоропостижно. Масса народу собралась в доме безутешных родителей и каждый выражал свое искреннее соболезнование. Плакальщицы проливали обильные слезы, а старик жених не хотел даже верить, что его невеста умерла. Убедившись в ее смерти, он оставил деньги на похороны и выехал куда-то, а родители и родственники все причитали и оплакивали дочь и ее преждевременную кончину.

На другой день принесли гроб и положили туда красавицу. Плач и рыдания еще сильнее стали раздаваться возле гроба; в особенности убивалась мать. Странно было то, что молодой влюбленный ко всему этому относился безучастно, и даже на губах его играла улыбка. Чтобы утешить старуху мать, он подошел к ней и стал тоже выражать свое соболезнование.

— Боже мой! — завыла старуха. — Может быть, моя дочь умерла с горя оттого, что не хотела выйти замуж за старика? Зачем мы тебе отказали в руке дочери? Может быть, она теперь была бы жива.

— Неужели вы согласились бы выдать вашу дочь за меня, если бы она была жива? — спросил молодой человек.

— Я бы своими руками отдала тебе дочь. Но зачем нам об этом говорить? Разве не видишь, что бездыханное тело лежит в гробу без движения, и душа ее, вероятно, на том свете.

— Довольно убиваться. Твоя дочь жива!!!

— Что ты?! С ума сошел? Взгляни на лицо мертвой и убедишься, что скоро тело должно разложиться.

— Нет, нет, мама! — раздался голос из гроба. — Я жива, я уже вернулась с того света, и если ты сдержишь высказанное

тобой обещание, то я выйду замуж за того, кого люблю, я сейчас встану.

Мать пришла в ужас от этих слов, а когда заметила, что мнимоумершая дочь поднимается из гроба, с криком выбежала во двор. Выбежали также и все присутствовавшие. Но когда к ним вышли молодые, обняв друг друга, и стали звать, чтобы они вернулись к ним, то все стали понемногу возвращаться. Через час уже все смеялись и хвалили девушку за то, что посредством «воровства своей души» освободилась от нелюбимого старика. Отец и мать были рады такому обороту дела и тотчас же благословили молодых.

К.Мачаварини. Очерки об Абхазии. — «Черноморский вестник», Батум, 1899, 8 окт.

НАХОДЧИВЫЙ ПАСТУХ

В памяти народа до сих пор существует следующая интересная легенда: эпизод из жизни одного находчивого пастуха.

Была суровая зима. В течение нескольких месяцев пастух принимал все меры, чтобы не оставлять свое стадо без пищи. Настал март месяц. Снегу навалило вдвое больше, но пастух с утра до вечера очищал лопатой землю от снежной пелены и доставал кое-какой корм. Наступил, наконец, желанный вечер последнего числа марта месяца, и пастух, будучи уверен, что апрель пошлет теплые дни, бросил лопатку в сторону и выругал март месяц довольно нелестными словами. Услышав эти слова, март сейчас же прибежал к апрелю и выпросил у него еще три дня, и за эти дни навалило столько снега, что пастух положительно не знал, что делать. Но недаром говорят, что голь на выдумку хитра. Вот и наш пастух взял пустой бурдюк от вина, посадил туда кошку и повесил на балке, перекинутой через чердак. Заслышав барахтанье кошки, овцы и бараны устремили туда свои взоры и в течение трех дней были до того заняты кувырканьем кошки, что ни разу ни напоминали своему доброму пастуху о том, что голодны. Вот после этого и говорят: «Если в первых числах апреля идет снег, то этому виноват март, так как с того времени, как пастух выбранил его, он всегда обращается к своему младшему брату апрелю с просьбой одолжить ему еще 3 или 4 дня».

К.Мачаварини. Очерки об Абхазии. — «Черноморский вестник», Батум, 1899, 12 нояб.

КАК ЖЕНА ТЫТ-ИПА КЬЯЩАЩА СБЕЖАЛА ОТ АБРЕКОВ

Девичья фамилия жены Тыт-ипа Кьящаща была Габлия. Сам Кьящащ жил в селе Отхара. Однажды на село совершили набег абреки с Северного Кавказа, схватили жену Кьящаща и погнали ее вместе с остальными в горы. Кьящаща не было дома. Через бурную реку Бзыбь переправились с трудом, вбив в дно реки шесты. После того как грабители переправились на тот берег, они вытащили из воды эти шесты, опасаясь, что кто-то из пленных сбежит и переправится через Бзыбь с помощью этих шестов. Лишь два шеста остались торчать на поверхности воды.

Когда стемнело, абреки сделали привал на горе Ахат, недалеко от перевала через Кавказский хребет. Ночью легли спать и жену Кьящаща накрыли буркой. Чтобы она не сбежала, двое мужчин легли рядом с ней, по обе стороны, на края бурки.

Глубокой ночью, когда мужчины заснули, жена Кьящаща смогла незаметно выскользнуть из бурки и побежала по снегу обратно. Добралась она до реки Бзыбь, к тому месту, где они переправлялись с помощью шестов, сняла с головы косынку, привязала к шесту, торчавшему из воды, а сама, держась за край косынки, вошла в бурную Бзыбь. Дотянувшись до другого шеста, сумела она выбраться на другой берег.

Когда абреки заметили исчезновение женщины, они погнались за ней, добежали до реки Бзыбь и увидели ее косынку, привязанную к шесту.

— Хай, несчастная женщина утонула! — сказали они и вернулись в горы.

В то время, дад, находить дорогу в наших местах было непросто, везде были дремучие леса, не то, что сейчас, да к тому же жена Кьящаща была беременна. Она дошла до села Блабырхуа и, увидев в поле стог сена, изможденная, улеглась на него и заснула. Там-то и увидели ее хозяева той усадьбы, привели ее домой, обогрели, накормили. Там она и родила.

Спустя месяц хозяева отвели ее домой к Кьящащу с ребенком.

И я тоже, дад, знал эту женщину.

Записано со слов Папцаа Ханаша в с. Отхара в 1941 г.
Записал К. Шакрыл
Перевел с абхазского И. Хварцкия

КАК СЛОЖИЛИ ПЕСНЮ ПРО ГЕДЛАЧЕ — СЫНА АРСТАА ШАБАТЫКВЫ.

Абазины и ахчипсоуцы играли в аймцакяча на Гумской поляне. Были здесь и азийцы, смотревшие за игрой. Один старик обратился к тому, кто стоял рядом:

— Кто этот мальчик, что бегает быстрее всех? Те, мимо которых он пробегает, отскакивают от него, а кого он коснется, падают. Из него должен получиться мужчина...

Человек, которому старик задал этот вопрос, ответил:

— Это сын Арстаа Шабатыквы — Гедлач.

— Если он сын того Шабатыквы, которого я знал, то мог бы быть еще лучше, — сказал старик и добавил: — Шабатыква переправлялся верхом на лошади через бурную реку, которую надо было преодолевать с утра до обеда, держа на луке седла другую лошадь — необъезженную!

Гедлач тогда был четырнадцатилетним юношей, и когда он вырос, стал храбрым мужчиной, в ком жила, как говорят, энергия бешеной собаки. Он защищал свой народ от набегов грабителей с Северного Кавказа. Бывало, он и сам организовывал набеги, и всегда ему сопутствовал успех.

Так, однажды он преследовал грабителей, и на той стороне хребта, в бою попало в него семь пуль. У него была сестра по имени Кумпылхан. Она увидела брата во сне и, одевшись в мужскую одежду, взяв оружие брата, двинулась в путь, сказав при этом: «Не вернусь, пока не увижу, где погиб мой брат». Она встретила смертельно раненого брата на перевале и привела его домой.

Народ ахчипсоу в скорби собрался на берегу реки Арыш. Здесь ахчипсоуцы сложили про Гедлача песню:

Между Богом и людьми был посредником
Арстаа Гедлач — герой!
Он общался с девушками из небесного рода Хвир.
На что ты решилась, бедная Кумпылхан?
Благодаря тебе, Гедлач, спали мы на одном боку,
Душа у нас была спокойной.
Сегодня ты покидаешь нас, но,
Наполнив черпак слезами,

Мы оставляем его на поверхности вод Арыша.
Ты был крепостью для нас,
Но мы обошли эту крепость сегодня,
Словно белая нитка.
Куда нам теперь податься?
Арстаа Кумпылхан, тебя кормил брат, только
Нежным мясом овечьего курдюка.
Куда теперь податься тебе?
Ты придешь в Бзыбь,
И станешь добычей бзыбцев!

Записано со слов Арстаа Кастея в с. Отхара в 1961 г.
Записал С. Зухба
Перевели с абхазского И. Хварцкия, В. Шария

ВЛАДЕТЕЛЬНЫЙ КНЯЗЬ И МШЫ

В горном селе Гума жил Мшы по фамилии Авидзба. Он обладал поистине медвежьей силой, поэтому люди звали его Мшы-медведь.

В один зимний морозный день Мшы решил навестить владетельного князя Абхазии, но не знал, с каким подарком пойти к нему. Подумал, поразмышлял Мшы, пошел в лес, нашел сухое грабовое дерево, взвалил на плечи и направился в село Лыхны — резиденцию владетельного князя Чачба. Мшы вошел во двор князя с деревом на спине и приставил его к боковой стенке дворца.

— Это дерево я принес в подарок князю. Думаю, в такой морозный день дрова ему пригодятся, кроме того, хочу еще и повидаться с князем! — доложил он прислуге.

— Приведите ко мне этого человека, который на спине принес мне целое дерево! В такой морозный день это дерево, безусловно, хороший подарок, — сказал князь.

Тепло и с почестями принял князь гостя из Гума — Мшы.

— Есть ли у тебя просьба ко мне? — спросил князь, провожая гостя.

— Да обойду я вокруг тебя, князь! Я хотел только, чтобы ты положил в огонь дрова, которые я принес, и погрелся бы у камина.

— Этому Мшы подарите лучшего коня из моего табуна! — приказал князь прислуге.

Мигом поймали лошадь, надели уздечку и повели к Мшы.

— Принесите мне лестницу. Я хочу сесть на коня! — сказал Мшы.

Князю доложили, что этот гость ведет себя как ненормальный, просит лестницу, чтобы сесть на коня.

— Мшы достойный человек, а вы дураки! — сказал владетельный князь Чачба. — Как можно абхазцу подарить хорошего коня без седла. Быстро оседлайте коня!

Из книги «Историко-героические сказания абхазов». Сухуми, 1978
Составитель С. Зухба
Перевел с абхазского И. Хварцкия

ВЛАДЕТЕЛЬНЫЙ КНЯЗЬ АБХАЗИИ И МАРШАНЫ

В то время, когда в Абхазии княжил Сафарей Чачба, в Лыхны жил уважаемый всеми князь Дзапш-ипа Чахмат. Это был проницательный и мудрый человек, и Сафарбей всегда прибегал к помощи Чахмата, когда нужно было решить важное дело. Без мудрого совета Чахмата владетельный князь сам ничего не мог решать, но и в то же время он недолюбливал его, потому что, заходя в княжеский двор, Чахмат здоровался со всей прислугой.

— Слушай, Чахмат, почему ты здороваешься со всеми? — говорил ему Сафарбей. — Этим ты унижаешь меня в глазах слуг.

— Уважаемый князь! — отвечал ему Чахмат. — Эти люди — опора тебе во всем. Без них ты потеряешь все. Поэтому я в первую очередь здороваюсь с ними.

Сафарей обиделся и больше не желал видеть у себя во дворе Чахмата, только если какое-нибудь неотложное и неразрешимое дело не заставляло его прибегнуть к мудрости неисправимого Дзапш-ипа.

Однажды гонцы на взмыленных конях въехали во двор владетельного князя и сообщили ему, что в горах цебельдинские и дальские Маршаны напали на его пастухов и угнали весь скот.

— Позор! Они смертельно оскорбили меня! — Сафарбей, схватившись за голову, сидел, убитый горем. Думал он долго, но ничего не придумал и спросил у ашнакма * Шханыквы Шакрыл о том, что тот думает по этому поводу.

— Нужно снарядить в дорогу Пилия Бакуру, — сказал после некоторого раздумья Шханыква. — Это единственный человек у нас, кто пешком одолеет дорогу за день к селу Псху туда и обратно. Он разузнает, как все это произошло, и доложит нам. Потом мы решим, как поступить с ними. Возможно, и мы предпримем набег на села этих Маршанов, захватим скот и людей, если попадутся.

Но легко это сказать, гораздо труднее осуществить на деле.

— Все же, думаю, надо спросить мнение Дзапш-ипа Чахмата, — молвил Сафарбей.

— Но, Сафарбей, ухацкы **, ты своим отношением к нему

---

* Ашнакма — приближенные к владетельному дому.

** Ухацкы — почтительное обращение.

давно оттолкнул его от себя. Вряд ли он придет к тебе, — сказали приближенные князя.

В конце концов все же решили послать к Чахмату почтенных старцев.

А тем временем Пилия Бакуре сообщили о том, что князь хочет послать его в Псху. Бакура решил, что он чем-то прогневал князя и, зная, что в таких случаях в виде наказания князь заставлял человека, вызвавшего его гнев, идти пешком в Псху, не раздумывая тут же отправился в горное село. За один день Бакура без отдыха добрался до Псху и к вечеру, измотанный дорогой, вошел во двор князя и сказал:

— Ухацкы, владетельный князь, я исполнил твой приказ, только что я пришел из Псху.

— Аайт, негодный, я не успел сказать ему, с каким поручением надо идти в Псху, а он уже пришел оттуда! — рассердился князь. — Сейчас же отрежьте подол его черкески.

Слуги князя схватили Бакуру, чтобы отрезать подол черкески, но вмешался Джапш-ипа-Чахмат, который пришел к князю после долгих просьб почтенных стариков. Войдя во двор, он опять поздоровался со всеми, никоим образом не выделяя владетельного князя.

— Что же ты делаешь, князь? — возмутился Чахмат. — Ты из ума выжил, иначе не стал бы так поступать с этим человеком. Только этот человек и подобные ему могут защитить тебя в трудную минуту. А что касается того, что он даром прошагал до Псху и обратно, так и в этом ты тоже виноват, потому что такое наказание сам придумал, — сказал Чахмат.

Бакуру отпустили. Чахмат подумал и посоветовал князю поступить следующим образом:

— Эти Маршаны отчаянные люди, силой их не возьмешь, — начал говорить Чахмат. — Здесь нужно прибегнуть к хитрости. Пускай страсти улягутся, ты сделаешь вид, будто смирился с тем, что они угнали скот. Спустя месяцев пять пригласи к себе в гости обоих главарей Маршанов — одного из Дала, другого из Цабала. Они оба еще не женаты. Старшему в жены отдай свою сестру, а младшему — свою дочь. Пройдет время, и ваша кровь — кровь владетельных князей — покажет себя. Рано или поздно твоя сестра и твоя дочь поссорятся. В спор вовлекут они своих мужей, и разгорится пожар между ними. После всего этого тебе, Сафарбей, останется только присвоить их имущество, — закончил свою речь Чахмат.

Сафарбей долго думал над этим предложением Дзапш-ипа. Взвесил все за и против. Наконец он пришел к выводу, что именно так и нужно поступить.

Когда страсти улеглись, Сафарбей пригласил к себе братьев Маршанов и объявил им, что хочет породниться с ними. Да и Маршаны были довольны, потому что и сестра, и дочь князя были красивейшими девушками, краше которых не сыскать было на всем Кавказе.

И произошло все так, как и предвидел Чахмат, потому что сестра князя вскоре объявила, что она главная невеста Маршанов. Но и дочь князя сказала, что именно она главная невеста Маршанов, ибо она как дочь ближе к владетельному князю. Этот спор привел к междоусобной войне между Маршанами, и они уничтожили друг друга. Князья всей Абхазии, с участием мегрельского — Дадиани, обсудив, решили передать Сафарбею все имущество Маршанов. Возвратились домой и овдовевшие сестра и дочь князя.

Князь Сафарбей отомстил своим врагам и соперникам Маршанам, но кровавая война тоже не обрадовала его, потому что тяжело ему было глядеть на овдовевших женщин — сестру и дочь свою.

— Во всем этом злодействе виноват Чахмат! — объявил князь Сафарбей.

— Уважаемый князь, через два-три года ты не будешь уже владетельным князем Абхазии, — передал Чахмат Сафарбею через посредника такие слова. — Русские завоюют Абхазию и твое княжество упразднят. И потеряешь ты все, чем владел.

Так оно и вышло.

Записано со слов Сакания Манчи в с. Лыхны в 1973 г.
Записал С. Зухба
Перевел И. Хварцкия

ХАВЯ АМАРШАН И ТКУТКУ ДЗАПШ-ИПА

Хавя был в том возрасте, когда джигит с его именем мог жениться, только совершив подвиг, в соответствии с требованием обычая, и к этому шагу неукротимый Амаршан был давно готов.

Возвращаясь однажды с дальней дороги, Хавя решил зайти в гости к кому-нибудь, отдохнуть самому и дать отдохнуть своему коню. Всадник спрыгнул с коня и остановился в нерешительности, не зная, куда ж ему направиться. Знаменитый удалец решил прибегнуть к помощи своего верного друга-посоха. Он поставил свой посох вертикально и отпустил. Посох упал на землю и показал ему направление, по которому он должен был пойти.

Через некоторое время он уже стоял у ворот Шуах Мыхцыра.

— Хозяин! —громко крикнул Хавя.

Хозяин тут же откликнулся и быстро направился к воротам.

— Добро пожаловать! —радуясь такому гостю, открыл ворота хозяин. — Двери моего дома всегда открыты для гостя!

— Гость в первый день золото, во второй день — серебро, а в третий железо! — пошутил Хавя и вошел во двор.

Мигом был приготовлен стол, и долго сидели за пиршеским столом хозяева и гость —шутили, смеялись, пили вино. Хавя не мог не обратить внимания на дочь хозяина Мадину, но он и виду не подал, что она понравилась ему.

Утром, покидая гостеприимный дом, Хавя попрощался, благословив хозяев так: «Пусть Шашуы своим советом озарит вас и ваш дом!» Незаметно для остальных гость бросил к ногам Мадины свой газырь. Девушка знала, что означает этот жест, подняла и спрятала газырь.

Одним словом, благодаря посоху Хавя Амаршан встретил девушку, которая была суждена ему. Прошло немного времени, и однажды с группой всадников Хавя въехал во двор Шуах Мыхцыра. Хозяин созвал соседей, родственников и устроил большой пир. Мадина, улучив удобный момент, передала газырь Хаве. Это означало, что она согласна стать его женой. Тайное стало явным, и гости и хозяева договорились, был назначен день свадьбы.

В разгар пира неизвестный всадник подъехал к воротам и попросил напиться воды. Мадина вышла из дому с кружкой воды и поспешила к воротам, но всадник схватил девушку, словно

ястреб перепелку, и ускакал с ней. Это был известный джигит Ткутку Дзапш-ипа. Ошеломленные случившимся, хозяева и гости вышли из дома, готовые догнать и растерзать похитителя. Вопреки всем ожиданиям, Хавя начал успокаивать людей, говоря, что Мадина его невеста и случившееся лежит только на его совести.

Боясь мести со стороны Хавя, Ткутку уехал с похищенной девушкой за пределы Абхазии. Через год он вернулся домой с женой и ребенком, но жизнь его была сплошной мукой, ибо везде его подстерегала меткая пуля Хавя, который почему-то не спешил расправиться со своим врагом. Ткутку дошел до того, что сам желал умереть от руки Амаршана.

Однажды Дзапш-ипа услышал у своих ворот громовой голос Хавя:

— Хозяин, выходи из дома, я, Хавя Амаршан, пришел к тебе!

Ткутку вышел из дома и покорно направился к воротам. Хавя сказал:

— Я не буду убивать тебя. Но должны мы с тобой померяться силами. Если буду побежден я —прощу тебе твой поступок, но если я буду победителем в борьбе —в назначенный срок ты приедешь ко мне вместе со своей женой. В тот день люди соберутся у меня во дворе, как на свадьбе.

Ткутку согласился, и между двумя богатырями началась борьба. Несколько часов подряд бились они, но силы были равны. В конце концов, Хавя, применив прием «дзкуаршв», положил Дзапш-ипа на лопатки.

— Жду тебя в назначенный срок! — сказал Амаршан и, сев на коня, ускакал домой.

В назначенный день Ткутку вместе с женой и группой всадников въехали во двор Хавя. Односельчане и родственники схватились за оружие, не ожидая появления здесь кровного врага хозяина и считая это неслыханной дерзостью со стороны Дзапш-ипа, но Хавя успокоил своих гостей. Дзапш-ипа сошел с коня и, остановившись в центре двора, поднял руку и обратился к народу с такими словами:

— Дьявол сыграл со мной злую шутку, и я нанес смертельное оскорбление Хавя Амаршану, чье достойное имя хорошо известно на всем Кавказе. Я принимаю любое наказание, которое народ вынесет мне, но знайте: Хавя уже отомстил мне сполна!

Ткутку рассказал все, как было, ничего не утаивая.

Хавя подошел к Дзапш-ипа и сказал:

— Я победил тебя силой, но сейчас ты победил меня человечностью. Отныне ты мне друг!

И Хавя обнял Ткутку.

В тот день в доме Хавя был большой пир.

Записано со слов Мстафа Ашуба в с. Дурипш в 1985 г.
Записал С. Габниа
Перевел с абхазского И. Хварцкия

ПЕСНЯ ОБ ИНАПХЕ КИАГВЕ

За врагами следил он с вершины горы,
Разжигал на долине пастушьи костры,
Разводил он порою в пещере очаг,
Этот Инапха Киагва, смелых вожак.
Вот однажды на туров, в ночи без луны,
Он охотился с Нигуха, с братом жены.
В эту ночь налетели грабители с гор
И в селенье его учинили разор.
В эту ночь неспокоен был Киагвы сон,
Все кряхтел, да вздыхал, да ворочался он.
Полусонный, он кинулся к спутнику вдруг:
«На вершину взберись-ка ты, Нигуха-друг,
На равнину взгляни, — не стряслась ли беда?»
Тот пошел, на вершину поднялся тогда,
Глянул вниз, — видит пламя во мраке ночном,
Все родное селенье объято огнем.

Возвратился в пещеру, прилег он опять,
Не решился он Киагве правду сказать:
«Ты всегда волновался, как был молодым, —
Тот же нрав у тебя, хоть и стал ты седым.
Друг мой Киагва, спи до рассветной поры!
На равнину взглянул я с вершины горы.
Там спокойно, лишь стелется синий туман».
Молвил Киагва: «Нет, это слово — обман!»
На вершину взобрался охотник седой,
На равнину взглянул он с вершины крутой,
Видит: небо в огне и селенье в огне...
«Что же правду, мой друг, не поведал ты мне?
Испугался ты, видно, что Киагва стар,
Что не сможет ответить врагам на удар,
Испугался ты, видно, что вражеский сброд
Над моей сединой издеваться начнет!
Если сможешь догнать, ты меня догоняй,
А не сможешь, — хотя бы мой след не теряй».
Это слово смельчак произнес горячо.
Он повесил кремневку свою на плечо.
Он помчался как ветер и скрылся из глаз.
Вот бурливая Бзыбь перед ним разлилась.
Перешел он ее, словно мелкий родник.

Перед Киагвой кряж неприступный возник.
Он взобрался на кряж, оглянулся кругом, —
На грабителей, мнилось, низринулся гром.
Убежали грабители за перевал.
Но окликнул их Киагва, властно позвал:
«Назовите себя, разорившие нас!» —
«Что ты, путники мы, в поздний странствуем час,
Только с Киагвой можем вести разговор». —
«Говори же: я Киагвой был до сих пор.
Встань, чтоб видел тебя, если впрямь ты не трус!» —
«Что ты, я ли тебя одного побоюсь?» —
Так воскликнул грабитель, на камень вскочив.
«Получай от меня, если ты не труслив!»
Грянул выстрел, и в лысину пуля впилась, —
Не в того, а в другого, что рядом стоял.
«Эй, откуда кремневка такая взялась?
Из нее, видно, раньше горохом стрелял?» —
«Ты попробуй горох, мой горох неплохой!» —
Грянул выстрел, —второй уничтожен злодей.

«Наконец-то вы поняли, кто я такой.
Так верните наш скот, и добро, и людей!» —
«Потеряли мы двух, а не стали слабей, —
Может, пали случайно от пули твоей!» —
«Если так, — уничтожить я вынужден всех,
Я уверен, что ляжет на вас этот грех.
Кто мужчина из вас? Выходите вперед,
Потому что черед и для вас настает!»

Он стреляет в упор, убивает подряд, —
Кроме трех, уничтожил он целый отряд.
Он троих окликает: «Проклятые вы!
Не убью вас, — годитесь в глашатаи вы!
Известите людей, и чужих, и своих:
„Все погибли от Киагвы, кроме троих,
Мы же, трое, убили его наповал". —
Так стреляйте в меня», — он злодеям сказал.
Встал на камень пред ними охотник седой.
«Нет, бессмертен ты, Киагва, славный герой». —
Так ответили трое с вершины скалы
И кремневок своих опустили стволы.

Мне не нужно глашатаев робких таких», —
Он сказал и убил из кремневки двоих.

«Ну, а ты, — крикнул третьему, —как тебя звать?
Ты последний, хочу твое имя узнать».
Тот ответил: «Я — Чич, и гнетет меня стыд». —
«Не убьешь ты меня, — сам ты будешь убит,
А убьешь — невредимым вернешься назад». —
«Я стрелял бы, но жуток и страшен твой взгляд.
Отвернись, чтоб моя не дрожала рука:
Не привыкла в такого стрелять старика».

Старый Киагва стал к супостату спиной,
И тот час обожгло его пулей стальной.
«Ну, теперь ты не бойся, вернешься домой,
Обо всем ты расскажешь врагам и друзьям,
Ну, а что рассказать, — верно, знаешь ты сам.
Не оставь мертвецов на съедение псам,
Уходи ты отсюда нагорной тропой,
Можешь всем говорить, что убит я тобой».
С песней двинулся Киагва старый домой,
От неволи он спас изнуренных людей.
Никому не поведал о ране своей.
— Уа, райда, райдари, — звенит за горой, —
Райда, Инапха Киагва, славный герой,
Из героев — храбрец, из отважных — смельчак:
Где бы ни был в ущелье пастуший очаг,
Где б ни пелись охотничьи песни в горах,
Где б ни падал от меткого выстрела враг, —
Всюду славили Киагву, правде верны,
Как защиту народа, твердыню страны.
Надвигалась беда на отеческий край —
Восклицали: «О Киагва славный, спасай!»
Для кого была голень оленья, что кол?
Кто из ребер оленьих ограду возвел?
Кто и в старости бегал быстрей, чем олень?
Чья кремневка всегда попадала в мишень?
Чья большая ладонь, широка и смугла,
Для ружейного пороха меркой была?
Кто мизинцем вгонял пулю меткую в ствол?
Кто бы целое войско в смятенье привел?
Это Инапаха Киагва, храбрый вожак,
Невысок был он ростом, а сердцем — смельчак.

Он отсутствовал, — недруги нашей земли
И ограбили нас и селенье сожгли.

Кто, узнав о несчастье, направился в бой
Недоступной, неведомой горной тропой?
Кто отбил земляков, кто вернул их домой —
На прекрасную землю отчизны родной?
Это Инапха Киагва, славный герой!

Он смертельною вражеской пулей пронзен,
Встал, пошел, подавляя в груди свой стон.
Он о ране своей никому не сказал,
Он по горным тропам меж утесов и скал
Возвращался в крови, песню мужества пел,
Воспевал он бесстрашных и сильных удел,
Легче боль становилась от песни такой,
Эта песня душе приносила покой.
Так до сакли своей добираться пришлось
Пораженному пулей смертельной насквозь.
«Это муха», — сказал он. Решил: теплый пот,
А не кровь по уставшему телу течет.
Возле сакли героя толпился народ, —
Словно скошенный дуб на тахте он лежал,
Уа, райда, последнее слова сказал:
«Хоть и хочется жить, — смерть моя хороша.
Пусть умру, но победу узнала душа.
Это лучше, чем ночью свалиться в обрыв
Или пасть побежденным, главу преклонив».
Земляки отвечали на честную речь:
«Славный Киагва, наша защита и меч!
Тот народ, за которого пал ты в борьбе.
Никогда не забудет, герой, о тебе.
Будешь вместе с умершим всегда умирать,
Вместе с тем, кто родится, — родишься опять».

Записано со слов Кастея Арстаа в с. Отхара в 1947 г.
Записал Б.Шинкуба
Перевел с абхазского С. Липкин
Из книги «Антология абхазской поэзии». М., Советский писатель, 1959

ЧТО ПРОИЗОШЛО В ПСХУ

Когда абхазы жили в Псху, было у них трое старейшин: Аспхауа Джантым, Ахуба Кагуа, Атамаба Уада, и были они глубокими стариками.

Как-то раз приходит в Псху человек, ведя корову, и говорит:

— Хочу жить с вами.

— Откуда ты? — спрашивают его.

— Издалека. Прослышал о вас и пришел.

Дали ему землю, и стал он жить.

Прошло два года, в начале третьего попросил он у соседа деньги взаймы.

— Дам я тебе денег, но только чем ты расплатишься, ведь корова — это все, что у тебя есть? — сказал сосед.

— Я прошу только половину стоимости коровы, не расплачусь — она твоя, — ответил тот.

И сосед дал ему деньги.

Прошел назначенный срок, а он не возвращает долг. Сосед спрашивает его, почему он не возвращает деньги.

— Я уже вернул, — говорит он.

— Нет, ты не вернул, — возмутился сосед.

— Вернул, в руки тебе отдал.

В Псху было древняя аныха * Инал-куба, под нею висела железная цепь. Клятвой у святилища разрешались споры, обиды между сельчанами, здесь происходили примирения врагов. И сосед с этим человеком пошли к святилищу, чтобы выяснить правду.

Бравший в долг сделал так: продырявил посох и вложил в него такую же сумму, какую брал у соседа, потом заделал дыру.

Приходят они к святилищу. Этот человек дает посох соседу и говорит:

— Клянусь этой святыней, что отдал тебе долг.

А сосед держит посох.

Цепь, висевшая у святилища, при ложной клятве изгибалась книзу, при правдивой кверху. На этот раз она не пошевелилась. Сельчане недоумевали и спрашивали друг у друга, что же случилось со святилищем.

— Тут нет моей вины, — сказал этот человек, взял у соседа свой посох и ушел.

---

* Аныха — святилище.

В жизни много зла, и этот человек пришел, имея на уме худое, ему нужно было разузнать нравы и обычаи абхазов, знал он также турецкий, армянский и русский языки, но сельчане об этом не догадывались.

Около святилища был источник, лечащий разные хвори, и люди почитали его как божество. Этот человек пришел ночью и выстирал в источнике свою одежду. Той же ночью разыгралась буря, какой не видывали в Псху: земля дрожала от ударов грома, непрестанно били молнии и пошел крупный град, казалось, небо обрушится на село.

Сельчане от страха всю ночь не смыкали глаз, а наутро, когда все стихло, побрели к святилищу узнать, что произошло.

И увидели обугленный труп осквернителя, пораженного молнией. А сам источник исчез, и на его месте разверзлась пропасть.

В это время пастухи со скотом были в горах. Ночью они услышали ужасный грохот и уверовали, что от Псху ничего не осталось.

Абагба Ира, храбрейший из храбрых, тоже был в горах. После этой страшной ночи он оседлал коня и отправился в Псху.

Только выехал он со стоянки, как увидел огромную темную тучу, катившуюся ему навстречу, — она несла в себе гром и молнии и исходила водой. «Это знамение! Погляжу, где она остановится», — решил Ира и отправился за ней. Долго он ехал, и наконец у подножия одной горы его лошадь не выдержала и упала. Ира поднялся на гору и увидел, что туча остановилась за речкой в долине. Ира пошел в долину, но не смог перейти речку, которая стала очень многоводной. И он понял, что туча пролилась в эту речку. Тогда он дал обет: «Если источник, покинувший Псху, останется здесь и будет так же исцелять людей, я заколю жертвенного козла и совершу моление».

Потом он вернулся к своему коню, который был уже мертв, снял седло, отнес его на стоянку и пошел в Псху.

А в Псху, у святилища, уже волновались люди, догадавшиеся, что все это дело рук пришлого нечестивца, которого они приняли два года назад в свое селенье.

— Что случилось? — спросил Абагба.

— Священная цепь исчезла, а вместе с нею и источник. Такое у нас горе! — ответили ему.

— Я знаю, где теперь источник, — сказал Абагба.

Люди пошли за ним и увидели новое место, где забил новый источник.

Тогда жители Псху во главе с Атамаба Уада, чистым, просветленным стариком, восседавшим на муле, взяли жертвенного козла и пошли к новому месту источника, где и совершили моление.

Спустя какое-то время взяли они ягнят и опять совершили моление у источника.

После этого источник больше не покидал своего места. Место это называется Ауадхара, по имени Атамаба Уада.

Гору, на которую взошел Абагба Ира, чтобы следить за тучей, назвали его именем — Багарыюта. Холм на востоке от горы — холмом Иры. Когда истлели останки лошади, череп ее положили на ближайший холм и нарекли его — Лошадиная голова. Оно так и называется — Место Семи Ключей.

Историю эту рассказали 168-летняя Абардзба Шина Джыр-ипа Камышу и Гуакина Гуадал. Я услышал ее из уст Гуакина и поведал вам.

Записано со слов Маадана Сакания
в с. Дурипш
Записал К. Шакрыл
Перевел Д. Начкебиа

ПРОРОК

Однажды пророк под видом простого человека въехал на муле в один двор.

В то время дома была жена хозяина: на руках она держала своего умершего ребенка. Когда гость въехал во двор, она положила мертвого ребенка в ясли, встретила гостя, помогла ему спешиться, пригласила домой, сразу приготовила ему угощение и усадила за стол. Но разве пророк стал бы есть что-либо? Он вынул из кармана свою трубку, взял ее в рот и стал дуть в ее отверстие, — «фыт-фыт», но она была засорена.

— Не принесешь ли, дад, мне соломинку, чтобы прочистить трубку? —попросил пророк.

И когда женщина подошла к яслям, чтобы вытащить из сена соломинку, она увидела своего играющего и улыбающегося ребенка.

С радостью она подбежала к старику и дала ему соломинку.

Пророк взял соломинку, прочистил отверстие в своей трубке, закурил, а затем сказал ей:

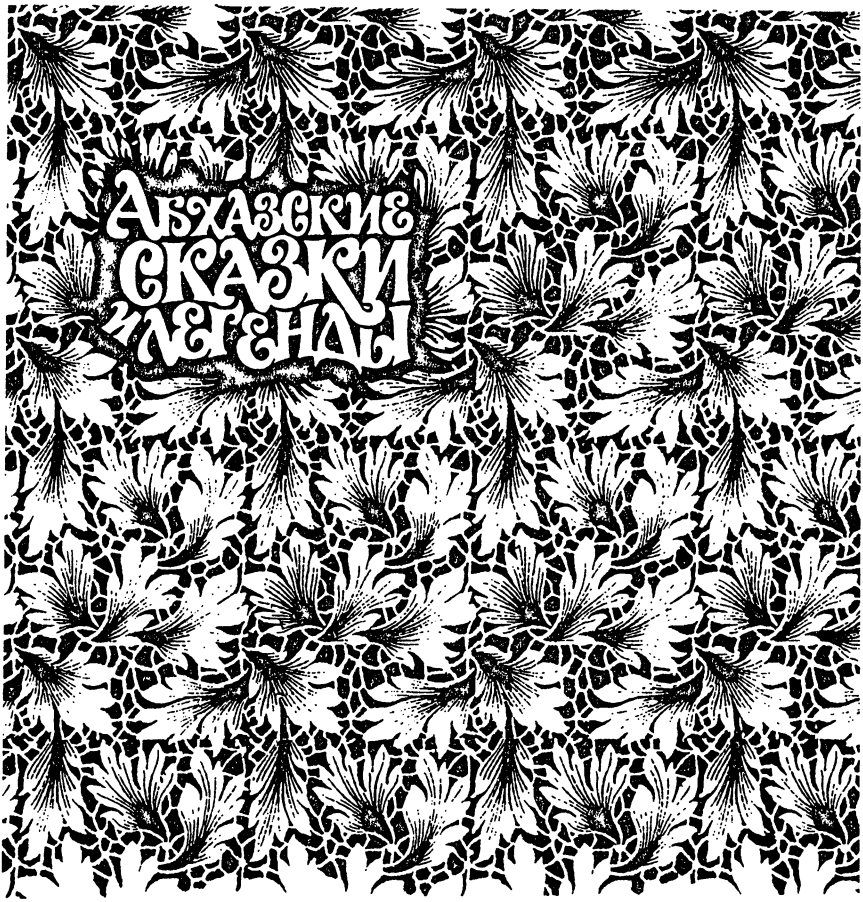
— Спасибо тебе за все. Но скажи, чего бы ты хотела? Я могу сделать тебя богатой.

Она ему ответила:

— Мне не надо никакого богатства, я хочу только всегда быть человеком.

Из книги «Абхазские сказки». Сухуми, 1983

Составил, обработал и перевел Х. Бгажба

Из устного народного творчества убыхов

СМЕРТЬ САУСЕРУКО

Во времена нартов жил человек, он был невысокого роста, и звали его Саусеруко. Будучи очень ученым, Саусеруко умел перевоплощаться, чем страшно пугал нартов: то примет облик дикого животного, то окажется башмаком, оставленным на дороге, а то и мешком. Но когда он впадал в ярость, то заворачивался в облако и в таком обличье бил и убивал нартов сколько хотел. Нарты же, не видя его, не могли ни поразить, ни убить.

У нартов была мать и звали ее Сакнеж. Однажды нарты обратились к ней: «Если мы не убьем Саусеруко, то жизни нам от него не будет. Научи нас, как это сделать». Мать ответила: «Возьмите Железное Колесо, поднимитесь на вершину горы, находящейся над его домом, позовите Саусеруко и, когда он выйдет, крикните следующее: „Мы отпускаем Железное Колесо. Если ты мужчина, то отправь нам его обратно ударом кулака!"» После чего спустите Колесо». Так они и сделали. Саусеруко же ударом кулака отправил Колесо обратно.

Нарты вновь обратились к матери: «Он вернул Колесо. Что делать?» Сакнеж ответила: «Сходите к нему, но на этот раз скажите: „Мы вторично отпускаем Колесо. Если ты мужчина, то верни нам его ударом локтя!" Нарты последовали ее совету, Саусеруко же ударом локтя отправил Колесо обратно.

Нарты вернулись к Сакнеж со словами: «Увы, все, что ты предлагаешь, он выполняет. А ведь если мы его не убьем, то жизни нам не будет». — «Раз так, — ответила мать, — учтите следующее: ляжка Саусеруко без костей, мясо сопротивления не окажет, и Железное Колесо разрежет мясо. Он умрет от потери крови». Нарты явились к Саусеруко и сказали ему: «Если ты мужчина, то отправь Колесо ударом ляжки!» Саусеруко ударил... Колесо же отрезало ему ляжку.

Вот тогда-то и крикнул Саусеруко: «Пусть все звери леса подойдут и отведают мое мясо!»

Первым подошел волк. Не стал он есть, лишь рану зализывал. Когда волк собирался уходить, Саусеруко сказал ему: «Куда бы ты теперь ни пошел, пусть сердце твое превратится в мое! Пусть все относятся к тебе, как относились ко мне, и боятся тебя! Если же ты изменишь себе, пусть тогда сердце твое превратится в сердце собаки!» И волк вернулся в лес.

Затем подошел заяц. И он есть мясо не стал, лишь зализывал

рану. Саусеруко сказал ему: «Как я ускользал от людей, встречая и обманывая их, так и ты ускользай от тех, кто преследует тебя!» И заяц вернулся в лес.

Все звери леса приходили один за другим. Никто не притронулся к мясу, всех охватывала жалость. Последним подошел черный орел. Этот впился в рану и стал клевать. Саусеруко проклял птицу: «Когда будешь сносить яйца, сноси их на такой высоте, куда человеку не подняться! Когда же будешь высиживать яйца, то пусть первые два птенца, которые вылупятся, выклюют тебе каждый по глазу!» Проклятый орел испугался и улетел. Вот как умер Саусеруко.

КУСЭКУХ

Жил-был бек. Ходил он в походы и воевал то год, то два, а то и три подряд. Когда же наступила старость и силы иссякли, он вызвал к себе молодого бека по имени Кусэкух, проживавшего по соседству: «Стар я стал. Впредь свои обязанности я передаю тебе, хорошо защищай страну, я ведь обучал тебя обязанностям бека». Так сказал бек, ставший старым, и уединился. Молодой же бек отправился воевать, но каждый раз, возвращаясь из похода и прежде чем направиться в свой дом, он заходил к старому беку сообщить новости и описать то, что видел.

Однажды молодой бек ушел в поход и не возвращался целых три года. На обратном пути, обгоняя дружину, Кусэкух сразу же направился в гостевую комнату старого бека. Собрались там и все соседи. Молодой бек поцеловал старому руку, старый же сказал: «Добро пожаловать! Какие новости?»

Кусэкух ответил: «В том, что я видел, нет ничего ни важного, ни интересного. Лишь одно удивило меня. Утром позавчерашнего дня, находясь в пути, я увидел на одном дереве три пары башмаков. Башмаки дрались между собой и, поднимаясь к верхушке дерева, старались сбросить друг друга вниз». Старый бек заметил: «И это будет».

Кусэкух продолжал: «А вчера утром я увидел некое существо удивительной красоты, такой совершенной, что даже Богу не под силу создать нечто подобное. Я решил остановиться и поближе рассмотреть эту красоту. И в самом деле, верхняя ее часть, та, что выше шеи, была исключительно красивой. Но меня удивило, подойдя совсем близко, следующее: если верхняя часть восхищала, то ниже шеи я обнаружил сосуд, полный грязи».

После небольшой паузы Кусэкух продолжил: «А сегодня утром на пути к дому я вновь удивился, увидев на большой равнине собравшихся людей. Подъехав поближе, я увидел, что они рвут и топчут все книги, которые Бог для нас с неба спустил. Это тоже меня удивило».

Старый бек долго думал, затем сказал: «Бек Кусэкух, я провел немало лет в походах, выполняя свой долг и защищая нашу страну. Но я не сумел столько увидеть и познать, сколько ты увидел и познал теперь. Ты увидел то, что ты должен был увидеть. Ты знаешь то, что тебе необходимо знать. До сих пор те, кто исполнял обязанности беков, справлялись с ними. Но у

этих обязанностей, оказывается, есть свой срок, и срок этот наступил сегодня. И тебе придется отложить свой меч, ибо сегодня наступил последний день правления беков. Сегодня наступил конец бегству. Ты узнал то, что я узнать не мог. Скажи себе, что ни один бек уже не узнает то, что узнал ты, и удались на покой». На этом старый бек прервал беседу.

Тогда знатные соседи, собравшиеся в доме старого бека, обратились к хозяину дома: «Когда бек Кусэкух пришел, ты спросил его о новостях и он сообщил тебе их, но мы — мы ничего не поняли из того, что он тебе сказал. Объясни нам, чтобы и мы поняли». Хозяин стал объяснять: «Позавчера, говорил Кусэкух, он увидел на дереве три пары башмаков, которые дрались за место на верхушке и пытались при этом друг друга сбросить. Настанет день, когда люди начнут оспаривать между собой звание бека и станут за это звание драться». Присутствующие удивились: «Неужели такое возможно? Если люди перестанут отчитываться друг перед другом, то как же они смогут жить?» — «Так будет, даже если жизнь из-за этого станет невозможной», — ответил им хозяин дома.

Старый бек продолжил: «На следующий день, когда Кусэкух возвращался, то встретил существо удивительной красоты. Он приблизился и, как он говорит, увидел, что выше шеи все было красиво, низ же представлял собой сосуд, полный грязи». — «Так что же это такое?» — спросили гости хозяина. Он ответил: «В этом мире нет ничего красивее человека, если этот человек обладает мозгом. Если же нет, если нет у него мыслей в голове, то он — всего лишь сосуд, полный нечистот».

«Сегодня же утром, — заключил хозяин дома, — бек Кусэкух встретил сборище людей. Он приблизился к ним и увидел, что все то, что Бог послал нам для нашего наставления, эти люди рвали, затаптывая в грязь». — «Так что же это такое?» — спросили собравшиеся. Бек ответил: «Настанет день, когда бросят в грязь книги, согласно которым мы живем». Знатные люди сказали: «Если такое произойдет и станут бросать в грязь книги, которые учат нас жить, то как же мы жить будем?» Но старый бек только вздохнул, сказав: «И это будет».

ЧЕЛОВЕК, РЕШИВШИЙ СТАТЬ НЕСЧАСТНЫМ В МОЛОДОСТИ

Жил-был некогда богатый человек. Однажды ночью он во сне услышал обращенный к себе вопрос: «Настанет время, когда с тобой случится беда. Когда предпочел бы ты, чтобы она случилась: в молодости или в старости?» Вопрос озадачил его, и он ничего не ответил. Следующей ночью вопрос повторился, и человек вновь отмолчался. На третью же ночь он ответил: «Если такое случится, пусть случится в молодости, ибо если беда обрушится на меня в старости, то я вряд ли сумею преодолеть ее».

Несколько дней спустя, находясь вне дома, человек услышал крики и увидел огонь в той стороне, где находился его дом. Вскоре до него донеслось: «Это горит дом Ахметбека!» Все бросились в ту сторону, он же не тронулся с места. Горящий дом принадлежал ему. Огонь потушить не удалось, жену и детей, правда, спасли, однако все остальное до последней ложки сгорело. Возвращаясь с места происшествия, люди, завидя его безмятежно сидящим, упрекали его: «Какой ты человек! Твой дом горит, мы спасаем твою жену и твоих детей, а ты сидишь тут...» Человек отвечал: «Спасибо вам. Будь я там, то и этого сделать не смог бы».

На расстоянии одного дня ходьбы у человека были выпасы с большим количеством овец и лошадей. Взяв жену и детей, он отправился туда. В пути, однако, им встретились люди, и они узнали их. Это были пастухи. Пастухи обратились к хозяину со словами: «То, на что ты рассчитываешь, уже не существует. Прошел большой ливень с наводнением, и течение унесло весь твой скот». Человек ответил: «Если так, то мне остается лишь прочесть, что написано на моем лбу. После того, что со мной произошло, откуда им знать, какой оборот примут мои дела». Сказав это, он вернулся в деревню.

Несколько дней семья ютилась по разным углам. Наконец, муж сказал жене: «Так дальше жить нельзя. Я никого вокруг не вижу, кто бы захотел оказать нам помощь. Возьмем наших детей и, когда наступит ночь, уйдем отсюда, да так, чтобы нас никто не видел. Будем идти до тех пор, пока не найдем заработок в местах, где нас никто не знает». Так они и поступили.

После долгой ходьбы они попали в незнакомую деревню. Ахметбек спросил у прохожего: «Кто бы мог нас приютить на

эту ночь?» Прохожий посоветовал: «Если направитесь к старосте нашей деревни, он не откажет вам».

Староста ввел Ахметбека в гостевую комнату, а жену и детей устроил на кухне. В гостевой комнате как раз собрались соседи, и они спросили гостя: «Куда держишь путь?» Гость ответил: «Буду идти до тех пор, пока не найду работу». — «А что ты можешь делать?» — «А что вы мне можете предложить?» Они сказали: «У нас некому смотреть за коровами. Если ты с этим справишься, отправляйся на наши выпасы». Гость выдвинул условие: «Я готов, если вы найдете помещение для моей жены и детей». — «Найдем», — сказали они.

Так он стал пастухом. Однажды, когда в очередной раз Ахметбек ушел пасти скот, в том месте, где находилась его семья, а это была равнина, остановилось войско. Жители деревни явились приветствовать воинов. Но когда начальник войска приказал своим людям развести огонь, староста деревни спросил: «Зачем тебе огонь?» — «Хочу вскипятить чай». — «Не утруждай себя, в этом доме есть огонь и там тебе его приготовят». И велел жене пастуха приготовить чай.

Когда начальнику войска принесли чай, он спросил:«Кто вскипятил этот чай?» Ему ответили, и он добавил: «Я никогда еще не пил такой мягкий чай, поэтому хочу дать этой женщине немного денег». — «Очень хорошо, — ответили жители деревни, — они бедны. Дай их нам, и мы ей передадим». — «Нет, я сам хочу вручить ей эти деньги». Сказав это, он велел воинам сесть на коней и тоже сел в седло. Несколько жителей провели его к дому женщины и сказали ей: «Выходи, начальник войска даст тебе деньги». Она ответила: «Пусть он их даст вам, а вы мне их потом передадите», на что начальник: «Нет, я хочу сам тебе их дать. Протяни из дверей руку, и я положу их тебе в ладонь». Женщина протянула руку и разжала ладонь. Начальник войска покопался в карманах, протянул свою руку к ее ладони, но, одновременно схватил за запястье, вытащил из дому и галопом увез с собой. Войско последовало за ним, дети же заплакали, оставшись одни.

Жители деревни не знали, что и сказать. Наступил вечер. Дети, плача, вышли встречать отца. Отец спросил их: «Что случилось?» — «Сегодня пришли воины, один из них схватил нашу маму за руку и увез с собой». Отец сказал себе: «Если я останусь здесь, то первое, что услышу из уст односельчан, будет: „У храброго мужчины они бы не посмели отнять жену". Поэтому

лучше взять детей и уйти отсюда». Посреди ночи он так и сделал. Постепенно они подошли к реке.

Рассвело. Отец внимательно рассмотрел реку и понял, что ее можно перейти. Усадив одного ребенка на плечи и пока оставив второго на берегу, он пересек реку. Усадив перенесенного на противоположном берегу, отец вернулся за оставленным и стал его переносить. Находясь посередине реки, они вдруг увидели на том берегу медведя, уносящего с собой перенесенного ребенка. Отец поспешил, желая догнать медведя, ребенок же, сидящий на его плечах, потерял равновесие и упал в воду. Бурное течение унесло его. Исчез и тот, которого увел медведь. Так человек остался один.

Человек пересек реку и призадумался, но тут же пришел к заключению, что думать ему больше не о чем. Передвигаясь и днем и ночью, он ел, если что-нибудь находил, и продолжал свой путь, пока не добрался до большой деревни. Здесь он вошел в кофейню, а ее хозяин, увидев иностранца, спросил: «Куда держишь путь?» — «Ищу работу». — «Тогда и работай на меня». — «Я готов делать то, чему ты меня научишь». И стал человек варить кофе.

Прошло несколько лет. Однажды бек страны объявил: «Тому, кто напишет лучшее стихотворение, я дам много денег». Жители заспорили, кому это поручить и кто с этим справится. Ахметбек, слушая все эти толки, предложил: «Я напишу что-нибудь». — «Пиши!» — решили односельчане. Ахметбек сел и, долго или коротко, что-то написал. Написал и расписался под написанным. Беку сочинение понравилось, и он пожелал увидеть автора. Встреча состоялась, и бек приказал: «Ты будешь жить в моем доме». Так стал человек секретарем бека.

В саду находилась привязанная к дереву женщина, которую днем и ночью стерегла стража. Однажды два стражника заговорили между собой: «Расскажи что-нибудь, а то скучно караулить». — «Хорошо, но то, что я расскажу, обожжет тебе сердце». — «Пусть, рассказывай». И стражник заговорил: «Был я сыном богатого человека. Нас было двое у матери. Вначале сгорел наш дом, затем наводнение унесло весь наш скот в море. Тогда мы ушли на новое место, где отец стал пасти коров. Однажды рядом с нашим домом остановилось войско. Начальник войска схватил за руку нашу мать и увез с собой, мы же с братом и отцом покинули и эту деревню. В пути мы подошли к реке. Отец велел мне подождать, а младшего брата посадил на плечи и перенес на

противоположный берег, после чего вернулся за мной. Посередине реки мы увидели, как младшего брата утащил медведь. Отец поспешил, я же упал в воду и течение унесло меня. Недалеко, однако, был канал и мельница. Там я спасся, зацепившись за ветку дерева. Мельник приютил меня, и я жил в его доме до ухода на службу».

Тогда заговорил второй стражник: «Твой младший брат, которого утащил медведь, — я. Охотники, находящиеся в лесу, убили медведя, меня же взяли с собою, и жил я с ними до ухода на службу». После чего заговорила и женщина, привязанная к дереву: «Я — ваша мать. Когда он меня увез, то хотел, чтобы я стала его женой, но я не соглашалась, за это он меня и привязал к этому дереву».

Стражники тут же бросились к дереву и стали развязывать свою мать. Другие солдаты, однако, донесли об этом беку, и бек решил стражников убить, но вмешался его секретарь, предлагая все выяснить на месте. Стражники рассказали беку, кто они и кем им приходится женщина, секретарь же подытожил: «Она — моя жена, а они — мои сыновья. То, что ты слышал, бек, правда. Теперь тебе решать, что делать».

В беке заговорила совесть. Он пожелал им всем счастья, дал им много денег и скота и, сожалея о своем поступке, помогал им до самой смерти.

ТРИ СОВЕТА

Жили-были некогда два бека. Один из них умер, оставив сыну большое наследство, а там, где много добра, там и много друзей. Сын растратил с друзьями все свое добро, и друзья покинули его. Оставшись один, он вспомнил: «Ведь у моего отца был друг, тоже бек. Пойду-ка к нему».

Когда он пришел, то бек спросил: «Что надобно тебе?» — «Мой отец был тебе другом, и я пришел к тебе за помощью». — «Что просишь ты?» — «Добра». Бек ответил: «Если хочешь добро, то все, что есть на этой равнине, — бери. Но вместо этого я дам тебе лучше три совета. Подумай три дня и выбери: или добро, или три совета».

Прошло три дня. Бек вошел в гостевую комнату и спросил: «Так что же ты выбрал?» — «Три совета». — «Так слушай: во-первых, пускаясь сегодня в путь в надежде к вечеру добраться до деревни, помни: если вечер застанет тебя в пути, ты путь не продолжай, а попытайся на месте найти ночлег. Во-вторых, если тебе встретится человек, которого преследуют и хотят убить, не пытайся спасать его и предоставь это Богу. В-третьих, если возникнет у тебя самого желание убить, сначала хорошо подумай и делать это не спеши». Так сказал бек.

Гость тронулся в путь. Когда наступил вечер, он развел костер в укрытии и провел ночь, сидя у огня. На следующий день ему встретилась лошадь. Подъехав ближе, он увидел, что она без всадника, но с грузом золота. Он привязал эту лошадь к своей. Немного погодя ему встретилась вторая лошадь, и тоже без всадника, и тоже с золотом. Продолжая путь, он встретил третью лошадь. И она без всадника, и на ней было золото. Через какое-то время он натолкнулся на три холодных тела. Это были хозяева лошадей. Тогда путешественник сказал себе: «Не послушайся я бека, то этой ночью и меня постигла бы та же участь».

По дороге домой ему встретилась деревня, но в ней не было ни одного мужчины. Он решил погостить здесь три дня. Им и его лошадьми занялись три замужние женщины. Когда одна из них готовила ему постель, он спросил ее: «Скажи, сестра, куда делись все мужчины?» Женщина ответила: «Вниз ведет одна дорога. Все они по ней ушли и никак не возвращаются».

Наутро гость сказал: «Отправлюсь и я этой дорогой, вы же до моего возвращения поухаживайте за моими лошадьми». И он отправился. Вскоре ему встретилась крепость, у ворот которой скопилось много народа. С одной стороны путник увидел связан-

ную пятнадцатилетнюю красавицу, с другой — тоже привязанное существо. Люди кричали девушке: «Если ты не выйдешь замуж за это чудовище, мы тебя убьем!» Люди не только кричали, но и избивали ее. Подъехавший спросил: «В чем она провинилась?» Ему ответили: «Мы выдаем ее замуж за это чудовище». Охваченный жалостью, путник вспомнил слова бека и заявил: «Бог ниспослал тебе такую судьбу, девушка, выходи за него замуж».

После этих слов чудовище, похожее на свинью, превратилось в красивого и чистого юношу. Юноша и девушка поцеловались. Подъехавшему же сказали: «Ты спас нас, погости теперь у нас». Войдя в помещение и посмотрев оттуда в окно, путник увидел много мужчин с необычно длинными бородами и ногтями. Он спросил: «Кто они?» Ему ответили: «Это все те, кто приходил до тебя и спрашивал: почему бьют девушку. Из-за этого их здесь заключили. И тебя ждала бы та же участь, если бы ты не произнес слово «Бог».

Тогда путник сказал: «Освободите их!» И их освободили. После трех дней гость объявил о своем отъезде, и люди, которых он освободил, последовали за ним в ту деревню, где его ждали лошади. Вскоре, войдя в гостевое помещение, гость сказал: «А теперь и мне пора домой». Освобожденные мужчины решили сопровождать его. Когда они все вместе достигли границ его страны, путник сказал им: «Я поеду вперед и посмотрю, что происходит в моей деревне».

В полночь путник оказался на своем дворе и увидел, что дом его разрушен, что лишь в гостевой комнате горит свет. Подойдя к окну и заглянув туда, он увидел мужчину, лежащего рядом с женщиной, женщина же была его женой. Хватаясь за оружие, он тут же вспомнил, что сказал ему бек, и стал прислушиваться. Вскоре мужчина, лежавший рядом с его женой, проснулся и сказал: «Мама, а где мой отец? Когда он вернется?» Мать ответила: «Сегодня или завтра». И тут человек вспомнил, что когда он покидал дом, жена его была беременной, что он долгие годы отсутствовал и что сыну уже пятнадцать лет. И тогда он постучал, а когда ему открыли, то всех охватила радость.

Утром хозяин встретил своих спутников и устроил настоящий бекский пир, длящийся семь дней. Я проезжал через эту деревню и все эти дни праздновал с ними.

Записано в Турции в 1955 г. Ж. Дюмезилем
Перевел с французского Г. Орагвелидзе
Из журнала «Кавкасиони», Тбилиси, 1983

ЧЕСТНЫЙ ВРАГ

В одном селе жили два соседа. Они не уступали друг другу в храбрости и благородстве, но были врагами.

Однажды один из них собрался в поход и сказал жене: «Я иду на войну и не знаю, смогу ли вернуться назад. Я знаю, что ты будешь ждать меня, но в жизни всякое бывает. И если ты однажды решишь, что не можешь больше оставаться без мужчины, я желаю, чтобы ты выбрала такого мужчину, который за всю свою жизнь ни разу не лег в постель своей жены и не сажал своих детей себе на колени». Сказав это, он сел на коня и отправился воевать.

Прошли годы, но муж все не возвращался. И однажды женщина поняла, что не может больше жить без мужской ласки. Помня слова мужа, она стала следить за мужчинами в селе. Но таким человеком, какого описывал муж, оказался только их сосед — враг ее мужа.

Улучив удобный момент, женщина подошла к соседу и сказала ему: «Зайди ко мне в дом как-нибудь вечером». Сосед согласился и явился к ней. Женщина накрыла на стол, и они поужинали. Потом она постелила постель и предложила соседу остаться на ночь у нее. «Хорошо, я останусь, — согласился мужчина. — Но прежде чем лечь ко мне в постель, моя жена должна облить себя холодной колодезной водой». Женщина согласилась и сделала так, как того желал избранный ею мужчина. А он следил издали за ней. Когда холодная вода была вылита, женщина, до того пылавшая как в огне, продрогла. Видя состояние женщины, сосед взял большое полотенце, приоткрыл дверь ее комнаты и сказал: «Накинь это, выйди и надень платье. Отныне ты будешь мне сестрой. Такое дело недостойно ни тебя, ни меня. Скоро возвратится твой муж». Сказал мужчина это и ушел.

Через месяц вернулся ее муж с войны. Вечером, когда они улеглись, жена рассказала мужу все, ничего не утаивая. Она рассказала о том, как благородно повел себя сосед — его враг.

— Мужчина, про которого я тебе говорил, был именно тот самый. С этого дня конец нашей вражде. Завтра позови твоего брата, и мы помиримся, — сказал жене муж.

На рассвете женщина пошла к соседу и позвала его в свой дом. Он и ее муж помирились и до самой смерти жили в доброй дружбе.

По книге: Ж. Дьюмезиль и А. Намиток . Убыхские рассказы. 1955
Перевод И. Хварцкия

ЮНОША, НАУЧИВШИЙСЯ ПОНИМАТЬ ЯЗЫК ЖИВОТНЫХ

Один охотник дни и ночи проводил в лесу, охотясь на дичь, и лишь изредка приходил ночевать в свой дом. Однажды после долгой и удачной охоты он вернулся домой, поужинал и лег спать. И вдруг во сне он услышал чей-то голос, говоривший ему: «В этом краю живет большой змей. Если ты отыщешь его и убьешь, потом мясо его зажаришь и съешь, то сможешь понимать язык всех зверей, какие только есть на свете».

Проснулся охотник, смотрит по сторонам — вокруг никого нет. Тогда стал он думать, что бы мог означать этот голос, пришедший к нему во сне. «Если такое существо действительно живет, то мне хочется его найти», — подумал он. Стал он дни и ночи проводить в лесу в поисках змея, но отыскать хотя бы след его не мог.

В доме охотника жил в это время юноша, сын младшего брата, которого все в деревне называли слабоумным. Каждый раз, когда дядя уходил на охоту, он крался по его следам, приговаривая: «Я тоже пойду и найду этого змея». Сколько дядя его ни прогонял и даже колотил, он все равно упорно шел за ним. Наконец охотник сдался: «Если ты так хочешь, то пойдем». Они долго и много бродили по окрестным горам и лесам. Как-то, когда они шли по полю, вдруг увидели, что высокая трава, которой заросло поле, в некоторых местах сильно примята к земле. «Это, наверное, и есть след большого змея», — подумал охотник, и они пошли по нему, пока не пришли в незнакомую местность.

И тут охотник обнаружил в одной пещере змея и убил его, а затем, разрезав змея на мелкие куски, нанизал его на вертел, разжег костер. Пока мясо жарилось, они решили отдохнуть на бараньей шкуре. Рядом они поставили котелок с кашей, в который сливали жир с жарящегося мяса. Но охотник, устав после долгой дороги, решил вздремнуть и сказал своему племяннику: «Я немного вздремну, а ты поворачивай мясо, но не вздумай его есть. Я запрещаю его даже подносить ко рту». С этими словами он и заснул.

Но юноша не послушался дядю. Когда он поворачивал мясо на вертеле, капля жира попала ему на руку, и он ее слизнул. «Как вкусно!» — воскликнул он и съел все мясо вместе с кашей.

Увидев же, что он наделал, и боясь, что дядя его побьет, парень сел на коня и ускакал. Когда охотник проснулся, то, конечно, догадался, кто съел мясо, и пустился в погоню за своим племянником на своем коне. Но сколько ни гнался он, так и не смог догнать юношу. «Видно, не суждено мне», — вздохнул он и вернулся домой.

Племянник же его весь день ехал, пока вечером не приехал в незнакомое ему село, где его приняли, как полагается по всем законам гостеприимства. Когда после обеда он с хозяином дома сидел во дворе и разговаривал, вдруг послышался волчий вой, а в ответ ему громко залаяла хозяйская собака. И вдруг юноша осознал, что ему понятен их «разговор». Волк говорил собаке:

— Я хочу съесть только одного ягненка, не мешай мне.

А собака ему отвечала:

— Это невозможно. Хозяева хорошо меня кормят и заботятся обо мне, и я не могу их обмануть и отдать тебе ягненка.

Но тогда волк сказал:

— Ты не можешь отдать мне ягненка, но все равно сегодня ночью ахэынткар * нападут на это село и уведут весь скот и всех людей, которых найдут.

Услышав это, юноша поспешил передать этот разговор хозяину дома, в котором остановился. Хозяин не поверил:

— Откуда ты знаешь об этом?

— Неважно, — ответил юноша, — берите людей, скот и уходите из села подальше.

Послушал незнакомца крестьянин и увел всех жителей села и весь скот в другой лес.

В дороге юноша услышал, как одна овца заблеяла и ей ответил ягненок. И так как он понимал язык животных, то услышал, что овца спросила: «Почему ты отстал? Разве ты не можешь идти скорей?» А ягненок ей ответил: «Как я могу идти скорее, если от меня зависит судьба этого края?» Услышав эти слова, молодой человек вошел в стадо и когда поймал этого ягненка, пометил его, осторожно надрезав ухо, но никому об этом не сказал.

Когда путники после долгой дороги остановились на ночлег, вдруг заблеял один баран, и юноша опять сразу все понял.

— Зачем мы пришли в этот далекий край? — сказал баран своим товарищам. — Ведь вода и трава в нашем крае гораздо

---

* Ахэынткар — правитель, царь; ар — армия.

вкуснее. А ахэынткар уже побывал в селе и никого не нашел, разрушил дома и ушел.

Тогда собрал юноша селян и сказал им: «Можете вернуться в свое село. Вам больше не угрожает опасность». И хотя люди не совсем верили его словам, они вернулись и, увидев там разрушенные дома свои, поняли, что он был прав, и если бы они остались, то всех бы их забрал ахэынткар.

Обрадовались крестьяне и сказали юноше:

— Ты спас нас, ты наш гость — что бы ты ни пожелал, мы все для тебя сделаем!

Но юноша отказался от каких бы то ни было подарков. Крестьяне продолжали упрашивать:

— Возьми хоть что-нибудь!

И юноша сказал:

— Дайте мне одного ягненка.

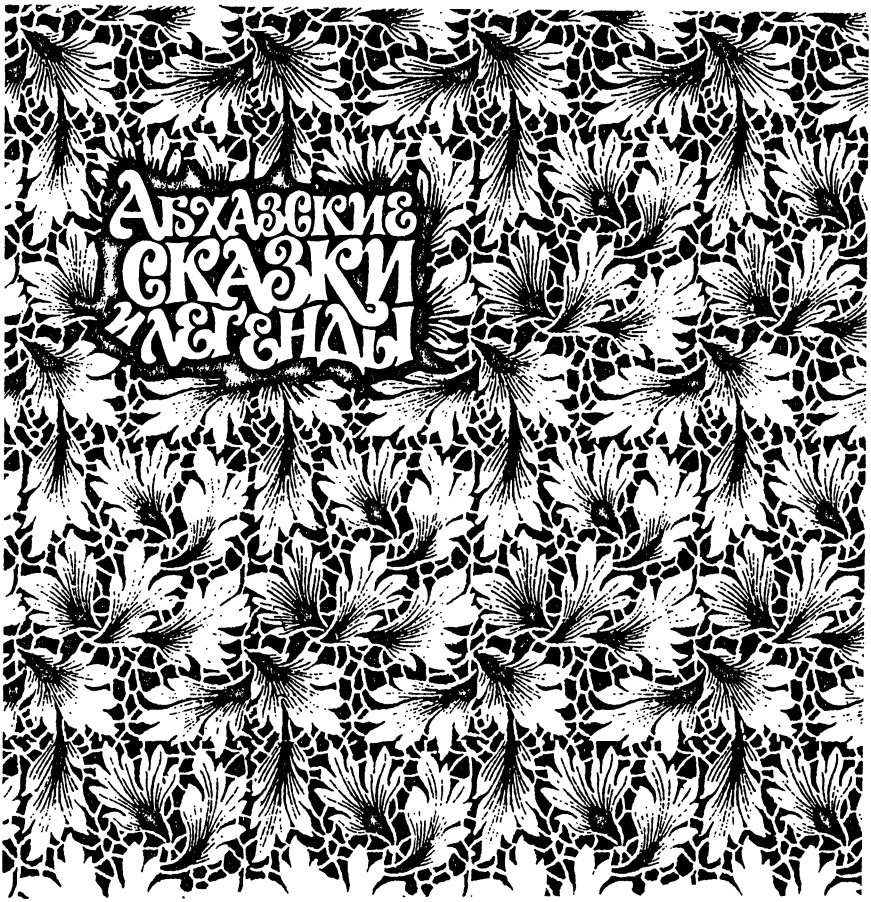
— Бери любого! — с радостью сказали люди, и он выбрал того ягненка, которого пометил, и, поблагодарив селян, отправился в путь.

Когда он отъехал на некоторое расстояние от села, то слез с лошади, заколол ягненка, зажарил и съел.

После такого вкусного обеда он ненадолго задремал, а когда проснулся, то вдруг увидел, что очутился во дворце, покои которого были богато убраны. Неожиданно перед ним оказалась красивая девушка, и он спросил ее, кто она и чей это дом. Девушка улыбнулась и ответила: «Этот дом и я сама, и край этот — все твое. Я всю жизнь ждала тебя».

И с этого дня они стали мужем и женой и до самой смерти были князьями в этом крае.

Перевел с абхазского В. Алборов

АБАЗИНСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

СИЛА ЛЮБВИ

Легенда

Это было очень давно... Пожалуй, лет пятьсот тому назад... Русские далеко были от Кавказа... И их походы не всегда были удачны. Внизу турки тоже не осмеливались проникать сквозь стены гор, поставленных самим Богом сторожить благословенный Кавказ.

Абазинцы были богатым и храбрым народом. Походами они ходили далеко за Каму и Кубань. Славилась страна быстроногими лошадьми и прекрасным кованым оружием. Но больше всего прославились абазинцы храбростью.

А кто храбр, тот имеет и хорошую лошадь и драгоценное оружие. Правил тогда ими известный по старым песням князь Асланбек. Был он богат и мудр. Конюшни его славились чуть ли не по всему Кавказу, и больше всего говорили люди о красоте его дочери Ланы, видеть которую не многим удавалось...

Но жизнь не была спокойной даже у богатых людей. И давно уже к красавице дочери стали свататься лучшие наездники страны... Предлагались большие выкупы. Но князь и слышать не хотел. Очень уж он ценил свою дочь, ценил, как Эльбрус.

В это время в Ильторкаче жил бедный абазинец Туган, промышлявший ковкой оружия и лошадей. Был он очень искусен в этой работе, и многие знатные роды прибегали к его помощи. Призывал не раз во дворец его и князь, приказывал давать Тугану разную работу, всегда щедро оплачиваемую. Как-то случайно увидел Туган во дворе красавицу Лану и почувствовал, что жизнь без нее — ночь.

Три дня, не засыпая, сидел он за работой, украшая ожерелье для княжеской дочери драгоценными камнями и бирюзой, доставшейся ему после ограбления персидского каравана. Один камень обладал ослепительным блеском и стоил, как говорили, пары коней... И обладал будто бы этот камень чудодейственной силой.

Так случилось, что в один вечер Туган подстерег Лану и, упав на колени, преподнес ей ожерелье...

Полюбили они друг друга и решили бежать куда-нибудь к морю, так как не было надежды умолить ее сурового отца. И уже присылались гонцы от владетельных князей, кабардинских и имеретинских... И долго говорил с ними старый князь, призывая иногда свою дочь к гостям... Но все случилось очень скоро...

Верный слуга князя Дубар, готовый за червонец пойти на любое дело, донес князю о влюбленной парочке, имевшей свидания в диких зарослях у студеного ручья...

И однажды сам князь со слугами, окружив заросли, чуть было не захватил Тугана с Ланой. Но тонкий слух Тугана далеко услышал топот копыт, понял опасность, и возлюбленные, взявшись за руки, побежали через поле к дикому лесу, где скрывались от людей и медведь, и другие дикие звери.

Но далеко было бежать, а лошади у князя славились своей быстротой, и скоро за спиной беглецов послышался шум копыт.

— Убей меня, — сказала Лана, — я устала, я не могу дальше бежать, а без тебя жить не хочу...

Сверкнул глазами Туган, схватил на плечи дорогую ношу и побежал еще скорее.

Но быстры лошади Асланбека... Многие слуги, правда, отстали, лошади взмылились, зато лошади князя и верного Дубара были далеко впереди... Тугану грозила опасность.

— Брось меня и спасайся сам, — раздался голос Ланы. — Все равно погибнешь.

Туган обернулся: впереди летел Дубар... На лбу его лошади блестело белое пятно, и, сообразив это, направил он свой бег к югу, чтобы лучи солнца, отразившись от пятна, ослепляли лошадь...

Дубар измучил коня и постепенно стал отставать... Нагонял на своем скакуне старый князь...

Хорошо знал Туган лошадей: белые концы ног не выдержат обломков камня... И побежал он по берегу ручья, где нежные ноги лошади скоро были изранены об острые камни.

Но тут и сам Туган стал уставать.

Загикал Дубар на слуг, собрали они последние силы и полетели наперерез беглецам... Не было им спасенья...

— Разбей меня о скалы, Туган, — молила Лана.

Оглянулся Туган: дорога была отрезана. Нет спасенья...

— Любишь ли ты меня, Лана? — спросил он.

Вместо ответа еще крепче обхватила она руками его шею и замерла в поцелуе.

Тогда сорвал Туган с шеи своей возлюбленной подаренное им ожерелье и бросил его на землю...

И тотчас оба они застыли в каменной глыбе, и налетевший на этот камень конь Дубара разбил свою грудь, а Дубар замертво свалился на землю...

И по сию пору легендарный этот камень возвышается над дорогой как памятник сильной всепоглощающей любви...

Из газеты «Кавказский край». Пятигорск, 1913, № 84.

ХАН-ЗАУБИД И АТАЛЫК-ПЕЧАЛЬНЫЙ

Жил да был один князь по имени Хан-Заубид. Был у него работник — невысокий, кряжистый человек по имени Аталык-печальный.

Однажды князь отпустил своего работника навестить родных. Аталык-печальный очень обрадовался, сказал жене, что едет повидать родных и близких.

Аталык-печальный был умен, силен и думал, что хорошо знает свою жену.

Жена же обрадовалась отъезду мужа.

Аталык-печальный вынес седло, оседлал коня, сказал жене «Прощай!» и отправился в путь. Едет он, изо рта его вырывается пламя; пар, который валит изо рта его дурдуля, тучей стоит над ним; копыта лошади выбивают комья земли величиной с добрую хижину — едет в дальнюю дорогу мужчина!

Доехал Аталык-печальный до развилки трех дорог и остановился. «По какой бы дороге поехать — по левой или по правой?» — стоит он в раздумье. Пока он стоял, подъехал к нему всадник и поздоровался:

— Салам алейкум!

— Алейкум салам, добрый человек, куда путь держишь? — спросил Аталык-печальный.

— А ты куда едешь, добрый человек? — спросил всадник.

— Еду повидать родных. Не знаю, кого навестить в первую очередь, вот и стою в раздумье, — ответил Аталык-печальный.

— Ты, я вижу, собрался долго говорить, а мне некогда. Прощай! — сказал всадник и тронул коня.

— Доброго пути! — сказал Аталык-печальный и подал руку всаднику. Тот протянул руку, и Аталык-печальный заметил на его пальце кольцо, очень похожее на кольцо его жены.

«Тут что-то не то. Откуда у него кольцо моей жены?» — подумал Аталык-печальный.

Долго стоял Аталык-печальный и глядел вслед всаднику, стараясь угадать, куда он поедет.

Что было делать Аталыку-печальному? Он повернул коня и поехал за всадником.

Всадник въехал во двор к Аталыку-печальному. Оказывается, был он любовником его жены.

Наступил вечер. Аталык-печальный вернулся к себе во двор и видит: к коновязи привязана лошадь того всадника, которого он встретил в дороге. Аталык-печальный поставил коня в конюшню, обошел дом, заглянул в заднее окно, видит: тот всадник и его жена обнимаются.

Пока Аталык-печальный следил за женой и приезжим всадником, затрещала ограда из мгы, которая, словно каменная стена, опоясывала двор Хан-Заубида.

«Что это может означать?» — подумал Аталык-печальный и посмотрел в ту сторону, откуда раздался треск. И видит: через ограду перелетел какой-то всадник. Аталык-печальный узнал табунщика Хан-Заубида.

Табунщик подъехал к коновязи, привязал лошадь, быстро подошел к дому князя и постучал в окно. Жена князя отворила дверь и впустила табунщика.

— Ах ты, рожденная от собаки! Почему так долго не открывала? Разве не знала, что я должен прийти? Почему сразу не открыла двери? — сказал табунщик и трижды камчой стегнул жену князя. А та — ни слова. Напротив, вся светится радостью. — Быстрее накорми меня и дай дело сделать: мне некогда! — крикнул табунщик жене князя.

Жена князя поставила на стол все лучшее, что у нее было, накормила любовника, сделали они свое дело, и табунщик быстро вышел из дома, подошел к коновязи, отвязал лошадь, сел на нее, подъехал к изгороди, бросил на нее бурку, отъехал назад, пришпорил коня, ударил его плеткой, перелетел через ограду, забрал бурку и уехал к своему табуну.

А Хан-Заубид ничего этого не знает, сидит в кунацкой и рассказывает друзьям забавные небылицы.

Аталык-печальный все видел: и то, что делала княгиня, и то, что делала его собственная жена, но стерпел, ничего не сказал, решив ничего не предпринимать, пока утром не посоветуется с князем.

Аталык-печальный пошел в сарай, расстелил бурку и лег спать. Сказать, что он заснул, — значит сказать неправду: не мог он заснуть, увидев столько неожиданного за одну только ночь! Пусть наши враги так спят, как спал в ту ночь Аталык-печальный!

Аталык-печальный еле дождался утра и пошел к князю.

— Салам алейкум, Хан-Заубид! — приветствовал Аталык-печальный князя.

— Алейкум салам! — ответил князь и спросил: — Почему так скоро вернулся, Аталык?

Князь еще не умывался.

— Умывайся. Потом расскажу, — сказал Аталык-печальный.

— Дай умыться, — сказал князь жене.

Жена князя принесла тазик и кумган *, дала мужу умыться. Подала она полотенце, но Хан-Заубиду показалось, что оно сырое.

— Почему не высушила полотенце? — сказал князь и бросил его княгине в лицо.

— Ой, убил меня, несчастную! — закричала княгиня.

— Князь, подними кофту и посмотри на спину жены. Увидишь, сколько на ней красных рубцов. Ты бросил ей в лицо полотенце, а она плачет, будто ее плетью избили. А когда на самом деле плетью полосовали, она, между прочим, не плакала, а радовалась, — сказал Аталык-печальный.

Хан-Заубид обнажил спину своей жены и увидел рубцы от камчи табунщика. Княгиня сразу перестала плакать, вся задрожала и выбежала из комнаты.

— Садись, Хан-Заубид, я тебе расскажу, почему я вернулся и что затем случилось, — сказал Аталык-печальный.

И Аталык-печальный рассказал князю все, и почему он вернулся, и что он увидел ночью.

Хан-Заубиду стало очень больно и горько. Он долго сидел молча, опустив голову и тяжело вздыхая.

— Ну, что будем делать, Хан-Заубид? Почему молчишь? — спросил Аталык-печальный.

— Что мне говорить? — сказал князь.

— Теперь ты знаешь, что делают наши жены. Хочу с тобой посоветоваться, как нам быть, — сказал Аталык-печальный.

— Не станем пока ничего говорить нашим женам. Оседлай коня, поезжай к нарту Сосруко ** и расскажи ему все. Скажи, что я послал тебя к нему. Он больше нас видел, больше нас слышал. Мы сами не сможем судить наших жен: у нас с тобой на это ума не хватит. Поступим с ними так, как скажет Сосруко, — сказал Хан-Заубид.

— Хорошо, я поеду к Сосруко и расскажу ему все, — сказал Аталык-печальный.

Аталык-печальный приехал к Сосруко.

---

* Кумган — сосуд для умывания.

** В других преданиях — нарт Сасрыква (*прим. ред.*).

Сосруко пригласил гостя в кунацкую и позвал жену.

— У нас гость. Быстро подай обед. Наш гость очень устал и проголодался, — сказал Сосруко жене.

— Честное слово, Сосруко, не хочу я ни пить, ни есть. Приехал к тебе по очень срочному делу, — сказал Аталык-печальный.

— Раз ты так спешишь, рассказывай о своем деле, — сказал Сосруко.

Аталык-печальный рассказал Сосруко все от начала до конца.

Пока Аталык-печальный рассказывал, подали обед. Собеседники поели, попили.

Сосруко внимательно выслушал гостя, покачал головой и спросил:

— Аталык-печальный, кто прислал тебя ко мне за советом?

— Хан-Заубид, — сказал Аталык-печальный. — Надеемся, Сосруко, что ты посоветуешь, что нам делать с нашими женами. Как с ними поступить, знает только Аллах, а после него — ты. У нас с Хан-Заубидом одна боль, — сказал Аталык-печальный.

— Понял я, Аталык-печальный, вашу с князем боль. Это очень печальное дело. Ты приехал ко мне за советом, а я расскажу тебе, что случилось со мной, — сказал Сосруко.

— Я слушаю, Сосруко, рассказывай, — сказал Аталык-печальный.

— Так вот, Аталык-печальный, — начал Сосруко, — я целый месяц не появлялся дома. Были у меня три кунацкие. Одна стояла на Гуме, другая — на Инджиг-Чикуне *, а третья — на Инджиг-Ду. Обедал я в одной кунацкой, а ужинал в другой. Позавтракаю и отправляюсь в путь. Пока доеду до следующей кунацкой, там уже все готово — и обед на столе, и молитвенный коврик расстелен. Пообедаю и пока доеду до третьей — там тоже все готово. Так я прожил целый месяц. Я не знал, кто готовил пищу и расстилал коврик для молитвы. Чтобы узнать, кто все это готовит, я однажды приехал в кунацкую раньше обычного. Приехал и вижу: какой-то молодой парень, засучив рукава, готовит обед. Он меня не видел. Я вошел в Кайдух **.

---

* Инджиг-Чикун — абазинское название р. Малый Зеленчуг.

** Кайдух — крепость на правом берегу р. Малый Зеленчуг. Крепость эта связывается с нартским эпосом. По преданиям, в этом доме-крепости жила нартская красавица Кайдух, от рук которой исходил свет, освещавший полотняный мост, по которому ее муж перегонял угнанные из чужих земель табуны лошадей (ср. с адыг. Адиюх).

Теперь парень увидел меня, и мы поздоровались. Он посадил меня в почетный угол и сказал:

— Как жаль, Сосруко, что я не успел приготовить обед. Ты приехал раньше времени. Лучше б мне умереть, чем так встретить тебя.

— Ничего, ничего, мальчик мой! И так тоже бывает. Не печалься из-за этого. Ты и так целый месяц работал на меня, — сказал я и пожал ему руку. Парень быстро принес тазик и кумган, дал мне умыться. Собрал на стол. Мы пообедали вместе. Парень убрал посуду, перемыл ее и аккуратно поставил на полку. Затем вернулся и сел слева от меня.

— Ты доволен, Сосруко, тем, что я сделал для тебя за месяц? — спросил меня парень.

— Доволен. Пусть Аллах будет доволен тобой! Столько добра мне еще никто не делал, — сказал я.

— Если ты доволен, я тоже доволен. А теперь хочу попросить тебя об одном одолжении. Если тебе нетрудно, выполни мою просьбу, — сказал парень.

— Конечно, выполню. Выполню, если даже погибну, выполняя ее, — ответил я.

— Коли так, то вот в чем моя просьба: одного моего брата убили великаны; я хочу отомстить им. Если тебе нетрудно, помоги мне в этом, — попросил меня парень.

— Разве это трудно! Если не окажу тебе такую малую услугу, на что я тогда? Поедем, мой мальчик. Сделаю все, как ты хочешь, — сказал я.

Я повесил на пояс большую палицу и вышел во двор. Парень тоже вышел, отвязал коня от большого дуба, к которому он был привязан железными цепями, погладил по голове, оседлал, и мы поехали в ту сторону, откуда восходит солнце.

Едем день, едем ночь. Я стал уставать. Устал и мой алып. А алып парня бежит все резвее и резвее, грызет удила, даже гарцует; придержит его седок чуть-чуть, он роет землю копытами. Долго, очень долго мы ехали. У меня сердце разрывается: куда этот парень ведет меня? Ведь нет на земле места, куда не ступала моя нога и копыта моего алыпа. А тут едем-едем, а конца пути нет. Вернуться стыдно. Что скажут люди? «Убью я этого парня и вернусь», — подумал я.

Тут парень обернулся и спросил:

— Эй, Сосруко, что это с тобой и с твоим алыпом? Что-то вы оба очень грустные!

— Конечно, будешь грустным, если без конца ехать, — ответил я парню.

«Ударю-ка я его в затылок палицей и вернусь назад», — подумал я про себя. Так я и сделал. Но парень как ни в чем не бывало повернулся ко мне и сказал:

— Что, Сосруко, с тобой? Ты уже не видишь, куда попадает конец твоей камчи?

Парню показалось, что я нечаянно ударил его плетью.

— Немудрено не видеть, если ехать без конца, — ответил я.

Я совсем обессилел и не знал, что и делать. Второй раз ударил парня палицей. Ничего у меня не вышло: парень даже не почувствовал удара. Собрался ударить третий раз. Парень повернулся ко мне и сказал:

— Устал ты очень, Сосруко. А я и не заметил этого.

Парень едет и поет веселую песню. Не успел он допеть, как я в третий раз ударил его палицей. Он опять не почувствовал удара.

Когда парня не удалось убить, я подумал, что не судьба мне вернуться домой, что погибнуть мне там, куда мы едем.

Ехали мы еще пятнадцать дней и пятнадцать ночей и приехали туда, куда держали путь. Подъехали к громадной, цвета крови скале, окруженной простирающимися далеко лесами. Парень спешился и сказал:

— В этой пропасти живут три великана, которые убили моего брата, — и показал на пропасть у основания скалы.

— Вижу. Слава богу, приехали, — сказал я и спешился.

Парень засучил рукава, подоткнул полы черкески под пояс и сказал мне:

— Спускайся, Сосруко, в эту пропасть, убей великанов, возьми три чаши их крови, тело моего брата и поднимись наверх.

Я не согласился с ним.

— Сам отомсти за своего брата, — сказал я ему.

— Хорошо, Сосруко, я спущусь в пропасть, а ты держи крепко коней, не дай им вырваться.

Трудно было удержать коня парня. Парень накинул на шею коня семь цепей и привязал его к огромному дубу. Он и тогда не поверил, что я удержу его коня: конец седьмой цепи намотал мне на руку и замкнул замок.

Парень сказал мне:

— Когда я спущусь и начну убивать великанов, из пропасти

будут раздаваться страшные звуки. Смотри не испугайся и не упусти коня.

Так сказал мне парень и спустился в пропасть. Из нее стали раздаваться страшные звуки. Алып парня испугался, потянул цепи, вырвал дуб, поволок меня, и я полетел, как птица. Парень убил великанов и вышел из пропасти, неся их головы, три чаши крови, тело брата.

Поднялся парень наверх, а там — ни коня, ни меня. А алып мой стоит на месте. Парень заметил, что его алып тащит меня за собой. Он догнал нас, дернул за цепь, осадил коня. Мы вернулись к пропасти.

— На, Сосруко, выпей эти три чаши великаньей крови. Если не хочешь, выпью я сам, а ты закопай головы великанов, — сказал парень.

Не успел я зарыть одну голову, как парень осушил три чаши. Он подошел, отодвинул меня и сказал:

— Смотри, как надо закапывать головы великанов, — положил их в ряд, наступил на них и вогнал в землю.

Повернулся ко мне и молвил, улыбаясь:

— Вот как хоронят, Сосруко, головы великанов!

Парень завернул в черную бурку тело своего брата, приторочил его к седлу, и мы тронулись в обратный путь. Приехали домой. Сняли тело покойника с лошади, занесли в дом и положили на земляной пол.

Отдохнули немного. Парень вышел, вернулся и позвал меня на улицу.

— Вот здесь будем хоронить моего брата, — показал на место и стал его размечать.

— Могила будет широкой. Так широко не копают яму, — сказал я, увидев разметку парня.

— Это не твое дело, Сосруко. Выкопай яму, а я сварю обед, — сказал парень и вошел в дом.

Я начал копать могилу. Парень сварил обед и позвал меня есть. Он несколько раз кормил и поил меня, пока я копал могилу. Наконец я приготовил яму.

Затем мы обмыли покойника и положили в могилу.

Парень залез в могилу и разделся. И моим глазам явилось чудо: это был не парень, а девушка! Сколько мы прошли дорог, а я и не знал, что со мной была девушка!

Девушка сказала:

— О, Сосруко, не обижайся на меня и не удивляйся. Я, как

видишь, не парень, а девушка. Покойник, которого мы хороним, был моим мужем.

— Не обижаюсь я на тебя, сестра, но хочу спросить.

— Спроси, Сосруко.

— Как тебя зовут? Из какого ты рода?

— Меня зовут Джанатхан; я из бедной семьи. Ни одного человека из моей семьи уже нет в живых: их убили дворяне и предали черной земле, — сказала девушка.

Так она сказала и легла рядом с покойником.

— Теперь засыпай могилу, — сказала она и откуда-то извлекла ножницы, обняла одной рукой тело мужа, а другой вогнала ножницы в свое сердце и убила себя.

Я засыпал могилу. Вот история, которую я хотел рассказать тебе.

— Вот что я видел, Аталык-печальный, — продолжал Сосруко. — Есть такие героические женщины. Что вам с Хан-Заубидом делать со своими женами, решайте сами. А я рассказал только то, что видел.

Аталык-печальный все хорошо понял. Он вернулся домой и передал Хан-Заубиду хабар Сосруко.

На следующий день Аталык-печальный и Хан-Заубид привязали своих жен к хвостам необъезженных лошадей и пустили их в поле.

По книге «Абазинские народные сказки». М., Наука, 1975
Составил и перевел В. Тугов

ОХОТНИК И ЗМЕИ

Жил-был один хороший охотник. Когда бы ни пошел он на охоту, всегда встречал двух больших черных змей. Но они не делали вреда охотнику. И он не делал им вреда.

И вот однажды охотник встретил одну из черных змей с пестрой змеей, Пестрая змея собиралась ужалить охотника. Разве даст охотник ужалить себя? Застрелил он змею! И черную змею ударил.

Охотник ушел своей дорогой. А черная змея вернулась к себе и заболела. Другая черная змея, которая оставалась дома, спросила у заболевшей змеи:

— Что с тобой случилось? Кто тебя ударил?

Черная змея, которая спрашивала, была мужем, а избитая — женой.

— Охотник, который никогда не делал нам вреда, побил меня. Не знаю, что сегодня с ним случилось, — ответила змея-жена. — Я его не трогала. Ни за что ни про что избил меня.

— Вот беда! Я ему покажу! — разозлилась змея-муж.

Змея-муж собралась и, взяв след охотника, пришла к нему домой. Спряталась в доме. Никто ее не видел.

Когда охотник возвращался домой, у него собирались люди, и он рассказывал им про свои охотничьи приключения.

Вот и в тот день, когда охотник вернулся домой, собрались люди и попросили:

— Расскажи нам, что сегодня видел, что слышал.

— Я сегодня видел нечто удивительное, — начал охотник. — Каждый день я видел двух черных змей. Я им вреда не делал, и они мне вреда не делали. Но сегодня я встретил одну из черных змей с большой пестрой змеей. Они захотели навредить мне. И мне пришлось убить пеструю змею, а черную избить, — сказал охотник.

Змея-муж пряталась под порогом и все слышала.

«Вот оно что! Если охотник не врет, с моей женой был другой мужчина! Охотник убил его. Так что охотник ни в чем не виноват. Вернусь-ка я домой и узнаю правду», — подумала змея-муж и незаметно уползла.

Вернулась змея-муж к себе домой и спросила у жены:

— С кем ты сегодня гуляла? Охотник тебя просто так не избил бы.

— Никого со мной не было! Я ползла напиться, а охотник напал и избил меня, — ответила змея-жена.

Поссорились змеи.

Охотник вновь пошел на охоту. Змея-муж пошла к охотнику.

Начался дождь. Охотник сел под деревом — переждать дождь. Сидел-сидел охотник и заснул. Как только он заснул, змея приползла и обвилась вокруг него. Проснулся охотник и испугался.

— Я тебе многим обязана. Скажи, чем могу отблагодарить тебя? — спросила змея охотника.

— Ничего мне не надо. Только отпусти меня! — говорит охотник.

— Отпущу. Открой рот, — сказала змея.

Охотник открыл рот. Змея помазала ему чем-то во рту и отпустила его. С этого дня охотник стал понимать все языки, на которых говорят люди и звери.

Вернулся охотник домой радостный и здоровый.

Пригласили охотника и его жену на одну свадьбу. Сел охотник на жеребца, а жена его — на кобылу, и отправились они в путь. Надо было переехать реку. Жеребец легко одолел ее, а кобыла не может сделать это.

Тогда жеребец заржал и сказал кобыле:

— Что ты стоишь, не переправляешься на тот берег?

Кобыла заржала в ответ:

— Вас только двое, а нас четверо. Поэтому мы не можем перебраться через реку.

Охотник понял, что его жена беременна, а кобыла жеребая.

Он вернулся назад, посадил жену на круп жеребца, а кобылу взял под уздцы, и все они переправились через реку.

Сидят охотник с женой на свадьбе, пируют. И я там был, попировал с ними и вернулся.

По книге «Абазинские народные сказки». М., Наука, 1975
Составил и перевел В. Тугов

Абхазские сказки и легенды

Предания из личного архива историка Р. Гожба

Князь А. М. Эмухвари

ПРЕДАНИЕ ОБ АБХАЗСКОМ КНЯЗЕ И КАБАРДИНСКОМ ДВОРЯНИНЕ ЗАУРБЕКЕ

Хасан-бей и Заурбек были почти одних лет и одного роста и вообще так походили друг на друга, что если их одеть в одинаковую одежду, то их трудно было отличить. Оба они славились удальством, один жил в Абхазии, а другой в Кабарде, и оба много слышали один про другого. Понятно, что при таких условиях им сильно хотелось познакомиться, но этому мешали различные обстоятельства. Хасан-бей говорил по-кабардински и часто бывал в Кабарде, а Заурбек владел абхазским языком и нередко наезжал в Абхазию, но знакомство между ними все не завязывалось.

Наконец Заурбек надумал поехать к Хасан-бею без проводников и испытать, действительно ли он таков, как про него говорят. Приезжает ночью и потихоньку стучит в дом Хасан-бея, желая застать его врасплох. На стук выходит Хасан-бей в одном белье, с пистолетом в руках. Приезжий здоровается с хозяином по-абхазски: «Хулабзия!» («добрая ночь!»). Хозяин отвечает: «Бзя-ла ваабейт!», т.е. счастлив видеть тебя! Так как Заурбеку хотелось застать Хасан-бея врасплох, не дать ему возможности исполнить его просьбы и тем поколебать его славу удальца, то он и говорит ему: «Я Заурбек. Приехал я к тебе по спешному делу и непременно в эту же ночь должен вернуться домой. Если можешь, похить для меня девушку и с этой добычею отпусти. За это я отблагодарю тебя, когда и чем хочешь!» Хасан-бей очень обрадовался его приезду и ответил, что готов исполнить его приказание, но желал бы, чтобы гость провел у него несколько дней. Заурбек на это не соглашается и просит, чтобы не терять времени, сейчас же ехать на его лошади, в его костюме и с его ружьем. Хасан-бей, чтобы не идти против желания гостя и в точности исполнить его просьбу, приглашает войти в дом и отдохнуть, а сам отправляется в соседнее село.

Заурбек, оставшийся в одном белье, входит в слабо освещенную комнату, подходит к постели хозяина и, ничего не подозревая,

ложится на нее. Оказывается, что на постели у стены лежала не замеченная гостем хозяйка дома. Думая, что пришел муж, она полусонным голосом спрашивает его: «С кем это ты говорил?» Озадаченный такой неожиданностью, Заурбек, не желая, чтобы она узнала его, отвечает шепотом: «Был гость и уехал». Она спрашивает: «Какой гость?» Заурбек шепотом же говорит: «Я не узнал его, и он уехал». Зная, что муж не отпустил бы гостя, не узнав его, она еще более заинтересовалась — что за таинственный посетитель приезжал к ее мужу, и, подвинувшись поближе, начинает настойчиво расспрашивать о приезжавшем. Видя, что она совсем придвинулась к нему, Заурбек ласково просит оставить его в покое и отодвигает ее мизинцем. Но женское любопытство от этого разгорается еще больше, жена Хасан-бея подвигается все ближе и настойчиво повторяет свою просьбу. Заурбек опять отодвигает ее мизинцем, вынимает из ножен шашку хозяина и кладет ее острием вверх между собою и женою Хасан-бея. Та, увидев такой странный, небывалый поступок мужа, умолкает и отодвигается к стене.

Через некоторое время наступил конец странному положению Заурбека: послышался стук в двери. Вложив шашку в ножны, он вышел в сени и встретил хозяина с красавицею, которую тот похитил в подарок ему. Одевшись и вооружившись, Заурбек прощается с хозяином дома, подходит к одному из столбов балкона, прикладывает к нему мизинец и говорит: «Брат Хасан-бей! Этот мизинец согрешил против тебя, и я его отрублю», и он с этими словами действительно кинжалом отрубает мизинец, считая, что согрешил, дотрагиваясь им к телу жены Хасан-бея в постели. Хасан-бей, не зная, в чем дело, сильно удивился и, вбежав в комнату, бросил кусок бурки в огонь, остановил пеплом кровь и перевязал рану. Взяв полученный подарок, Заурбек просит хозяина непременно приехать к нему в Кабарду. Убрав аккуратно отрубленный мизинец, Хасан-бей входит в спальню в том же виде, в каком вышел из нее, т.е. в одном белье. Улегшись в постель, он говорит жене, которая лежала, прижавшись к стене: «Что же ты отворачиваешься?» Та молчит. Через некоторое время он повторяет вопрос, но опять не получает ответа. Он начинает ласкать ее, и жена со слезами говорит ему: «Верно, я уж недостойна тебя! Что ж, положи опять между нами обнаженную шашку, тогда тебе не придется даже мизинцем отталкивать меня!» Эти слова объяснили Хасан-бею, почему Заурбек отрубил себе мизинец. Чтобы помириться с женою, он говорит: «Забудь все

это. Ведь я мужчина, у меня много забот. Я даже не заметил, как это все случилось». Последолгих уговоров ему, наконец, удалось убедить жену.

На следующий год Хасан-бей отправился в Кабарду в гости к Заурбеку. Он взял с собою проводников и шесть лучших лошадей из своего табуна в подарок другу. Заурбек встретил его как самого дорогого, желанного гостя, созвал всех почтенных князей, дворян своего общества и других знакомых и устроил роскошный пир, продолжавшийся несколько дней. В честь гостя устраивались джигитовки, танцы, стрельба на всем скаку, словом, делалось все возможное для его развлечения.

На седьмой день по приезде Хасан-бея в соседнем ауле были устроены скачки по случаю какого-то местного праздника. На скачки был приглашен и Заурбек со всеми бывшими у него гостями, в том числе и с Хасан-беем. На скачках его встретили с большим почетом, тем более в числе гостей было много его знакомых. Там, в толпе женщин и девушек, Хасан-бей заметил одну девушку, которая ему так понравилась, что он решил просить Заурбека помочь ему похитить ее. Эта мысль так заняла его, что Заурбек заметил его задумчивость и, отозвав в сторону, спросил, не скучно ли ему здесь. Хасан-бей отвечает: «Напротив, мне очень приятны новые знакомые и скачка так интересна, но я увидел одну девушку и мне так захотелось похитить ее с твоею помощью, что если это не сбудется, я не вернусь живым домой!» И он так подробно описал ту, которою были заняты его мысли, что Заурбек сейчас же догадался, о ком идет речь. Но он сказал ему: «Это легко сделать, но не стоит того, потому что это безнравственная тварь». Однако, видя, что дурные отзывы не оказывают на гостя никакого влияния, Заурбек из ложного стыда соглашается исполнить желание своего гостя, только просит повременить немного.

Дело в том, что эта девушка была невеста Заурбека. Тем не менее, чтобы не огорчить гостя, он призывает одного из своих друзей, молодого человека, и просит его передать девушке от его имени: «Ты засватана мною с согласия твоих родителей, назначен даже срок, когда я должен взять тебя, но я не могу дотерпеть до срока. Если ты, действительно, считаешь себя моею невестою, то ты откажешь мне в моей просьбе. Не бойся поступить против воли родителей, выходи за меня сегодня же. Я приеду к тебе один, с оседланной лошадью, ты выходи к воротам вашего дома, и мы уедем, а потом я постараюсь помириться с твоими

родителями. Отвечай «да» или «нет» и знай, что в случае отказа ты никогда не будешь моею женою».

Девушка сначала удивилась такому странному требованию, но, сильно любя Заурбека и зная его твердый и решительный характер, ответила посланному: «Я его невеста, и если он находит, что лучше взять меня до срока, то я повинуюсь его приказанию, но пусть он хорошенько подумает. Быть может, этот поступок уронит меня в глазах родителей, а его в глазах общества. Все зависит от него: я в точности исполню все, что он прикажет». Ответ невесты смутил было Заурбека, но ложный стыд взял верх, и он решил передать невесту своему гостю. Вызвав Хасан-бея, он сказал ему, что если они желают осуществить задуманное, то надо сейчас под каким-нибудь предлогом попрощаться со всеми и уехать домой. На дороге, в лесу, верстах в 15 от дома Заурбека, Хасан-бей должен ожидать его с девушкой, которую тот оставит ему после нескольких выстрелов.

Обрадованный Хасан-бей, посидев немного среди публики, обратился к Заурбеку и присутствующим князьям и дворянам и сказал: «Простите меня, но я сию же минуту должен ехать домой по важному, не терпящему отлагательств делу». Видя, что он действительно собрался уехать, ему стали предлагать подарки, но он отказался от всего и уехал.

Тем временем поздно ночью Заурбек подъехал с заводною лошадью к дому своей невесты и, взяв ее с собою, молча направился к своему дому. В установленном месте раздалось несколько ружейных выстрелов, Заурбек быстро удаляется, оставив невесту во власти Хасан-бея. Последний, довольный и добычею и верностью своего друга, продолжает путь двое суток без остановки, опасаясь, что родители похищенной преследуют его. Только на третий день утром он остановился у одного родника, разостлал под деревом бурку и посадил на нее все время рыдающую девушку. Умывшись сам, Хасан-бей предложил умыться и ей, но она продолжала горько плакать. Хасан-бей, утешая ее, спросил между прочим: неужели он недостоин быть ее мужем? На это несчастная ответила ему: «Не о том я плачу, что попалась в руки недостойного человека, а о том, что так ошиблась в человеке, который сопровождал меня». «В чем ошиблась?» — спросил Хасан-бей. «В том, что, испугавшись ваших выстрелов, он оказался трусливее бабы». «А ты знаешь, кто он был» После долгого колебания она созналась, что это был ее жених, и рассказала Хасан-бею всю историю.

Сильно удивленный Хасан-бей собирает своих проводников и публично объявляет девушку своею сестрою. Приехав домой, он знакомит ее со своею матерью и просит обращаться с нею как можно лучше. Через месяц Хасан-бей посылает к Заурбеку посланца и просит приехать к нему на свадьбу. Заурбек спрашивает у посланца, какая у них свадьба. Тот отвечает, что Хасан-бей привез откуда-то невесту и теперь желает жениться на ней. Хасан-бей послал приглашение также всем родным и знакомым, но их звал на свадьбу сестры.

В назначенный день свадьбы собрались все приглашенные родственники и знакомые Хасан-бея, а несколько позже прибыл и Заурбек с проводником и восемью заводными лошадьми в подарок хозяину. И Хасан-бей и его гости радостно встречают дорогого гостя. Начался свадебный пир. К рассвету поднимается хозяин со стаканом вина и говорит: «Друзья! Вы осчастливили своим посещением меня и мой дом, и я прошу вас выслушать меня, — воцарилась полная тишина. — Я вполне счастлив, видя вас всех у себя, но особенно я дорожу дальним гостем, который, по обычаю нашего края, и ваш гость. Мы так уважаем друг друга, что если я скажу: умри за меня, он умрет с охотою — то же сделаю и я. Вы все знаете, что у меня не было родной сестры, а я приобрел себе сестру, по обычаю нашей страны, в лице одной девушки, которую я и семья моя уважаем больше родной. Будучи уверен, что он примет всякое мое предложение, я хочу выдать за него мою сестру и все полученные мною подарки отдаю сестре в приданое. Прошу всех, кто любит меня, поехать со мною и с сестрою в Кабарду. Теперь пью за здоровье молодых. Дай Бог им всю жизнь быть счастливыми». Когда он поднес стакан к губам, все, за исключением Заурбека, сделали залп из пистолетов. Заурбек, пока говорил хозяин, все время волновался, опасаясь, что он расскажет, какие услуги они оказывали друг другу. Не догадавшись, в чем дело, он выбежал из комнаты, так как по местному обычаю зятю нельзя присутствовать на своем свадебном пиру. Свадьба продолжалась до рассвета. Заурбек, простившись во дворе с хозяином, отправился в ту же ночь домой, чтобы приготовиться к встрече гостей. По приезде Хасан-бея с невестою была отпразднована богатая свадьба, продолжавшаяся 15 дней...

Черноморский вестник, 1898, № 132—135

«ТРЕФОВЫЙ ДЖИГИТ», ИЛИ КАРТОЧНАЯ ИГРА

Между аулами Аяцла (Абхазского округа) и Геймаш (Цебельдинского округа) из-за угнанной отары овец возникла вражда, которую, по всем расчетам опытных наездников, должно было решить кинжалами. Но абазины, против своего обыкновения, щадя на этот раз слабых абхазцев, потерпевших весьма много от падежа скота, послали к ним для переговоров славного наездника Шароша, грозу абхазцев, с целью помирить спорящих на выгодных для себя условиях. Стесненные обстоятельствами и неудачами, цебельдинцы согласились на все — вручили Шарошу пять медовых лепешек *.

Дело казалось конченым. Шарошу оставалось распроститься с новыми друзьями и порадовать своим возвращением старых. Но здесь молодец, первый раз в жизни, увидел карты, попробовал счастья раз, — и счастье ему улыбнулось; в другой и третий — тоже. Под обаянием новой, еще незнакомой ему, но очень азартной и заманчивой страсти, наездник забыл свои родные горы, друзей, быть может, милую и поручение своих старшин. Три дня сряду, три ночи бессонных и тревожных, он не мог оторваться от трефового джигита **, считая выигранные винтовки и любуясь приобретенными ясырями. Настала четвертая томительная ночь, а в сакле Гайзара, у которого кунаковал Шарош, все еще слышался шум и говор любопытной молодежи, сплоченной в веселый кружок вокруг неутомимых Шароша и Гайзара. Последний уже проиграл двух дочерей, но не отставал, готовый закабалить самого себя или вернуть потерю. Вдруг распахнулись двери сакли, и среди толпы любопытных явился князь Мадовей, столь же славный и знаменитый, как и его соименники, — некогда владетели Абхазии. Он был необыкновенно бледен и встревожен. Беспорядок одежды, окровавленный кинжал, еще не вложенный в сафьян, дико блуждающий взор его доказывали, что князь за минуту до этого или свершил убийство, или поранил ночного зверя...

При взгляде на него толпа расступилась, меряя вопроситель-

---

* Знак мира и покорности. Обычай подносить победителю медовые лепешки общий для всех горских племен Западного Кавказа.

** Игра в «трефового джигита» (валета) изобретена горскими игроками.

ным взглядом своего любимого земляка; игроки на минуту потеряли интерес к картам.

— Что это, князь, — спросил весело Шарош, — верно, твой кинжал сегодня ощущал не одно вражеское сердце?.. Крови, которая струится по твоей черкеске, хватило бы на окраску сотни дагестанских бород...

— Правда, — мрачно согласился Мадовей, отряхивая свою черкеску, — крови много...

— Кого же не считать в наших рядах, по милости твоего клинка? — подхватил Гайзар.

— Кого? — спросил Мадовей, и глаза его, вспыхнув как угли, забегали по сакле. — Я убил дикого кабана, — добавил он нерешительно.

При этом собеседники разразились громким и веселым смехом.

— Кабана? Только кабана? — вскричал Шарош. — Стоило же для этого прибежать к нам без шапки и принести на себе столько крови...

— Не смейся, Шарош. ночь темна, зверь свиреп и силен, — отвечал Мадовей. — Еще спасибо моей бойкой руке, а то бы не отделаться мне одною шапкой — до беды недалеко; пришлось бы, пожалуй, оставить с ней и голову. Я так измучен борьбою, что несмотря на глухую полночь бросился в первую саклю перевести дух и отдохнуть. Ну, а у вас как? Кто до чьего дощупался сердца?..

— У нас? — с приметною грустью спросил Гайзар. — У нас, — продолжал он, — все уже кончено и мне досталось хуже, чем твоему кабану: я проиграл все...

— Как все?.. — вскричал Мадовей, почти подпрыгнув на месте. — Все, ты говоришь, все... и ее даже?!

— И ее!.. — глухо простонал Гайзар...

— Ее? Мою Айначу, старшую дочь твою, за которую ты уже получил от меня калым?.. Проиграл!..

— Да. Перережь мне горло за то, что я проиграл твою куплю, и мы будем квиты!.. — решительно сказал Гайзар.

— Нет, Шарош, — продолжал Мадовей, не обращая внимания на слова Гайзара, — клянусь, что ты не увезешь мою Айначу... Играй со мной. Первая ставка за нее — мой пояс, кинжал и шашка; все, как видишь, золоченое.

Шарош отвечал Мадовею одним утвердительным наклоном головы и молча разделил колоду, в то время как князь успел шепнуть своему кунаку:

— Желай, чтобы мне как можно скорее проиграться до последнего позумента на черкеске; все воротим тогда!

Гайзар с изумлением взглянул на князя, считая его сумасшедшим, и нерешительно уступил ему свое место.

Карта мелькнула раз, другой — и золоченое вооружение наездника перешло в руки Шароша.

— Что ж, хватит? — спросил он насмешливо обобранного джигита.

— Нет! — запальчиво отвечал князь. — За Айначу ставлю мое имя, славное, как имя храброго и искусного из джигитов Абхазии!

— Пожалуй, — хладнокровно и спокойно отвечал Шарош, снова разделяя колоду. — Почему же мне на родных пирах не осушать двух почетных грузинских азерпешей — за тебя и за себя?.. Почему бы мне не подать два грозных и могучих голоса на важных джематах наших седых старшин?.. Изволь!..

В толпе зрителей нарастало волнение. Некоторые из них решились даже заметить Мадовею, что и слава его принадлежит не одному ему, а целому племени; но грозное движение князя к проигранному кинжалу, еще оставшемуся на лавке, заставило умолкнуть дерзких.

Снова замелькали карты, и через несколько мгновений трефовый джигит пал на карту Мадовея: имя его было проиграно.

— Владей, — прошептал князь, бросив беспокойный взор на дверь сакли.

В ту же минуту на пороге ее показался рослый, красивый горец.

— Ты здесь, убийца! — вскричал он, бросившись на князя с обнаженным кинжалом. — Пять минут назад ты зарезал моего брата в ничтожном споре и за ничтожную обиду, так издыхай же под моим кинжалом!..

— Остановись! — вскричал Мадовей.— Кто убийца твоего брата?.. Я тебя спрашиваю!

— Хищник, князь Мадовей!

— Так вот он. — И князь спокойно указал на Шароша. — Я проиграл ему свое имя — при десяти свидетелях, — добавил он.

— Закабали, шайтан, твою душу, — вскричал горец, делая быстрое движение к Шарошу, схватившемуся за эфес шашки. — Мне все равно. Кровь просит крови... Да погибнет имя Мадовея за жизнь невинного!

Толпа раздвинулась при быстром и свистящем взмахе шашки

Шароша, понявшего всю невыгоду своего выигрыша. Горец прыгал, как разъяренный тигр, ловко увертываясь от ударов противника и заслоняя их полою бурки, накинутой на левую руку. После трех ловких и быстрых выпадов он успел обезоружить Шароша, и цебельдинец пал жертвою трефового джигита.

В. Савинов. Достоверные рассказы об Абхазии. — Пантеон, 1850, № 11, с. 215

ДОЧЬ МОРСКОГО ЦАРЯ

Предание абхазцев

У старого Келиш-бея один сын. Ах, только один, последний в роде, красавец Джомлат! Женщины выходят на улицу, девушки тайком выглядывают из-за дверей, когда идет мимо красавец Джомлат. И не одно девичье сердце бьется, как раненая птичка, не одно девичье лицо загорается алым пламенем, когда сверкнут глаза молодца, сына Келиш-бея...

Но не хочет жениться Джомлат. Печальный, лежит на покрытой коврами тахте. Тонок его стан — под боком у него спокойно спит, свернувшись, кошка, — заострились его широкие плечи, побледнело его смуглое лицо.

— Что грустишь ты, сынок? Что не сядешь на твоего араша-коня, не поедешь в горы на охоту, принеся жертву богу Абна-Инчваху *? — спросила Джомлата его старая кормилица.

— Ах, не видать мне больше бело-синего моря, не видать высоких гор Уарцаху... На заре, на розовой утренней заре, когда проходил я по морскому берегу, купались там двенадцать девиц, невиданных дивных красавиц. У их белых ножек осталось мое сердце, как сахар в воде, растаяло оно, и тьмою стал день мне...

— Тяжкую беду послал на тебя бог богов! Не девиц из рода людского видел ты, то двенадцать дочерей Морского царя. Живут они в безднах подводных, летают над землею легкими облачками... И много уже молодцев погубили они своею красотою. Кто раз видел красавиц, дочерей Морского царя, тому нет спасенья, — засохнет он, как лист в позднюю осень, и скоро душа его расстанется с телом... Но тебе не дам я погибнуть, — недаром много зим пронеслось над моею головою. Ты иди на заре к тому месту, где видел красавиц, и когда прилетят они и станут плескаться в прозрачной воде, — подползи ты гибкой змеей, взяв потихоньку чадру любой из красавиц, с той чадрой скорей возвращайся домой. Та из дочерей Морского царя, чью возьмешь ты чадру, — сама придет к тебе и станет твоею женою. Но помни: если ты хочешь удержать ее, не отдавай ей ни за что ее чадры, как бы она ни просила. Лучше всего сожги ту волшебную чадру, хоть тогда и будет жена твоя вечно печальна...

Так все и сталось. На утренней красной заре лишилась млад-

---

* Абна-Инчваху — бог охоты и диких зверей.

шая дочь Морского царя своей чадры, и нельзя уж ей было вслед за сестрами подняться высоко-высоко над землею, нельзя было опуститься и в подводное царство царя. Лишь настала ночь, подошла красавица к окну Джомлат-бея, подошла и так говорила:

— Много ли чести тебе, молодцу, что украл ты у девушки чадру? Отдай мне ее, не позорь себя, не отнимай у меня воли. Отдай, дорогой мой, — за нее принесу я тебе, сколько хочешь, и золота и дорогих каменьев. Много богатств у отца моего, Морского царя, и все их отдаст он за свободу мою...

— Что мне в богатствах! Не вернут мне жизни дорогие каменья, — отвечал Джомлат. — На огне твоем горю я, и открыта для меня темная могила, если не будешь ты моею женою...

И вошла дочь Морского царя в дом молодого Джомлат-бея и стала его женою.

Уже три раза с той поры опадали листья с деревьев, три раза, с теплым ветром, пролетали на полночь из-за моря птицы. Две весны уже минуло сынку Джомлат-бея и жены его, дочери Морского царя, — черноглазому, кудрявому Асану... Только невесела все молодая жена: не рядится она в дорогие одежды, не гуляет с подругами. Молча сидит она на морском берегу, не отрывая глаз, смотрит вдаль, где над морем носятся вольные тучки.

— Полно грустить, дорогая подруга моя, — говорит ей муж. — Или не мил я тебе, или не любишь ты наше дитя?

— Мил ты мне, господин мой; дороже мне глаз наш сынок. Но дай мне хоть взглянуть на мою девичью чадру, дай хоть коснуться ее.

За горы, в дальний Джвари едет Джомлат-бей на своем вороном коне, посадивши сзади себя жену с дитятей у груди. Чудесному лику Цка-Квирквэ едет он принести жертву, чтобы отпала тоска от сердца жены.

И исполнил желание его Цка-Квирквэ, великий святой — чтут его мусульмане. В первый раз после свадьбы улыбнулась молодая жена Джомлат-бея и блеснули очи ее весельем.

— Ты возьми, дорогой господин мой, твою звонкую чунгури, — так сказала она мужу, — и сыграй мне песню веселую, плясовую. А я порадую твою душу, спою и спляшу тебе, как, бывало, отцу моему Морскому царю пела и плясала.

— Ах, давно уж забыл я о моей чунгури. Пылью вся покрылась она, высохла, оборвались ее тонкие струны...

— Я сотру с нее пыль моей златотканой чадрой, из золотых волос моих сплету новые струны!

На пороге, на высоком крыльце, сел Джомлат-бей; он играет веселую песню на своей чунгури. Звонко поют ее струны, а голос молодой жены еще звонче льется, быстро бегают пальцы Джомлата по ладам, — но еще быстрее мелькают ножки красавицы в веселой пляске... Собрались соседи, стали в круг, диву даются, — что за дивная невиданная пляска, что за чудная, неслыханная песня! В лад той песне пляшут скалы и камни, в лад ей поднимаются морские волны, в лад ей качаются вершинами деревья...

— Нет, добрые люди, плоха моя пляска, не весела еще моя песня! Вот если б сплясала я так, как плясала перед отцом моим, тогда б, может быть, и вы повеселились... Та пляска — с моей девичьей чадрою. Да не хочет мне муж дать моей чадры, не верит он мне.

Стали люди просить Джомлат-бея, чтоб дал он жене чадру, — только сплясать с нею: ведь некуда ей уйти из круга... И дал он жене заветную чадру, снявши ее с груди своей, где ее хранил, — растаяло его сердце, как увидал он, что весела его дорогая жена. Забыл Джомлат-бей наказ своей старой кормилицы...

Лишь накинула дочь Морского царя заветную чадру себе на голову, — просияло лицо ее неземной красотою, ростом стала она выше всех людей. И в чудной пляске понеслась она, закружилась с веселою песнею. Словно розовым туманом обертывается чадрою — все гуще и гуще; все быстрей и быстрей она кружится... Не видать уж лица ее светлого, не видать ее поднятых рук, — все стало туманом, лишь песнь ее льется... Все тише и тише. Кверху всплывает туман в лучах заходящего солнца... Исчезла царица... и слышится мужу далеко-далеко, словно тихий шелест листвы:

— Милый, прости! Не жена я тебе... Как увидишь ты в небе стайку розовых туч, — вспоминай обо мне. Я, меж ними летая, буду смотреть на тебя и сынком любоваться. Прощай!

Упала из рук Джомлат-бея его звонкая чунгури и разбилась. Тихо склонился с высокого порога сам молодой Джомлат-бей, склонился и пал бездыханно — на части разорвалось его сердце...

А сынка его и Морской царевны, сироту Асана, вскормил и воспитал старик дед его Келиш-бей. Вырос Асан-бей, стал славным витязем, и от него ведет начало знаменитый род абхазских князей Шервашидзе.

Кавказские сказки. Собраны и изложены В. А. Гетцуко. Вып.5. М., 1904, с. 34—40

ЦЕБЕЛЬДИНСКИЙ ОХОТНИК КУДРИ-АЛИ

Приятною и любимою охотою между горцами считается охота на медведей и кабанов. Выследив зверя, абхазы всегда отправляются партиями от трех до пяти человек, но в первую минуту его появления на битву выходит только один, иногда два: прочие охотники остаются зрителями, готовыми, в случае нужды, всегда помочь товарищу. Борьба с медведем у них считается делом легким и обыкновенным, потому что зверя нельзя раздразнить скоро, а главное, его медлительность в движениях дает часто опытному охотнику изготовиться к ратоборству... На медведя абхазы выходят вооруженные только одним кинжалом и редко остаются побежденными. Охота же на кабана, требующая более смелости, опыта и сноровки, имеет только своих привилегированных джигитов, и не всякий горец решится выследить кабана с одною шашкою, как это вообще делается. Кровожадность, свирепость и быстрота, с которою бросается кабан на своего противника, изумительны и ужасны. Надо владеть всею дерзостью горца, всем его мужеством, силою и проворством, чтобы в первую минуту встречи со зверем увернуться из-под его острых клыков и, не делая ни одного шага назад, тут же нанести удар верный и решительный, иначе никакая помощь не спасет охотника.

Множество сказок и песен сложили горные абхазы про цебельдинского охотника Кудри-Али, который всю жизнь свою, почти с младенческого возраста, провел в лесах и дебрях Абхазии, гоняясь за медведями и волками или просиживая целые дни и ночи в топких разных болотах и выжидая там кабанов. Случалось, что он заходил иногда в аулы, но решительно только для того, чтобы показать свое бесстрашие, искусство и ловкость. Часто, в виду целого селения по случаю какого-нибудь торжества или праздника, Кудри-Али за абазов потешал горцев кабаньими или медвежьими травлями, где жертвою для пойманных в капканы зверей был он сам. Рассказывают, что однажды в праздник Мизитх, в долине Адзгара над безымянною рекою он один, вооруженный только кинжалом, уложил на месте семь диких кабанов и медведя. С тех пор безымянная речка носит название Кудри-Али. И вот как погиб славный охотник. Кочуя из страны в другую, Кудри-Али, сам не зная как, однажды забрел в Аварию... Время подходило к ночи. Охотник прошел два-три нагорных аула

и, встречая одни только голые скалы, готов был заплакать от досады, лишенный первый раз в жизни ночлега под дубом или полувековою чинарой... Как вдруг, к большому и неожиданному его удовольствию, направо, за небольшою речкою, мелькнули развалины замка, а за ними черный и косматый бор. «И сегодня я так же, — подумал Кудри-Али, — как и всегда, сладко усну под напевы шакалов и рев медведя...» С этими мыслями охотник снял с себя бурку и чекмень, вскинул их на конец винтовки, а ее на плечо и, напевая одну из своих браконьерских мелодий, пустился вброд через речку... Али достиг наконец развалин замка... и остолбенел от удовольствия. В окнах подвального этажа развалин блестел огонь, тут же слышались говор, дребезжание зурн и песни. Кудри-Али подошел к окну и снова улыбнулся от удовольствия, поймав носом струйку табачного дыма и запах вареной баранины. Нет сомнения, подумал он, что это пируют или охотники, или ночные воры-абреки, которых мы, горцы, зовем храбрыми наездниками, а люди немного почестнее нас — хищниками... Во всяком случае, встреча приятная и для меня назидательная!.. Недолго думая Кудри-Али вскарабкался, как кошка на окно, и прыгнул в самую середину пирующих.

— Шайтан или его посланник! — вскричали изумленные горцы при виде гостя и схватились за свои кинжалы...

— Ни тот, ни другой, — весело отвечал Кудри-Али, не забывая повторить их неприязненного движения...

— Откуда ты?

— Из окна...

— Видели... Но, верно, у тебя есть имя, если только тебя мать родила, а не волчица... Кто ты?

— Я Кудри-Али... падишах всех адигских и абазских лесов...

— Кудри-Али? Из Абазии! — вскричал один старый горец. — Не тот ли Кудри-Али, который лет семь тому назад потешал нашего хана в Хунзах кабаньею травлею?..

— А...ты меня знаешь... Ба! ба! старый знакомый, Али-Искер!.. Коли не ошибаюсь, ханский нукер и старшина всех ханских собак...

— Эге, да позолотятся твои зюльфляры, если вздумаешь отрастить их, через семь лет узнал меня, как свою винтовку... несмотря на то, что я окривел на старости лет... Садись же, приятель... кстати пришел... Вот тебе бурдюк кахетинского и кусок кабана, которого мы подстрелили сегодня... Право, кстати, — продолжал старый Али-Искер, — ты нам поможешь в

важном деле... Три дня и ночи, как мы гоняемся по ханскому приказу за тигрицею, без шкуры которой не велено и в аул показываться...

При этом кусок шашлыка остановился в горле Кудри-Али... Он задрожал от восторга.

— Тигрица! — вскрикнул абхаз. — Где?

— Здесь, вот в этом лесу... и след нашли, да все уходит, а уж надо бы уложить ее... Что же ты не ешь? Клянусь всей хной, которую извела на своем веку моя бабушка, от такого кабана не отказался бы и жид с вершин Фартама... Право...

— Не хочу... сыт, — ответил абхаз. — Где моя винтовка? — продолжал он, накинув на себя бурку.

— Эге... куда ты? Ночью — и один? Подожди рассвета, пойдем все вместе... понадежнее будет...

— Не хочу ждать... Хотите, идем сейчас, а уж тигрицы не уступлю вам...

Аварцы не спорили, и Кудри-Али, расспросив только приметы, по которым можно было отыскать след зверя, отправился один на отчаянный поиск.

Вой шакалов, пронзительный плач ночного филина да резкий ветер встретили в мрачном и едва проходимом лесу охотника. Привычный к таким сценам, которые отняли бы все мужество и смелость у всякого храбреца, Кудри-Али беспечно подавался вперед, сбрасывая с себя то жаб, то мелких змей или стегая нагайкою неучтивых шакалов. Время проходило быстро, а Кудри-Али брел, сам не зная куда. Бурка и чекмень его уже были изодраны в клочья... Он потерял кабардинку и, истощив последние силы, измученный и усталый, едва передвигал окровавленные ноги. Наконец усталость победила. Чувствуя свое истощение, мучимый жаждою, он отыскал какую-то землянку, более похожую на какой-то ров, и ползком опустился в нее. Осмотрев пистолеты и переменив на одном из них кремень, Кудри-Али, на всякий случай взвел курок пистолета и, не выпуская его из рук, скоро задремал и заснул...

Лес проснулся... Белки, дикие кошки запрыгали по его веткам, весело закричали пташки, встречая прекрасное утро аварской весны... И бледный свет, пробившись сквозь чащу чинар и дуба, упал сероватою тенью на овраг, в котором спал беспечный Кудри-Али...

Но вот он проснулся. И сердце его, быть может в первый раз, облилось холодной кровью сиюминутной боязни. Враг, ко-

торого он искал целую ночь, забывшись своим страшным сном, лежал подле него, положив переднюю лапу на плечо охотника... Кудри-Али понял, что настал последний час его, и кровавым взглядом окинул закраины оврага... Там блестели восемь винтовок, почти уставленные в его голову...

— Стрелять ли? — прошептал Али-Искер.

Кудри-Али нахмурил брови и быстро повел глазами, как бы говоря этим: жди. С этим последним и едва заметным движением он медленно и осторожно придвинул дуло пистолета к уху тигрицы... и брякнул курком. Раненый зверь не успел еще очнуться, как ловкий Кудри-Али в два прыжка достиг закраины оврага и изготовил кинжал. «Стреляй!» — вскрикнул Али-Искер... Но было уже поздно... Прыжок — и тигрица, свившись кольцом, поднялась над головами охотников и рухнула всею тяжестью на абхаза... Сотня ударов посыпались на разъяренного зверя, но не прошло и мгновения, как под ним уже лежал истерзанный и обезображенный труп славного Кудри-Али...

В. Савинов. Достоверные рассказы об Абхазии. — Пантеон, 1850, № 9—10, с. 4—8

АХЫН

В Абхазии существовало племя Ардкоад, к которому принадлежит род Цебе, состоявший из семи или восьми дворов. Ахын с особым благоволением относился к этому роду. Ахын сам выбирает себе в жертву нетелившуюся корову из стада рода Цебе. С приближением осени — празднества Ахына — корова, избранная им, разными движениями и ревом заявляет о себе хозяину, что она избрана богом в жертву. Тут всем семейством ее моют молоком, и после обычной молитвы хозяин стада отправляется вместе с нею в путь, имея при себе тхие *.

Корову не гонят, она сама идет к месту жертвоприношения, хотя это место очень далеко отстоит, почему и называют ее обыкновенно самошествующей коровою Ахин (Ахим итчем лерук), она идет через места, называемые Цзуши и Чеккофи, потом — Хмишьтчей, а потом Сшаше. Здесь Ахинова корова останавливается у двора рода Чземух; отдохнув, она вступает в путь, сопровождаемая крепостным человеком старшины Чземух, также с тхием и сверх того с черною козою. Путь самошествующей жертвы лежит через Ордане, где старшина из рода Зефиш принимаст ее: тогда отсюда также присоединяется человек с тхием и козою. Потом проходит жертва через общество Десчен. Тут старшины разных кланов присоединяются с тхиями и козами к свите самошествующей и идут к месту жертвоприношения, называемому Ахин-Итхачех (Ахыну-богу посвященное дерево), которое находится на вершине реки Шахе, и состоит из купы вековых огромных деревьев, на которых висят разные оружия, покрытые ржавчиною.

В старину почтение окрестных жителей к сему священному месту доходило до обожания: убийца, преследуемый кровомстниками, спасался, скрывшись под тенью Ахиновых деревьев. Около сих священных дерев живет с незапамятных времен Берзековой фамилии племя Бабуков. Шествие Ахиновой коровы представляет любопытное зрелище. С приближением к месту жертвоприношения пестрые толпы народа идут с непокрытыми головами, в праздничных одеждах и гонят множество черных коз. Ахинова корова, подойдя к священным деревам, сама ложится под их тенью и остается в течение наступающей ночи на одном месте.

* Тхие — вареное тесто, род священной булки.

Народ, ее сопровождавший, также здесь ночует, соблюдая некоторого рода пост — не едят и не пьют до следующего дня. Поутру, по произнесении с величайшим благоговением молитвы, самошествующую корову лишают возможности шествовать далее или просто приносят в жертву божеству Ахину. Следующие слова в молитве, притом произносимой, особенно замечательны:

Я Оббе, я Ахин!
Атчен-бе ясии.
Отчен-бе яспи!
О боже! О Ахин!
Если пойду — даруй мне,
Если приду — даруй мне!

Смысл этого хоза: когда пойдут на войну — даруй мне, и когда придут неприятели — даруй, чтобы добыча досталось нам.

Под священными деревьями есть огромный ковш, полный белого вина; в день жертвоприношения, которое совершается раз в три года, старшины пьют при произнесении молитвенных слов перед закланием жертвы по чарке этого вина. Тут находится и вековой котел, огромный, поставленный каким-то Единорогом, как видно из преданий. В нем варят мясо Ахиновой жертвы. По приготовлении козлиного мяса начинают пиршество: пьют, едят, поют и пляшут. Замечательно, что пляшут, снявши с себя шапки. Мясо Ахиновой жертвы разделяют по частям между посетителями и участниками жертвоприношения, носят его по домам и дают по куску (тейх) каждому домочадцу и даже младенцам кладут его в рот. Кожу, голову и ноги Ахиновой коровы зарывают в землю на месте приношения.

Хан-Гирей — Нравы, обычаи, образ жизни черкесов. //По кн.: А. Т. Шортанов. Адыгская мифология. Нальчик, 1982, с. 104—107

ВЕРОВАНИЯ АБХАЗЦЕВ

Абхазцы твердо убеждены, что души усопших выходят из могил. Они становятся возле домов и свистят, их задабривают возлиянием вина или выбрасывают что-нибудь. Души усопших, особенно по ночам, любят выходить из могил, становятся у дороги и, когда увидят путника, бегут за ним вдогонку. Послушаем, как рассказывают сами абхазцы о важном значении поминок:

1. Сесрыква * был известный храбрец. При одном набеге он лишился в схватке всех ста сотоварищей: всех их перебил. Сесрыква зарезал множество быков, баранов и устроил поминки по сотоварищам. Затем он и сам был убит в какой-то стычке и неизвестно где похоронен. Его друг изъявил однажды желание отыскать могилу Сесрыквы и оплакать его. После долгих поисков наконец он нашел ее, оплакал Сесрыкву, и так как до селения было далеко, а время было позднее, то он решил тут же заночевать. Привязав лошадь к дереву, он прилег под дубом и скоро заснул. Во сне ему снится, что сто убитых молодцов Сесрыквы в загробной жизни находятся в прекрасном положении: они довольны всем, ибо и гостей с почетом принимают, и лошадей своих хорошо кормят; Сесрыква и его лошадь скитаются голодные и питаются только подаяниями тех ста молодцов. Увидев героя Сесрыкву в таком положении, друг спрашивает его: «Сесрыква! Ты превосходил всех на белом свете; что же такое приключилось с тобою в загробной жизни, что не можешь принять даже и одного гостя?» Сесрыква отвечает: «Как мне принимать гостей, когда я и сам-то для себя и лошади выпрашиваю у других!» Проснувшись, друг догадался, что Сесрыква по сию пору остается без поминок, и вот он немедленно же устраивает ему богатые поминки. И еще раз ему снится сон: Сесрыква теперь в таком же прекрасном положении, как и сто его сподвижников, и в состоянии принимать гостей.

2. Шли два человека; у одного из них в котомке припрятан был жирный резаный козел со снятой шкурой. Вечернею порою кто-то стал их преследовать, посвистывая на бегу. Тогда человек с ношей обратился к нему и сказал: «Отстань, чего ты хочешь от меня?» Сказав это, опять продолжал путь, но привидение не отставало. Товарищ догадался, в чем дело, и посоветовал другому

* В других преданиях — Сасрыква (*прим. ред.*).

отрезать кусок мяса и бросить привидению. Совет принят, кусок мяса брошен, — свист и преследование тотчас же прекратились.

3. Моквцы ежегодно устраивали поминки по своим усопшим, похороненным в верхней части кладбища, а морквульцы этого не делали для своих усопших, погребенных в нижней части. Поэтому моквские усопшие с насмешкой кричали морквульским: «Ничего не находящие!», а те им отвечали на это: «Когда наши сородичи найдут что-нибудь для себя, так и нам от них перепадет». Эти усопшие собирались вместе по ночам и устраивали танцы на апсца рквашарта (место для танцев умерших). Следы ног танцующих душ мог видеть всякий.

М. Джанашвили. Абхазия и абхазцы. — ЭКОИРГО. кн. XVI. Тифлис, 1894, с. 33—34

В. Соловьев

СТРАШНЫЙ ДОЛГ

Абхазская легенда

В абхазском ауле, расположенном среди самой живописной горной местности, жила красивая девушка по имени Рити. Ее страстно любил и настоятельно за нее сватался старшина аула Гих-Урсан. Он был молод, красив, отличался храбростью и нравился Рити; но особенной любви она к нему не чувствовала.

Она была чересчур молода, только что вышла из детства; ей жилось хорошо и весело, она была довольна своей судьбой и о свадьбе не хотела еще думать — даже почему-то боялась этой мысли. Поэтому на предложение Гих-Урсана она отвечала ни да, ни нет, хотя нисколько не избегала его общества.

У Рити был брат почти одних лет с нею, немного постарше, которого она очень любила. Мальчик этот до сих пор еще ни разу не принимал участие ни в одном набеге своих односельчан и горел нетерпением хорошенько побиться с соседями-цебельдинцами, исконными врагами абхазцев.

Он получил от Гих-Урсана обещание, что в следующий набег непременно возьмут и его.

И вот жители аула стали готовиться к набегу. Перед самым выступлением Гих-Урсан повторил свое предложение Рити.

— Вот я теперь иду в набег, — сказал он ей, — как знать, вернусь ли. Но обещай ты мне, что если вернусь подобру-поздорову, то согласишься быть моей женой. Твое обещание придаст мне удачу и счастье. Не будь же такой холодной, милая Рити, пожалей меня...

Говоря это, он, сильный и гордый старшина, казался таким жалким, его голос звучал так нежно, что Рити наконец тронула его любовь, и у нее у самой горячей забилось сердце.

Она ласково взглянула на него.

— Хорошо, я согласна, Гих-Урсан, — сказала она, — только с одним уговором: ты берешь в набег моего брата, я очень боюсь за него... Так вот все и чудится, что не свидеться с ним больше... Обещай же мне, что станешь охранять его, что вернешь его невредимым. Если же ему судьба быть убитым, то принеси мне хоть его голову, чтобы я могла увидеть ее в последний раз и похоронить в родном ауле.

— Клянусь тебе, Рити, исполнить твое желание! — ответил Гих-Урсан, — Ты сняла теперь большую тяжесть с моего сердца, и пусть хоть все цебельдинцы против меня выступят — я не боюсь их, я буду думать о тебе, о счастии, которое меня ожидает — и останусь победителем.

Выступили абхазцы из аула; но как они ни были осторожны, а цебельдинцы все же вовремя узнали об их приближении, не дали застать себя врасплох, встретили врагов с оружием в руках. Произошла жаркая схватка, во время которой та и другая сторона выказали много отваги. Горцы дрались, как звери. Ряды абхазцев и цебельдинцев убывали с каждой минутой. Все место побоища было усеяно убитыми и тяжелоранеными.

Гих-Урсан, ни на шаг не отступая, дрался впереди всех абхазцев, в то же время стараясь защитить собою брата Рити, которого не отпускал от себя. Но вот и Гих-Урсан, сильно раненный в плечо, упал на груду трупов.

Не будучи в состоянии, от изнеможения и раны, шевельнуть ни одним членом, он, как в тумане, видел, что один из врагов напал на брата Рити. Храбрый юноша отчаянно защищался, но все же был убит наповал. Убивший его цебельдинец быстро отрезал ему шашкой голову, спрятал в свой мешок и скрылся за выступом скалы.

Гих-Урсан испустил слабый стон и потерял сознание.

Когда он очнулся — ни своих, ни врагов уже не было, все было тихо; он лежал среди трупов. Первое, на чем остановился взгляд его, — было обезглавленное тело брата Рити.

Гих-Урсан вспомнил все — тоска и ужас сдавили грудь... «Что я теперь буду делать!? — шептал он — Как вернусь в аул, как покажусь на глаза Рити!? Я поклялся вернуть ей брата живым или хоть принести его голову... И не могу исполнить теперь этой клятвы... Стыд и позор на мне! Рити отвернется от меня с презрением, весь аул будет издеваться надо мною, дети станут показывать на меня пальцами и дразнить меня... Я — клятвопреступник!.. Рити!.. О, как я люблю ее!»

Он вспомнил все свои мечты, которые преследовали его даже в пылу битвы... «Одно мне только теперь и остается, — стонал он, — покончить с собою!» И рука его инстинктивно потянулась к кинжалу, висевшему у него за поясом. Он уже вынимал кинжал из ножен; миг — и он нанес бы себе смертельную рану, но вдруг чей-то голос прошептал над ним:

— Стой! Оставь кинжал! Зачем понапрасну убивать себя?

Гих-Урсан в изумлении поднял голову и увидел, что над ним стоит высокий, стройный молодой цебельдинец с бледным лицом, с горящими как уголь глазами и страшной улыбкой.

Невольная дрожь пробежала по членам Гих-Урсана, а молодой цебельдинец продолжал:

— Несчастный, жалкий человек! Неужели думаешь ты, что нет уже на свете такой силы, которая бы вернула тебе твое счастье!?

— Нет такой силы! — отчаянно крикнул Гих-Урсан и снова схватился за кинжал.

— А горный дух? — сказал с каким-то нечеловеческим смехом незнакомец. — Тебе стоит только призвать его — и он вмиг поможет тебе.

Выпало оружие из руки Гих-Урсана.

— Горный дух, — повторил он, и, вспомнив слова песни, которой призывали горного духа, он слабым голосом, впадая в забытье и оцепенение, запел эту песню.

Вдруг ужасный хохот огласил долину и соседние горы. Незнакомец распахнул свою бурку — и Гих-Урсан увидел под нею мертвую голову брата Рити.

— Вот она! Бери ее! — крикнул страшный цебельдинец.

Окровавленная голова упала на колени Гих-Урсана.

— Я исполнил твое желание... Я дал тебе то, что теперь для тебя всего дороже, но помни, что с этой минуты ты у меня в долгу. Десять лет я не стану напоминать тебе о твоем долге, но ровно через десять лет возьму у тебя то, что будет для тебя тогда дороже всего на свете! — и с этими словами страшный цебельдинец исчез.

Гих-Урсан перевязал свою рану, спрятал окровавленную голову брата Рити в мешок, который для подобной цели имел при себе всякий горец, отправляющийся драться с врагами, и хоть с большим трудом, но все же добрался в родной аул.

Его встретило с радостью все население аула, так как немногие вернувшиеся из набега воины рассказали, что он вместе с братом Рити был убит в схватке. Но Гих-Урсан обращал мало внимания на этот прием — он поспешил в саклю Рити, где бедная девушка убивалась и плакала по своему любимому брату.

Увидев обезображенную голову юноши, она предалась еще большему отчаянию, и Гих-Урсану стоило немалого труда ее успокоить и заставить примириться с мыслью о тяжелой утрате.

Однако время и искусство Гих-Урсана взяли свое. Через не-

сколько дней Рити перестала плакать и убиваться, а еще через несколько дней начала с видимым удовольствием вслушиваться в страстные признания Гих-Урсана.

— Ты исполнил свою клятву, — говорила она, — и я должна сдержать свое обещание.

— Нет, Рити, — отвечал ей Гих-Урсан, — я не хочу тебя неволить. Если ты идешь за меня только для того, чтобы сдержать обещание, — я тебя от него освобождаю. Что мне проку в том, что ты будешь моею женою, если я стану сомневаться в любви твоей?

— Разве ты не видишь теперь, что я люблю тебя? — с тихой нежной улыбкой перебила его Рити. — Теперь я совсем одинока, нет моего милого брата, теперь ты у меня один остался, так как же мне не любить тебя!

Гих-Урсан чувствовал себя очень счастливым; но его смущала мысль о том, что он скрывает от своей милой те обстоятельства, при которых он получил возможность выполнить данную ей клятву. Только все же он не решился ей признаться.

Скоро был назначен день их свадьбы. Весь аул принимал участие в этом торжественном событии. Гих-Урсан со своей молодой и красивой женой зажил на славу и, окруженный ее любовью и всеобщим уважением, совсем даже позабыл о своей встрече с ужасным цебельдинцем и о сроке, который тот назначил ему для уплаты долга.

Прошло десять лет. Гих-Урсан по-пржнему жил счастливо и любовно со своей Рити, только для полного счастья им все же кое-чего недоставало. Не было у них детей, и они оба горячо желали иметь ребенка.

— Ах, если бы у нас родился сынок! — часто говаривал Гих-Урсан, глубоко вздыхая.

И вот наконец на десятом году супружества Рити стала надеяться, что желание его будет исполнено. Но она, по абхазскому обычаю, тщательно скрывала от него это обстоятельство.

Раз ночью Гих-Урсан крепко спал. Рити почувствовала, что решительная минута настала. Она тихонько встала с постели, зажгла огонь, сняла со стены винтовку мужа и выстрелила в дверь сакли.

Гих-Урсан проснулся от выстрела, увидев жену с дымящейся винтовкой в руках, и понял, что означает этот принятый обычаем выстрел. Он вскочил с радостным криком и, даже позабыв надеть шашку, кинулся за опытной старухой, которая должна была оказать помощь Рити.

Приведя старуху, он остался у входа в саклю и ждал с замиранием сердца. Минуты казались ему бесконечными.

Но вот дверь приоткрылась, и показалась старуха.

— Отвага или красота? — задал он, едва владея собою, неизбежный в подобном случае вопрос.

— Отвага! — торжественно ответила старуха.

Это значило, что у него родился сын.

Гих-Урсан, как сумасшедший, кинулся в саклю.

Жена простирала к нему объятья, а рядом с нею барахтал крошечными ножками и ручонками и задорно пищал здоровенький мальчик. Гих-Урсан чувствовал, что теперь он — счастливейший человек во всем свете.

Скоро Гих-Урсан и Рити, по абхазскому обычаю, выбрали одного почтенного и зажиточного жителя соседнего аула в аталыки своему сыну.

Назначен был день передачи ребенка воспитателю. Обряд должен был совершиться с обычною в таких случаях торжественностью и церемонией.

Накануне дня передачи Гих-Урсан заснул счастливый и довольный в своей сакле. Сон его был крепок, но вдруг кто-то разбудил его. Он проснулся, и каков же был его ужас, когда при слабом мерцании начинающего утра он увидел перед собою знакомую фигуру горного духа, принимавшего вид цебельдинского воина!

— Десять лет прошло, Гих-Урсан, — шепнул горный дух, сверкнув глазами, — завтра я получу от тебя долг мой!

Гих-Урсан от невольного ужаса впал в забытье. А когда очнулся, уже было совсем светло, и он, вспомнив случившееся с ним, не мог даже решить, было ли это наяву или во сне.

Он постарался отогнать от себя тяжелые мысли, постарался заглушить в себе тоскливое предчувствие, которое щемило его сердце.

Скоро явился аталык, собрались соседи. Рити с большим горем, которое, однако же, она тщательно скрывала, повинуясь обычаям предков, простилась со своим ребенком.

Но вот в это самое мгновение на ярко-голубом небе обрисовалась черная точка. Точка эта росла, росла, приближалась, и уже ясно все могли различить гигантского орла, который кружил в воздухе. Орел быстро опустился над аталыком, взмахом крыла сшиб его с ног, схватил огромными когтями плачущего ребенка и, прежде чем собравшиеся успели прийти в себя, исчез с ним в вышине. Ужас напал на всех. Рити в отчаянии ломала руки и обливалась слезами. Но один только Гих-Урсан понимал, что это

значит. Он как безумный выбежал из аула в горы. Он решил во что бы то ни стало добыть своего сына, отнять его у горного духа.

Он скитался по горам несколько дней. Он взбирался все выше и выше на такие крутизны, по которым еще не ступала нога человека. Долго его поиски были тщетны. Но вот он стал иногда явственно слышать где-то недалеко плач своего ребенка и дикий хохот горного духа.

Он останавливался, затаив дыхание, замирая от сердечной муки, чутко прислушиваясь. Тогда плач и хохот смолкали.

Все было тихо кругом, только где-то внизу раздался выстрел охотника, только где-то сверху, над скалой, слышался взмах орлиных крыльев.

Но один раз детский плач и страшный хохот раздались так близко от Гих-Урсана, что он чуть не свалился с кручи в бурно бежавшую по дну пропасти реку. Он поднял глаза и увидел над собою, на самом краю выступа острой скалы, своего сына. Малютка перестал плакать. Озаренный ярким солнцем, он играл рассыпанными вокруг него цветами, а горный дух, склонившись над ним, напевал ему нежную колыбельную песню. Ветерок сдувал лепестки роз, которые кружились в воздухе и долетали до самого Гих-Урсана. Ветерок развевал пряди волос горного духа, обрамляющих его бледное лицо с невыносимо горящими глазами.

Гих-Урсан не мог вынести этого зрелища. Он испустил отчаянный стон и изо всех сил пополз на вершину скалы, цепляясь за старые коренья. Но в эту минуту снова раздался дикий хохот. Гих-Урсан скатился вниз и остался недвижим, сон сковал его.

На следующий день повторилось то же самое. Горный дух давал несчастному отцу любоваться ребенком издали. Но каждый раз, когда Гих-Урсан старался приблизиться, он впадал в дремоту и засыпал заколдованным сном.

Наконец Гих-Урсан убедился, что не может сладить с колдовством, что своими силами не добудет ребенка. Тогда он вспомнил о знаменитом джигите Шираре, который славился своей силой, бесстрашием и твердостью. Вспомнилось Гих-Урсану, что у него еще есть шашка с крестообразным эфесом, взятая им от плененного гяура, который рассказал ему, что, по воле аллаха, шайтан как увидит этот крест — тотчас же начинает терзаться, будто бы его огнем палят.

Нашел Гих-Урсан джигита Ширара, рассказал ему о своем горе и просил у него помощи. Ширар согласился вступить в поединок с горным духом. Отправились они в горы и скоро услышали плач ребенка и сладкую колыбельную песню духа.

— Прощай, — сказал Ширар Гих-Урсану. — Оставайся здесь и жди меня. Дай мне твою шашку, увижу — правду ли сказал пленный гяур про то, что шайтан креста боится.

Сказал это Ширар и, подобно легкой серне, помчался вверх, перепрыгивая с утеса на утес, через пропасти. Он был уже близок к самой вершине скалы. Не раз чувствовал он, как слабость на него нападает, как сон начинает клонить его. Но он понимал, что то козни горного духа. Он думал о своей шашке, думал об отчаянии Гих-Урсана и отгонял от себя и слабость и сон. Он закутывал голову башлыком, чтобы не слышать манящих, чарующих звуков колыбельной песни, и поднимался все выше и выше. Вот, вот сейчас он достигнет вершины скалы, с которой раздается песня и плач ребенка!..

Но что это? Пред ним, в двух шагах от него, вдруг очутилась молодая абхазка, легкая и грациозная, как видение, прекрасная, как первая из жен Магометова рая, будто сотканная из легких предрассветных облаков и горного воздуха. Одежда ее была так прозрачна, что через нее просвечивали роскошные формы. И Ширар мог бы сосчитать каждую розовую жилку на персях этой волшебной красавицы.

Не устоял джигит и жадным взором впился в дивное видение и оставался неподвижен, готовый уже внезапно поддаться очарованию, но внезапно пришедшая мысль о шашке гяура снова заставила его очнуться. Образ красавицы испарился в воздухе. Ширар кинулся вверх и в несколько отчаянных прыжков оказался на вершине скалы перед горным духом. Тот сверкнул глазами, схватил ребенка и, выпрямившись в свой нечеловеческий рост, поднял малютку над бездной, будто собираясь его туда кинуть.

Ширар невольно остановился. Тогда горный дух снова положил ребенка на цветы. Одно только мгновенье продолжалась нерешительность Ширара. Внизу, далеко под скалою, до его слуха вопль Гих-Урсана, и этот вопль придал ему решительности. Он отломил крестообразную рукоять от шашки, с проклятьями бросился на духа и изо всех сил бросил в него этой рукояткой. Дрогнула вся скала и пошатнулась. Горный дух застонал и низринулся в пропасть.

Ширар схватил ребенка и, крепко держа его, спустился со скалы к счастливому, не верящему своим глазам Гих-Урсану.

Абхазцы рассказывают, что и до сих пор из этой пропасти, в которую упал дух и которая называется «пропасть больного демона», слышатся вопли и стоны...

Нива, 1883, № 4, с. 82—86

Ацат Цаликов

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ УБЫХОВ

Кавказская быль

Убых Хатажук был мрачен.

Вот уже несколько месяцев, как он вместе с тысячами соплеменников добрался до Черного моря.

Много горя пришлось испытать изгнанникам.

Люди умирали сотнями... Скот погибал от голода и изнеможения... Весь путь от моря был усеян костями павших...

Пока Хатажук добрался до берега, он похоронил отца и мать. А здесь, не выдержав холода, голода и всевозможных лишений, умерли два его младших брата и сестра.

Хатажук осиротел.

Его род, слава о котором широко гремела по родным горам, был истреблен почти поголовно.

Побежденный, но не сломленный Хатажук не захотел остаться в руках врагов.

Его сердце трепетно забилось, когда по угрюмым ущельям, по горным скалам пронесся крик:

— В Стамбул!.. В Стамбул!..

Этот возглас захватил все его помыслы и желания.

Уйти от суровых победителей, не дающих пощады ни старикам, ни детям, ни женщинам, уйти, пока есть время, пока не успели надругаться над святынями, не отобрали девушек и мальчиков... не ввели своих законов и обычаев... Уйти...

И вместе с десятками, сотнями, тысячами соплеменников потянулся и Хатажук к желанному берегу моря...

Затаив в груди глубокую боль, бросил он насиженное гнездо, святые могилы предков, родимый кров, имущество, скот, нивы, орошенные его кровавым потом, бросил плоды трудов целых поколений предков, захватив только самое необходимое, и в людском потоке таких же, как и он, изгнанников помчался к морю...

Повсюду он видел следы гибели родного народа, запустение, разгром...

Бешено мчался людской поток...

Скорей... Скорей... Прочь!..

Рев буйволов, ржание коней, блеяние овец, вой и лай собак, плач женщин и детей, выстрелы, заунывные песни, в которых народ-изгнанник прощался с родными горами, проклятия, взрывы бешенства и злобы — все это висело в воздухе с утра до вечера.

А над всем этим хаосом и шумом царило одно, полное глубокого смысла, то, в чем сосредоточивались все помыслы, надежды, чаяния, жизнь — одно далекое и не совсем понятное, но таинственно-заманчивое, близкое и родное:

— В Стамбул!.. В Стамбул!..

Вот и море... Синее, далекое, необъятное море...

Вместе с другими ждет Хатажук желанного часа.

Ждет, когда наступит и его черед.

А кругом болезни, мор, горе. Гибнут дети, старики, женщины. Только молодежь без ропота, без стона выносит всю тяжесть невыносимых страданий.

Запыленные, оборванные, жалкие, бледные, с лихорадочно блестящими, глубоко впавшими глазами, они сидят по целым часам на зеленых скатах морского берега и ждут, не появятся ли высокие мачты кораблей падишаха или черные остовы урусских кочерм...

Ждет и Хатажук...

Ничто не выдает его душевных волнений.

Недаром он — истый горец, джигит, прославившийся в кровавых схватках с русскими, не раз заглядывавший в глаза смерти.

Спокоен Хатажук, как будто окаменел.

Томительно тянутся однообразные дни.

По вечерам, прежде чем лечь спать, Хатажук идет на лужайку, где пасутся кони, и молча гладит вороного красавца.

Мягкая улыбка появляется на суровом лице Хатажука. При виде друга взор невольно переносится в прошлое, и что-то неизъяснимо сладкое томит душу джигита.

Но вот пришел наконец час... Час последнего прощания с родиной.

Завтра кочерма должна увезти и Хатажука в благословенную страну великого падишаха. Но не радуется сердце Хатажука.

Как ни молил он, урусы не захотели исполнить его единственной просьбы... О коне была эта просьба...

Ничего не осталось у Хатажука, остался друг и товарищ — вороной конь...

— Нет, нельзя его взять с собой, нельзя... нет места.., — непреклонно отвечали ему.

Стал Хатажук готовиться к отъезду.

А когда ночь распростерла крылья над землей, он подошел к коню и долго ласкал и трепал любимца.

Положил голову ему на шею и задумался.

Вспомнил он, как юношей выбрал в отцовском табуне жеребенка. Ласкал, холил, берег, растил верного друга.

И конь вышел на диво.

Тонконогий, стройный, с маленькой головой на гордой шее, цвета вороненой стали — он не знал равного себе в беге. Враги завидовали Хатажуку.

И кто знает, о ком больше гремела слава среди наездников: о джигите или о красавце коне.

Помнит, однажды уже совсем погибал Хатажук, враги настигали со всех сторон, и молитву предсмертную читал Хатажук, летел на коне и думал, что смерть близка... Вдруг — овраг.

Как стрела пронесся верный друг...

Хатажук невольно оглянулся и увидел, как падали настигавшие его враги в овраг вместе с конями...

Был счастлив Хатажук.

Из каких сражений, схваток, наездов вывез его невредимый верный товарищ... С ним слилась вся жизнь Хатажука, все, что было нежного в его душе, что будило воспоминания, трогало сердце сурового воина...

И теперь расстаться... В тяжелую минуту, когда потеряно все...

Горько стало Хатажуку, и глухо зарыдал он на шее друга...

В это утро Хатажук поднялся очень рано.

Долго чистил, мыл, скреб коня. Потом, когда конь обсох, оседлал его. Нарядился в лучшую черкеску, затянулся потуже ремнем, перекинул через плечо дедовское, с золотой насечкой, кремневое ружье и тихо поехал.

Глубоко в море клином вдавался мол.

По одну сторону мола находилось становище черкесов, по другую лагерь русских войск, наблюдавших за переселением горцев.

Посередине тянулось зеленое плато. На это плато и выехал Хатажук.

Скоро блестящий всадник в полном вооружении на лихом коне привлек общее внимание.

Пустив коня галопом, Хатажук выхватил ружье из мохнатого чехла и выстрелил.

Сизый дым поднялся к небу.

Люди высыпали из палаток, пораженные необычайным зрелищем.

Странный всадник горячил коня... Он останавливал его на всем скаку. Откидывался в сторону, назад, подымал на дыбы, с обнаженной шашкой обрушивался на невидимого врага и наносил ему страшные удары направо и налево. Бросал папаху, на скаку ловил ее, бросал опять на землю и подымал. Перескакивал с одного бока лошади на другой, Стрелял назад, вперед, в сторону, на всем скаку выхватывал и заряжал кремневку.

Все, что создало искусство наездника и отважного воина, — все это проделывал Хатажук с необыкновенным искусством, вызывая взрывы общего восторга.

Но трудно было сказать, кому принадлежала пальма первенства: коню или всаднику.

Потом Хатажук медленно подъехал к лагерю врагов, к столпившемуся народу.

Приветствовал и заговорил по-своему.

Перевели. Он предлагал купить коня. Конь добрый. Конь, которому цены нет... Он никогда не продал бы коня. Такого коня не продают, но он не может взять его с собой.

Кругом засмеялись. Кто-то предложил двадцать копеек.

Как тяжкая, ничем не заслуженная обида, прозвучал этот смех в его ушах.

Хатажуку казалось, что люди смеются над всем, что было дорогого, заветного в его жизни. Смеются, а он, гордый джигит, должен покорно переносить обиду.

Ему показалось, что наступило время, когда все, что он считал ценным, лишилось этой ценности.

И внезапно сама жизнь потеряла для него какую бы то ни было привлекательность...

Сжав до боли челюсти так, что заскрипели зубы, Хатажук молча отъехал в сторону.

Он уже ничего не видел и не слышал, какой-то туман заволок его сознание.

Поднял голову. Далеко в море вдавался мол, а там дальше синее небо сливалось с морем.

Необъятный синий простор.

Едва заметным движением колена повернул Хатажук коня к молу. Тихо, спокойным шагом поехал. Доехал почти до самого мола. Взмахнул плетью.

Вороной красавец изогнулся, бросился в море, поплыл вместе с всадником в открытый простор, туда, где на свободе ходили сердитые волны.

Плыл, а потом скрылся навеки в пучине морской.

«Кавказские курорты». Пятигорск, 1913, № 18, с. 4—5

Записки, мемуары...

Н. Колюбакин *

КАРТИНЫ И ХАРАКТЕРЫ КАВКАЗА

Отрывок

Цебельда отдалась нам в руки в 1837 году с хорошо определенными условиями быта гражданского, а именно: с аристократиею не многочисленною, но сильною и со своими особенным судопроизводством. Княжеский дом Маршани, породненный с Дадианами и Шервашидзевыми, почти исключительно властвовал над народом; Эфендий был главным судьею, а алкоран — сводом законов, но часто пред самоуправством князей власть и приговоры духовенства оказывались бессильными.

Так — более ста лет существовала Цебельда, без больших переворотов извне и внутри, когда семейный раздор главнейшего дома причинил или ускорил покорение этого края, и вот как это случилось.

Лет тому двадцать пять вся восточная часть Цебельды, так называемое Дальское ущелье, или Дал, досталась по наследству четырем сыновьям князя Дударука Маршани: Хинкоросу, Баталбею, Шабату и Есшау. Недолго жили они в добром согласии. Младший из братьев Шабат, умный и отважный, но до крайности честолюбивый и алчный, стремился уничтожением братьев своих достичь первенство в народе.

Бесчисленны были казни, обманы, которыми Шабат старался то поссорить братьев своих и вооружить одного против другого, то вовлечь их в пагубные предприятия. Наконец, следующее обстоятельство открыло им глаза. Хинкорос, женившись на княжне владетельного дома, обещанной уже одному из князей Цуго Маршани, возбудил против себя их вражду. Шабат подстрекал обе стороны мести, и после многих усилий, убедив Хинкороса сделать нападение на жилище Цуговых, сам открыл им время и план нападения. Хинкорос потерял несколько людей, под ним убили лошадь, сам он — если не ошибаюсь, был ранен и отступил, не сделав никакого вреда противникам.

После этого происшествия Хинкорос и Баталбей, между которыми Шабат успел уже посеять семена зависти, уверились, что они были игралищами гнусных видов, и согласились дейст-

---

* Кутаисский генерал-губернатор в описываемый период.

вовать заодно против него. Есшау был совершенно послушен Баталбею. Между тем буйный Шабат, различными удальствами или шалостями, а по-нашему воровствами и грабежами, ежедневно увеличивал число врагов своих. В марте месяце 1837 года он был схвачен и доставлен начальству в Сухум тремя братьями своими, которые при этом случае предъявили готовность покорить Цебельду Русскому правительству.

В мае месяце того же года явился отряд под предводительством генерал-адъютанта барона Розена для занятия Цебельды. Три брата по предварительно данному обещанию выехали в Илор, навстречу Главноначальствующему, и, условясь с ним, Хинкорос остался при войске, а Баталбей и Есшау возвратились в Дал. Собрав там до 600 приверженцев, они прибыли в Цебельду, лично выгоняли жителей из занятых ими крепких мест и наконец то угрозами, то ласковыми убеждениями заставили их признать русское владычество.

Таким образом мы обязаны трем упомянутым Дальским князьям, что земля, имевшая до 7000 душ мужского пола и одаренная, не менее других стран Кавказа, неприступными местами, сдалась нам без всякого сопротивления.

Скажу мимоходом, что три брата, покоряясь нам, лишались через запрещение торга невольниками главного источника своих доходов. Знаю, что один Баталбей перепродавал ежегодно более тридцати душ, чем выручал значительные барыши.

Не стану входить в подробности мер, принятых нами для управления Цебельдою, не скажу, старались ли мы утвердить там власть нашу на существующих уже и, так сказать, естественных началах гражданственности.

Не могу, однако же, не упомянуть, что Баталбей, бывший по уму и роду представителем превозмогающего элемента аристократического и главным виновником покорения родины своей, не был награжден, возвышен нами, не был избран опорою или орудием нашего влияния.

Я не пишу историю Цебельды, а хочу только познакомить с нравами и обычаями, свойственными не только ей, но абхазам и некоторым другим племенам, живущим по соседству Черного моря, а потому, выбирая эпизоды самые разительные, буду быстро переходить от одного к другому.

В ноябре месяце 1838 года Шабат возвратился в Цебельду в офицерском чине, заслуженном в какой-то экспедиции, а еще более за будто бы несправедливо потерпенное гонение. Цебель-

динцы встретили его с восторгом, его удальские похождения, долговременное и насильственное от родины отчуждение, которого как бы последствием для Цебельды была утрата самобытности, внушали народу живое к Шабату сочувствие. Все наперерыв угощали, усыновляли, дарили его; в короткое время к нему перешло, посредством добровольного приношения, огромное количество рогатого скота и все лошади Дала. Пристав был к нему особенно приветлив.

После своего, так сказать, торжественного шествия чрез Цебельду, Шабат, женившись на абхазской княжне Налиповой, — заметим, что она была необыкновенной красоты, — поселился в верхних Далах. Там, в орлином гнезде, упоенный приветом своих единоземцев и созерцанием неприступно дикой природы, он возмечтал быть первым в народе и достичь этого первенства, хотя бы ниспровержением возникшего в его отсутствие порядка вещей.

Все князья смотрели с недоумением на внезапную перемену участи Шабата и, не доверяя ни его характеру, ни постоянству его счастия, выжидали обстоятельств.

К тому же времени воротился в Цебельду служивший в Петербурге гвардии поручик князь Заусхан Маршани. Сама судьба привела его как бы для того, чтобы противопоставить, хоть на некоторое время, замыслам Шабата — чтобы в двух сынах одной природы противопоставить рыцарскую честь и верность дикой удали и измене. Ласки царя и его Августейшего семейства, великолепие столицы, вид первого в мире войска, выгоды и удовольствия светской жизни сильно подействовали на душу Заусхана, он находил и честь и пользу в верном служении России.

Не верил Заусхан искренности и прочности обращения Шабата на путь истины. Он вел себя осторожно, важно, отдельно от других князей и, как бы приготовляясь быть главным лицом в предугадываемых им происшествиях, старался приобресть доверие народа, и успел в этом до такой степени, что не только все его подвластные, но многие простолюдины других князей подвергали взаимные споры суду его.

В половине 1840 года созрели плоды тайного примирения Шабата с Баталбеем. Они выбрали исполнителем замыслов своих удалого князя Халиль-бея Маршани. Дело шло не более и не менее как об изгнании из Цебельды Русского начальства. Долго Халил-бей колебался.... Наконец, чтоб увлечь его, Шабат, показав ему и бросив в огонь эполеты и темляк, сказал: «Смотри, — я обласкан начальством Русским, я офицер и мне обещали хорошее

содержание, но для избавления родины жертвую всем. Помоги мне в этом славном деле, и клянусь над алкораном, будешь любезным братом моим. Иначе мы не признаем тебя родственником, князем Маршани... Враги твои будут друзьями нашими и без мести прольется кровь твоя, как кровь нам чужого...»

В ночь с 9 на 10 июня 1840 г. Халиль-бей с несколькими цебельдинцами и пятьюдесятью дальцами, присланными Шабатом, сделал нападение на балаганы, стоявшие близ деревни Морамбы, в которых жили пристав, казаки и выведенные из плена русские семейства. Один казак был убит, два взяты в плен, все остальные, отстреливаясь, ушли в лес. Пристав нашел убежище у живущего в Марамбе князя Мисоуста.

Через несколько недель отряд под предводительством владетеля Абхазии князя Михаила Шервашидзе вступил в Цебельду для восстановления законного порядка, четыреста абхазцев перешли горами в Дал, до тысячи милиционеров и шесть рот нашей пехоты стали лагерем в сердце Цебельды.

Дальцы, без всякого сопротивления покорясь силе, выдали аманатов.

Милиция была распущена, а пехота спустилась в Марамбу для постройки там укрепления.

В это самое время полковник Муравьев вступил в управление отделения береговой линии, в составе которого, как и ныне, была Цебельда. Во время проезда в Марамбу Шабат явился к нему с повинной головой и был прощен.

Вся вина нападения на жилища пристава и вся ответственность пали на бывшего в бегах Халиль-бея.

Все жители Дала торжественно принесли присягу на подданство Государю Императору. На присяжном листе видна русская подпись: *Прапорщик князь Шабат Маршани.*

В последних числах сентября 1840 г. строительство укрепления было окончено и в нем оставлена одна рота с приличною артиллериею. К этому времени относится казнь Халиль-бея. Он был доставлен русскому начальству князем Д... *

Стоит рассказать, как это произошло; мы увидим образчик здешних нравов и какими иногда средствами, для нас непозволительными, туземцы приводят в исполнение приговоры правосудия.

Абхазский князь Таго Дзяпш-ипа вошел в сношения с Ха-

---

* Князь Дадиани.

лиль-беем, уверил его, что посредством покровительства и ходатайства какой-либо важной особы, как, например, князь Д..., он будет прощен и даже войдет в милость начальства. Для большей же безопасности Халиля князь Д... согласился усыновить его.

Назначили день и место для обряда усыновления. Прибыл Халиль-бей и с ним Таго, без оружия, а потом и князь Д... с двадцатью всадниками. Тут легко было бы, без дальнейших затей, открыто овладеть Халиль-беем. но он храбр, ловок, силен, хорошо вооружен и, защищая жизнь и свободу, мог бы убить кого-нибудь — не лучше ли достичь цели усугублением хитрости? Разложена бурка, на ней, преклонив колено, стоит Халиль-бей, позади него — князь Таго с толстою палкою в руках, а перед ним — князь Д.., присев, отстегивает архалук, чтоб обнажить грудь, которой усыновляемый должен коснуться губами. В это условленное мгновение Таго ударяет Халиля со всей силой палкой по голове, и прежде чем он опомнился, его связывают и взваливают на лошадь.

Халиль-бей был доставлен в Сухум и там расстрелян.

Дальцы, как я уже сказал, присягнули, ибо не считали себя довольно приготовленными, чтобы сбросить личину, но когда уста их произносили клятву на верноподданство, в сердцах уже гнездилась и росла черная измена.

Шабат остался в Далах главным лицом. Трудно понять наше слепое пристрастие к этому человеку, кто бы сказал, что злой дух, для продолжения в Цебельде тревог, гнусных измен, всякого рода злодеяний и бедствий, заботился о его сохранении и внушал нам беспредельную снисходительность.

Князья Дальские, возвратясь в свои скалы, прекратили, в особенности после казни Халиль-бея, все сношения с Русским начальством. Соединяясь теснее, они стали приобретать то угрозами, то обещаниями более и более влияния на умы знатнейших цебельдинцев.

2 октября 1840 г. дальцы в числе пятисот человек спустились к Марамбе с твердою решимостью овладеть укреплением, между вооруженными шли люди с одними веревками, чтобы забрать имущество гарнизона. Шабат и Баталбей вошли к Мисоусту, дом которого был в полуверсте от укрепления, там их ожидали почти все Маршани.

Все согласны идти на русских — ни одного напоминания в нашу пользу, — все слепо послушны красноречию Шабата, уже идут — уже на словах берут крепость и делят добычу. Вдруг

неожиданный к ним гость — князь Заусхан, в кольчуге, с одним оруженосцем. «Я пришел объявить вам, — сказал он, — что я предан Русскому Царю, что не изменю присяге и буду биться против всех возмутителей порядка, хотя б они были ближайшие родственники мои. Прежде чем дойти до русских, разделайтесь со мною, я вас буду ждать. А вы, — обратился он к двум князьям, Цуго и Серлипову, — вы молоды, и я не допущу вашей погибели, оставьте это общество и следуйте за мной, я покажу вам, где ваше место и что вам делать».

Все, молча потупив глаза, выслушали Заусхана, ни одного упрека, ни одной угрозы. Он вышел, а за ним Цуго и Серлипов.

Тогда старый Мисоуст и другие князья Цебельдинские, образумясь, отказались от заговоров, князья Дальские, осыпая их ругательствами, ушли и потянулись с целою шайкой мимо небольшой возвышенности, на которой их ожидал Заусхан с сотней приверженцев и со вновь обращенными на путь истины молодыми князьями.

Заусхан кричал дальцам вслед:

— Что же нейдете, иль струсили, на вашей дороге мой дом, в нем остались две женщины — мать и жена, но не советую их трогать!

После столь неудачных сборов против укрепления дальцы, рассыпавшись мелкими шайками, стали бродить по краю и высматривать, где бы увести или угнать скотину. Воровства и убийства случались ежедневно; сообщения перестали быть безопасными. Наконец дерзость таких шаек возросла до того, что в первых числах 1840 г. они вторглись в Абхазию, напали на одну деревню, взяли там добычу и увели пленных.

Увлеченные неизбежным роком, князья Дальские истощили русское терпение. Полковник Муравьев решается с малым числом регулярных войск и милициями проникнуть в сердце грозного Дала и на его гранитных скалах начертать мечом приговор его мятежным сынам.

Не буду входить во все подробности этого похода, скажу только, что 24 декабря отряд, состоявший из трех рот Тенгинского полка и трех рот Черноморских линейных батальонов, с двумя кегерновыми мортирами и двумя горными единорогами, помолясь Господу Богу, выступил из Сухума. К нему постепенно присоединялись на назначенных пунктах милиции: Сванетская, Самурзаканская, Абхазская и под начальством князя Заусхана — Цебельдинская. Величайшие препятствия не останавливают храб-

рых, войско с артиллерией проходит под меткими выстрелами, по тропинкам, по которым горец с боязнью гонял стадо. Переправляются через неукротимые потоки, то спускаются в пропасти, то взвиваются на утесы. И Богада — одна из цитаделей Кавказа — под стопою русских. Наши уже на возвышенности, но по той стороне Кодоры посланные в обход милиции не могут вытеснить неприятеля, — им нужен совет и пример. Горная Кодора, разбиваясь о камни, шумит, как ураган, через нее разобран мост, но в восьмидесяти саженях над нею, соединяя вершины двух скал, висит бревно... по нему идет один, не внемля ни реку вод, ни свисту пуль, гвардии капитан Лауниц. «Ура, абхазцы!..» — и неприятель выбит.

Неприятель, изумленный быстрым движением отряда и разбитый на всех пунктах, бежит, оставляя в руках победителей семейства и имущества. Дальцы просят пощады, и первого января (1841 г.) до пятидесяти старшин присягают на подданство. Дабы воспользоваться победою, полковник Муравьев приказывает очистить ущелье: по верховьям Кодоры, на пространстве сорока верст, жило около пятисот семейств, все они, и в том числе семейства Шабата и Баталбея, выведены в места более доступные: Абхазию, Самурзакани и Цебельду.

10 января 1841 г. отряд двинулся в Дал, неприступный дотоле вертеп остался, как после кары Господней — без жилищ, без населения, покрытый пеплом.

Мятежные князья при зареве пожара, преследуемые проклятиями подвластных, удалились с малым числом приверженцев к непокорным горцам, обитающим за Гагринским ущельем, и с тех пор долго без отечества, без родной кровли скитались от одного племени к другому. Народ прозвал их абреками, что значит бродяги, приблизительно — отверженные.

Все русские, находящиеся в долгом подданстве у дальцев и цебельдинцев, были освобождены и поселены около Марамбы, под выстрелами укрепления. Всего пятьдесят семейств.

Абреки прожили некоторое время в Псху, оттуда перешли в Ахшипсо, а потом в Теберду. Их число то уменьшалось, то увеличивалось, бывало и так, что один и тот же человек, протаскавшись с ними некоторое время, возвращался на родину к спокойной жизни и потом, без явной причины, вновь к ним присоединялся.

Во всяком месте и во всякое время абреки не теряли из виду Цебельду и не прерывали с ней своих сношений, иначе и не

могло быть в землях даже совершенно неблагоустроенных. После всякого подобного перевода мы видим примеры тайных и противозаконных сношений, от которых, впрочем, бывает и польза и вред, говорю: польза, ибо таковые сношения, поддерживая в беглеце любовь к родине, земле и сродникам, могут побудить его к скорейшему возвращению под кров отечественных постановлений, вред же — ибо иногда они питают безрассудные надежды и дают средства к новым покушениям против общественного спокойствия.

С абреками случилось последнее: они не отказались от дорогих замыслов и вскоре вновь явились нарушителями покоя своей родины. Пробегу быстро цепь преступлений, коими Дальские князья вновь ознаменовали себя: они брали в плен или убивали проезжих; угоняли порционный скот гарнизона; подползали ночью и убивали часовых на форштадте; поджигали русское поселение и оттуда уводили пленных, нападая на отдельные наши команды; отнимали стада и табуны жителей, преданных нам; они приманивали в свою шайку молодежь, возбуждая в ней ненависть к христианству и подстрекая дух молодечества. Одним словом, не было безопасности ни для цебельдинца, мирного или верного, ни для русского солдата, который еще недавно без оружия ходил по Цебельде, как по святой Руси, вместе с туземцами заготовлял сено или рубил лес и во всяком доме находил радушное гостеприимство.

К этому времени не стало в Цебельде князя Заусхана. В экспедиции против убыхов он был убит, он пал на моих глазах с мечом в руках. Смерть сорвала этот дикий цветок рыцарской чести. Его тело привезли в Цебельду и отдали родной земле. Друзья и подвластные оплакивали его, и даже абреки приходили на его могилу исполнять обычные обряды. С ним исчезло единственное в народе препятствие замыслам абреков.

Не тут ли место заметить, что в странах полудиких не должно подвергаться соучастностям войны жизнь людей, которым нравственное влияние и энергия заменяют силу законов и постановлений людей, которые... уносят с собою в гроб условия счастия и благоустройства родины. Угадывать же и поддерживать таких посредников между правительством и народом есть святой долг ближайших начальников и может быть — вся тайна управления кавказскими племенами.

В мае месяце (1842 г.) Дальские князья со всею шайкою напали на деревни Чалы и Джемпалы, стоявшие у выхода из

гор и насчитывавшие шестьдесят семейств, они сожгли дома и увели с собою всех жителей в Кефар, ущелье по реке того же имени, уступленное им Бешалбеевцами. С тех пор абреки долго жили в этом ущелье, как новое самостоятельное общество, в новом отечестве, из которого выходили по временам на разорение и гибель старой матери своей — Цебельды.

Упомянутые деревни принадлежали братьям покойного князя Заусхана. Когда наследие этого верного слуги России сделалось добычею абреков, то злой наш враг, предводитель убыхов, устарелый в боях Хаджи-Берзек, из уважения к характеру и храбрости покойника, написал его матери княгине Лакута Ханым: «До меня дошло сведение, что Дальские князья увели в плен принадлежавшие вашему дому семейства и намерены поселиться с ними поблизости наших границ; даю Вам, княгиня, слово, что если это случится, то я непременно отобью всех Ваших подвластных и в то же время дам Вам знать, дабы вы за ними прислали ко мне одного из Ваших сыновей».

Таковы черкесы.

Наконец в половине июля абреки, уговорясь с некоторыми князьями Цебельды, вторглись в нее, и вмиг запылали главнейшие деревни, а жители с семействами и имуществом бежали то в горы, то в Абхазию, и через три дня Цебельда опустела.

При первом взгляде человеку новому покажется странным, что от угроз горсти абреков целое население отхлынуло от родной земли, но это происшествие сделается весьма простым и вразумительным, когда мы узнаем, во-первых, что все абреки шли вместе, а цебельдинцы были рассеяны и нигде не составляли довольно значительной массы; во-вторых, что цебельдинцы никогда не проливали крови в междоусобных распрях. Мы видели, что Заусхан с малым числом приверженцев вызвал на бой абреков, они ушли, не приняв вызова, из уважения к родной крови и в особенности к аристократической крови Маршани: по той самой причине цебельдинцы оставляют свой край и бегут без оглядки от каких-нибудь ста пятидксяти им родных сорванцов, которые идут с оружием и пламенем в руках, с криком: «Убьем, сожжем!»

Опустошив Цебельду, абреки обратились на оставшихся там русских и 22 августа напали на табун поселенцев и гарнизона. Шабат впереди всех, он уже ранил одного солдата из пистолета, изрубил другого и с окровавленною шашкою бежит на рядового Софрона Матвеева... кто из двух оробеет, тот из двух пропадет, — статный, ловкий, отчаянный, хорошо вооруженный Шабат перед

самым дулом приземистого солдатика Софрона Матвеева повернул направо и этим движением открыл ему левый бок... Софрон выдержал, курок спущен — и Шабат лежит. Его товарищи разбежались, оставив нам его тело.

Есть люди, которых несчастное стечение обстоятельств увлекает в бездну преступлений; но Шабат самовольно, по какому-то внутреннему призванию, выбрал из многих представляющихся ему путей к известности и счастью поприще крови, по которому он шел упорно, радостно и в конце которого нашел смерть.

Звезда, которая сопутствовала ему во всю жизнь, которая столько раз призывала его к существованию полезному и избавляла от позорной смерти преступника, осветила его последнее мгновение и его могилу, он был убит, убит на месте, как умирают храбрые...

Недалеко от Марамбы, вдали от темного ущелья и грозных скал, на зеленой возвышенности, под сенью роскошных фруктовых деревьев, где ничего ни мрачного, ни ужасного, лежит прах убитого князя Шабата Маршани. Из уважения к его роду на его могилу приходили плакать знаменитые князья Абхазии, Цебельды и Самурзахани.

ЦИА Груз.ССР, ф.Кавк.арх.ком., д./200/ XIII, лл. 168—187

Евлиа Челеби *

ВОЙНА МЕЖДУ АБХАЗСКИМИ И ЧЕРКЕССКИМИ ДЖИНДЖИКАМИ **

И мы вышли с оружием, нас было 70—80 человек. Немного погодя мы увидели [их] верхом на деревьях, вырванных с корнем, вооруженных кто палкой, кто чем. Они примчались к опушке леса Уийуз с черкесской стороны со спутанными волосами и с длинными клыками. Изрыгая пламя из глаз, ушей и ртов, полчища джинджиков ехали на мертвых конях, мертвых быках, мертвых буйволах, мертвых верблюдах, вместо веревок вооруженные змеями, сошлись с абхазскими джинджиками и с криками, с воем начали войну. Мы были оглушены и испуганы. Около часов шел непрерывный бой. Когда стали падать на землю и люди, и кони, и верблюды, и пули, и топоры, и палки, наши кони, привязанные во дворе, сорвались с коновязи, так что едва нам удалось их выловить.

Глядим: 7 черкесских джинджиков и 7 абхазских джинджиков сцепились так, что не разобрать было, где голова, а где шея, и упали навзничь; тут черкесы вырвались и взлетели, но два абхазских джинджика вцепились им в глотки клыками и стали пить их кровь, и вследствие этого осталось пять черкесских трупов, остальные джинджики остались живы и убрались восвояси. Абхазские джинджики, которые выпили их кровь и умертвили их, бросили трупы в огонь и сожгли. Всю ночь до петухов мы наблюдали войну джинджиков. Этого ни словом не описать, ни пером, от страха мы не могли заснуть. С первым петухом джинджики испарились, но с неба что-то огромное упало на лес.

Наутро несколько человек, и я в том числе, направились туда, где ночью шел бой. Лошади..., разбитые кувшины, барабаны, железные палки, мертвецы, восставшие из могил, стаканы, тарелки, обрывки платков, змеи, овцы, медведи и всякое прочее устилали землю. Я этому никогда не мог поверить, если бы все мы не стали свидетелями и не дивились этому чуду. Потом мы узнали, что в последние 40—50 лет не было подобной битвы между

---

* Турецкий путешественник XIV века.

** Джинджики — вампиры.

черкесскими и абхазскими джинджиками, но перед этим 5—10 джинджиков схватились на земле и продолжали бой, поднявшись на небо, но такого опасного сражения здесь прежде не видали.

В Черкезистане такие джинджики ночью ходили по аулам и пили человеческую кровь. Люди, подвергшиеся нападению джинджиков, сами становились джинджиками. Но у черкесов были лекари, умевшие совладать с этой напастью, вылечивать раненых и даже обезвреживать мертвецов. Они лечили за деньги. Семья, в которой был покойник, платила им, чтобы врачи сопровождали людей, ставших джинджиками. Когда замечали, что на могиле не сходилась земля, понимали, что ночью джинджик встал из могилы и пошел пить человеческую кровь. Поспешно собравшись, поселяне вскрывали могилу и обнаруживали, что джинджик лежит с налитыми кровью глазами и вымазанным ртом. Его вынимали из могилы и протыкали ему пупок ежевичным колом. По воле Аллаха он тотчас умирал. И тот, кого он умертвил, воскрешал и спасался.

Трудно подстеречь, когда иной джинджик выходит на свою охоту, но стоит ему подстеречь дурака или ребенка без присмотра старших, или [человека] решившего искупаться в реке совершенно обнажившись, он накидывается на жертву и пьет кровь, вцепившись ему в ухо. И человек этот начинает таять на глазах, сраженный недугом. Если он признается, что джинджик выпил его кровь из уха, его родичи ищут лекарей и платят им. И лекари объявляют розыски по аулам, находят [виновника] и сажают его на цепь. Ничто другое его удержать не может. Вскоре обнаруживается, что пленник — джинджик. И если он наконец признался, что этому человеку вред нанес именно он, и показал кровь жертвы у себя за ухом, лекари выведывают у него все. И он признается, что сделал это для того, чтобы воскреснуть, убежать из родового кладбища и принять участие в воздушном бою. И тогда, с согласия всего народа, его убивают, проколов ему пупок ежевичным колом. И его кровью протирают глаза и лицо пострадавшего. Тот исцеляется, а джинджика сжигают на костре. Черкесы верят, что его тело не истлеет в могиле.

По книге Омара Бююка «Абхазская мифология —древнейшая ли?». Стамбул, 1975
Перевел с турецкого Д. Зантария

Ф. Ф. Торнау

ОХОТА ЗА ЗУБРАМИ В ГОРАХ КАВКАЗА

В истории зубра весьма часто были упоминаемы, и справедливо, его изящная красота и его вымирание или исчезновение в историческое время.

В самом деле, зубр не только красивее всех животных, обитающих ныне в Европе, но не уступает даже в этом отношении жирафу, великорослому оленю и великорослой лоси, жившим в Европе в доисторическую эпоху. Изящная форма вола, курчавая голова и грива, кофейный цвет, при значительном росте, живых огненных глазах и чрезвычайной силе и быстроте движений, дают зубру почти баснословную красоту.

Справедливо и то, что зубр вырождается на памяти человека и в этом отношении заслуживает особенного изучения. Еще в историческое время он больше водился в Германии, Польше и в северной Греции: еще до Французской кампании считали в Беловежской пуще за тысячу голов зубров, а ныне не досчитываются и до двух третей того числа. И нет сомнений, что зубр исчезнет совершенно и что о нем, если б не упоминали современные летописи, потомки наши стали бы говорить в том же самом смысле, в каком мы говорим о первозданных (допотопных) животных.

В 1835 году, на исходе июня месяца, я спустился с высоты снегового хребта Кавказского в ущелье Большого Зеленчуга, называемого горцами Энджик-су. Со мною было шесть человек абхазцев: Микан Соломон, Измаил, Хатхуа, Шакрыл Муты и Кобзеч, да Медовеевец из селения Псоу или Псхо, по имени Омар. Каждый из пяти имел свое особенное назначение в составе нашего путевого общества и отличался каким-либо достоинством, малозначащим в глазах европейского человека, но стоящим всякого уважения в горах и дающим право на известность между черкесами.

Микан Соломон, абхазский дворянин и хаджи, был моим главным проводником, т.е. заведовал всем поездом и отвечал за мою безопасность: лета, уважение, оказываемое ему как Хаджию, опытность, приобретенная в частых поездках из Абхазии на северную сторону гор, родство и связи с некоторыми значительными

лицами Абазинских обществ, населяющих внутренность западной части Кавказа, доставляли ему возможность исполнять надлежащим образом возложенную на него обязанность.

Шакрыл Муты, абхазский ашнахмуа (название, принадлежащее владетельским телохранителям и поставляемое несколько ниже дворянского), служил мне оруженосцем и заботился о моей лошади. Кобзеч, говоривший по-русски, хотя и весьма дурно, исправлял должность переводчика. Измаил, слуга Микан Соломона, заведовал съестными припасами и готовил кушанье; это ему не стоило больших трудов, потому что наши запасы состояли только из проса, кислого молока и мяса одного барана, убитого при отправлении в дорогу. Два раза в день, поутру и вечером, ему доставалось изжарить кусок баранины и сварить крутую кашу из проса, заменявшую хлеб у кавказских горцев.

Остается сказать несколько слов о Хатхуа и о Медовеевце Омаре: эти два человека хотя и невысокого звания, но по знанию местности в горах и по личным качествам составляли главную основу нашего общества и во всех поселяли уверенность в успешное совершение путешествия. Хатхуа, семидесятилетний старик, высокий, худощавый, бодрый и сильный, несмотря на преклонные лета, считался одним из лучших ходоков Абхазии, где есть известные пешеходы, не уступающие ни в скорости, ни в выдержке хорошей шагистой лошади. Он поседел в охоте на диких зверей, по скалам и по снегам Кавказских гор, близ источников Кодора, Бзыба, Зеленчугов, Урупа и Лабы, и в воровстве у горцев, живущих смежно с Абхазией. Его появление на северной покатости гор, в Башылбае, Таме, Кызылбеке или другом каком-либо Абазинском селении, в котором он пользовался гостеприимством, всегда предшествовало значительной пропаже в соседних аулах.

Слух о его прибытии заставлял хозяев крепче запирать на ночь скот и лошадей и не пускать ни детей, ни девушек в лес или к ручью без вооруженных мужчин. Хатхуа, знавший как свои пять пальцев все тропинки по горам, все переходы через вечные снега и леденистые скалы, все скрытные места по лесам, на пространстве, служили ему поприщем для опасной горной охоты, обыкновенно направлял абхазских хищников, спускавшихся с гор для воровства у враждебных им черкесов. Не раз Хатхуа находился в весьма затруднительных обстоятельствах и жизнь его висела на волоске, потому что горец, попавшийся врагу, не ведает пощады; но каждый раз или сила и ловкость, или меткое ружье, или только ему ведомая тропинка выручали его из беды,

и он возвращался в Абхазию, без добычи, ощипанный, голодный, в крови и в ранах, счастливый уже тем, что вынес жизнь. Вот причины, по которым я не жалел ни просьб, ни денег, чтобы склонить Хатхуа к участию в путешествии моем из Абхазии на Кубань.

Как, скажут некоторые, можно было доверить себя подобному человеку? Идти русскому с горцем, обкрадывающим и убивающим своих из алчности к добыче? Не значило ли это подвергнуть себя явной опасности и всегдашнему страху измены? Нисколько. Насчет Хатхуа я был столько же спокоен, сколько насчет других моих товарищей. Опыт оправдал мои предположения, потому что я в этом деле не действовал на авось, а рассчитывал, основываясь на знании страстей и слабости тех, с которыми имел дело. Во-первых, Хатхуа никогда своих одноплеменных, кровных и родных не обкрадывал, а стоял за них стеною и всегда был готов положить голову при защите их собственности: кабардинец же, абазех и все, кого зовут черкесом, для абхазца и каждого абазина есть не свой, а чужой, столько же чужой, как бритый европеец, явившийся перед ним в черном фраке и с круглою шляпою на голове. Во-вторых, Хатхуа был душою привязан к двум предметам, которые любил больше своей жизни: золоту и Микан Соломону, защитившему его от сильного врага и давшему его детям приют на своей земле в селении Акуач, возвышавшемся на неприступной горе, близ развалин древнего Венецианского укрепления, известного у абхазцев под названием Псырста. Итак, Хатхуа признавал над собою две власти: Микан Соломона и золота. Микан Соломон шел с нами, и кроме того, я обещал передать сумму денег, весьма значительную для бедного горца, во владение Хатхуа по окончании путешествия. Вот две неразрывные нити, которыми привязал я к себе это старое дитя, управляя им по своему произволу, — и Хатхуа, злой и нелюдимый с другими, был со мной заботлив, услужлив и верен мне до самоотвержения.

Медовеевец Омар, настоящий горный волк, алчный, хищный и нелюдимый, но ловкий, храбрый и хорошо знакомый с местностью около селения Псоу, близ которого пролегала избранная нами дорога, был равно полезен мне как проводник и как защитник. Меткость его выстрела была страшна и одинокому путнику и мохнатому обитателю лесов и скал: впоследствии я сам имел случай видеть опыт его ловкости, когда он, выждав, пока дикая коза, бежавшая с козленком, выровнялась на линии выстрела, одною пулею убил и мать и детеныша. Этот человек не

понимал цены денег, в одежде он мало нуждался, потому что грудь, плечи и ноги его были покрыты натуральною шубою из волос, густых и мохнатых, как у зверя: но зато его маленькие черные глаза сверкали как два раскаленных угля при виде хорошего оружия или какой-нибудь блестящей вещи. Его задобрил я подарком кинжала с золотой насечкою, работы известного тифлисского мастера Геурга, и обещанием лошади, — богатств, которых он прежде и во сне не видывал.

Для того чтобы обязать Омара еще сильнее, я сделался его аталыком и принял на себя обязанность разделять с ним кровомщение. Дети, отдаваемые по горскому обычаю для вскармливания и воспитания в чужие семейства, всегда должны разделять кровомщение со своими воспитателями и с их ближнею роднею. Из этого породился обычай вступать в подобного рода связь посредством действия, представляющего подобие вскармливания ребенка. Горец, желая принять взрослого и даже престарелого приятеля в свою семью на правах родственника, разделяет с ним кровомщение и, чтоб привязать его к себе неразрывными узами, заставляет его коснуться губами до обнаженной груди своей матери, а если ее нету, то и до собственной, после чего он считается как бы его действительным аталыком. Этот акт обязателен как присяга и свято чтится в горах. Подобным образом я связал с собою Омара, дав ему коснуться моей груди, потому что не мог для этого представить женщины-родственницы.

С людьми, каковыми были Хатхуа, Омар и остальные мои товарищи, мне нечего было бояться среди лесов и скал ни диких зверей, ни злых людей. Но опасность и измена могли постигнуть в жилых местах, и Микан Соломон, осторожный и подозрительный, как все горцы, заметив свежие лошадиные следы по дороге из Абхазии к Псоу, куда мы сначала пошли, поворотил вправо и повел нас горами между этим селением и Цебельдою, к источникам Большого Зеленчуга, вытекающего из северной покатости гор, против источников Бзыба, текущего на юго-запад. Свежие лошадиные следы по дороге к Псоу озаботили Соломона потому, что накануне нашего отъезда из Абхазии у него находились два конных человека из означенного селения; они уверяли, что едут к берегу моря, а по всем признакам поспешили возвратиться домой. Соломон, не зная, чему приписать их обман, опасался, что они проведали про мое намерение идти через их селение, и возвратились туда для того, чтобы известить об этом народ и на нас напасть.

Не стану рассказывать подробности нашего путешествия, как мы в лесах теряли дорогу, как у нас лошади обрывались с крутизны, как мы в горах однажды остались без воды и как наконец добрели до перевала через хребет; скажу только несколько слов о переходах чрез главный снеговой хребет; это необходимо для пояснения обстоятельств, сопровождающих охоту за зубрами.

Два перехода мы уже сделали чрез хребты, покрытые вечным снегом, ночуя в сосновых лесах, растущих по близлежащим ущельям. Наконец мы подошли к главному хребту, покрытому, как белою пеленою, глубоким рыхлым снегом. Не могу точно определить его высоты; но мне кажется, что она в этом месте не превышает одиннадцати тысяч футов над уровнем моря. И на этой высоте дождя никогда не бывает, гроза бушует ниже по ущельям, и беспрестанно выпадающий снег оседает только от собственной тяжести или от теплоты солнечных лучей в самое жаркое летнее время. Поэтому верхняя оболочка этой снежной коры всегда рыхла и чрезвычайно опасна для путешественника, скрывая от его взгляда глубокие расщелины, угрожающие неизбежно погибелью, если он в них попадет.

Снег, выпавший накануне, отнял у нас надежду на перевод лошадей через хребет, а недостаток съестных припасов (всего у нас осталась баранья лопатка и несколько пригоршней проса), истощившихся от неожиданно дальнего пути, понуждал ускорить путешествие. Поэтому седла скрыли мы в лесу, лошадей бросили в ущелье на произвол судьбы, а сами начали пешие подниматься в гору. Омар шел впереди, испытывая снег длинным шестом, окованным железом; за ним тянулись все товарищи, ступая в его следы. По пояс погружались мы иногда в рыхлый снег и с большим трудом продвигались вперед. Для того чтобы предохранить зрение от вредного влияния солнечных лучей, ярко отражавшихся от снега ослепительной белизной, веки у нас были натерты разведенным порохом и мохнатые бараньи шапки надвинуты на глаза. Сафьянная горская обувь, в виде башмака без подошвы, называемая линейными казаками чувяки, от нагайского слова «шарек» (по-черкесски — сым, по-абазински — эмсы), у меня намокла и начала спадать с ноги; я ее снял по примеру моих товарищей и пошел босой. Таким образом мы поднимались часов шесть и наконец достигли долины, образующей перевал, шириною в полверсту. Здесь представились мне ряды огромных плит, не покрытых снегом и сложенных, как обыкновенно складывают камень в кубические сажени.

Эти массы плит тянулись отдельными рядами вдоль хребта, от одной высоты до другой, по всему пространству, которое можно было окинуть глазом. Почему снег не держится на этих плитах, легко объяснить: его сметает с их гладкой поверхности сильными ветрами; но почему и как они здесь появились в правильно сложенных массах, этого я не берусь решить. Если работала природа, то почему именно здесь, на самой высоте снежного хребта и нигде более в горах, где есть шифер, гранит и базальты, не находятся подобные, правильно положенные массы камня? Если работали люди, то с какой целью и какими средствами они могли это сделать? Эти именно скалы плит, находящиеся на главном снеговом хребте, послужили поводом к басне о каменной стене, построенной Искендером (Александром Великим) вдоль хребта Кавказских гор, от Дербента до Гагр, где хребет круто упирается в море и горою Сагдень оканчиваются высоты, покрытые вечным снегом. От этой горы хребет, вдоль восточного берега Черного моря, постепенно склоняясь к Анапе, не представляет более ни одной высоты, покрытой вечным снегом.

На самом краю спуска на северную сторону хребта чернелась гранитная скала четвероугольного вида, также не покрытая снегом. К этой гранитной скале подошли мои товарищи, мусульмане и христиане, и с видом глубочайшего смирения начали класть в небольшое углубление кто ножик, кто несколько пуль. И меня заставили принести подобную жертву духу гор, для того чтобы он нас без обиды пропустил через хребет и послал нам какую-нибудь дичину. В углублении скалы находилось множество стрел, пуль, ножей, шашечных клинков и обоюдоострых мечей, ржавевших там с незапамятных времен. Но ни один горец не решится коснуться этой святыни, страшась разгневать духа гор.

От этой скалы мы стали спускаться к источнику Зеленчуга по неизмеримой снежной крутизне. Кто не бывал в горах, покрытых снегом, тот не может себе представить, как труден подъем на гору и как легок спуск. Подымаешься несколько часов, а спускаешься с той же высоты в несколько минут; но как зато страшен кажется спуск для неопытного глаза и для непривычной ноги. Кажется, покатость так крута, что человек неминуемо должен упасть и, падая с уступа на уступ, раздробиться в глубине бездны. И действительно есть опасность, которую одна смелость может превозмочь. Должно с решительностью бежать вниз, сохраняя равновесие и ударяя пяткою в снежную покатость; тогда бег делается столь быстрым, что комки снега, оторванные ногою

человека, едва поспевают за ним катиться, и он в несколько минут сбегает с высоты, на которую влезал несколько часов. За два дня до этого перехода, когда мне пришлось спускаться в первый раз со снежной высоты, я было остановился над кручею и требовал, чтобы меня повели другою дорогою; но абхазцы меня выучили спускаться; двое из них схватили меня под руки и помчались со мною вниз, доказав на опыте, что дело не столь трудно и опасно, как кажется на первый взгляд. Теперь я был уже не новичок, и мы стремглав бежали вниз, опережая один другого; некоторые из нас падали, но всегда на спину, удерживаясь пятками в снегу, вставали и продолжали бег; товарищи их смеялись. Вдруг над нашими головами раздался глухой гул, потом шум, подобный грому, и нас обдало сребристою снежною пылью. Абхазцы бросились в сторону, вскрикнув: «Аллах! Аллах!» Через несколько мгновений воздух очистился, и мы под ногами у себя увидели глыбы вновь накиданного снега. То был обвал, скатившийся с высоты хребта за несколько десятков саженей в сторону от этого места, по которому мы спускались. Муты и Кобзеч, оба христиане, перекрестились; Хаджи Соломон и Измаил, магометане, поблагодарили Аллаха за минование опасности, возгласив несколько раз Аллаху «экбер, лай, лай, ил Аллах», а Омар, не имевший никакой веры, только покачал головою, улыбнулся как умел и пошел своим путем. Хатхуа не был с нами; он отделился от толпы, когда мы только начали подниматься, для того чтобы, обогнув скалы, если представится возможность, погнать на нас стадо туров. Положение наше было очень неприятно: на семь человек оставалась в запасе одна баранья лопатка и несколько пригоршней проса; лошадей мы бросили за горою, а до первого жилого места, в котором мы могли показаться, считалось не менее пяти наших переходов. Вся наша надежда в столь затруднительном положении была возложена на Хатхуа, испытанном охотнике, который хорошо знал обычаи и привычки зверей, обитающих в горах и поэтому легче, чем каждый из нас, мог добыть продовольствие на остальное время пути. Но при всей своей ловкости и опытности он не успел убить тура или подогнать к нам этих животных, пасшихся по окрестным скалам.

Тура абхазцы называют абслаху, или каменным бараном, так же как и по-немецки — Steinbock. Животное это водится по скалам, близ вечных снегов, покрывающих главный хребет Кавказских гор. Его огромный рост, рога, цвет шерсти и вид достаточно известны; поэтому я скажу только несколько слов об охоте

за турами, которые чрезвычайно осторожны и не подпускают к себе близко человека. От пасущегося стада выставляются во все стороны по высотам сторожевые туры, которые, едва завидев опасность, подают знак своим собратьям, и они опрометью мчатся вдаль, пробегая по тропинкам, недоступным ни человеку, ни другому животному, перепрыгивая со скалы на скалу, бросаясь вниз с довольно значительных высот. Одно есть средство подкараулить и убить тура: надобно отыскать след, по которому стадо имеет привычку ходить к воде, ночью засесть за камнями и выждать его приближение, что обыкновенно бывает на рассвете. Тогда охотник должен верно метить, чтоб не потерять напрасно первого выстрела, иначе испуганное стадо умчится из виду его прежде, чем он успеет зарядить ружье во второй раз. Там, где есть туры, водится и горная курочка *, величиною с индейку, серая, с грудью, поднятою вверх, как у американской утки, питающаяся, как говорят горцы, пометом туров. Птенцов она выводит в расщелинах высоких скал и свистит наподобие человека, так что я несколько раз ошибался, принимая ее крик за свист человеческий.

Потеряв надежду увидеть на вертеле турий шашалык,мы были избавлены счастливою случайностью от неприятной необходимости пропитывать себя травами и кореньями: встретили каких-то диких рогатых животных, обитающих в ущелье Зеленчуга, о которых абхазы мне часто рассказывали, называя их адомбей. Из рассказов моих товарищей я, впрочем, не мог понять, к какой породе принадлежат эти животные.

С высот, покрытых снегом, мы спустились в тесное ущелье, огражденное с одной стороны ледяными скалами, а с другой высоким каменистым хребтом, отделяющим верховья Зеленчуга от верховья Кяфира, впадающего в первую из этих рек верст за пятьдесят от своего источника. Дно ущелья было покрыто огромными камнями, между которыми росли небольшие кусты. Еще на горе нам был слышен шум водопада. Этот шум увеличивался по мере того, как мы спускались ниже, и когда я, достигнув глубины ущелья, оборотился назад, то увидел одно из самых величественных зрелищ, встречавшихся мне в горах. Снежная

---

* Птица из семейства куропаток, величиною почти с большого тетерева (глухаря). Она у Палласа описана под именем Tetrao caucasica; впоследствии г. Мочульский, наблюдавший ее образ жизни, описал эту птицу в Трудах Московского общества Испытателей Природы и дал ей название нагорной индейки (Chourtka alpina) (прим. автора).

кора, толщиною в двадцать саженей и более, покрывавшая покатость горы, кончалась отвесным обрывом, и из-под нее вырывался огромный ток воды, падавший с высоты пятидесяти саженей, дробился внизу о скалы, преграждавшие ему дорогу, разливался на множество отдельных потоков, прыгал через камни, раскиданные по теснине, и потом уже сливался в одну быструю струю, изливавшуюся змеею по широкому ущелью. Это был источник большого Зеленчуга, или Энджик-су.

Впереди нас чернел едва проходимый сосновый лес, преграждавший ущелье во всю ширину поваленными ветрами и упавшими от ветхости вековыми деревьями необыкновенной величины. Несколько часов мы шли без дороги, перелезая через глубокую и быструю речку. Около леса мы должны были поворотить вправо и обходить его по высоте, на которой снег едва только стаял. Здесь мои товарищи набрали множество тюльпанов темно-фиолетового цвета, на коротеньких стебельках, которые весьма годны в пищу. Вкусом этот мясистый цветок похож на стручок сахарного гороха, и я его ел с жадностью, потому что с утра голодал. Лес тянулся на три с лишком версты; обойдя его, мы увидели, что ущелье сделалось приметно шире и утратило свой первоначальный дикий вид. Справа и слева оно ограждалось высотами, покрытыми травою, и только по берегам Зеленчуга виднелись купы небольших деревьев. Мы спустились с горы и начали переправляться через речку вброд, купаясь в воде по пояс. Достигнув середины реки, мы услышали в лесу ружейный выстрел и остановились, прислушиваясь к последовавшему за ним гулу. Что выстрел принадлежал Хатхуа, встретившему зверя, легко было понять; но какого ему Бог послал зверя?.. Через несколько мгновений шум в лесу увеличился, деревья затрещали, и из опушки выскочили огромной величины мохнатый бык и несколько коров с телятами.

«Адомбей!» — вскричали абхазы в один голос: наши ружья вылетели из чехлов, выстрелы блеснули, и впереди бежавший бык, сделав прыжок, помчался в сторону; за ним понеслось все стадо, прыгая через камни и ломая кусты и мелкие деревья, попадавшиеся на пути. Мы побежали за ним, кровь на кустах и на траве доказывала, что бык ранен, но у него еще доставало силы от нас уйти. Долго мы бежали по кровавому следу и наконец остановились, не чувствуя себя в силах продолжать путь: так мы были утомлены переходом через горы и преследованием раненого адомбея. Повесив голову, мои товарищи начали располагаться на берегу реки под тенью раскидистой березы: разложили

бурки, вырубили несколько суковатых кольев, которые каждый воткнул у своего изголовья, чтоб повесить на них оружие, и развели огонь для приготовления скудного ужина, последнего, на который мы могли рассчитывать в течение четырех или пяти дней. Хатхуа еще не приходил, Соломон спорил с товарищами о том, съесть ли за ужином весь запас или сберечь его часть на завтрашний день. Пустые желудки моих абхазцев противились этому распоряжению, и они уверяли, что, не поев досыта, лишатся сил идти на другой день вперед. Все, кроме Соломона, считали за лучшее съесть сегодня все, что оставалось в запасе, а завтрашний день предоставить воле Аллаха, который их, верно, не оставит без пищи. Соломон спорил, кричал, а дело не решалось; я между тем сидел спокойно на земле и слушал их спор, не принимая в нем участия, чтоб не уронить себя в глазах товарищей, которыми до этой минуты распоряжался, не встречая ни малейшего сопротивления. В настоящую же минуту чувство уважения, которое они ко мне питали, встретило бы сильного противника в их собственных желудках, и я не считал благоразумным возбудить в моих товарищах внутренней борьбы, могущей кончиться к моей невыгоде. Я молча смотрел на баранину, которую жарил Измаил, и на просо, кипевшее в котле; того и другого было так мало, что и в этот вечер мы не могли досыта поесть.

В это время пришел Хатхуа и объявил, что хотя адомбей и ушел, но что есть надежда завтра поутру опять увидеть этих животных, быть может, даже убить одного из них, потому что он отыскал след, по которому они ходят на водопой. Абхазцы вскрикнули от радости и опрометью бросились делить баранину по числу товарищей. «Бог нас не оставляет, — говорили они. — Он дозволил Хатхуа открыть след адомбеев, завтра мы их не упустим, теперь припасов беречь нечего, сегодня поделим все, что у нас ни есть, а завтра Бог накормит...» Такие доказательства словом и делом не допускали возражений, даже Соломон перестал спорить и только ворчал что-то про себя, глотая свою часть.

Поужинав, мы на ночь оделись и положили подле себя оружие, как водится на Кавказе в местах незнакомых или опасных, и заснули крепким сном. Поочередно один из товарищей не спал и обходил место, на котором мы лежали, шаря по кустам и по берегу реки. Это также кавказская предосторожность, весьма употребительная во время стоянки в лесах и горах: случается, что у людей, беззаботно уснувших, поутру недостает какой-либо вещи, оружия, а иногда и самой жизни.

Ночь была холодная; перед рассветом начал накрапывать дождик и разбудил нас. Немедленно мы пошли к тому месту, где на берегу реки кончался след адомбеев, и спрятались на противоположной стороне за каменьями. Едва начало рассветать, мы увидели стадо адомбеев, спускавшееся с горы к воде. Впереди шел огромный бык, тот самый, по которому мы стреляли накануне; раны, полученные им в живот, некоторые навылет, не помешали ему прожить всю ночь: столь велика жизненная сила у этих животных. Бодрости в нем уже не было, он шел, повеся голову и изредка ею покачивая, взрывая ногами землю; видно было, что его мучила боль. Когда он приблизился к воде и наклонил голову, чтоб напиться, мы приложились и все разом выстрелили по нему. Ни одна пуля не пролетела мимо, И он упал, получив семь ран в голову; коровы и телята, которых было до шести штук, обратились в бегство. Мы о них и не заботились, довольные убитым быком; мяса его было для нас достаточно на десять дней и более. Когда мы подбежали к нашей добыче, издыхавшей в предсмертных судорогах, то я увидел, что этот адомбей был настоящий зубр (Bosurus) *.

Видом он похож на настоящего быка, голова большая, глаза маленькие и глубоко вдавлены, рога короткие и толстые, передняя часть тела, т.е. голова, грудь и плечи покрыты мохнатою шерстью, под нижнею челюстью довольно длинная борода; на задней части тела шерсть короткая и лоснящаяся, ноги низкие и жилистые, хвост не очень длинный, цвет шерсти темно-коричневый. Росту убитый зубр был очень большого: длина его с головою простиралась до 10 футов, высота несколько более двух аршин. Сняв с него шкуру и растянув ее, мы сделали навес, под которым и поместились все семь человек.

Абхазцы мои не стали мешкать, разрезали его тушу, вынули внутренности, развели огонь и мигом изжарили печенку; это был наш завтрак, который мы проглотили без хлеба и без соли. Не нуждаясь в продовольствии, нам не для чего было спешить с путешествием, и мы распределились следующим образом. Микан Соломон, Муты, Кобзеч и я расположились лагерем близ убитого зубра; Омар, Хатхуа и Измаил отправились обратно через хребет, для того чтобы испытать возможность перенести лошадей через горы. Мне, да и товарищам моим, очень не хотелось пятеро суток

* Автор этой статьи убедился в том впоследствии, увидев зубра из Беловежской пущи, сохраняемого в музее Московского университета.

тащиться пешком до Бешалбеевского аула Мамак Кирея Сидова, куда нам надлежало идти.

Об адомбеях, или зубрах, я узнал от абхазцев, что они водятся не в одном ущелье Большого Зеленчуга, но и по основным лесам, растущим близ вечных снегов главного хребта, в ущельях Урупа и большой Лабы; но нигде более.

Итак, зубры находятся не в одной Беловежской пуще. О существовании их на Кавказе могу свидетельствовать я, первый из русских, видевший там это животное, охотившийся за ним и питавшийся его мясом в течение восьми дней, пока перевели лошадей через хребет и пока мы достигли до верховья Урупа, где у бешалбеевцев нашли прием, достойный хваленого гостеприимства кавказских горцев.

По книге: Ф. Ф. Торнау. Воспоминания кавказского офицера (Донесения разведчика царской армии) М., 1864

Федор Федорович Торнау происходил из прибалтийских (курляндских) баронов. Офицер-разведчик, он был заброшен на Кавказ. Встречая его, горцы не спрашивали о цели его приезда в Абхазию. Но все же любопытные стали интересоваться личностью Торнау.

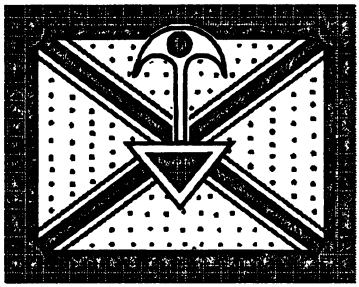
«Одним из них был Кац Маргания (Маан) — первый сподвижник владетельного князя Абхазии, генерал царской армии. Внимательно следя за Торнау, этот «тонкого ума» человек догадывался о секретной миссии последнего. На отрицания же русского разведчика Кац отвечал: «Ты — молодая лиса, а я — старый волк, напрасно станем друг друга обманывать», и предупреждал: «Побереги свою голову, она нужна тебе для другого дела... Багаркан-ипа Маршания хвалился тебя поймать и привезти в Цебельду живого или мертвого, если ты не перестанешь ездить по Абхазии, и прибавил, что он позволит надеть через плечо прялку вместо ружья, если не сдержит своего слова». Между прочим, Торнау однажды в лесу столкнулся с отчаянным абреком, но разведчику удалось ловко уйти от него неузнанным.

...Торнау беспрестанно менял цвет лошадей и цвет черкески»

Г. А. Дзидзария. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века. М., Наука, 1976

Рассказы современных абхазских писателей

Михаил Лакербай

ОТЕЦ И СЫН

Рождаются все люди одинаково, а умирают по-разному. Никогда не спрашивают, как родился человек, а всегда спрашивают, как он умер. Поэтому нужно прожить жизнь и умереть так, чтобы близким не пришлось краснеть за тебя.

Об этом не раз напоминал детям их учитель — всеми уважаемый Царгуш Мамат.

К нему-то в горное село Куламба и отдал на воспитание Дбар Рабыдж своего единственного сына Таиба. С тех пор прошло шестнадцать лет. Таиб за это время видел своих родных только несколько раз. Но вот скоро должно было состояться его торжественное возвращение в родной дом.

Но этому не дано было свершиться!

Во время одного из разбойничьих набегов на село Куламба Таиб был смертельно ранен. Узнав о несчастье, Дбар Рабыдж отправился к сыну.

Когда Таибу сообщили о приезде отца, он собрал последние силы и встал на ноги, в знак уважения к отцу. Раны его от напряжения раскрылись, хлынула кровь, и юноша на глазах у отца скончался.

Тогда опечаленный Дбар Рабыдж сказал:

— Был бы из него настоящий человек, жаль, погиб рано.

Перевод С. Трегуба

ОСЕЧКА

У молодого джигита Адамура была невеста Айша. Далеко разнеслась слава о ее красоте и обаянии. Был у Адамура младший брат, двадцатилетний Шахар. Как и Адамур, Шахар слыл лихим и отважным джигитом. Сердце Шахара опалила красота невесты брата. Если бы не Адамур, кто бы мог сравниться с Шахаром? Разве не лучший в округе жених? Но брат, статный Адамур, встал соперником на его пути, и Шахару оставалось только тайно вздыхать по Айше.

Адамур знал о том, что творится в душе брата, но ни разу ни Шахар, ни Адамур не заговорили об этом, ибо закон гор строг, и юноша, проболтавшийся о своих чувствах, слывет недостойным джигитом.

Шла война с чужеземцами, напавшими на абхазские селения. Оба брата провели ночь в передовом охранении. Настало утро, когда их сменили, и они направились на отдых в общую землянку.

Братья шли по узкой горной тропинке, которая вилась меж скал. Как подобает старшему, Адамур шел впереди.

Жестокое искушение овладело Шахаром.

«А если... убить его? Один только выстрел — и брат скатится в пропасть... Никто не узнает — и Айша станет моей...»

Шахар вынул пистолет из кобуры... Спокойно шел впереди Адамур. Шахар прицелился и спустил курок... Выстрела не последовало: пистолет дал осечку.

Но легкий, щелкающий звук дошел до слуха Адамура. Он быстро обернулся — и понял все: Шахар поспешно прятал пистолет в кобуру.

Адамур спокойно продолжал свой путь.

Молча они вошли в землянку. Оба проголодались и с жадностью набросились на еду.

Когда же они насытились и собрались улечься на отдых, Адамур достал свой пистолет и, протягивая его брату, сказал:

— Возьми, Шахар. Этот вернее: не даст осечки!

Перевод С. Трегуба

ПУШИНКА

«Нет, не пойду к ним больше. Это плохо кончится», — в сотый раз твердил себе Хиб Шоудыд, возвращаясь от Харази Манчи домой.

Но другая неотступная мысль помимо воли преследовала его: «Пойдешь, непременно пойдешь. Ты ведь не можешь не пойти, ты не в силах устоять — слишком соблазнительна и прекрасна Шазина».

В нем боролись два чувства: неудержимая, растущая день ото дня страсть к Шазине и чувство долга перед мужем ее — Манчей. Манча всегда так искренне, так доверчиво относился к нему. Но чары Шазины не давали Шоудыду покоя, его страсть вспыхнула с такой силой, что он почти утратил власть над собой.

Было поздно, когда Шоудыд подошел к своему дому. Все спали. Не зажигая свечи, чтоб никого не будить, он тихо разделся и юркнул в постель. Долго не мог он уснуть: образ Шазины продолжал преследовать его, и страсть бушевала в его сердце.

«Что же будет?» — спрашивал он себя, и мрачные мысли одна за другой теснились в его разгоряченном мозгу. Он думал, решал и снова думал. Наконец перед самым рассветом, приняв, очевидно, окончательное решение, он забылся тяжелым сном.

Несколько дней не видели его Шазина и Манча.

Их удивило его отсутствие: прежде не было дня, чтобы Шоудыд под тем или иным предлогом не зашел к ним. Наконец он явился.

После обычных приветствий Шоудыд сказал:

— Арстаа Маф, пастух из Чегема, передал, что на скале Багада бродит огромный, как буйвол, медведь. Я решил поохотиться. Ты не пойдешь со мной? — обратился он к Манче.

— С радостью, — отозвался тот. — Давно я мечтал помериться силами с таким знатным гостем. — И весело обратился к Шазине: — Если удастся с ним встретиться, ты будешь по утрам, спуская ноги с кровати, ступать на мягкую и пушистую медвежью шкуру. Ведь она покроет весь пол в твоей комнате!

— Правда? — лукаво улыбнулась Шазина. — А если с медведем не справитесь? — И она уже с тревогой посмотрела на мужа.

— Ну что ты! У скалы Багада и моста через пропасть очень удобно будет перехватить зверя, — успокоил жену Манча. —

Скорей же собирай меня в путь! Ведь это займет у нас не меньше двух дней? — спросил он Шоудыды.

— Да, конечно.

Шазина быстро собрала все, что нужно, и проводила охотников, пожелав им успеха.

Был уже полдень, когда друзья прошли багадский мост и достигли скалы. Они не стали делать привала: не было еще нужды в отдыхе, к тому же обоим хотелось как можно скорее встретиться с медведем, пока он не ушел в горы. И они начали подъем.

— Он, должно быть, пришел сюда из Амткял, — карабкаясь на скалу, сказал Манча. — Там водятся дикие медведи.

— А возможно, из Журги, — отозвался Шоудыд.

Охотники долго брали крутой подъем.

— Мне хорошо знакомы эти места, — заметил Манча. — Здесь я часто бывал во время охоты. Знаешь, с долин сюда долетают пушинки. — Манча указал на облака белых пушинок, окутавших скалу.

— Это тополя цветут внизу в долинах. Иногда здесь пушинок плавает такое множество, что они мешают разглядеть дичь.

Друзья добрались наконец до небольшой каменной площадки. Они приставили ружья к скале и присели отдохнуть. Кругом высились дикие кручи, кое-где поросшие мхом и мелколесьем. Далеко внизу, в долинах, виднелись тополя, и пушинки белыми облаками подымались к небу. В глубокой низине клокотал Кодор, глухо доносился сюда шум его бурных вод.

Манча вытянулся на спине.

— Ты не очень вытягивайся, — с напускной озабоченностью предупредил Шоудыд. — Не удержишься и сорвешься в пропасть. Далеко ли до беды?

А сам подумал: «Тогда б дело обошлось значительно проще».

— Пустяки! — беспечно ответил Манча. —Помню, на совершенно отвесной и голой скале Эрцаху я загнал серну и взял живьем. Если я там не сорвался, то уж тут наверняка не сорвусь. Здесь по сравнению с Эрцаху — ровное поле.

Он засмеялся.

— «Несчастье может оказаться и в ахампале *», — привел Шоудыд абхазскую пословицу.

— Здесь не случится несчастья, — спокойно ответил Манча.

---

* Ахампал — ком вареного теста.

Но несчастье все же случилось.

Глубокой ночью Шоудыд сообщил жене Манчи Шазине страшную весть о гибели мужа. На ее горестные крики и причитания собралось все село.

Возле Шазины сидел Шоудыд и скорбно рассказывал людям:

— Он погнался за серной в горах. И не успел я подойти, как он сорвался со скалы и полетел в пропасть.

Люди отправились в горы, обыскали все кругом, но не нашли тела Манчи. Все решили, что он упал в узкую щель меж утесами в непроходимую пропасть.

Целый год горевала Шазина по мужу. Целый год ходил к ней Шоудыд. Как он был предан памяти друга! Как он был добр, как щедр, как умел одарить несчастную вдову, сколько проявлял внимания и чуткости!

Шоудыд сумел понравиться ей. Исподволь, обдуманно готовил он почву, — и настал день, когда Шоудыд признался Шазине в любви и предложил выйти за него замуж.

Не сразу согласилась Шазина. Верная памяти мужа, долго колебалась она. Но, уступив уговорам родных и друзей, в конце концов дала согласие. Через месяц Шоудыд ввел в свой дом столько лет любимую женщину.

Безмерно ласковым и внимательным мужем был Шоудыд, и Шазина привязалась к нему.

Так прошел год.

Как-то Шоудыд заснул на веранде. Рядом сидела Шазина и берегла его сон. Шоудыд спал неспокойно, что-то бормотал и вдруг проснулся.

В воздухе носилось множество белых пушинок от цветущих неподалеку тополей.

— Сколько пушинок! — тревожно произнес Шоудыд, глядя ввысь.

— Да, — отозвалась Шазина, подняв глаза к небу.

— Сегодня почему-то их особенно много, — повторил так же тревожно Шоудыд.

— Да, много, — сказала, улыбнувшись ему, Шазина. — Ты даже говорил об этом во сне. Я прислушалась, но ничего не могла разобрать, кроме слова «пушинка». Ты повторил его несколько раз. Ты видел пушинки и во сне?

Женщина погладила его красивый открытый лоб, словно желая прогнать видение. Шоудыд притянул ее к себе и поцеловал...

— Да, — сказал он. — Я видел во сне пушинку.

— Пушинку? Только одну?

— Только одну, — ответил он и закрыл глаза. — Большую и очень страшную.

— Чем же страшную? — удивилась Шазина, нежно гладя его лицо.

— Не спрашивай, дорогая.

— Почему же?

— Нельзя. Этот сон, вернее, пушинка натолкнула меня на неприятное воспоминание.

— Тогда ты непременно должен рассказать мне все, — настаивала Шазина.

— Но ты не разлюбишь меня?

— Я могу разлюбить тебя только за настоящее. За прошлое — нет.

— Но поймешь ли? Простишь?

— Прощу. Ведь все это было раньше? До того, как я стала твоей?

— Ну конечно же, раньше. К тому же я это сделал, — Шоудыд понизил голос, — только из-за любви к тебе.

— Тем более!... Расскажи!

Шоудыд закрыл глаза.

— Я полюбил тебя давно, — тихо заговорил он. — Помнишь, Шазина, как часто я бывал у вас? Я сходил с ума от страсти к тебе, я ревновал и страдал, видя, как Манча ласкает тебя и ты отвечаешь ему... И пришла пора, когда я понял, что не могу жить без тебя, что, если ты не станешь моей, я сойду с ума. И тогда я понял всю глубину народной поговорки: «Не узнает счастья один, если не умрет другой». И я решил...

Он умолк, страшась своих слов.

— Ты решил? Что? — услышал он Шазину. — Что же дальше?

Долго молчал Шоудыд.

—В ту ночь я сказал неправду, — с трудом выговорил он. — Манча погиб не случайно. Мы действительно поднялись на скалу Багада и, устав, сели отдохнуть на ровной площадке. Манча вытянулся на спине. Я воспользовался...

Шазина вздрогнула. Она убрала свои руки, обнимавшие мужа, и схватилась за голову.

— А над скалой, помню, как сейчас, — продолжал Шоудыд, — летели пушинки... Над скалой и над нами... «Зачем ты убил меня? — спрашивал он, умирая. — Что я сделал тебе

плохого?» — говорил он и смотрел мне в глаза. Я не выдержал его взгляда и отвернулся. «Понимаю, — сказал он, — я догадывался... Значит, я не ошибся... Ты любишь Шазину... Я знал, я это видел... по твоим глазам... когда ты приходил к нам и смотрел на Шазину... Теперь ты убил меня... Ты думаешь, никто никогда не узнает? Нет, пушинки, вот эти пушинки расскажут все обо мне! Преступление, а особенно подлое, никогда не скроешь... И в поговорке сказано: „Если не выдадут люди — выдадут листья". Я умру, но увидишь, — тут последние судороги прошли по его телу, — пушинка выдаст тебя...» Он умер. Я столкнул его в пропасть.

Шоудыд выпрямился и глотнул воздух, точно задыхался. Потом сказал:

— А сейчас мне привиделся сон. Будто мы сидим с тобой в тени большого тополя... И вокруг пушинки... Мы с тобою смотрим и любуемся ими... Вдруг одна пушинка стала расти, подлетела к нам, и из нее выглянуло лицо Манчи. В его больших сверлящих глазах я прочел: «Зачем ты убил меня? Если не люди, то пушинка, пушинка выдаст тебя...» А потом пушинка улетела, стала маленькой, смешалась с другими. Я смотрел ей вслед, но не мог отличить ее от других и все звал: «Пушинка, пушинка!...»

Не поднимая головы, безмолвно сидела Шазина.

— Я ведь это сделал из любви к тебе... Страсть помрачила мой разум. Только так я мог добиться твоего сердца. Ты простишь мне, Шазина? — в отчаянии молил Шоудыд. Он протянул к ней руки, пытаясь обнять.

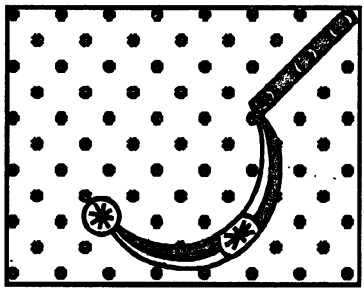
Но Шазина оттолкнула его.

— Такую подлость никто не простит! — Она поднялась и пошла в пацху.

Шоудыд откинулся на подушки.

— Встань! — крикнула Шазина, тотчас показываясь на пороге с ружьем. — Получай, что заслужил! Мщу за Манчу!

Перевод С. Трегуба

Фазиль Искандер

ПАСТУХ МАХАЗ

У него было семь дочерей и ни одного сына. А он очень хотел иметь сына, которому можно было бы оставить хозяйство и скот, который бы стал его, пастуха Махаза, продолжением в будущей жизни, когда Махаза уже на этом свете не будет.

После каждой дочери он ждал сына, старался зачать сына, но у него рождались только дочери, и после четвертой он в глубине души перестал верить, что у него может родиться сын, и с вялым любопытством ждал, чем окончатся очередные роды жены, хотя и теперь помимо его разума и воли в сознании теплилась надежда: а вдруг повезет?

Но не было случайного везения. Семь раз одна за другой шли дочери, семь богатырских дочерей родила ему неутомимая жена Маша, из которых старшая была уже замужем за сыном мельника, а младшие еще только ковыляли по двору.

После седьмой девочки он смирился с тем, что у него не будет сына. Видно, там, наверху, тот, кто решает, каким должен быть урожай кукурузы в этом году, чью именно корову медведь должен выбрать в стаде и зарезать, каким краем села должна пройти туча, наполненная гибельным градом, как мешок камнями, и когда именно должен прорваться этот мешок, словом, тот, кто решает все это, отметил там у себя, в небесной книжице, что надо пастуху Махазу не давать зачать мальчика, и приставил следить за этим одного из своих ангелов-слуг.

И хотя чегемцы не раз объясняли ему свою теорию чадотворящих форм, то есть, что бывают такие женщины, которые носят в себе две чадотворящие формы, формы мальчика и девочки, а

есть такие, внутри которых только одна чадотворящая форма, вот она и лепит себе только мальчиков или только девочек, он, пастух Махаз, считал все это глупым предрассудком. Когда разговор заходил на эту тему, он всегда насмешливо улыбался и кивал на небо:

— Все в его руках... Если он захочет, женщина и медвежонка родит...

Был Махаз человеком мирным и молчаливым, жил в основном на колхозной ферме, вдали от людей. Дома бывал мало, за целое лето, бывало, спустится раз или два с альпийских лугов, чтобы помыться как следует да сменить белье, да сделать по хозяйству кое-что, и — снова в горы.

Весной и осенью бывал чаще. Весной вспахивал и засеивал приусадебный участок, а осенью собирал урожай кукурузы и винограда, готовил вино; его, в основном, распивали многочисленные гости его жены, которых он терпеть не мог, но вынужден был примириться с ними ввиду неукротимого жизнелюбия и гостелюбия жены.

Если его обижал кто-нибудь из колхозного начальства или соседей, Махаз никогда не находил, что ответить на обиду сразу, и угрюмо замыкался, а обида, бывало, через много дней вырывалась иногда в совершенно неожиданном месте.

Так, однажды на альпийских лугах, когда одна коза забралась на слишком отвесную скалу, откуда могла сорваться и погибнуть, он не только не поленился вскарабкаться на эту скалу, но, поймав ее за одну ногу одной рукой, другой избил вырывающуюся и ничего не понимающую козу, что было опасно не только для жизни козы, но и для его собственной жизни.

Эта экзекуция была ответом на приказ правления колхоза взыскивать с пастухов стоимость скота, погибшего от стихийных сил. Приказ этот был вызван тем, что слишком много скота погибало на летних пастбищах. Летом на альпийских лугах, вдали от всякого начальства, пастухи нередко резали скот для себя, списывая его потом на стихийные бедствия. Так что приказ этот был справедлив по отношению к тем пастухам, которые злоупотребляли доверием, но был несправедлив по отношению к Махазу, который никогда такими делами не занимался. Таким образом, избивая козу, пасущуюся на слишком рискованном месте, он отводил душу, даже как бы вступал в полемику с правлением колхоза.

Четыре года тому назад жена его отправила в город старшую,

после вышедшей замуж, дочку Маяну, чтобы она там окончила абхазскую десятилетнюю школу. В Чегеме была только семилетка.

И хотя сам Махаз был против этой поездки (он считал, что семилетней учебы вполне достаточно для девушки), ему пришлось уступить настояниям жены. Могучую девушку снарядили, как могли, дали ей в руки красный фанерный чемодан, с которым тетя Маша сама когда-то перебралась в Чегем, и отправили в город.

Хотя в городе жила сестра Махаза, девушку поместили у дальнего родственника тети Маши, работавшего в магазине и готового вот-вот лопнуть от полноты достатка. Так говорила о нем тетя Маша.

Кстати, в городе был интернат для таких вот молодых людей из дальних сел, но Маша считала, что отдавать девушку в интернат в городе, где родственник лопается от достатка, было бы смертельным оскорблением не только ему, но и всем родственникам тети Маши.

Между прочим, родственник этот никогда Маяну в глаза не видел и как-нибудь пережил бы ее самостоятельное пребывание в Мухусе. Тем не менее этот маленький красавчик, умевший ловко обделывать свои дела, весело и охотно принял у себя в доме свою многоюродную племянницу.

Он почти сразу стал за ней ухаживать, нагло выдавая свои знаки внимания за внезапно вспыхнувшие родственные чувства. Эта могучая девушка с гор ему понравилась. К несчастью, он тоже понравился Маяне, хотя она этого не осознавала.

Она давно себе вымечтала образ богатырского мужчины, который ей когда-нибудь встретится и которого она полюбит на всю жизнь. Так что ухаживания «хохотуна-кукленка», как Маяна его называла про себя, она не принимала всерьез.

Однажды в городе она встретила целую дюжину богатырского роста молодых людей. Сердце ее замерло в груди: показалось, что она встретила представителей племени ее будущего жениха. Даже подумалось, что будущий ее жених может оказаться одним из этих парней. Замирая от волнения, она пошла за ними, стараясь идти незаметно, и вскоре они пришли на городскую баскетбольную площадку. Увидев, что они, как дети, отнимают друг у друга мяч, и поняв, что они не могут представлять единое племя богатырей, она разочаровалась в них и ушла домой.

Жена Шалико, так звали родственника Маяны, довольно часто уезжала в село к своим близким: то на свадьбу, то на похороны,

то навещать больных. В таких случаях она просила Маяну присматривать за детьми, что Маяна делала умело и охотно, потому что в доме у себя была приучена нянчиться со своими младшими сестренками.

Маяна добросовестно кормила и укладывала детей, — их было двое, — снисходительно отмахиваясь от своего маленького дяди, приставшего к ней.

— Ну до чего ж ты мал, — говаривала она иногда, откладывая тетрадь или книгу, чтобы взглянуть на него, вертевшегося рядом, норовя поцеловать ее или приобнять.

— У маленькой кукурузы початок большой, — говорил он ей весело.

— Не всегда, — уточняла Маяна, подумав и совершенно не понимая его темных острот.

В этом месте он почему-то начинал хохотать, и Маяна, смущаясь, чувствовала, что ей приятно ее собственное смущение.

— Смотри! — грозила она ему кулаком. — Если покусишься, черепушку проломаю...

В знак полного признания своей слабости в ответ на ее слова он, как в кино, подымал вверх руки. «Бедняга», — думала о нем Маяна, чувствуя своё нешуточное превосходство над ним в физической силе.

Но то, что должно было случиться, случилось. В ту ночь, пользуясь отсутствием жены, уехавшей на сороковины умершего родственника, он полез к Маяне в постель. Сначала Маяна легко отбивалась от него, приговаривая:

— Ну до чего же хитрый!... Господи, какой хитрец... Вы посмотрите, чего надумал этот бесенок...

«Да я его в случае чего одной рукой придушу», — думала она. И в то же время этой же рукой с силой прижимала его к себе, тем самым, как ей казалось, показывая ему, как она будет его душить в случае надобности.

Бедняга Маяна не знала, что с природою шутки плохи, да она сама была частью этой природы, и что тут удивительного, если она этого не понимала.

Через час, расплатившись за ее невинность клоком волос, вырванным из его головы, недодушенный родственник ушел к себе в комнату. Маяна поплакала, поплакала и покорилась своей новой судьбе.

Жена Шалико продолжала время от времени навещать своих родственников...

Через четыре месяца бедная Маяна, бросив школу, внезапно возвратилась домой, неся в руке свой красный фанерный чемодан, а в животе плод этого ужасного хитреца.

Тете Маше кое-как удалось замять эту историю, и бедняга Маяна, выплакав все глаза, поняла, что теперь на богатыря нечего рассчитывать. Через год по настоянию матери она вышла замуж за довольно старого человека, жившего в соседнем селе. Маша называла его не старым, а почтенным человеком.

Почтенному человеку было под семьдесят лет, и по слухам, которые распространяли чегемцы, ссылаясь на верные источники, Маяна в первую же брачную ночь сломала своему почтенному мужу два ребра, которые до конца жизни так и не срослись.

Но опять же, если верить чегемским слухам, старик оказался на высоте, потому что будучи человеком со сломанными ребрами, успел зачать, по крайней мере, еще двух детей, если только первого ребенка, как предполагали чегемцы, он успел зачать до того, как треснули его ребра. Всего же у него родилось три ребенка, причем, что опять же отмечалось чегемцами, первой родилась девочка, а двое других оказались мальчиками.

Отголоски этих слухов доходили до отца Маяны. Он прислушивался к ним и, сопоставляя с явью, решил, что там, наверху, старика наградили мальчиками за проявленное мужество. Все же нелегко в его возрасте, да еще со сломанными ребрами, взнуздать такую могучую девушку, как его Маяна.

Тетя Маша думала, что муж ее ничего не знает о том, что случилось с Маяной. Во всяком случае до поры так думала. До той поры, когда однажды, сидя перед костром в мокрой одежде, весь в клубах пара, он вдруг пробормотал то, о чем не переставая думал многие дни и многие ночи:

— На старичишке решила зло сорвать... Ты бы в городе кой-кому ребра пересчитала...

Тетя Маша, тяжело вздохнув, промолчала, и больше к этому ни прямо, ни намеками они не возвращались.

Кстати, когда Маяна выходила замуж, городской родственник тайно через людей передал подарок для Маяны: новые туфли, драповый отрез на пальто и тысячу рублей денег.

Подарок, что ни говори, был богатый, и Маша втайне от мужа, что сделать было легко, переправила его дочери. Маяна не приняла ничего, велев передать матери, что туфли ей и так малы, а подарок она все равно брать не будет.

Прошло три года, в течение которых Маяна благополучно

рожала своих детишек, а чегемцы поутихли, во всяком случае перестали гадать о состоянии ребер ее старого мужа.

К этому времени у тети Маши созрел план: послать в Мухус на бухгалтерские курсы следующую за Маяной дочку, Хикур. Сам председатель колхоза надоумил ее, сказав, что он выхлопотал в райкоме местечко на этих курсах, чтобы послать туда кого-нибудь из чегемцев.

Когда слухи об этом дошли до колхозной фермы, Махаз, никому ничего не сказав, покинул ферму, спустился по верхнечегемской дороге, обогнул свой дом, спустился в котловину Сабида и, подойдя к молельному ореху, дал клятву выпить кровь того, который в городе или в любом другом месте покусится на его дочь Хикур.

Дав клятву, Махаз успокоился и по дороге на ферму заглянул домой. Он не только успокоился, он просто не мог унять тайного ликования, охватившего его душу. Когда жена выложила ему свои соображения по поводу Хикур, он ей ответил:

— Хоть к дьяволу в пекло посылай! Я сейчас был у молельного ореха и дал клятву выпить кровь того, кто покусится на мою дочь...

— Авось не покусится, — ответила тетя Маша. — Да и жить она будет в общежитии, хотя этот наш злодей так и лопается от достатка...

Так и уехала следующая дочка тети Маши, еще более могучая и цветущая девушка Хикур. Она поступила на бухгалтерские курсы, хорошо училась, жила в общежитии, но сердце юной горянки (о чем никто не подозревал) пылало яростной жаждой возмездия. Она была еще девочкой, когда ее обжег слух о том, что случилось с Маяной. Ни разу никому из взрослых не показав, что она знает о случившемся, Хикур страдала и вынашивала мысль о справедливой мести.

Бедняга Маяна была слишком доброй и доверчивой, а этот негодяй ее обманул. О, если бы Хикур была на ее месте, она бы показала ему! Она бы свернула ему голову, как цыпленку!

Хикур хорошо училась на курсах и в свободное время гуляла по городу, надеясь наконец встретиться с совратителем своей сестры и как-нибудь отомстить ему.

Внешность его она запомнила еще с тех пор, как Маяна училась в городе. Тогда она приезжала с отцом на базар продавать грецкие орехи. Они два дня пробыли в городе и несколько раз видели своего веселого родственничка.

Она ожидала, что, приехав учиться в город, где-нибудь обязательно встретится с негодяем. Но вот прошло уже несколько месяцев, а он ей нигде не попадался. Было так удивительно, что Шалико ей нигде не попадается. Она ждала этой встречи, чтобы отомстить ему, хотя сама ясно не могла представить, как именно она будет мстить.

Первым делом надо было его как-нибудь повстречать. Хикур стала прохаживаться по улице, где он работал. Однажды он прошел мимо нее с каким-то товарищем. Он не заметил или не узнал ее. Это еще больше подзадорило девушку, и она стала чаще прохаживаться по этой улице. Однажды, когда Шалико шел ей навстречу, поигрывая связкой ключей от магазина, они столкнулись, и он ее узнал.

— Послушай, да не сестричка ли ты Маяны? — спросил он удивленно и ничуть, как она заметила, не смущаясь.

— Вроде бы, — ответила Хикур, как ей казалось, язвительно.

— Ну и растете же вы, — сказал он, с удовольствием оглядывая ее обильную цветущую плоть.

— Кто вверх растет, а кто в землю, — отвечала она, намекая на его коварство.

— Да ты, я вижу, бойкая! — сказал он, продолжая оглядывать Хикур.

— Уж не Маяна, — отвечала она с грозным намеком, но он сделал вид, что ничего не понял.

— И Маяна была хороша, — возразил он примирительно. — Слава богу, вышла замуж... Как отец?

— Дал клятву перед молельным деревом, — сурово ответила Хикур, — выпить кровь того, кто покусится на меня...

Она почувствовала, что в городе, где бегают машины и громоздятся большие дома, клятва отца звучит неубедительно.

— Да кто ж тебя такую тронет! — радостно воскликнул он. — Да ты же сама, небось, кого хочешь убьешь!

— Пусть только покусится, — отвечала Хикур важно, и он расмеялся.

Он пригласил ее заходить, и через несколько дней она пришла к ним в дом. Хикур решила, что это нужно для ее будущей мести. Жена Шалико очень обрадовалась ей и, вспоминая Маяну, все удивлялась ее внезапному отъезду, из чего Хикур заключила, что она ничего не знает о случившемся с сестрой. «До чего же хитер», — думала Хикур, глядя на своего родственничка, весело мельтешившего перед ней.

Она стала приходить к ним в дом. Хикур решила подпустить его поближе и, когда станет ясно, что он покушается на ее невинность, убить или, еще лучше, навеки изуродовать. Теперь жена Шалико сама, уезжая куда-нибудь, приглашала Хикур присмотреть за детьми, и та приходила и оставалась ночевать, ни на мгновение не забывая о своем замысле.

Хикур кормила, укладывала детей спать (теперь их было трое), и все думала о предстоящей мести, и все не могла выбрать способ — самый внушительный и беспощадный.

Она еще не могла решить, на какой именно стадии ухаживания может с полным правом проломить ему череп, задушить или навеки изуродовать. Дальше поцелуев он пока не шел, а Хикур считала, что этого вроде недостаточно, чтобы задушить человека или, скажем, проломить ему спину, чтобы он сделался горбуном. По ночам, обдумывая этот способ мести, она язвительно улыбалась, представляя, как он, и без того маленький а теперь сгорбившись, едва торчит над прилавком своего магазина.

А Шалико между тем ждал, когда Хикур привыкнет к его поцелуям и ласки его вызовут в ней ответную вспышку чувственности.

Никаких укоров совести по поводу судьбы Маяны он не испытывал. Он решил, что все кончилось благополучно. Он хорошо одарил Маяну, а то, что она вышла замуж за старого человека, так это их дело. Мало ли в деревнях выходят замуж за стариков?

Наконец наступила ночь, когда они снова остались в доме одни, и каждый про себя решил, что этой ночью все случится. Уложив его детей, Хикур не стала засиживаться за учебниками, а отправилась спать, чутко прислушиваясь к тому, что происходит в доме.

Шалико долго не приходил, и она решила: ждет, чтобы дети крепче уснули. Или ждет, чтобы она уснула? Ну нет, этого не дождется! Примерно через час он погасил свет и, разувшись, тихонько вошел в ее комнату. Хикур лежала не шевелясь.

Она вдруг почувствовала, что боится его нерешительности. Он стоял у дверей и смотрел на кровать, где, замерев, лежала Хикур, боясь, что он испугается и уйдет.

Она чувствовала в себе силы и способность выполнить то, что задумала, если что-нибудь услышит. Теперь Хикур окончательно утвердилась в мысли, что задушит проклятого совратителя, зажав подушкой ему лицо.

Он тихонько подошел к кровати и присел рядом. «Я прижму

его подушкой, — думала Хикур, тихо ликуя. — Я буду давить его этой подушкой, пока он не перестанет барахтаться».

Он уже наклонился над ней и стал осторожно целовать, а она все продолжала делать вид, что спит, чтобы не вспугнуть его, и Шалико становился все смелее и смелее. Она, дожидаясь мгновения, когда нужно будет кинуться на него и прихлопнуть подушкой, вся замерла, но на миг, прислушавшись к его ласке, что-то упустила и уже не могла поймать то, что упустила, не могла решиться, не могла ничего, потому что сладостная слабость обволокла ее тело и душу.

Ее девичество не обошлось Шалико и клоком волос, когда-то вырванных из его головы Маяной. Он тут же уснул, а Хикур плакала, плакала, уткнувшись головой в подушку, которой собиралась душить совратителя сестры. А он спал, приоткрыв рот, и Хикур могла сделать с ним все, что хотела, но она понимала, что сейчас это ни к чему, что это глупо и поздно и... жалко его. Так Хикур не удалось отомстить за свою сестру.

Время шло, и жена Шалико продолжала ездить навещать своих деревенских родственников...

Примерно через три месяца после той роковой ночи Махаз пахал на своем приусадебном участке. Близился полдень, и пахарь уже настораживал слух в сторону дома, ожидая, что вот-вот жена должна позвать его на обед, да и быкам пора передохнуть.

На мгновение приподняв голову, чтобы утереть пот с лица, он вдруг увидел, что по дороге к дому вдоль плетня приусадебного участка идет дочь его Хикур с проклятущим красным чемоданом в руке. «Чего это она вдруг приехала?» — подумал Махаз, чувствуя, что случилось что-то недоброе. Лицо девушки было сумрачно и ничего хорошего не предвещало.

— Ты чего? — крикнул он ей, когда она по ту сторону плетня поравнялась с ним.

Девушка сумрачно посмотрела на отца и, ничего не говоря, пошла дальше. На ней было драповое пальто из отреза, присланного когда-то для Маяны. Да и сама она сейчас точь-в-точь была похожа на Маяну, когда та приехала из города с этим же чемоданом в руке. Пораженный догадкой, Махаз несколько минут простоял неподвижно.

— Да на вас стариков не напасешься! — крикнул он в сторону исчезнувшей дочери и погнал быков. — Ор! Хи! Волчья доля!

Махаз решил не жалеть быков и допахать участок. Он знал, что пришел его час. Допахав участок, он загнал быков во двор и вошел в кухню, где заплаканная его дочь сидела у огня рядом с матерью. Когда он вошел, дочь замолкла.

— Полей отцу, — сказала мать и стала накрывать на стол. Из горницы прибежали остальные дети и уселись за стол — мал мала меньше. Махаз сел во главе стола. На первое ели горячую мамалыгу с фасолью и квашеной капустой, на второе — кислое молоко. Махаз сейчас ничего не испытывал, кроме безотчетного раздражения на красный чемодан, стоявший перед глазами по ту сторону огня. Ему казалось, что все несчастья его жизни связаны с этим красным чемоданом.

— Одному удивляюсь, — сказал он, кивком показав на чемодан. — С тех пор, как он здесь появился, мы успели постареть, а ему и сносу нет.

Маша молча встала и убрала чемодан в горницу. Поев, Махаз снова вымыл руки и ополоснул рот. Хикур ему поливала. Вымыв руки, взял кружку с водой и пошел за дом, где лежал большой точильный камень. Он вынул из чехла, висевшего у него на поясе, свой длинный пастушеский нож и, полив водой точильный камень, стал точить его лезвие. И когда клинок стал, как бритва, хоть срезай им с руки волосы, он, проведя несколько раз лезвием по своей задубевшей ладони, вложил нож в чехол.

Потом Махаз вошел в горницу, переоделся, натянул на ноги ноговицы, а самодельную обувь из сыромятной кожи сменил на городские ботинки. После этого надел на себя ватник и, похлопав по карманам, убедился, что все на месте. Взгляд Махаза упал на графин с чачей, стоявший на очажном карнизе. Рядом с графином стояло несколько стопок. Одну из них он сунул себе в карман.

Он вошел в кухню, где у огня все еще сидела его жена с дочкой. Увидев его, они опять замолкли.

— Чего уж тут шептаться, девушки-подружки, — сказал он глухо и, обращаясь к Хикур, добавил: — Он?

— А кто ж еще, — отвечала девушка, опустив голову.

— А про клятву мою он знал? — спросил Махаз.

— Сама говорила, — вздохнула Хикур.

— Ишь ты! — удивился Махаз. — Слушай меня, — продолжал он, все еще обращаясь к дочке и показывая, что обращается именно к ней, — отведешь быков в Большой Дом. Если я вдруг не приеду, пусть кто-нибудь из братьев засеет мой участок.

Ближе к вечеру отгонишь коз на ферму. Скажи, мол, уехал по делу, пусть они там кого-нибудь приставят к ним...

Махаз вышел во двор и, не прощаясь ни с кем, зашагал к калитке. На крутом откосе между его двором и верхнечегемской дорогой паслись его колхозные козы. Он даже не взглянул в их сторону.

— Да постой же ты! — крикнула Маша и сделала несколько шагов в сторону мужа. Тот не оглянулся и не убавил шагу.

— Чего-нибудь дурного не натвори, — проговорила она, бессильно останавливаясь посреди двора.

Впервые в жизни она почувствовала, что теперь не имеет над ним прежне власти и вообще никакой власти не имеет. И впервые в жизни почувствовала к нему уважение, которого никогда не испытывала.

— Худшего не натворишь, — отвечал он, не оглядываясь. Пнув ногой калитку, Махаз вышел со двора и пошел тропинкой вдоль плетня, огораживающего приусадебный участок.

В Большом Доме видели, как он проходил мимо, но никто, кроме его старой матери, сидевшей на веранде, не обратил на это внимания. Она попросила домашних окликнуть его, узнать, куда это он заторопился, но никто не стал его окликать: мало ли куда человек идет!

Хотя старая мать видела хуже всех, она по его решительной, не свойственной ему походке поняла, что он собирается сделать что-то решительное, не свойственное ему. А по опыту своей жизни она знала, что когда мужчина пытается сделать что-то решительное и ему не свойственное, это чаще всего кончается кровью. Ей стало тревожно за сына...

Махаз вышел из Чегема и стал спускаться вниз по крутой тропинке, ведущей к Кодору. Как только он вышел на косогор, в лицо ему ударил шум реки. Далеко внизу всеми своими рукавами мутно блестела дельта Кодора.

Окинув взглядом открывшуюся долину с дельтой реки, бегущей к морю, Махаз вздохнул, словно впервые почувствовал власть своей роковой обязанности и одновременно конец вольной жизни, именно сейчас открывшейся ему в прощальной красоте распахнутого перед ним пространства.

Он быстро спускался легким пастушеским шагом, и мелкие камушки осыпи катились вслед за ним сухим ручейком и ударяли по ногам, словно подгоняя его вперед.

Крутая тропинка напомнила ему то, о чем он в сущности

никогда не забывал, вернее то, что всегда было при нем, даже если он об этом не думал.

Лет двадцать пять назад, когда Махаз работал проводником в геологической партии, начальник партии однажды послал его в Кенгурийск: встречать его жену, ехавшую к нему из Ленинграда.

В то далекое раннее утро он стоял на пристани среди встречающих пароход, придерживая за уздечки двух оседланных лошадей. Жена начальника его сразу узнала и, прямо от трапа, замахав рукой, подбежала к нему. Видно, муж ее предупредил, что встречать ее будет человек с лошадьми.

Когда она подбежала к нему, поражая его белизной лица и ослепительной улыбкой, он так растерялся, что хотел вскочить на лошадь и ускакать, но сдержался и, только скинув войлочную шапку, долго и неловко тряс протянутую ему руку.

Потом они оба засмеялись над его растерянностью, и ему стало легко-легко. Он помог ей взобраться на лошадь, и она вскочила в седло, усаживаясь в нем по-мужски. Юбка на ее ноге с той стороны, с которой он ее подсаживал, слегка задралась, обнажив круглое и нежное, как щека ребенка, колено. Голова у него закружилась, и он, припав к этому прохладному колену, поцеловал его.

— Ах ты, дурачок! — сказала она и рукой отстранила его голову от своего колена. Но, прикоснувшись ладонью к его голове, чтобы оттолкнуть ее, она легким движением ладони на самое малое мгновенье приласкала ее, и он, вскочив на лошадь, ударил ее плетью и поднял на дыбы...

Ему было двадцать пять лет, и он впервые в жизни поцеловал женщину.

Три года с перерывами на зимние месяцы он служил проводником при ее муже, кое-как научился говорить по-русски, и каждый раз видеть ее было для него праздником. Он никогда не пытался чего-нибудь добиваться от нее, потому что она была женой другого человека, да еще такого замечательного человека, как ее муж.

Да, человек этот поразил Махаза тем, что был совсем не похож на многих городских людей, и в особенности на тех городских людей, которые недавно ушли из деревни и, став городскими, быстро, удивительно быстро отвыкали от физической работы, от преодоления всего того, что приходится преодолевать человеку, проводящему свою жизнь под открытым небом.

Раньше, до встречи с этим человеком Махаз считал, что

каждый ученый, начиная с тех, которые только умеют читать буквы и цифры, отходит от физической работы ровно настолько, насколько он учен. Да они и делаются учеными, считал он, начиная от всяких там писарей, именно для того, чтобы отойти от физической работы и от жизни под открытым небом.

А этот был совсем другой ученый человек. Он мог провести в седле семь-восемь часов, мог гнать коня через горный поток, развести огонь в самую мокрую погоду и спать, укрывшись буркой или русским способом — влезши в мешок для спанья.

Глядя на этого человека, Махаз убедился, что не все так просто и ученость не обязательно вызывается желанием уйти от физической работы, а может быть следствием и лучших стремлений. И за это он испытывал к нему высокое уважение и, сам того не зная, любил его жену самой чистой, самой романтической любовью.

Через три года они закончили свои работы в окрестных Чегему горах и уехали в Ткварчели, где была их основная база. Почти за год до их отъезда он стал думать, чего бы подарить жене начальника, чтобы она вместе с мужем долго помнила его. Именно в этот последний год ему в лесу попался очень редкий в наших краях рыжий медведь. Он убил его, высушил его огненную шкуру и подарил им на прощанье.

Потом Махаз время от времени ездил в Ткварчели и навещал их, привозя то бурдюк вина, то грецкие орехи, то копченое мясо, которое она впервые здесь попробовала и очень полюбила.

И когда он от них уезжал, они тоже делали ему всякие подарки. Однажды его высокий кунак даже подарил ему двустволку. И позже, когда он женился на Маше и пошли дети, она дарила им одежду, ткани или городские сласти. Жена Махаза не только не ревновала его к ней, а, наоборот, всячески поощряла его ездить туда. И если они резали дома скотину, говорила: «Отвез бы своим русским родственникам их пай...»

Да, хорошие были люди, дай бог им здоровья, если они еще живы! Со времени ее отъезда прошел год. В первое время она им прислала несколько писем, сообщала, что дома у нее все в порядке, но муж пока не приехал. Потом переписка заглохла, и он так и не узнал, что с ней и жив ли ее муж.

Да, около двадцати пяти лет прошло с того времени, как он ездил встречать жену начальника. Многое изменилось с тех пор. И сам он женился и наплодил девчонок, и старшая дочка вышла замуж по-людски, а две его девочки опозорены сукиным сыном, и он сейчас едет в город смывать с них бесчестье.

Много времени прошло с того дня, а он все так же, как и в первый год, помнит тот светлый день своей жизни. Хорошие дни выпадали и до этого дня и после, но такого счастливого не было никогда.

Махаз спустился в деревню Наа, что приютилась возле Кодора. Он вышел к реке, но паромщика на месте не оказалось. Дом паромщика был расположен ниже по реке, метрах в ста от переправы. Махаз посмотрел в сторону его дома и увидел паромщика, пашущего на своем приусадебном участке. Пастух несколько раз пронзительно свистнул, паромщик, остановив своих быков, обернулся и, подняв руку, показал, что он заметил Махаза.

Покамест он ждал паромщика, подошли двое местных крестьян, переправляющихся на тот берег. Подошел и паромщик, и все влезли на паром. Паромщик багром оттолкнулся от берега, и паром пошел вперед против течения, порывисто дергаясь.

Узнав, что Махаз едет в город, паромщик попросил его привезти ему новый замок. Махаз отвечал, что боится, что дело, по которому он едет в город, может его надолго там задержать.

— Что за дело? — спросил паромщик. Они уже были на середине реки, и шум реки заглушал голоса.

— Дело маленькое, — крикнул ему в ответ Махаз, — да больно хлопотное!

Больше паромщик не стал у него ни о чем спрашивать. Паром ткнулся в противоположный берег, Махаз расплатился с паромщиком и спрыгнул на землю.

Давным-давно, когда сестра его выходила замуж за парня из Мухуса, он, Махаз, ехал в числе сопровождающих невесту. Они подъехали к переправе и убедились, что паром стоит на том берегу, а паромщик неизвестно где пропадает. И тогда Махаз слез с коня, влез на столб, на котором держался стальной трос, перекинутый через речку, и, не обращая внимания на крики сопровождающих, — особенно кричала сестра, — бесстрашно перебирая руками, перебрался через Кодор и, спрыгнув на том берегу на землю, оттолкнул паром и подошел на нем к другому берегу. Целый месяц после этого у него болели ладони, стертые стальным тросом.

Когда Махаз вошел в село Анастасовка, автобус, отправляющийся в Мухус, уже наполнялся пассажирами. Он взял билет, влез в автобус и сел на свое место. Всю дорогу до Мухуса он думал, не зайти ли ему к сестре увидеться с нею, а уже потом браться за свое дело, или же не стоит. В конце концов, он

пришел к мысли, что не стоит растравлять сестру этой ненужной встречей. И так ей предстоит многое пережить, когда он сделает свое дело.

От автобусной остановки в Мухусе он прямо пошел в сторону магазина, где работал Шалико. Магазин стоял на углу, и поэтому Махаз мог издали следить за ним. Он остановился метрах в тридцати от магазина и стал наблюдать за ним. Он увидел несколько раз мелькнувшего за прилавком Шалико — заведующего магазином. Махаз знал, что после закрытия магазина заведующий обычно остается там: то ли подсчитывает выручку, то ли еще какими-нибудь делами занимается.

Он решил встретиться с ним в этом промежутке, когда уйдут продавцы, а он еще будет в магазине. Если же он уйдет вместе с продавцами, Махазу придется сходить к нему домой и там с ним рассчитаться. Это было довольно неприятно, потому что там — жена и дети. Он был уверен, что найдет способ остаться с ним с глазу на глаз, но все равно было неприятно.

У прохожих Махаз узнал, что до закрытия магазина оставалось еще больше часу, но он решил никуда не уходить, а дожидаться закрытия на этом месте. Мало ли что... Вдруг они вздумают закрыть свой магазин раньше времени.

Шалико не мог понять, почему у него весь день какое-то неприятное настроение, хотя дела шли, как никогда, хорошо. Позавчера он получил двадцативедерную бочку меда, которую рано утром открыл вместе со старшим продавцом и, взяв из бочки четыре ведра меду, влил туда столько же воды. После этого они целый час размешивали тяжелое густое месиво, пока вода полностью не растворилась в меде.

И что же? Два дня шла оживленная торговля медом, и покупатель-дурак стоял в очереди и только похваливал мед. И надо же, чтобы именно сегодня, когда мед в большой бочке кончился и он велел продавать чистый мед, те самые четыре ведра, взятые из бочки, именно к этому меду придрался какой-то покупатель, говоря, что мед, видите ли, горчит.

Эта незаслуженная придирка лишний раз подсказывала Шалико, что с покупателя надо драть, только делать это надо умело.

Младший продавец, когда начали продавать мед из запасной бочки, видно, кое о чем догадался. Шалико его не посвятил в эту операцию, чтобы не делиться с ним: молод еще, пусть пои-

шачит. Но, видно, тот кое о чем догадался, потому что весь день ходил надутый, и Шалико думал, что именно это ему портит настроение. Шалико никак не мог решить — заткнуть ему рот парой тридцаток или не стоит унижаться? «Не стоит, — наконец решил он. — Пусть с мое поишачит, а потом будет в долю входить...»

Год тому назад арестовали прежнего заведующего этим магазином, где Шалико работал старшим продавцом. Внезапная ревизия обнаружила в магазине мешок бесфактурного сахара, который тайно через доверенных людей переправлялся к ним с кондитерской фабрики.

Шалико был тогда в торге, и его успел предупредить один человек из торга, что у них вот-вот будет ревизия и он должен об этом сказать своему заведующему. Но Шалико нарочно не спешил в магазин. Когда через час он пришел туда, там уже вовсю шла ревизия, которая этот бесфактурный сахар обнаружила.

На суде заведующий все взял на себя, и остальных продавцов не тронули, самого же Шалико через некоторое время назначили новым завмагом.

Он испытывал некоторые угрызения совести за «проданного» заведующего, но утешал себя тем, что этот заведующий в последнее время так много пил и так неосторожно себя вел, что рано или поздно все равно бы сел сам и мог всех потащить за собой.

За этот год он дважды давал по пятьсот рублей жене бывшего завмага, оставшейся с двумя детьми. Она горячо говорила, что обо всем написала мужу и что тот никогда не забудет о помощи, которую оказал Шалико своему бывшему заведующему.

Так обстояли дела Шалико в тот день, когда пастух караулил его, стоя недалеко от магазина.

Кстати, в этот же день он узнал еще одну приятную новость, которая на некоторое время победила его нехорошие предчувствия. Сегодня, зайдя в торг, он столкнулся с другим заведующим магазином и тот, наклонившись к нему, лукаво шепнул:

— Наш монах раскололся...

— Что ты! — удивился Шалико.

— Точно! — кивнул ему коллега.

Он рассказал, что новый инспектор, который работал у них около двух месяцев и которого все боялись, потому что он не брал взяток, пожаловался их общему знакомому, что его в торге обижают. Выяснилось, что он взяток не брал, потому что боялся

напороться не на тех людей, а ему не давали, боясь, что он из тех, которые не берут взяток. Недоразумение это, оказывается, благополучно разрешилось.

Все шло как надо, и сейчас, после рабочего дня, сидя в помещении склада и пересчитывая дневную выручку, которую собирался сдавать в банк, он подумал: «Вот — вещь, которой можно заткнуть любой рот и любую дыру...»

Он вложил деньги в специальную сумку, но не успел ее запломбировать, когда услышал осторожный скрип отворяющейся двери. Сперва у него мелькнуло в голове, что это кто-то из продавцов, что-то забыв в магазине, вернулся, но потом, увидев незнакомую фигуру в дверях, подумал, что это грабитель, и положил руку на тяжелые пломбировальные щипцы, лежащие на столе, за которым сидел. Незнакомая фигура продолжала стоять в дверях, и через мгновенье, узнав в ней пастуха Махаза, он побледнел.

— Добром вас, — поприветствовал он по-абхазски и встал с места.

— Добром и тебя, — ответил пастух, прикрыв за собой дверь, вошел в помещенье склада и огляделся. Махаз подумал, где бы это удобней было сделать, и, увидев налево от себя железную раковину с водопроводным краном, решил: именно здесь это надо будет сделать.

Шалико, увидев отца Хикур, сразу же вспомнил, что ему весь день портило настроение. Дело в том, что сегодня утром он заходил в общежитие, где жила девушка, и комендантша сказала, что Хикур сегодня рано утором уехала к себе в деревню, прихватив с собой свой красный чемодан. Комендантша сказала все это так сумрачно, словно знала, какие отношения у него с родственницей.

А он так надеялся на сегодняшний вечер: жена уезжала в деревню и сама просила передать Хикур, чтобы та накормила детей и уложила в постель.

Шалико почувствовал, что внезапный отъезд не к добру. И это портило ему с утра настроение. Потом о причине, портившей ему настроение, он забыл, но тяжесть осталась.

Неужели она забеременела и, как сестра ее, ничего не сказав ему, уехала в деревню?! Проклятые дикарки! Ведь здесь, в городе, все это можно обделать так, что будет шито-крыто.

«Ничего! Главное не падать духом, — сказал он себе и подумал: — Хорошо, что не успел запломбировать сумку с деньгами». Своих денег у него в кармане было маловато.

— Садитесь, — почтительно предложил он гостю и, показав на стул по ту сторону стола, про себя подумал: «Дам ему тысячу рублей, и дело с концом...»

Махаз не сел, и это было плохим признаком. Видя, что пастух не садится, Шалико и сам не посмел сесть.

— Так что вас к нам привело? — как можно гостеприимней спросил он, набравшись смелости.

Он лихорадочно подумал: пастух, видно, все знает про Хикур, но знает ли он и про Маяну? Иногда раньше, задумываясь об этом, он решал: наверное, знает, раз цветущую молодую девушку отдали за старика. А иногда думал, что, может, и не знает, ведь он вечно со своими козами, а тетя Маша могла все это проделать без мужа.

— Разве Хикур тебе ничего не говорила? — спросил пастух.

Шалико подумал, что, по мнению отца, девушка должна была поговорить с ним перед отъездом. Но она ни о чем таком с ним никогда не говорила.

— Разве она тебе не говорила, что я дал клятву: если это случится еще раз, я выпью кровь того, кто это сделает?! — спросил Махаз.

«Еще раз! — как эхо повторилось в голове у Шалико. — Значит, он и про Маяну знает!» Он решил отдать пастуху всю дневную выручку. В сумке лежало тысяча восемьсот рублей. Он еще раз с облегчением вспомнил, что еще не запломбировал деньги, словно этот маленький кусок свинца, как пуля, решал, жить ему или не жить.

Шалико слегка отодвинул сумку с деньгами в сторону пришельца, словно осторожно указывая направление развития их дальнейшей беседы. Потом посмотрел на пастуха. Лицо Махаза оставалось непроницаемым.

И вдруг он сразу догадался, что с деньгами здесь ничего не получится. В этом лице нет щели, куда можно было бы просунуть деньги, нет в этих ушах слуха, способного радоваться колдовскому шелесту этих бумажек.

Он все-таки преодолел дурное предчувствие и сказал, взглянув на сумку с деньгами:

— Может, деньги нужны... Мало ли что... По хозяйству...

Пастух обратил внимание на его слова не больше, чем если бы Шалико почесался. Переждав несколько секунд, он снова спросил с терпеливым упорством:

— Разве она тебе не говорила?

Если бы Шалико имел дело с человеком, подобным тем людям, с которыми он обычно имел дело, он стал бы выкручиваться, требовать доказательств и, в конце концов, выкрутился бы. Но он понимал, что перед ним совсем другой человек и здесь эта мелкая ложь может только ухудшить его положение.

— Когда-то говорила, — вздохнул он. — Так ведь я не насильно...

— Если ребенку, скажем, протянуть отравленную конфету, это тоже не насильно. Не правда ли? — спросил Махаз. Было видно, что пастух хорошо обдумал, что говорить.

— Виноват, — сказал Шалико, опуская голову и в самом деле чувствуя вину, и сознательно доигрывал это чувство, потому что по его ощущениям теперь только такой путь мог отвести от него кару этого дикаря.

— Ха! — хмыкнул пастух и, не глядя, потянулся рукой за ножом, вытащил его из чехла и ткнул острием в сторону неба. — Это ты Ему скажешь...

— Как? — спросил Шалико, цепенея и не веря своим глазам. — Ты хочешь взять мою кровь?!

— Не взять, а выпить поклялся я, — поправил его пастух, ссылаясь на клятву, как на документ, который никак нельзя перетолковывать.

Сейчас он смотрел на Шалико без всякой вражды, и это сильнее всего ужаснуло Шалико. Так крестьянин без всякой вражды смотрит на овцу, предназначенную для заклания.

Шалико почувствовал, что внутри у него все немеет от страха, хотя он не был трусом. Мускулы отказывались подчиняться. Он скосил глаза на тяжелые щипцы для пломбирования, подумал, что можно было бы их кинуть в него или ударить его ими, но это была вялая, пустотелая мысль: он знал, что сейчас не способен сопротивляться.

В десяти шагах от места, где они сейчас стояли, проходила улица, и было слышно, как вверх и вниз по этой улице пробегают машины. И каждое мгновенье, когда слышался звук приближающейся машины, душа Шалико замирала со смутной надеждой, словно машина должна была остановиться перед его магазином, словно оттуда должны были выйти люди и спасти его от этого страшного человека.

Но каждый раз машина пробегала мимо, и душа его с беззвучным криком отчаянья кидалась за ней, отставала, возвращалась сюда, чтобы снова прислушиваться к голосам людей,

проходящих мимо магазина по тротуару, к шуму новых приближающихся машин.

Странно, что на людей, проходящих мимо магазина, он почти не возлагал никаких надежд, а возлагал надежды на машину, которая вдруг остановится возле магазина, и тогда случится что-то такое, отчего этот пастух не посмеет его тронуть. С мистической бессознательностью надежда его тянулась к машине, к технике, то есть к тому, что дальше всего стоит от этого пастуха и самим своим существованием уничтожает его древние верования, его дикие понятия и предрассудки.

Мгновеньями ему хотелось изо всех сил крикнуть, забросать пастуха бутылками из ящиков, стоящих позади него, но какой-то мелкий здравый смысл подсказывал ему, что если он начнет шуметь, то раньше погибнет. Все-таки у него еще теплилась надежда, что пастух его пугает, но убивать не будет.

— Выйди из-за стола, — сказал пастух.

— Зачем? — спросил Шалико, едва ворочая во рту одеревеневшим языком.

— Так надо, — сказал пастух и, чувствуя, что парень этот стал плохо соображать, подошел к нему и, слегка подталкивая его, подвел к раковине. «Не может быть, не может быть, — думал Шалико, — вот сейчас даст мне по шее и отпустит...»

— Нагнись, — приказал пастух, и Шалико покорно согнулся над раковиной, словно собирался мыть голову.

В то же мгновенье он почувствовал, что пастух налег на него сзади всем своим телом и с такой силой надавил, что ему показалось — вот-вот край раковины врежется в живот. Он чувствовал неимоверную боль в животе, продавленном краем раковины. Но из этой боли в сознание выпрыгивала радостная мысль, что раз пастух делает ему так больно, он его убивать не будет. И когда пастух, схватив его за чуб, со страшной силой откинул его голову назад и еще сильнее придавил его тело, снова из боли выпрыгнула радостная догадка, что раз он ему делает так больно, он его не будет убивать.

В первое мгновенье, когда Махаз полоснул его ножом по горлу, он не почувствовал боли, потому что та боль, которую он испытывал, была сильней. Он только успел удивиться, что вода в кране булькает и хлещет, хотя пастух вроде крана не открывал. Больше он ничего не чувствовал, хотя тело его еще несколько минут продолжало жить.

Махаз изо всей силы прижимал его к раковине, потому что

знал: всякая живая тварь, как бы ни оцепенела от страха перед смертью, в последний миг делает невероятные усилия, чтобы выскочить из нее. В эти мгновения даже козленок находит в себе такие силы, что и взрослый мужчина должен напрячь все свои мышцы, чтобы удерживать его.

Когда кровь, хлеставшая из перерезанного горла, почти перестала идти, он бросил нож в раковину и осторожно, чтобы не запачкать карман, полез в него и достал из него стопку. Продолжая левой рукой придерживать труп Шалико за волосы, он подставил стопку под струйку крови, как под соломинку самогонного аппарата.

Набрав с полстопки, он поднес ее к губам, и, отдунув соринки, попавшие туда из кармана, где лежала стопка, осторожно вытянул пару глотков. Он поставил стопку в раковину и, дождавшись, когда кровь совсем перестала идти из горла, осторожно переложил труп на пол.

Он вернулся к раковине и пустил сильную струю воды, и раковина заполнилась розовой, пенящейся смесью крови и воды, и постепенно в этой смеси воды становилось все больше и больше, она светлела и, наконец, сделалась совершенно прозрачной, и стопка сверкала промытым стеклом, и нож был чист — без единого пятнышка.

Он закрыл воду, вложил нож в чехол, а стопку бросил в карман. Он оглядел помещенье склада и увидел висевший на стене старый плащ. Он снял его со стены и укрыл мертвеца плащом. Он заметил, что плащ на Шалико велик, значит, не его, подумал он, кого-нибудь из работников магазина. На самом деле этот плащ принадлежал бывшему заведующему. Он его здесь забыл, когда прямо после ревизии под стражей выходил из магазина.

Прикрывая его плащом, Махаз замешкался, залюбовавшись его лицом, сейчас спокойным, красивым, собственной кровью очищенным от скверны собственной жизни.

Он подумал, что если бы все было по-человечески, не отказался бы от такого зятя, несмотря на его малый рост. Да, не отказался бы, даже счел бы за честь. Но теперь об этом не стоило думать.

Он огляделся в поисках замка и нашел его висящим на стене возле дверей. Он еще раз огляделся, обшарил глазами стол, но нигде не увидел ключа от замка. Он подумал, что ключ может быть в кармане Шалико. Но ему не хотелось шарить по карманам мертвеца. В этом, по его разумению, было что-то нечистоплотное.

Взяв в руки замок, он вышел из магазина, прикрыл дверь и, навесив на нее замок, так повернул его, чтобы снаружи казалось, что он заперт.

Он вышел на улицу и огляделся. С наружной стороны магазина двое бродяжьего вида людей, разложив на прилавке нехитрую снедь, пили водку, закусывая копченой ставридкой и хлебом. Судя по всему, они никуда не торопились.

Ему не понравилось, что здесь, у незакрытого магазина, он оставляет двух подозрительных людей. Они могли зайти в магазин и обворовать его. Кроме того, он подумал, что они могут осквернить труп, роясь в его карманах и как попало передвигая его. Пожалуй, это его беспокоило больше, чем возможность ограбления магазина.

Он заспешил поскорее отдаться в руки властям, чтобы они приехали сюда и, запечатав магазин, отвезли труп родственника.

Милиционера нигде не было видно, но он знал, что в городе полным-полно милиционеров. Но ему сейчас почему-то не попадался ни один. Он вспомнил, что видел милиционера у входа в городской ботанический сад.

Махаз поспешил туда. Он чувствовал, что с каждым шагом в ногах у него прибавляется легкости, а голова начинает звенеть, как будто он хватил стопку первача. «Неужто от человеческой крови можно опьянеть? — подумал он. — Нет, — поправил он себя, — это сказывается, что я выполнил свой долг, и Господь облегчил мне душу. Ему тоже, — подумал он, — теперь Господь отпустил грехи, и душа его, может быть, спешит в родную деревню, чувствуя, что она очистилась. В таком случае душа его скоро будет на месте...» Шалико родом из Эшер, совсем близко от города.

Завернув за угол, Махаз увидел идущего ему навстречу милиционера. По обличью он понял, что милиционер русский. Ему бы больше всего подошел абхазский милиционер или, если уж абхазского нет, то мегрельский. Но выбирать не приходилось, и он напряг голову, чтобы она правильно подносила к языку русские слова.

Легкой и, как показалось милиционеру, гарцующей походкой Махаз подошел к нему.

— Моя резала амагазин ахозяин, — сообщил он.

Милиционер решил, что к нему подошел подвыпивший крестьянин. Он кончил дежурство и шел домой и ему совершенно неохота была с ним связываться.

— Езжай домой, — сурово ответил милиционер и пошел дальше. Махаз остановился, удивленный равнодушием милиционера. Он постоял немного и снова догнал его.

— Моя резала амагазин ахозяин! — крикнул он ему требовательно.

— Будешь буянить — арестую! — вразумительно сказал милиционер и помахал пальцем возле его носа.

— Да, да, арестуй! — радостно подтвердил пастух. Это важное слово он никак не мог вспомнить, а тут милиционер сам его подсказал.

— Ты убил человека? — спросил милиционер заинтересованно.

— Убил, — сокрушенно подтвердил пастух. Он это сказал сокрушенно не потому, что чувствовал раскаянье, а потому, что хотел показать милиционеру, что правильно понимает печальное значение этого слова. — Горло резал: хрр, хрр, — так же сокрушенно добавил он, — амагазин ахозяин...

— За что? — спросил милиционер, начиная что-то понимать и замечая кончик чехла от ножа, торчавший у пастуха сбоку из-под ватника.

— Плохой дело делал, — старательно разъяснил Махаз, — моя клятва давал: кто плохой дело делает — моя кровь пьет. Моя пил кровь амагазин ахозяин...

Махаз вынул стопку из кармана и показал милиционеру, чтобы тот окончательно убедился в правдивости его слов. Но милиционер, почти поверивший ему, увидев стопку, снова усомнился в его трезвости.

— Езжай домой, — сказал он ему, — садись в автобус и езжай...

— Езжай нельзя! — крикнул раздраженный пастух. Он столько усилий употребил, чтобы донести до сознания милиционера суть своего дела, и вот теперь оказывается, что они возвратились к тому, с чего он начинал. — Чада! Чада! (Осел! Осел!) — добавил он по-абхазски для облегчения души и снова перешел на русский. — Моя резала амагазин ахозяин. Клянусь Господом, этот осел заставит меня совершить преступление, — добавил он по-абхазски, страшно утомленный непонятливостью милиционера.

Он подумал, что сказанное милиционеру было сказано с такой предельной ясностью, что не понять было невозможно. До чего же неясен русский язык, подумал он, абхазец понял бы его с полуслова.

— Ладно, пошли, — сказал милиционер и повернул назад,

в сторону городской милиции. Легким шагом ступал рядом с ним пастух. «Если он и в самом деле убил человека, — думал милиционер, — меня отметят как проявившего бдительность».

Махаз, почувствовав, что с ним распорядились верно и теперь его арестуют, стал проявлять беспокойство по поводу тела убитого.

— Амагазин ахозяин мертвая, — сказал он после некоторой паузы.

— Ты убил? — спросил у него милиционер.

— Моя убил, — подтвердил Махаз как бы мимоходом, чтобы милиционер не останавливал внимания на этом выясненном вопросе. — Мертвая ночью крыс кушайт — нехорошо. Людям стыдно — нехорошо. Скажи домой: возьми мертвая амагазин ахозяин. Ночь — нельзя: крыс портит...

— Сейчас все выясним, — сказал милиционер. Они уже входили во двор милиции.

Милиционер ввел его в помещение и сдал дежурному лейтенанту, объяснив ему все, что он понял из рассказа пастуха. Дежурный лейтенант вызвал абхазского милиционера, и пастух рассказал ему все как было, объяснив, что он мстит за дочерей. Почему его дочки нуждаются в мести, он не стал объяснять, но милиционер и так догадался, в чем дело.

Через пятнадцать миут милицейская машина подъехала к указанному магазину. Магазин открыли и убедились, что все сказанное пастухом правда. Его обыскали и при обыске отобрали стопку и пояс с пастушеским ножом в чехле.

— Мертвого отправили домой? — спросил Махаз, увидев абхазского милиционера.

— За него не беспокойся, все в порядке, — отвечал абхазский милиционер, чтобы успокоить его. Он не стал ему объяснять, что еще немало формальностей предстоит сделать, прежде чем труп можно будет отдать родственникам.

Милиционер, приведший сюда пастуха, убедившись, что он в самом деле совершил преступление, жалел, что сразу не сказал лейтенанту, что он сам задержал преступника. Теперь ему казалось, что вид этого крестьянина ему сразу же показался подозрительным и он хотел его задержать, но тот сам подошел к нему.

Махаза ввели в камеру предварительного заключения и закрыли за ним дверь. Он сразу же улегся на нары, прикрыв лицо своей войлочной шапкой, стал думать.

«Вот я наконец и исполнил свой долг, — думал пастух, —

освободил свою душу, отомстив за обеих дочерей». Он подумал, что теперь, исполнив свой самый высший мужской долг, он доказал, что имеет право на сына. Жаль, что теперь жены долго не будет под рукой, чтобы проверить, насколько он прав. Он подумал, что если его не убьют и он слишком постареет в тюрьме для этих дел, то он сможет иметь сына и через десять, и через пятнадцать лет, смотря сколько ему дадут.

В том, что жена его Маша для этих дел не постареет, он был уверен. Он был уверен, что жена его сама, добровольно, для этих дел никогда не постареет. Но он не беспокоился о ее чести. Он знал, что теперь он так защитил честь своих дочерей и собственную честь, что теперь их ничто не запачкает. Тем более если его убьют. Он знал, что если суд решит, что его надо убить, и его убьют, то для дочерей это будет еще одной водой, которая отмоет их честь на всю жизнь, как бы долго они ни жили.

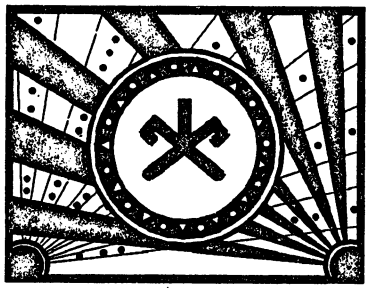
Он заснул, и ему приснилась далекая молодость, Кенгурийский порт, где он дожидался прибытия из Новороссийска большого парохода, держа за поводья двух лошадей.

И было много праздничных людей, махавших платками с пристани, и было множество праздничных людей, махавших платками с медленно приставшего к пристани парохода.

И юная женщина, которую он никогда не видел, подбежала к нему, ослепив его светлым лицом и сияющей улыбкой, и он ее подсаживал на лошадь, и обнажилось колено, круглое и нежное, как щека ребенка, и он, не удержавшись, поцеловал это колено, и женщина сверху, с лошади, потрепав его по волосам, сказала ему самое сладкое, что он слышал от женщины и вообще на этом свете:

— Ах ты, дурачок!

И он был счастлив во сне и во сне же пронзительно печалился, зная, что это сон, а сон рано или поздно должен кончиться...

Алексей Гогуа

ДИКАЯ АЗАЛИЯ

В народе есть поверье, что цветы дикой азалии приносят несчастье.

В тот день они встретились необычайно рано...

Каждое утро на пересечении трех дорог встречались трое: девочка и два мальчика. Она приходила с северной стороны, а мальчики с восточной и с западной.

Всю ночь, не переставая, шел снег. И теперь казалось, будто за эту ночь вместе с легкими снежинками опустилась на землю сказочная страна. Пустынные, побитые дождями, израненные поля, изъезженные, слякотные дороги, облетевшие леса — все было занесено девственным и ничем еще не тронутым, чистым снегом. И чудилось, будто дымившие трубы были трубами тех заснеженных кораблей, на которых опустилась ночью эта волшебная страна. В домах весело и жарко пело пламя в печах, каминах и очагах. Из глаз разомлевших в тепле кошек смотрели сладкие сказки.

Нет, это была в самом деле совершенно незнакомая, чудесная страна!

И те, что встретились на пересечении трех дорог, зачарованно молчали. Поле, простиравшееся перед ними, было укрыто снегом, и ничто, кроме птичьих следов, не успело еще нарушить его нетронутую белизну. И даже на дорогах не видно было следов. В этой пустынной белизне глаза невольно искали какой-то сказочный столб, на котором были бы начертаны таинственные слова:

«На север пойдешь...

На юг пойдешь...

На восток пойдешь...

На запад...»

Но никаких столбов, никаких указателей... Словно в первый день творения — все было новое, непонятное, неоткрытое, нерешенное...

На дороге под снегом хлюпала под ногами незамерзшая грязь, и потому они пошли прямо по полю, утопая по колено в снегу. И было жалко нарушать его нетронутость. Троица эта чувствовала себя не совсем обычно: они и радовались белому чуду, но в то же время какая-то непонятная робость примешивалась к их восторгу. Души их сладко замирали, и им вдруг начинало казаться, что они превратились в невесомые снежинки, захваченные неумолимым течением снежной бесконечности. И снежная равнина становилась безбрежной, и чудилось им, что не в школу они идут, а в какую-то неведомую даль, где еще никогда не ступала нога человека. Но это проходило, и они опять опускались с небес на землю, ощущая тяжесть своих тел.

Мальчик, который приходил с восточной стороны, был худым и долговязым, а лицо его часто бывало бледным. Другой, который приходил с запада, ростом был пониже и казался всегда краснощеким крепышом. Он напористо шагал, разрушая ногами снежную первозданность, и его длинные, красные губы были плотно сомкнуты, будто он злился на кого-то. Долговязый его товарищ давно уже заметил это, и ему казалось, что эти сомкнутые губы сдерживали давно уже сложившиеся в сознании, переспелые фразы, которые могли бы ранить кого-то, когда человек разгневан, слова, пусть и бессмысленные, но похожие на свинцовую дробь, вылетевшую из ружья... И ему хотелось, когда он смотрел на молчаливого своего товарища, что-то как можно быстрее решить, не доводить это упорное молчание до бессмысленного «выстрела дробью», которая надолго завязнет у кого-то в сердце.

...Но до чего ж чудесен все-таки снег! Как давно его не было! Долговязому хотелось еще понять своей восторженной душой это великое чудо — снег, проникнуться его тайной, но, как ни старался он, у него ничего не получалось. И он, устав от этих поисков, чувствовал себя беспомощным.

А может, это снег и виноват во всем? Его ведь не измеришь, не взвесишь...

И все-таки как давно не выпадал снег! Хорошо, что он выпал и был таким чистым и глубоким.

Девочка была их сверстницей. Все трое оканчивали в этом году школу. Растает, сойдет этот белый снег, и взмокшая, набухшая земля зазеленеет травой, вспоенной талой водой. А когда бурная весна вспенит зеленую травку пестрым цветением, девочка наденет, как на праздник, свою летнюю школьную форму. Они и раньше, дожидаясь ее на пересечении трех дорог, издалека замечали нарядный белый фартук, похожий на белую бабочку среди цветущей зелени.

Но этой весной они кончат школу, и девочка навсегда, наверное, снимет свой белый фартук...

Это была очень хорошенькая и стройная девочка. Она шла теперь по снегу между двумя мальчиками, приподняв в безмерном удивлении свои брови-крылышки, и все ее существо ликовало при виде чудесного снега.

Долговязый то и дело посматривал на нее и углублялся в какие-то свои воспоминания. И вдруг ему начинало казаться, что он слышит в этом снежном просторе запах каких-то цветов. Он принюхивался и уже явственно различал запах цветов азалии. Запах был слабый и приятный.

«Какие могут быть цветы среди снега? — подумал он удивленно. — Это просто память путает меня».

— Ты помнишь, — спросил он своего товарища, — что с нами приключилось в детстве из-за цветов азалии?

А тот, словно боясь разомкнуть губы, сдерживавшие злые слова, еще крепче стиснул и посмотрел недоуменно: «Делать мне больше нечего! Может, ты себя и в колыбели помнишь, но при чем здесь я».

— Неужели забыл?

Тот взглянул на него с презрением и отвернулся.

— А я как сейчас помню...

И ему почудилось вдруг, что товарищ его так же и по жизни шел, как теперь по снегу, истоптав все позади себя, оставив за собой немое детство, похожую на слепую пещеру. Верно говорят, что для таких людей в жизни нет никаких загадок, что все пути у них заранее рассчитаны и они их бросают, как изношенные башмаки, никогда не вспоминая о прожитом.

Он подумал так о товарище, но ему все-таки стало больно оттого, что он плохо подумал о нем, и оттого еще больно, что он словно бы увидел сегодня перед собой совершенно другого человека.

Сам он бережно относился к тому, что миновало и было им прожито. Он помнил, например, сколько насмешек претерпел он

от школьной своей подруги, сколько слов хороших и дерзких пришлось ему услышать от той, которая шагала теперь рядом с ним. Сама она уже, быть может, и не помнит, да и другие тоже забыли, но для него все эти слова живы и часто напоминают о себе... Он мог по желанию зажечь эти слова, как свечки, как тысячи свечек!

Ее белый дом виднеется еще издалека из-за большого густого сада. По ночам — и только по ночам! — этому мальчику, где бы он ни находился, часто казалось, будто какая-то таинственная и мрачная фигура, освещенная болезненным светом луны, просеянным в листьях сада, раздробленным и красноватым — будто фигура эта крадется к окошку, за которым девочка готовит уроки.

После такого видения его всю ночь мучили кошмары. Рано утром, вскочив с постели, он наспех обрызгивал лицо водой и, торопливо собравшись, бледный от бессонницы и тревожных предчувствий, спешил к тому месту, где пересекались три дороги и где они всегда встречались, всегда поджидали друг друга, приходя с разных сторон.

Увидев ее целехонькой и как всегда жизнерадостной, он с облегчением вздыхал и сразу же забывал обо всех своих ночных переживаниях и кошмарах, начиная тут же шутить и дурачиться. Он тоже любил насмешничать и порой доводил ее до того, что она шла на него с крепко сжатыми кулачками. Так уж случилось, что он видел ее лицо смеющимся и кротким только на расстоянии, Стоило ему приблизиться к ней, как лицо ее становилось надменным и она готова была ответить на любую его дерзость. Это лицо он знал лучше и оно было больше знакомо ему, хотя стоило ему разлучиться с ней на несколько дней, как он начинал скучать по этому ее лицу, не находя себе места.

А товарищ его, приходивший с западной стороны, становился между тем все красивее и лучше с каждым днем: кровь так и играла на его щеках, и он все больше следил за собой. Рано ложился и хорошо высыпался, чтобы девочка, увидев его утром, невольно бы любовалась его здоровьем и красотою. Старался не говорить лишнего, даже если сам первым заговаривал с ней, и не делать лишних движений, чтобы она не заподозрила его в суетливости.

Она тоже невольно привыкла взвешивать свои слова, когда говорила ему что-нибудь или шутила с ним.

Лицо, которое она обращала к мальчику, приходившему с запада, долговязый не любил. Ему даже казалось в такие минуты, что в ней не один, а два человека.

Он давно заметил, что лицо ее порой может быть совершенно чужим, словно бы это было и не ее лицо.

Странно, но таким чужим оно у нее становилось, когда кто-то хвалил его или когда он отвечал на трудный вопрос или делал то, чего кроме него никто не умел делать.

Но он утешал себя тем, что его и в самом деле слишком уж часто, где нужно и не нужно, хвалили. Он и сам вовсе не хотел этих похвал и порой просто не мог их вытерпеть... А ее это тоже, конечно, коробило...

И все-таки как быстро течет время! Кажется, только вчера она села за парту, а сегодня...

...Он опять видел перед собой преображенный снегом, непривычный и как бы отодвинутый горизонт. И тогда опять наступало мгновение, когда с замирающим сердцем начинал он ощущать себя невесомым, и его словно бы подхватывало время — эта невозвратимая бесконечность... В эти мгновения ему казались невыносимыми их ленивые, похрустывающие на снегу шаги.

А запах азалии почему-то в такие минуты усиливался. Он знал, что в морозном, чистом воздухе не может быть запаха цветов, но тем не менее слышал его.

И ему казалось это очень важным и многозначительным. Ему хотелось быть лучше и кому-то помочь, сделать что-то такое, чего никто никогда еще не делал, найти какие-то главные слова, которые могли бы выразить все, что он чувствовал в эти минуты.

Отчего бы это? Может, во всем виноват снег? Или, может быть, оттого, что он грустил сегодня и ни разу еще не пошутил, не подурачился, боясь нарушить снежное безмолвие?

— Что же это мы! — сказал он, останавливаясь. — Сколько снегу навалило, а мы боимся притронуться к нему!

И, словно впервые увидев снег, двое его спутников тоже остановились.

— Посмотрим, кто кого! — вскричал он и бросил портфель на снег. — Кто кого!

И снежки полетели в девочку.

— Ах, так? — воскликнула она с вызовом и тоже бросила свой портфель. — Думаешь, со мной легко справиться?! Как бы не так!

Лицо ее было в эти минуты таким, каким оно ему нравилось.

Ему стало хорошо, и он уже с азартом стал лепить снежки, хотя поначалу ему хотелось только лишь развеять свою грусть, а не играть.

— Кто кого?

Сначала он не очень-то увертывался от ее снежков и позволил догнать себя и осыпать снегом. Она была радостно возбуждена, смеялась, падала в снег и снова догоняла его, но быстро устала. Тогда он подскочил к ней и, хотя она сопротивлялась, накормил ее снегом.

— С утра надо подкрепиться! — запыхавшись от игры, крикнул он и отбежал от нее подальше.

Мальчик, приходивший с запада, топтался на месте, не зная, как себя вести. Его легко можно было бы увлечь игрой, бросив в него несколько снежков, но тот, который приходил с востока, решил иначе. Ему хотелось узнать, надолго ли хватит у него терпения. Тот ведь ничего просто так не будет делать, ему нужен повод, и притом основательный. Не играть же просто так в снежки!

Девочка отважно шла на своего обидчика, а обидчик, накормивший ее снегом, подпустил девочку совсем близко, видя ее покрасневшие от снега руки, ощущая запах ее волос и любуясь ее ловкостью.

У нее особенный смех... Никто никогда не смеялся так, как смеется она.

И все это только лишь для него, только он один слышал этот необыкновенный смех, принадлежавший ему, потому что сама она не догадывалась о чудесном своем смехе, а он никогда не забывал его. И все это будет вечно жить в нем, и если он вдруг когда-нибудь затоскует, то как волшебник вызовет этот смех, и смех зазвучит в его памяти, вернувшись из прошлого, засверкает зажженными свечами. Можно было лишить его очень многого, но этого никто не в силах у него отобрать.

— Нет, одна ты со мной не справишься! — крикнул он. — Нападайте вдвоем!

И товарищ его издал наконец-то воинственный какой-то клич.

Ему, наверное, было обидно от сознания, что о нем как будто бы забыли. В клич этот вплелись, возможно, те уготованные заранее слова, которые он держал под замком, но в пылу игры они ничего не расслышали, оглушенные бегом разгоряченной крови, грохочущей в ушах, как реки в горных теснинах.

— Вот это правильно! Вдвоем, вдвоем! Не понимаю, как это

вы не догадались до сих пор! — кричал долговязый, желая еще больше раззадорить приятеля.

Он и сам не мог понять, почему именно сегодня ему хотелось дразнить его. «Во всяком случае, — думал он, — будет что вспомнить, когда растает снег, будет над чем посмеяться». Но сам при этом чувствовал, что уж очень хочется ему раздразнить, хотя и стыдно было признаться в этом.

А тот уже догонял его, летел за ним стрелой и чуть ли не со свистом, сжимая в руке крепкий, как кусок льда, снежок. Долговязый отступил и ловко увертывался от нападавшего, а порой и сам наступал. Девочка уже устала и не могла продолжать бой, согревая горячим дыханием свои озябшие и опухшие от снега, покрасневшие руки.

— Чего же вы? Я же говорю, вдвоем нападайте, вдвоем!

И долговязый, крикнув это, увидел, как товарищ его беззвучно разомкнул свои губы, словно бы давая выход той бессловесной ярости, которая мучила его, скопившись в нем дробью передержанных слов. Несколько раз он кидал в долговязого увесистые снежки, превращенные в его руках в круглые льдышки, но всякий раз промахивался и злился от этого еще больше.

Видимо, ему мешала ярость.

«А собственно говоря, почему он так злится: игра есть игра! Зачем же так злиться?!» — думал долговязый, увертываясь от снежков, которые, как маленькие ядра, жужжали рядом с его головой.

Но вот наконец, когда крепыш стал беситься от бесконечных своих промахов, мальчик, приходивший с восточной стороны, не стерпел и засмеялся. А его противник, услышав смех, стал даже спотыкаться и падать от дикой ярости.

«Что же он так злится? Это же игра! И почему не смеется она? Это же смешно, она должна смеяться... Это просто смешно, это же игра... Тут не может быть места обиде и злости...»

Но она не смеялась.

«Вообще-то это, может быть, к лучшему. А то он и вправду разозлится, услышав ее смех, воспримет это как кровную обиду... Он ведь очень обидчив».

И когда долговязый подумал об этом, он опять вдруг услышал запах азалии. Он замешкался на мгновенье, удивленный этим неожиданно долетевшим до него запахом, и вдруг ему показалось, что с дребезгом и тупой болью разбилось в его глазах стекло, сверкнув фонтанами искр, — это наконец попал в него разозленный противник.

«Уж очень он сильно сжимает снежки, — подумал мальчик. — Это уже не снежок, а какая-то льдышка, обкатанная в ладонях, получается».

А сам тем временем не мешкая кинул в приятеля снежок и отступил, крикнув со смехом:

— Ну что ж! Игра есть игра!

— Игра-мигра... — странно бормотал тот и, как раненый кабан, метался по снегу, стараясь еще раз попасть в противника своими тяжелыми маленькими ядрами-снежками.

Мальчик, приходивший с восточной стороны, был хоть и долговяз, но ловок, и его не отягощала злоба: ему ничего не стоило водить противника за нос, дразнить его, приводя в ярость, и морочить.

А в воздухе опять запахло азалией.

Это было похоже на чудо!

...В далеком детстве случилось это... Весна только-только начиналась, и все, что должно было зеленеть и цвести, стояло еще по-зимнему голым. Но день был погожий, солнце грело по-весеннему ласково. Они вдвоем пошли на лужайку играть. И увидели там множество самых разнообразных красивых бабочек, которые впервые показались этой весной, кружась высоко в воздухе. Мальчики с завистью смотрели на них: хотелось поймать и разглядеть эту удивительную красоту, но бабочки, увы, летали высоко и не опускались на землю. Тогда мальчики перешли на другой берег прозрачной, весело журчащей речушки и стали карабкаться по склону горы, залитому солнцем. Бабочек здесь было еще больше, и летали они здесь ниже...

Играя в снежки, они порядком удалились от того места, где стояла девочка, ожидая их.

— Ты слышишь запах азалии? — спросил долговязый и, откинув голову, принюхался к воздуху. — Ты знаешь, я не шучу, я и в самом деле слышу этот запах. Смешно, правда?

Ему показалось вдруг нелепым и неуместным игривое желание раздразнить друга. Какое-то доброе и светлое чувство любви разлилось в его сердце.

— Я не шучу, — повторил он, — я слышу запах азалии.

— Игра-мигра... — глухо пробормотал тот в ответ.

«Может, пора уже кончать? — подумал долговязый. — Надо

бы сдаться ему. Он любит, когда сдаются. Его уже узнать трудно... Разозлился, дурачок...»

Они бегали по склону за бабочками, ослепленные их красотою. И вдруг наткнулись на большой куст. Он одиноко рос на склоне и, усыпанный цветами, казалось, горел желтым пламенем. И они, разинув рты от удивления, остановились перед ним.

— Это волшебные цветы, я их по сказкам знаю, они всесильны! — закричал он тогда.

И мальчики зарылись головами в цветы, вдыхая их аромат: цветы пахли, как спелая дыня. Они нарвали множество цветов, сколько мог унести каждый, и со всех ног бросились в деревню.

Он все явственнее чувствовал запах азалии, и запах ее действительно был похож на аромат спелой дыни.

Этот запах стал казаться ему даже приторным, так ясно он слышал его.

«Что он так злится, чудак! — думал долговязый. — Мне приходится увертываться от его снежков, потому что он их превращает в льдышки. Охота была ходить с синяками да шишками! А он злится, что я попадаю в него, а он промахивается... Но ведь я кидаюсь легкими снежками, а это совсем не больно...»

Запах азалии не исчезал, а наоборот, усиливался, словно бы согретый его горячим дыханием.

Они бежали по улице, стараясь быстрее принести цветы домой.

— Волшебные цветы! — кричали они. — Волшебные цветы!

Но вдруг они увидели людей, которые выходили из своих домов. Люди, особенно женщины, были строги и смотрели на мальчиков с явным осуждением. И мальчики, остановившись, услышали:

— Дикая азалия! Цветы дикой азалии... Им кто-то нарочно подсказал, кому-то захотелось, чтоб в наши дворы принесли несчастье... Бедные наши цыплята! — говорили люди, морщась, как от боли, при виде этих чудесных цветов.

Мальчики не знали и не догадывались тогда, что если принести

ветку цветущей азалии в дом, где есть цыплята, то они все передохнут, как осенние мухи, — в селе верили в это...

— Цветы несчастья! — закричали люди. — Цветы несчастья!

Мальчики побежали. Все переполошилось в селе, словно на улицах появилась бешеная собака...

Теперь, вспоминая все это, долговязый замешкался, и сразу два крепких снежка один за другим попали в него: один под ухом, а другой, к счастью, в спину. Удар под ухо был так силен, что вместе с искрами брызнули слезы из глаз.

Но он нашел в себе силы отделаться шуткой.

— В этой игре правил нет, — крикнул он, превозмогая боль. — Игра есть игра!

Мальчик чувствовал, что давно уже пора заканчивать игру, но никак не мог найти предлог.

— Ну что ж! Играть так играть!

— Игра-мигра... — бормотал его противник, войдя в раж и злобно сопя.

— У тебя, наверное, нос заложен, а то бы ты обязательно слышал запах азалии. Я же не выдумываю...

— Игра-мигра, — бормотал тот, сжимая что есть силы снег в ладонях.

Мальчики бежали, а за ними гнались люди, стараясь отрезать им все пути. Он не боялся, что его побьют — боялся, что отнимут цветы, истопчут и бросят их в мусорную яму... Но товарищ его, обмирая со страху, почувствовал вдруг слабость в животе, и пришлось взять у него цветы и бежать дальше одному, потому что тот юркнул незаметно в кусты. Цветов теперь прибавилось, и бежать стало тяжелее. Бросить же цветы он ни за что не хотел; его уже догоняли. Люди окружили его и, видя, что ему некуда деваться, приближались к нему в зловещем спокойствии.

— Цветок, цветок, ты ведь волшебный! — взмолился он, обращаясь к цветам. — Сделай так, чтобы они не поймали меня. Пронеси их мимо! Цветок, сделай это, пожалуйста.

В это время к нему подбежал один из тех бездельников, которые вечно подпирают деревенские плетни, и, указав на опрятный белый домик, непохожий на другие, сказал, что если он там не скроется сейчас же, люди переломают ему кости.

Взгляд долговязого мальчика как-то удивленно остановился на противнике: тот, нагнувшись за снегом, оставался в этом положении дольше обычного и, не спуская глаз с товарища, странно шарил в снегу руками, словно ловил в воде шуструю рыбку и наконец поймал ее, но не торопился вытянуть...

Девочка, стоявшая в стороне, видимо, почувствовала что-то и направилась к ним.

А долговязый уже не отступал и не бросался снежками. Воспоминания овладели им, и он уже не мог избавиться от них.

Не постучавшись, он ворвался в этот белый домик. Шум погони затих: раз азалия выбрала дом, она уже была не страшна для других...

«Волшебство... волшебство цветов!» — с восторгом думал мальчик.

Его встретила миловидная женщина с доброй улыбкой. Он протянул ей охапку цветов.

— Спасибо, — сказала она. — Какие чудесные цветы.

И тут он увидел, как глаза ее наполнились слезами.

— Боже, за что они так ненавидят меня! — сказала она, посмотрев в окно...

Он почувствовал вдруг, что ему надо бы отойти и поостеречься... Словно кто-то подсказал ему об опасности, которая его подстерегает. Но он не хотел верить в свои предчувствия, и это неверие как будто гипнотизировало его...

Та женщина, в домик которой он вбежал, была, кажется, учительницей, а лоботрясы, подпиравшие плетни, ненавидели ее за то, что она не давала им бездельничать. Вот они и решили сделать ей сюрприз.

— Ну ладно, хватит! Кончайте!

Это сказала девочка, подойдя к ним. Он посмотрел ей в лицо и удивился: оно сейчас было таким, каким всегда бывало, когда его хвалили... Оно было не просто бледным, а как добела раскаленное железо. Казалось, бледность ее светилась.

И в это мгновенье что-то мелькнуло у него перед глазами.

Тот, что приходил с запада, прыгнул на него барсом и размахнулся, словно хотел обнять и навалиться на него по-дружески, обхватив за шею. Но блеснула лезвием кинжала пойманная в снегу «рыбка».

Долговязый упал, уткнувшись лицом в снег, но сразу же пришел в себя, хотя и не смог сразу встать. Что-то теплое и густое застлало ему глаза. Но, сделав усилие, он поднялся. Тогда к нему подбежала девочка.

— Платок, — сказала она тоном хирурга, делающего операцию, и рукой сама вынула из его кармана платок. Она провела платком несколько раз по глазам, по лбу и бровям и, сунув ему в руки мокрый и очень красный от крови платок, велела зажать рану рукой.

А «рыбак» подошел и как ни в чем не бывало посмотрел на товарища. Он еще не успел отрешиться от «игры».

— Случайность, говорят, и в галушках прячется, — сказал он, переводя дыхание.

— Я ж вам говорила, чтоб вы прекратили! — сказала девочка и с кулачками полезла на того, кто приходил с запада. — Вот тебе, вот тебе, вот!

А тот, довольный, словно бы неумело засмеялся, подставлял ей бок.

— Это верно, — сказал долговязый. — Случайность порой даже в снегу прячется. — И пристально посмотрел на своего противника, поймав его взгляд. Но тот был невозмутим, словно бы все еще бубнил свое невразумительное: «игра-мигра».

— Это ты, конечно, нечаянно, — сказала девочка. — А то бы... — И она, не договорив, опять ринулась на краснощекого крепыша. А тот игриво отпрыгнул в сторону.

И долговязый, зажимая рану рукой, увидел лицо девочки, обращенное к тому, приходившему с запада, и выражение лица было такое, какое нравилось ему.

— Тоже мне, придумал игру! — сказала она, обращаясь уже к долговязому. — Ладно, ничего! Мы с тобой как-нибудь вдвоем накормим его снегом хорошенько, — говорила она с какой-то сладкой улыбкой, сдерживая ее, словно бы острые уголки губ делали ей больно.

Только что она так же смотрела на того, который приходил с запада. Но тут же выражение это опять сменилось тем ненавистным, которое не нравилось ему, которое появлялось на ее лице тогда, когда его при всех хвалили.

— Зато никто из вас не слышал запаха азалии, — сказал вдруг мальчик, приходивший с восточной стороны, и какой-то дикий и безудержный смех вырвался из его груди, словно его вдруг стошнило этим смехом. А двое других, будто бы ожидая этого сигнала, тоже захохотали, хватаясь за животы, корчась, как от боли, топчась на месте, кружась и пританцовывая. Но так же неожиданно, словно по приказу, умолкли.

Те двое вытерли слезы, проступившие на глазах от смеха, а долговязый, зажимая платком рану, остался стоять со слезами на глазах.

— Идите в школу, а то опоздаете, — сказал он им. — И скажите, что я геройски истек кровью на поле битвы.

Они еще некоторое время не решались идти, а долговязый хотел было уже прикрикнуть на них: «Уйдите с глаз долой!» — но не крикнул и, отвернувшись, словно бы забыл о них, стал забрасывать пятна крови, алеющие на снегу. Он отнял руку с платком от виска — кровь больше не сочилась — и положил в карман намокший платок.

Когда они ушли, он отыскал глазами тот злополучный снежок и, нагнувшись, поднял его: это был грязный осколок камня величиной с гусиное яйцо. Он соскреб с камня примерзший к нему снег и зажал его в руке. Он не пошел по следам ушедших, не желая встречаться в таком виде с кем-нибудь из товарищей, а направился в снежный, еще никем не тронутый простор поля.

Проходя мимо развилки трех дорог, он пересек поле и вышел на это пересечение.

Три дороги сходились здесь: одна с севера, другая с запада, а третья с востока и на восток.

Здесь, на перепутье дорог, не было ни указателя, ни камня, на котором бы, как в сказке, было написано:

«На север пойдешь...

На юг...

На запад...

На восток пойдешь...»

Только лишь утренние их следы виднелись в заснеженном поле.

Он постоял немного, словно ожидая чего-то, потом, нагнувшись, разжал пальцы и положил камень на пересечении трех дорог. Вытер руки снегом и пошел по утренним своим следам, оставленным им, когда он спешил сюда.

С утра собиравшиеся снеговые тучи наконец сгустились, про-

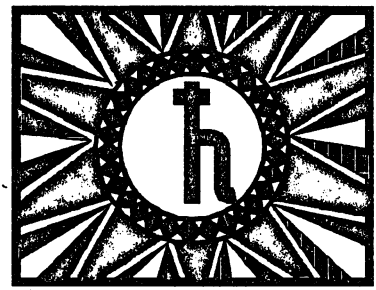
висли над землей, и из них полетел снег, опять занося все следы. Он был густой и мохнатый. И мальчик, глядя на летящие снежинки, вдруг опять вспомнил бабочек той далекой весны, которые порхали над солнечными склонами...

И тут же в нос ему опять ударил запах азалии. На этот раз слабый и приятный.

«Запах азалии...» — грустно улыбнулся он.

Может быть, среди этого множества бабочек были и бабочки-однодневки. Бабочки, которым отпущен всего лишь один-единственный день для жизни. Кто может знать, сколько надо, чтобы один день сделать целой жизнью!

Бабочки, не живущие дольше одного дня...

Даур Зантария

АДЗЫЗЛАН

Однажды в древности люди нашего села проснулись и увидели следы девичьих ног на свежем снегу. Следы спускались с гор к Мутному Омуту. Поняли люди, что это следы Владычицы Рек и Вод. И хотя следы вели с гор к Мутному Омуту, поняли люди, что Владычица Рек и Вод покинула Мутный Омут и ушла в горы.

Но чтобы рассказать, как это случилось, надо начать все сначала.

Витязь Хатт из рода Хаттов возвращался домой из далеких странствий, куда он ходил добывать славу, витязь Хатт, клявшийся именем Владычицы Вод и учивший народ, что вода — душа, а душа — вода. Он ехал, и его догнала стая воронов, закрывая крыльями небо. Конь его замер, витязь поднял голову, и ему показалось, что и он, и конь его, и земля под ними остановились, пошли назад, а вороны в небе застыли.

И конь его знал, и душа его знала, где находилась родина; витязь Хатт заторопился в Абхазию, понимая, что не к добру явились вороны.

«Кто же, кто же пришел?» — спросил он. А предки наши, как известно, полевых и домашних работ не любили, предпочитая войны и походы, и потому ответили ему, что пришли, дескать, некие, но они нам не во вред, они работящий люд, будут мотыжить наши поля и собирать наш виноград.

Но пришельцы, мотыжа лен, обсыпали корни землей, не пропалывая сорной травы, а когда не могли достать виноград на ломкой ветви, то срывали лозу.

А со временем кто-то отполоскал в роднике свои онучи, кто-то шапкой зачерпнул воды. И никто из наших этого не знал, не присматривали за ними.

А у предков наших закон был такой, что не брали воду, не испросив позволения у Владычицы Рек, и когда набирали свежую, то старую из кувшинов сливали в родник, чтобы вода прибавилась к воде, и воду, отданную Владычицей, семья могла употребить без вреда.

И вот неожиданно оказалось, что пришельцы осквернили все реки. И тогда ушла Владычица Рек и Вод, началась засуха, высохли все реки, а берега их пропитались ядом. Из всей речной живности выжили только лягушки.

Что же оставалось делать обессиленному народу? Люди покинули обжитые земли и двинулись вверх, против девичьих следов. Теперь-то им стало ясно, что пришельцы не кто иные, как племя нечистых.

В горах оставались еще ледники. Люди растапливали лед и получали воду. Там, на нагорье, прожил наш народ изгнанником солнца восемьдесят лет. Выросло новое поколение, не знавшее родины.

И вот как-то сто юных царевичей резвились у замка. Они играли в мяч, они терлись друг о друга, подобно бычкам, стараясь израсходовать хотя бы часть энергии. Вдруг один из царевичей приметил женщину. Женщина поднималась по тропе с кувшином на плече и была она со статью и поступью. У юноши загорелись глаза.

У юноши загорелись глаза, он взволновался и он воскликнул.

— О, братья! — воскликнул он. — Я сейчас разобью ее кувшин, не задев женщину стрелой!

Не знаю, нужно ли это для рассказа, но это история.

Братья сказали ему: «Давай!»

Стрела полетела, кувшин разбился, незнакомка ахнула и обернулась. Юноши остановились смущенные: обладательница стана и поступи была пожилой женщиной. Ее облило. Она несла к роднику старую воду, чтобы Владычица Рек и Вод позволила ей отломить кусок льда, воду из которого семья могла бы употребить без вреда.

— Кто вы, болваны? — спросила она.

— Да царевичи мы, — ответили они смущенно.

— Чем воевать с моим кувшином, шли бы воевать с нечистыми, захватившими вашу родину! — сказала она.

Пристыженные юноши вернулись в замок и замучили расспросами свою родительницу.

— Мать, мы видели женщину со статью и поступью.

— Касатики, да это же вдова при живом муже!

— Мать, а где ее муж, коли он жив?

— Ее муж, витязь Хатт из рода Хаттов, одиноко сражается с нечистыми, защищая нашу родину.

— Мать, а что такое родина?

— Шли бы вы, касатики, поиграли бы в мяч, — сказала родительница, но царевичи были упрямы.

Наконец она призналась им, что родина — это то, что находится по ту сторону Буйной Реки, русло которой представляло из себя сейчас лишь гряду влажных валунов.

Вооружились юноши, сели на коней и ушли под плач родительницы.

В сердце их обожженной и потрескавшейся земли витязь Хатт из рода Хаттов одиноко сражался с нечистыми. Восемьдесят лет, не разжимая кулаков, он держал два меча — так что ногти его вонзились в ладони и проросли с тыльной стороны. Сто царевичей с дружинами пришли на подмогу витязю, племя нечистых было изгнано прочь из края, и наконец между Анапой и Анагой пролился долгожданный ливень. Он напоил истомленную землю, и снова зашумели реки, смывая соленый солнечный яд с берегов.

Витязь Хатт облюбовал наше село, объявил себя местным князем и решил дожидаться народа, чтобы им управлять. Но вскоре, не дождавшись, Хатт ушел на горную охоту. Уходя, он оставил знак о себе. На обратном пути он собирался прихватить и свою жену со статью и поступью.

В горах он нашел Владычицу Вод.

— Вода — душа, душа — вода, — сказал Хатт. — Приди на побережье, на прежнее свое место, и, пока жив мой род, ты не останешься без жертвоприношений.

И Владычица Рек и Вод из беспокойных горных потоков вернулась в мутную реку нашего села.

Обрадованный народ возвращался в свои гнездовья. Никто не оспорил знак отважного Хатта, и род его стал княжить в нашем селе.

А родительница сотни царевичей, когда возвращалась в долину, на берегу мутной реки спросила свиту: «Апсы тоумыш?» — то есть жива ли, есть ли вода? И новая обитель Владычицы Вод стала именоваться Тоумыш.

В десяти полетах стрелы от морского берега Тоумыш расширялась и образовывала омут. В Мутном Омуте и жила Владычица Рек. Именно в нашем селе было ее любимейшее местопребывание, и об этом знала вся страна. Раз в году, перед весенним праздником, грозной Владычице приносили в жертву юношу. Этого избранного юношу называли Долей Воды. Он знал об этом загодя и ходил из села в село, счастливый своим жребием. Во всех домах он встречал гостеприимство, лучшие девушки раскрывали ему свои объятия, что, впрочем, не мешало им потом выходить замуж.

Витязь Хатт, а впоследствии род его, ревностно следили за порядком жертвоприношений, как и было обещано. А когда жребий выпал сыну самого Хатта, и народ хотел было сделать исключение, миновать княжича, Хатт возразил: «Раз его выбрала судьба, не лишим его участи быть Долей Воды». И сын Хатта счастливо потупил глаза. Это был славный род охотников и воинов. Не успевал народ забыть подвиг предка, как потомок совершал еще более славный поступок.

А по Мутному Омуту расходились таинственные круги. Здесь было мглисто даже в полдень: бледно-зеленые ивы, корявая лозина и дикий фундук густо росли по обоим берегам реки, и все это, опутанное лианами, хмелем и сассапарелью, сплеталось над Омутом сводом, непроницаемым для солнечных лучей. На берегах рос также буйный папоротник. Он и сейчас там растет — не похожий на обычный, а влажный и словно еще более древний, чем доисторический.

Там и жила русалка, ее даже можно было видеть. Еще при мне рассказывали о ней очевидцы. И я им верю. Во-первых, эти люди совершенно бескорыстны, и нет основания им не доверять. С другой стороны, разве может чего-то не быть в бесконечном нашем мире? Все есть.

Все есть. Но пора уже и о нашем славном шумливом царе. Без его истории история руєалки не будет полной.

Как только сто царевичей уничтожили друг друга в борьбе за престол, на погибель древним богам принял царство архонт Леон, племянник хазарского кагана и, таким образом, двоюродный брат по матери кесаря Льва Хазара. Он стал воскрешать когда-то зажегшуюся было в Абхазии, но вскоре погасшую идею единого бога. Из-за моря хлынули большеглазые скопцы. Сам Леон толковал народу святую веру, нередко пользуясь мечом как указкой. Он разрушил все языческие капища и построил храмы на их местах.

И стали прекращаться кровавые жертвы Владычице Вод. Первое время люди еще продолжали приходить в праздник весны к берегу реки, но несли уже чучело вместо юноши. Приходили ночью, а не радостным днем. Приходили виноватые: дескать, что тут поделаешь, гневается юный царь. Ведь он расширил наше царство далеко за прежние пределы.

В водах появились первые лягушки.

Так началось постепенное превращение грозной Владычицы в простую русалку-адзызлан.

В довершение всего неутомимый царь Леон построил в нашем селе огромную, — в масштабах своего царства, — судоверфь и провел судоходный канал между реками Тоумыш и Акра.

— Благословишь ли ты канал, о Владычица? — спросил потомок витязя Хатта, местный князь.

— Не приду я туда, пусть там заквакают лягушки! — ответствовала она. Владычица не говорила на человеческом языке и с людьми изъяснялась знаками.

И вот, когда много позже царства не стало и каналом перестали пользоваться, он превратился в длинное прямое болото. Сельчане потребовали от князя Савлака, потомка витязя Хатта, засыпать канал. Но сами при этом работать не желали, предпочитая войны и походы. А мудрый князь Савлак медлил, опасаясь, что под видом осушителей болот снова придут нечистые. Он был страстный охотник, князь Савлак, на каждой скале стояла его охотничья тамга. Владычица Рек и Вод делала его стрелы меткими. Савлак медлил, а нетерпеливый народ проклял его род. Проклял тайком, продолжая признавать его княжеским. А болото засыпали только в наше время. По словам старца Батала, еще незадолго до революции священник Иоанн частенько часами простаивал на берегу болота и записывал в общую тетрадь разговоры лягушек.

Итак, Владычица Вод неотвратимо превращалась в простую русалку. Собственно, отсюда и начинается мой нехитрый рассказ.

В отличие от земных владычиц, которые сначала бывали милыми детьми, наливающимися девицами и только потом становились грозными и сладострастными женщинами, Владычице Вод суждено было пережить обратное: она сперва была величественной царицей, а затем превратилась в ребячливую и похотливую русалку.

Хотя страх перед ее силой в общем-то оставался — оставался вплоть до наших дней. Например, когда приводили в дом невесту, ее не отправляли по воду, не выполнив обряд поклонения русалке,

чтобы та позволила невесте набирать воду, которую семья употребила бы без вреда. Женщин на сносях также не пускали к воде, чтобы русалка не заколдовала плод. После заката детям не разрешалось выходить на улицу, особенно к берегу реки, ибо тут старшие опасались, как бы русалка не нагнала на детей хворь.

Это была не обычная рыбохвостая европейская русалка — это была абхазская адзызлан. Ноги у нее как раз имелись, но только ступни их были повернуты пятками наперед. Вот почему, чтобы найти ее по следу, нужно было идти в обратную сторону. Она могла нападать на людей, мстя им за отчуждение и измену. Русалка не боялась огнестрельного оружия, не боялась и шашки, потому что могла ухватиться за ее тыльную сторону. Беззащитна она бывала только против обоюдоострого кинжала. Поэтому женщины, идя за водой, на всякий случай вооружались кинжалами. Но достаточно было и того, чтобы женщину сопровождал черный пес; так что на женщин она не нападала. Нападала русалка исключительно на мужчин. А мужчины, считая за стыд обнажать оружие против женщины, вступали с ней в борьбу. Но только при одном условии такая рукопашная схватка заканчивалась победой: русалку нужно было повалить на живот; на спину она, из-за вывернутых своих стоп, не падала.

Однажды охотник Акун-ипа из рода Хаттов схватился с русалкой на берегу Тоумыша; сияла луна, он победил адзызлан. «Если ты дерзнула напасть на меня, потомка витязя Хатта, то вот что тебе полагается», — сказал он, отрезал прядку от ее золотой косы и спрятал себе под шапку, таким образом поработив ее. Русалка воспылала страстью к победителю. Она показала ему десять пальцев, тем самым умоляя его сожительствовать с ней десять лет. Он отрицательно качнул головой, памятуя, что если заговорит, русалка, завидующая людям, способным выражаться словами, тут же ввергнет его в немоту. Она показала ему девять пальцев, но охотник Хатт снова отказался, памятуя о долге перед юной женой, которая ждала его дома. Русалка загибала каждый раз по пальцу, но охотник кивнул в знак согласия только после того, как она показала ему перекрещенный мизинец — полгода. Затем охотник заставил ее произнести уашхо — нерушимую клятву, доставшуюся нам от хаттов — родных братьев абхазов, погибших еще в древности от учености. После чего остался на полгода жить с русалкой — ровно столько, сколько, по его представлениям, мужчина, ушедший в поход, мог отсутствовать, не

вызывая подозрений со стороны юной жены. В первый же вечер он пожалел, что срок уговора по его вине так краток, и впервые наутро охотник не приветствовал восхода солнца.

Но живя с русалкой, он истосковался по родному дому, и как-то, то ли через шесть месяцев, то ли через шесть лет, они прибрели к его хутору и занимались любовью на крылечке амбара. К утру они вздремнули, утомленные, и не заметили, как проснулась жена охотника и вышла к амбару набрать проса. Глазам ее предстала такая картина: русалка спала в обнимку с ее пропавшим мужем на высоком крыльце амбара, построенного на сваях. Длинные распущенные волосы русалки золотой волной ниспадали вниз, и концы их, колышимые ветерком, волочились в пыли, так что жене охотника на миг показалось, что волосы застыли, а амбар качается в разные стороны. Некоторое время она стояла, печально глядя на безмятежно спавших, а потом, осторожно приподняв косу соперницы, положила на крылечко рядом с ней и, не набрав проса, ушла в дом.

Русалка все это видела, она только притворялась спящей. Она немедленно встала и, не будя Акун-ипы, ушла прочь, навсегда из жизни супругов. И после этого она никогда уже не беспокоила никого из рода Хаттов и открывала женщинам этого дома секреты снадобий от болезней, которые она насылала на людей и на скот. А в доме Хаттов с этих пор никогда не заводили черных псов.

И осталась она внутри своего бессмертия — легкомысленная, одинокая, лишь изредка предаваясь тоске. В такие минуты она садилась на берегу Омута и бросала в мглистую воду маргаритки, наблюдая, как они медленно тонут. И все время перед ее глазами вставала одна и та же картина: женщина поднимает ее косу и кладет рядом с ней на крылечко амбара. И она вспоминала фигуру женщины, понуро идущей к дому, не набрав проса. И русалка вдруг ловила себя на том, что вздрагивала, как от холода: так ей становилось в эти минуты стыдно за трехсотлетней давности женское увлечение. Но тут же, быстро устав от умственного напряжения, она забывала и о женщине, и о непонятном ее поступке, выходила на солнце и начинала плескаться в воде, наблюдая радугу в брызгах. Однако и радуга почему-то пугала ее. Смущала русалку не эта радуга, а смутное предчувствие, что появится в ее существовании радуга другая, где все цвета будут грязнее. Русалка знала, что это будет знаком конца. Она была божеством и она была бессмертна, но знала, что вечность ее существования однажды может, остановившись, превратиться в

один нескончаемый болезненный миг, подобный тому мигу, когда она вздрагивала, как от холода, от непонятного воспоминания трехсотлетней давности. Или что-то в этом роде. Но пока время не думало останавливаться.

Время обтекало тело Абхазии, особенно ее не меняя. Слава русалки затухала и сужалась, подобно кругам на поверхности Омута. Но только кругам, возвращающимся к центру, чтобы остановиться, замереть в исходной своей точке.

Только род Хаттов был всегда удачлив в охоте. А когда отгремели залпы революции, последний эксплуататор из рода Хаттов умер на руках растроганных крестьян. Многочисленный и передовой род Габба, когда-то служивший Хаттам, взял на воспитание двух сыновей князя. Один из братьев отделался нервным тиком, выросши, уехал в город, остался там, сделался человеком, но больше в селе не показывался. Другой же был в детстве уронен, остался на всю жизнь хромым, и звали его Наганом. Он был на редкость бестолковый человек, этот последний Хатт. Никакого уважения односельчан он не удостоился.

Но пора уже и о дачнике Григории Лагустановиче, который всегда был полезен для села.

Еще ребенком привозили его к нам в село. Бывало, бегает он по лужайке, собирает цветы, мама нежно кличет его, а Григорий Лагустанович все бегает, собирает цветы, и хоть бы раз замарал, касатик, свой белоснежный, взрослого покроя кителек. И теперь, когда он построил у нас дом и стал дачником, он говорит, что предпочитает жить здесь, а не в городском своем доме. «Пусть там Вахтанчик живет с матерью, а я люблю тут, с народом», — говорит он часто, останавливаясь у чьих-либо ворот по пути на рыбалку.

Пока русалка сидела, стараясь растолковать себе повсдение жены охотника Акун-ипы, Григорий Лагустанович решил научить народ разводить зеркальных карпов. И тут его не устроило извилистое русло Тоумыша: оно проходило поодаль от его участка. И он однажды, подобно персидскому поэту Фирдоуси, выделил деньги на прорытие нового прямого канала, по которому вскоре побежали испуганные волны Тоумыша. Это было довольно далеко от Мутного Омута, и русалка не была потревожена в своем последнем уединении. Только в первое же наводнение река вернулась в прежнее русло, а канал вскоре превратился в болото. И в нем, прямом и длинном, заквакали лягушки — как в русле того древнего канала, на берегу которого сельский священник

Иоанн в дореволюционное время записывал разговоры лягушек. Сельчане стали требовать от дачника засыпать канал, как когда-то их предки от князя Савлаака из рода Хаттов. Григорий Лагустанович тут же нанял бульдозеры, но выкопанная земля осела настолько, что ее не хватало на обратную засыпку. Пришлось везти с морского берега гальку. Море придвинулось еще на двести метров к нашему солнечному селу.

Море стало ближе, а на месте лесов, вырубленных для лесопильного завода, цвели плантации роз, герани, базилика и пачуля для эфирного завода. Русалка осталась совсем одна. Часто ночами она сиживала на проводах, которые приятно пощипывали ее бегущим по ним током, и при этом с неприязнью глядела на освещенное и веселое село.

Как-то утром русалка заметила человека, сидевшего с удочкой на берегу. Он был пухлый и важный, как фарфоровый божок. Казалось, он получал удовольствие не столько от рыбной ловли, сколько от того, что вот он сидит и культурно отдыхает, дышит свежим воздухом. Давно русалка не нападала на мужчин. И вдруг ей захотелось по-старинному созорничать, хотя стоял уже день, да и человек не казался ей привлекательным. А был это не кто иной, как дачник Григорий Лагустанович. Она подкралась к нему сзади, чтобы схватить за волосы, предвкушая, как он сейчас вскрикнет от неожиданности, и она тут же ввергнет его в немоту. Давно у нее не было жертвы. Русалка медлила. Обошла его и повисла перед ним. Рыба, между прочим, клевала, но человек в довольной задумчивости не замечал этого.

Русалка схватила его за волосы, увы, дачник ничего не почувствовал. Она пощекотала этого солидного человека под мышками. Дачник равнодушно полез в карман куртки за сигаретами. Она висела в воздухе прямо перед ним! Григорий Лагустанович спокойно прикурил от серебряной зажигалки и выпустил густой дым. Дым прошел сквозь тело русалки.

И тут только русалка поняла, что она не дана Лагустановичу в его ощущениях!...

В эту ночь русалка напилась соку хмельных трав с берега мутной реки. Она думала о том, что утратила не только власть, но и плоть. С печалью и ужасом осознавала она, что с исчезновением последнего слабоумного, который может поверить в нее и вообразить ее, она перестанет существовать.

Но даже в цивилизованных селах есть уголки неподвижной дремучести, которую не проймешь ничем. Замечено, например,

что семьи, живущие на берегах мутных рек, отличаются несколько странным, сумрачным характером. Их глаза все время смотрят в лес. Старые предрассудки исчезают с первым светом электролампочки, но у живущих на берегу темной реки даже лампочка горит как-то тусклее.

А последний Хатт жил как раз на берегу такой темной реки. Он жил на берегу Тоумыша. Так что был для русалки еще последний Хатт.

Но Хатт не отличался трудолюбием и был не из домоседов. Когда его брат в городе стал человеком и о нем заговорили простые люди в автобусах, последний Хатт полюбил ездить в автобусах и, притаившись, слушать разговоры простых людей о брате. При этом он молча преисполнялся гордости. «Чего тут удивляться, что он хорош. А предки-то у него какие! Жаль, что брат у него никчемный», — слышал последний Хатт, но все равно преисполнялся гордости.

Потом он на некоторое время вовсе исчез с горизонта, работал на плавкране. Наконец, вернулся в дом и женился. Стал работать звеноводом на эфирном заводе. Пил.

Жена его была некрасивая, молчунья, но, к радости русалки, в некотором роде блаженная. И русалка внушила ей тайны трав. Явиться ей на глаза русалка не могла. Она и сама переставала верить в себя, ибо никто вокруг в нее уже не верил.

Но вот сам последний Хатт мало что унаследовал от своих предков. Даже фамилия у него была Габба. Так он был записан и в паспорте, и в шнурованной книге. У него бегало трое ребят — мальчик и две девочки. Он — последний отпрыск рода, который столько веков гордился тем, что предок Акун-ипа покорил русалку и сделал свой род на все времена удачливым в охоте. Отпрыск рода, которому русалка, верная клятве, никогда не делала вреда. И он, последний Хатт, никогда не пробовал охотиться, даже в детстве не имел рогатки. И он, последний Хатт, женившись, жену на моление русалке к Омуту не привел! И в пору беременности за водой отправлял! И в сумерки детей домой не загонял! Такой был пустой человек этот последний Хатт.

И никому не было дела до суеверий темной старины. Сельчане богатели, строили просторные дома, покупали автомобили. Но все-таки русалке разок-другой с радостью удалось заметить, что где-то глубоко, в тайниках сознания, у людей пока еще теплится мглистый страх. Как-то вечером она стала свидетельницей картины, которую мы опишем по порядку.

Алел закат. Экономистка хлебокомбината, гуманная и начитанная женщина, заметила, что среди скотины начинается сибирская язва, которая считалась болезнью от гнева Владычицы Рек. Тут бы ей побежать к сельскому терапевту и ветеринару доктору Гвалия, так нет! Она вспомнила, что жена Хатта знает средство от этой болезни. Экономистка молча зажгла огромную свечу и молча направилась по проселочной дороге.

К дому Хатта она шла безмолвная, как этого требовал обычай. Шла с горящей свечой по вечерней околице. Жена сельского активиста Махяла доила буйволицу и, увидев экономистку, так и замерла с выменем в руках и позволила буйволенку, который вырвался из рук тоже изумленного мужа, опрокинуть полное ведро молока. Экономистка шла, восторженная и отрешенная. За железной дорогой ей повстречались семеро ее сыновей. Они возвращались с моря, мирно покуривая. Увидев мать, мальчишки одновременно спрятали левые руки с папиросами за спину, не подумав о том, что этот одновременный жест выдает их еще больше. Но экономистка со свечой, словно жрица огня, прошла мимо них, глядя перед собой стеклянными, невидящими глазами.

Жена последнего Хатта тут же поняла ее. Тоже молча, как этого требовал обычай, она спустилась к Мутному Омуту, набрала воды и, не оглядываясь, понесла домой. Молча же нашла какие-то травы, свойства которых были известны чуть ли не ей одной. И приготовила снадобье.

Над этим хохотали и судачили в селе. Но скотина была спасена. Русалка торжествовала. Она-то знала, что это ее чары. А последний Хатт сказал жене:

— Что могут значить твои травы, когда люди в космос летают!

— Тише, тише, — пришла она в ужас от его слов. — Грех! — и повернулась в сторону Мутного Омута, словно желая удостовериться, что адзызлан действительно не слышала мудрствований ее дуралея.

А на другой день Хатту надо было пропахивать кукурузные ряды на приусадебном участке. Как и все «философы», он был неважный хозяин и, конечно, собственной лошади не имел. С раннего утра до полудня, пока солнце не начало палить, его сосед пахал сам. После этого он распряг лошадь и одолжил последнему Хатту. Хатт пахал под нещадным июльским солнцем. Несколько раз он приводил поить лошадь к заводи, где мы, дети, купались. «Не утоните, вы!» — говорил он и был в этом вполне нормален. А через несколько часов мы, дети, прибежали на шум.

С последним Хаттом случилось нечто вроде солнечного удара. Он вырывался из рук мужчин рода Габба. «Отпустите меня, там смеются и пляшут!» — умолял он. Но его не пускали. Он рвался туда, где не было ничего, кроме болотистого поля, да за ним Мутного Омута — обители русалки. В остальном он был благоразумен: вырываясь к веселью и пляскам, которые видел только он, хромая, он делал зигзаги, чтобы не задеть нас, детей. Мы это чувствовали и не боялись его. Мы боялись тех, кто его удерживал. А он плакал и просил: «Отпустите меня, там весело, там хорошо!»

Было жутковато видеть этот прорыв долгой тоски. Тоски, которая не давала ему обжиться в родном доме, заставляя то работать на плавкране, то ездить в автобусах, слушая разговоры о брате.

«Отпустите!» — просил он. Он вырвался, но ему дали подножку. Решив, что этого достаточно, чтобы окончательно выйти из себя, Габбы повалили его и начали бить. Вдруг, помнится, он на короткое время пришел в себя. «Не бейте, братья, сын видит!» — сказал он, хотя от страха и обиды ревел не только сын, ревели еще и две его девочки. «Сын же видит, что вы делаете?..» — сказал он очень ясным голосом. Но разве можно остановить крестьянина, когда он уже бьет!

Его связали и обливали водой из колодца. Собрались соседи. Они расположились в тени под грецким орехом и курили, вспоминая подобные случаи. Испуганная жена последнего Хатта увела испуганных детей. А он утихомирился и даже заснул.

Связанный, он лежал в луже воды, пока не пришел старец Батал. Старик подошел. Все встали, приветствуя его. Он спокойно полюбопытствовал, в чем дело. Ему объяснили.

«Сейчас же развяжите, собачьи вы сыновья!» — воскликнул он своим звонким голосом. Ему никто не перечил в нашем селе. Последнего Хатта развязали и уложили на лежанку. Вскоре он проснулся и оглядел соседей ясным, ничего не помнящим взглядом.

— Откуда вас столько набежало-то? — спросил он. Никто не ответил. Жена подошла, чтобы увести его.

Вдруг он все вспомнил и все понял. Красивое глуповатое лицо его исказилось в гримасе. Он всегда хотел быть своим в клане Габба, но оставался чужаком.

Он никого ни в чем не упрекнул, и позже все притворялись, будто ничего не произошло. Но в этот миг он ушел задумчивый и больше не вышел к соседям. Все встали и смущенно разошлись.

Вот эти два сельских события — факельное шествие сельской экономистки и краткое безумие последнего Хатта — подняли настроение русалки, тихо спивавшейся у речного прибрежья. Она тешила себя мыслью, что все-таки живет еще память о ней, хотя бы в нашем селе. О других селах она и не думала — она, которой когда-то поклонялся весь наш, в те давние времена обширный, край.

Русалке наскучило бессмертие — она хотела, чтобы ее видели и узнавали. Пусть не пугаются, лишь бы видели. И сны у нее были тревожные. Теперь ей часто снилась грязная радуга, которая превратит ее бессмертие в один нескончаемый мучительный миг. Русалка не боялась ничего, но кому приятно видеть плохие сны! Она-то думала, что все, что могло произойти, уже произошло, и ничему новому не быть. Но и новое подкралось незаметно.

Это было в то утро, когда Григорий Лагустанович с двумя соседями пошел удобрять свое кукурузное поле, которое находилось чуть повыше его усадьбы. Небольшое поле ему выделялось самими крестьянами, как патриоту села.

Соседи не позволили пожилому Лагустановичу работать на солнцепеке, — после случая с Хаттом они были к этому особенно внимательны, — и Лагустанович сидел в тени, поминутно благодаря крестьян, пока те подсыпали под кукурузные стебельки особое снадобье из бумажных мешков, от которого кукуруза буйно росла и лучше плодоносила.

Когда работа была закончена, осталось два мешка лишних. Чтобы они не валялись в поле, Лагустанович и его друзья решили высыпать остаток в Тоумыш. Вещество было такое белоснежное, такое привлекательное, что хотелось попробовать его на вкус. Прикоснувшись к воде, оно мгновенно растворялось — так мгновенно, словно и не было этой красоты. И тут же ноги крестьянина, который высыпал удобрение, стоя при этом по колено в воде, почувствовали, что вода стала холодной-холодной, словно горный поток. Что-то странное, разрушающее привычное отношение к вещам, было в этом мгновенном переходе материи в бесплотное свойство.

— Вот и все, — сказал между тем Лагустанович.

И все трое, мирно переговариваясь, пошли к дому Лагустановича. Там их ждало сытное угощение. Потом, переодевшись, они собирались выйти на сельский праздник.

Дома, пока накрывали на стол, Лагустанович пригласил соседей посмотреть пруд — он все-таки развел карпов. Соседи уже

видели этот замечательный пруд, но пошли еще раз. Подойдя близко, они нашли пруд совершенно зеркальным. Тут только они сообразили, что высыпали удобрение сверху по реке. Глупые карпы всплыли все до одного. Только малую часть удалось сбыть в дорресторан, да и то за бесценок. Остальное пришлось скормить свиньям. Есть отравленную рыбу Лагустанович соседям не посоветовал.

А пока Лагустанович сказал:

— Ну и черт с ними! Стоит ли расстраиваться. Поедим и выйдем на праздник.

В деньгах он особой нужды не имел, жаль было только затраченного труда.

Когда холод почувствовали кривые русалочьи ноги и когда сама русалка ощутила нечто неладное, вся река была уже в движении. Ноги ее коченели, и русалка выскочила из воды. И рыбы — лобаны, сомы, бычки, маленькие щуки, — и змеевидные рыбы, и сами змеи, и даже черепахи, и даже лягушки мчались, теснясь, вниз по течению.

— Что вы делаете? — вскричала адзызлан. Бывшая Владычица Рек и Вод последней узнала новость.

А новость мчалась по реке, наступая рыбам на хвосты, — новость, отливавшая радугой, где все цвета были налицо, но только грязнее, чем в радуге водяных брызг. Эта радуга мчалась вниз по реке, издавая незнакомую вонь, от этой радуги шарахалось все живое, эта радуга убивала цветущую воду реки.

— Остановитесь! — вскричала русалка, но ее никто не слушал. Она познала горечь полководца, чье войско обратилось в паническое бегство.

Кефаль, вышедшая рано утром в устье реки метать икру, заметив собратьев, безумно устремившихся к спасительному морю, еще ничего не поняв, поспешила назад. И там, где река, образовав широкое устье, затем узкой полоской входит в море, вся речная живность смешалась с холеным племенем кефалей и устроила давку, как если бы это были люди.

Сама смерть, переливаясь черной радугой, источая незнакомый омерзительный смрад, пронеслась по телу последней реки села. Таково было свойство белоснежного вещества, ссыпанного в воду.

С ужасом и отвращением побежала русалка прочь от своей древней обители. Она бежала, спотыкаясь вывернутыми ступнями,

и была сейчас беззащитной женщиной. Русалка пустилась по проселочной дороге. Был час после полудня, и в селе между отравленными речками начиналось непонятное торжество. Шли люди, неся портрет вместо чучела, но при этом никто, никто не видел русалки, не слышал ее испуганного плача. Неощущаемая, она пробежала сквозь толпу. Тело русалки, данное в ощущениях только ей, было переполнено ужасом.

Свернув с дороги, она побежала к дому Хатта, к последнему Хатту, чей предок разделил с ней когда-то ее травянистое ложе, к последнему Хатту, женщинам рода которого она открывала тайны целебных трав и вод.

Она бежала, боясь еще раз вдохнуть отвратительную вонь грязной радуги. Она бежала и по-странному ощущала свое дрожащее от испуга тело. Русалке казалось, что тело ее тяжелеет и она слышит звук своих шагов. Но она думала, что это от усталости.

Наконец она добежала до дома Хатта. В пустынной усадьбе последнего Хатта, огороженной старым замшелым частоколом, на пустынной лужайке перед домом последнего Хатта, где паслась тощая коровенка, русалка почувствовала себя в безопасности и отдышалась.

Она зажмурила и открыла глаза. Напротив нее стоял черный пес. Пес учуял ее! — залаял на нее! — услышал! — потому что тоска и ужас вернули русалке плоть.

Пес подошел к ней совсем близко. Но русалка и не вспомнила о своем древнем страхе перед черным псом. С нежностью и торжеством ощущала она свою пышную, дрожащую в ознобе плоть.

Черный пес дружелюбно обнюхал ее. Русалка пахла тиной и рыбным духом. Тявкнув и вильнув хвостом, он побежал к амбару, словно указывая дорогу. Она покорно пошла за ним.

Русалка забралась на балкончик амбара и легла на спину — нежной кожей на сваленные там ржавые инструменты. Золотые волны ее волос, свешиваясь с крылечка, падали вниз. По волосам текли слезы, скатываясь в пыль — в пыль, по которой волочились, тронутые ветром, концы ее расплетенных кос. Она лежала неподвижно и смотрела в чуждо-светлое небо, и лишь пальцы ее вывернутых ног понуро свешивались вниз.

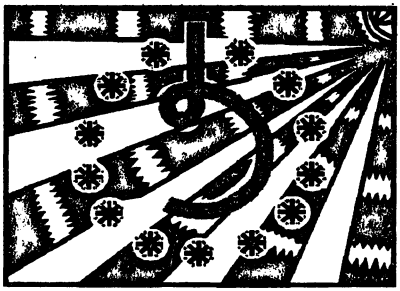
Последний Хатт в честь праздника зашел в дорресторан и потому задерживался. Вернулась с прополки кукурузы его жена.

Она подошла к гостье, лежавшей навзничь на крылечке ам-

бара, и вдруг бессознательно проделала то, что требовала память крови: осторожно приподняв золотую косу, положила ее рядом с русалкой. На сей раз русалка не притворилась спящей. Она присела, свесив уродливые ножки. Хозяйка стояла на третьей ступеньке приставной лесенки. Краем грязного передника она утерла слезы на иссиня-белых щеках Владычицы Рек и Вод. Но не говорила, боясь, как бы русалка, истосковавшаяся по применению своих чар, не ввергла ее в немоту.

...А вечером вернулся домой последний Хатт. Он вошел во двор, шагая против девичьих следов.

Перевел с абхазского автор

Станислав Лакоба

ОПРОКИНУТОЕ

Недалеко от древнеабхазского святилища Напра есть местность под названием Волчья Гора. Когда-то на этой горе исполнялся языческий обряд. Летом, в течение нескольких дней, здесь созревали черные ягоды с наркотическим действием. Гора была местом встречи людей и волков. Вкусив ягоды, они впадали в странное состояние.

Черные ягоды. Они налились кровью ночей, выросли прямо из сновидений. Блестящие и мелкие, они поспевали в конце августа. Ягоды жили всего пять дней. И вот, чтобы поклониться им, к Волчьей Горе рычащими волнами стекались стаи мохнатых волков и горцев.

Раз в году они собирались здесь на свой общий праздник. И теперь тринадцать безоружных абхазов пришли к месту великой встречи двух народов и смешались с тысячной ордой самого красивого и самого дерзкого зверя. Волки срывали с широких кустов черные ягоды с таинственным блеском и подавали округлые шарики людям. Те с благодарностью принимали дары и съедали.

Потом такой же обряд исполнили люди. Волки подходили к ним, погружали ладонь человека в свою пасть и, очистив ее от ягод, отходили, ложась под деревья.

Стояла ясная ночь. Первая ночь праздника, а не перемирия. Она углублялась вовнутрь всего живого, проникала в самые сокровенные глубины духа, сотрясала плоть и кровь. Черная ягода ночи многотысячно повторялась в расширенных зрачках волков

и людей. Теперь трудно было сказать, где лежит волк, а где человек, они перевоплощались, переливались друг в друга. Волчицы становились ласковыми, как ночь. Ягода повергала всех в состояние всеобщей любви и всеобщей умиротворенности, таинственного величия — она начинала действовать, излучать прохладное тепло, кружить голову, она показывала удивительные картины недосягаемого прошлого и зыбкого будущего, а красочные холсты полуснов повисали на бескрайней стене пропасти, скользкой от света звезд. Звезды шерстью дыбились на гриве ночи, дыбились от страха, от красоты ужаса. Волк рыдал над человеком, а человек плакал над волком — все перемешалось, все перемешалось в этом сумрачном мире. Состояние бесконечности просачивалось в деревья, — и деревья запели, затанцевали, поднимая на руках веток то человека, то волка. Крики и плач освещали горный лес. Казалось, что самая ночь отведала черных ягод. Когда язык касался их нежной поверхности, блаженство по венам ног впадало в землю, и тогда человек ощущал, чувствовал землю как часть своей плоти.

Пять ночей. И каждая ночь была днем, а каждый день — ночью. Все пребывали в сонном, расслабленном состоянии, все передвигалось ползком, даже деревья. Ноги отсутствовали, тело то разъединялось, то вновь сплеталось.

В последнюю ночь все звуки провалились куда-то, исчезли — наступило полное молчание, приближенное к молчанию черной ягоды. Дыхание Волчьей Горы становилось ровным.

ЛЕПЕШКА

Село обрастало ноябрем.

А мальчик ходил в школу. Недавно ему исполнилось двенадцать. Еще несколько лет тому назад Кан думал, что у людей, как и у деревьев, кровь зеленого цвета. Но потом — потом он уже так не думал...

Школа была далеко. Школу он не любил. Кану нравилось только то, что она далеко. Кану нравилась дорога в школу. Сверстников своих он избегал и потому почти всегда ходил один.

Как только мальчик выбегал из дому, он сразу снимал свои ботинки. Снимал не потому, что боялся испачкать их, а потому,

что любил ходить по этой дороге босиком. Даже когда выпадал снег, ступни ног Кана не чувствовали холода. Недалеко от школы он мыл ноги в реке, надевал свои ботинки и с опозданием входил в класс.

И вот однажды он шел по дороге и обдумывал, как сплести из коры черешни сумку. Редкие капли дождя ласкали его голову и плечи. Мысленно Кан почти закончил плетение пастушеской сумки. Он немного отвлекся от своего занятия и посмотрел на дорожный холмик. Что-то блестящее и прозрачное лежало на его вершине. Несколько десятков шагов, и Кан уже стоял перед блестящим диском, от которого исходил пар. А дождь не торопясь продолжал прокладывать свой путь в декабрь. Он выражал всю красоту сверкавшего диска — коровьей лепешки. Мальчик постоял над ней, почувствовал запах молока, а потом взял и погрузил босые ноги в лепешку. Тепло приятно обжигало его душу, и он понял, как холодно ему было все это время, хотя он и не ощущал холода. Ему было так хорошо, что он заплакал. Мальчик вдруг вспомнил то, о чем старался не вспоминать. Кану было семь лет, когда его мать застрелилась из ружья. Тогда тоже стоял ноябрь, лил дождь. Но тогда он никак не мог заплакать. А сейчас лепешка согревала его тело, и Кан сознавал, что впервые оплакивает свою мать.

ДОРОГА

Трава с малиново-серебряными брызгами ягод увенчивала гору, и сочный круг поляны ровно опоясывал вершину. Около нее, как у зеленого водопоя, столпилось стадо коров. Глаза их текли к траве, но ни одно животное так и не сдвинулось с места сорвать травинку. Они стояли будто вкопанные и лишь глухо мычали, бодая упрямыми рогами невидимую преграду у линии круга.

И в это мгновение из недр горы с грохотом вырвалось светящееся пятно и зависло над ее вершиной. Шум внутри пятна, расплывшегося по небу, словно акварель по мокрой бумаге, нарастал до тех пор, пока оно не приняло образ Семилучевой звезды.

Юго, верховный жрец святилища Дыдрыпш — «Владения Громов», стоял у подножия последнего, седьмого яруса горы, в том

месте, где высокие тисы покорно ложились к ногам круглозеленой поляны. Чтобы не ослепнуть, он смотрел на звезду сквозь закрытые веки и шепотом приветствовал ее по-абхазски:

— И этой весной, всемогущая Дыдрыпш, ты навестила нас!

Лет тридцать назад Юго пробила молния. Темная дыра, не зарастая, зияла в его теле.

Он стал рассказывать о будущем, посвящать односельчан в их грядущие судьбы. Стоило ему хоть раз взглянуть на человека, и Юго знал о нем все.

После удара молнии он неделю лежал без сознания. Обугленный, изогнутый, изломанный, Юго напоминал не человека, а какой-то знак, непонятное разорванное существо. Он казался двойником Семилучевой звезды. Почувствовав это, Юго ушел во владения Дыдрыпш. Его единственного допускал к себе дух, обитающий на вершине святилища, где даже в сильные снегопады продолжала сиять зеленая трава.

В то утро покой святилища был нарушен взрывами. Строители Северо-Западного участка приступили к прокладке дороги. Опытные пиротехники привычно громили известняки. С каждым днем взрывы приближались к горе Дыдрыпш, и тогда старейшины села обратились к инженеру.

— Здесь наша аныха, святыня, — указал самый старый из них на Дыдрыпш. — Не надо тревожить ее дух.

— Кого тревожить? — спросил инженер прищурившись. — Гору? Дух? Ну и дела. Вы из какого века, товарищи?.. У нас план горит, нам дорогу прокладывать надо, взрывать скалу...

— Не беспокой аныху, сынок. Не нужно взрывать. Наказание будет.

— Кто накажет-то? — усмехнулся инженер. — Ну, хорошо, почему не надо там взрывать? — таинственно спрашивал он, пристально глядя в глаза старику. — Я ведь пойму, что там?

— Аныха накажет и аныха там, — ответил старик.

— Аныха, аныха, — раздраженно буркнул инженер и подписал наряд на партию взрывчатки.

Высокие тисы растворялись под тяжестью звезд над пропастью тишины. Жрецы семи ярусов во главе с Юго собрались на восточной стороне конусообразной горы Дыдрыпш и вместо привет-

ствия молча обменялись кизиловыми посохами. Каждый из них прикоснулся левой ладонью к зеркальному стволу священного дерева.

Шесть жрецов нижних ярусов устремили свои взоры на светящийся ствол священного тиса. В нем пересекались пути вселенной и человека, это было мировое древо, где сосредоточились все соки мироздания, сходились тайные тропы невидимых артерий. Юго молчал, слушая, как в его вены вливаются волны созвездий. Глаза верховного жреца излучали неземной свет, который он выплескивал на зеркальный ствол дерева «аа». И это сдвоенное абхазское «а» называлось тисом, было началом всего живого.

Взгляд, нарушающий равновесие.

Да, даже неосторожный взгляд может нарушить равновесие в природе. Юго вспомнил рассказ деда о величественном тисе в верховьях глухой Гумисты и передал его жрецам. Дереву было за тысячу лет. Оно легко взбегало могучими ветвями в небо. И эту тысячу лет человек не ступал в тех местах. Но вот он пришел. Заблудился в лесу и увидел громадный тис. Человек не мог налюбоваться им, рассматривал со всех сторон, удивлялся. А когда через несколько дней привел с собой людей показать дерево, — не поверил своим глазам. Огромный, прозрачный тис — высох и наполовину развалился...

Неуловимым движением руки Юго достал из темной дыры своего тела слепого волчонка.

Пиротехники взрывали горную породу и чем дальше углублялись в пределы горы Дыдрышп, тем медленнее продвигались вперед. Старики снова пришли к инженеру с просьбой провести дорогу чуть левее, в стороне от святилища, но тот только отмахнулся.

С каждым днем темп работы замедлялся, заряды с трудом опрокидывали известняки. Инженер нервничал, ругал пиротехников, гору, стариков. Строители с трудом расчистили путь до большого уступа. Пиротехник заложил под него мощный, направленный заряд и рванул. Однако уступ был непоколебим, как крепость. Тогда инженер сам взялся за него. Для чего-то он схватил топор и стал рубить ветку молодого тиса. Но тоненькая веточка продолжала расти, не шелохнувшись. Он окончательно вышел из себя, когда заметил, что топор не только не рубит, но и вообще не оставляет на дереве никаких следов. И вдруг

чья-то невидимая рука развернула топор и вонзила лезвие в его лицо.

«Вершина Дыдрыпш похожа на черную дыру в моем теле», — думал Юго.

Догадывался ли он, что Дыдрыпш — это внеземная область на Земле, а он необходим Семилучевой звезде как связующее звено?

Люди приходили на святилище молиться, присягнуть или исцелиться только с его согласия в сопровождении одного из жрецов. Несчастье обрушивалось на тех, кто не следовал священному правилу: одни пропадали без вести, другие сходили с ума, третьи сбивались с пути и бродили по горному лесу, не находя выхода.

Юго отвлекся от своих размышлений.

Внизу, в сопровождении жреца третьего яруса, ползла нить людей.

Вот они приблизились и положили на ровную площадку девушку с седыми волосами.

— Извини нас за беспокойство, аныха, — обратился к вершине старший из них, еще больше скомкавшись и почти до травы опустив голову, — но она не встает уже восемнадцать лет. Помоги нам, аныха.

Жрец третьего яруса повторил просьбу старейшины села. Тогда Юго обратил свой взор к вершине. И вершина ответила ослепительной вспышкой.

Из самых дремучих глубин тисового леса сверкнули во мраке два глаза. От них исходил спокойный, тепло-зеленый свет. Нет, не теплый и не зеленый, но близкий к ним.

Носилки с девушкой приподнялись над площадкой. Она сошла на землю и, не оборачиваясь, пошла вниз, но теплый взгляд толкал ее в спину, расплывался по всему телу, и вот уже ноги несли девушку по склону горы, и когда она хотела упасть, обнять траву и камни, ей не дали этого сделать.

После гибели инженера партия строителей распалась. Спустя несколько месяцев прибыла новая группа. Направление дороги было изменено, и она потянулась в обход горы Дыдрыпш.

Белый шрам на лице святилища обрывался около уступа, чуть касаясь левой щеки неба.

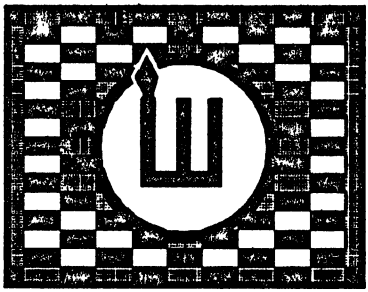
Юго слагал звездные песни на угловой арфе.

Ветер пронизывал черную дыру его тела, как ночное ущелье.

Юго думал, что именно здесь, в глуши, на горе Дыдрыпш, в стороне от мира, пересекаются истинные пути вселенной и человека, пути Великого Духа, а цивилизация, увенчанная ракетами и космодромами, развивается в стороне от этих главных дорог.

Над вершиной святилища расплывалась Семилучевая звезда. Она увеличивалась на глазах, пока не заняла полнеба.

Светлячки, как растения, росли прямо в воздухе.

Игорь Хварцкия

ПРОРОК АНАКОПИА

Сит Анакопиа из села Псырцха предвидел то, что должно произойти через три с половиной года, поэтому его называли ясновидящим. Раньше он мог предсказать то, что произойдет через семь лет, но со временем сила его божественного дара иссякла наполовину.

Впервые, говорят, о нем заговорили серьезно как об ясновидящем в 1930 году, когда он предсказал, что абхазцы вступят в колхоз. Естественно, абхазцы к предсказанию Сита отнеслись недоверчиво, но слух о том, что по предсказанию Сита абхазцы будут жить в некоем сообществе под названием колхоз, облетел все деревни и дошел до райцентра Гудрипш. Срочно в село прибыл секретарь райкома по идеологии, уроженец Псырцхи Чамкуч Мафба, провел экстренное собрание в центре села под тысячелетней липой и осудил вредные обычаи.

— ...Надо с корнем вырвать все отжившее, что препятствует нашему триумфальному движению к коммунизму! — воскликнул он, завершая свою речь, и для пущей наглядности стукнул кулаком по столу.

В числе названных темных личностей, цепко державшихся за вредные традиции, фигурировало имя Сита. Собравшиеся под тысячелетней липой крестьяне заозирались, выискивая в толпе Сита, но его среди них не оказалось. Он не счел нужным явиться на собрание.

— Бедняга, недолго ему осталось жить... — сказал Сит, когда ему передали содержание речи Чамкуча. — Время наше готовится стать ненасытным драконом... — скорбная гримаса исказила лицо ясновидящего, — и не только Чамкуча Мафба оно сожрет.

Однако никто не понял значения его слов. Шел 1930 год. Тогда Сит мог предсказать, какое происшествие ожидается через семь лет...

Божественный дар предвидения пришел к Ситу в 1924 году, когда через села Звандрипш и Лыхны прошел Посланник Бога, который свидетельствовал о людях. Произошло это так...

Уже наступали сумерки, когда во двор жителя Звандрипша Чкока въехал Ангел на белом коне. Хозяин позвал почетных старцев и соседей. Сит тоже был здесь, Чкок был его тестем, и в тот день он гостил в Звандрипше. Хозяин зарезал быка и, когда мясо сварилось, он пригласил Гостя к столу. Гость не произнес ни слова, но движением руки дал знак, что отказывается сесть за стол. Люди, зная, что Гость — Посланник от Бога, делали только то, что велит обычай гостеприимства. Неожиданно Гость лег под орехом, раскинув руки. Люди не расходились и всю ночь наблюдали за Ним, но Он, не меняя позы, лежал под орехом, распластавшись на земле. Хозяин принес несколько початков кукурузы для коня, но конь не стал есть кукурузу. Конь погружал голову в деревянное ведро, висевшее на шее, и хрустел чем-то. Конь был необыкновенно высокий, под стать Всаднику. Хозяин пригласил гостей в дом.

Когда рассвело, Гость вскочил, собираясь уехать. Хозяин наполнил рог вином и поднес Гостю. Гость взял рог, приподнял его, пригубил и передал Ситу.

Когда Посланник Бога вознамерился сесть на коня, принесли стул, чтобы Он стал на стул и дотянулся до коня, но Он, опять ничего не говоря, руками дал знать, что стул не нужен. Неожиданно для всех Посланник Бога ловко вскочил на коня и выехал со двора. Через минуту цокот копыт доносился уже из-за котловины Ахи. В тот день Он посетил в Лыхны одного человека по фамилии Лакоба и больше Его никто не видел.

О том, что родоначальник фамилии Анакопиа, далекий предок Сита, как представитель всех абхазцев был у Бога, и о том, как Абхазия досталась абхазцам, многие сказители Абхазии рассказывали. Но я расскажу эту историю так, как мне ее рассказал Служитель Дыдрыпш Аныха Заур Чичба.

Решил Бог разделить землю между народами и назначил

День. И послал Бог Ангела Своего к народам. Пока Ангел обошел все народы, подошел назначенный Богом День. Под видом простого старика, верхом на муле Ангел въехал во двор абхаза по фамилии Анакопиа. Хозяин не стал слушать гостя и пригласил усталого путника в дом.

— Я пришел сообщить тебе, что сегодня у Большого Камня собираются представители всех народов. Бог будет раздавать землю каждому народу. Тебе выпала честь представлять абхазов, — сказал гость.

— Ты устал, путник, отдохни немного, отведай в моем доме хлеб-соль.

— Но у тебя остается мало времени, — напомнил ему гость.

— Гость приносит семь счастий, уносит с собой одно, — ответил Анакопия, настаивая на своем.

Вечером, проводив гостя, Анакопиа собрался в дорогу в назначенное место. Когда абхазец пришел в назначенное место, отверзлось небо, и открылось ему видение в сверкании, которое нельзя описать словами: он увидел стопу Бога и услышал голос его, подобный грому:

— Почему ты опоздал, абхаз, все земли я уже раздал?

— У меня был гость, я не мог его оставить, — сказал Анакопия.

— Я подтверждаю истинность слов абхазца, ибо тем гостем был я, — сказал один из Ангелов, окружавших стопу Бога.

— Если бы не твое гостеприимство и совесть, ты бы остался без земли, но во имя справедливости я даю тебе Апсны — то, то оставил для себя. Но взамен моей милости все люди потеряют возможность воочию видеть Меня при общении со мной, — сказал Бог, Творец мира и людей (Анца ха хазшаз).

И открылось абхазам, что на земле Абхазии пребывает Дух Божий — Аныха. Дух Божий — Аныха разделен на семь частей и пребывает в семи святых местах. С тех пор абхазы чтят выше всего места пребывания Духа Божьего — Святого Духа. Это — Псху, Елыр, Кячь, Дыдрыпш, Лыхны, Лдзаа, Лашкендар.

Солнце уже поднялось в высоту дерева.

Сит сидел в тени под орехом и прислушивался к артиллерийской канонаде, доносившейся с Эшерского фронта. Каждый день село оглашали крики матерей по погибшим сыновьям. Пять

внуков Сита ушли на фронт вместе со своими отцами и воевали на передовой линии.

Вооруженная до зубов Закавказским военным округом, заручившись поддержкой мировых держав и ООН, Грузия рвалась к сердцу Абхазии — селу Псырцха, земле Богородицы.

И увидел Сит сердцем Будущее и открылось ему число и месяц — 8 марта, когда Абхазия победит окончательно. Это и будет истинной победой. Забегая вперед, скажу, что впоследствии слух о пророчестве Сита дошел до районной газеты, и она напечатала статью «Судьба Абхазии глазами ясновидца». Прочитавшие статью решили, что 8 марта будет взят Сухум, но 8 марта ничего не произошло, и другая газета, которая раньше называлась «Красные субтропики», обрушилась на эту невинную статью грозной публикацией «Ученики Нострадамуса получают „два"». Автор публикации, бывший заведующий отделом партийной жизни, закончил статью словами: «Несмотря на расположение каких-то там звезд Абхазия всегда побеждала врага и на этот раз победит его!».

Видимо он решил, что 120-летний старик из села Псырцха Сит Анакопиа — астролог. Но Сит не был астрологом, Сит был абхазцем, в лучшем смысле этого слова.

Но, возвратимся к пророчествам Сита, ибо ему было открыто, что год 1992 принадлежит России и определит ее будущее, или космическое бессмертие, поэтому война между Грузией и Абхазией не закончится в этом году. Но следующий год, 1993-й, принадлежит Абхазии, и начнется отсчет этого года 4 февраля, ибо России принадлежат еще и первые четыре февральских дня 1993 года.

А тем временем Главный Служитель Аныха — Чичба в сопровождении старцев поднялся на гору Владение Грома и принес Богу жертву. Держа сердце и печень жертвенного животного, воздев руки к небу, он сказал:

— Сотворивший нас Бог! Ты дал нам, абхазам, землю, которую избрал для себя. Дай же нам силы отстоять ее!

Но война шла и в небе. Таким образом, происходящее сейчас в Абхазии — следствие того, что произошло уже на небе. А на небе произошла война: Архангел Михаил и Ангелы его воевали против большого красного дракона, называемого диаволом и сатаною, и его ангелов. И не устоял дракон и был низвергнут на землю и ангелы его низвержены с ним.

Старик решил немного перевести дух и силой своего божественного дара заглянул в Прошлое, и увидел он Человека, который шел по селу Псырцха. Это был Апостол Иисуса Христа — Симон Кананит, тот самый Симон из Каны Галилейской, в доме которого Иисус совершил первое чудо — превратил воду в вино.

Симон Кананит решил остановиться и отдохнуть. Проходя мимо бедного хозяйства с покосившейся пацхой во дворе, решил зайти в гости, ибо был голоден и жажда мучила его. Из пацхи вышла молодая женщина и пригласила гостя в дом. Женщина сказала, что муж ее, Консо Анакопиа, погиб на войне и, извиняясь за недостойное гостеприимство, принялась готовить мамалыгу. В углу пацхи стояла люлька, и приглядевшись, Святой Апостол понял, что ребенок, лежавший в люльке, был мертв. Когда гость открыл ворота и вошел во двор, женщина эта держала на руках только что умершего ребенка и, увидев гостя, она перестала рыдать, положила мертвого сына в люльку как спящего и, накрыв простыней, вышла навстречу гостю.

— Дад, — обратился Святой Апостол к женщине, — сними простыню с люльки, ребенку должно быть душно.

Женщина подошла к колыбели и увидела улыбающегося ребенка.

На другой день Симон Кананит был убит на берегу реки Псырцха. Убил его слуга некоего дворянина. Апостол сидел на берегу реки, когда к нему подошел слуга дворянина и стал расспрашивать его о том, что потерял он здесь.

— Кто делает грех, тот от диавола, потому что вначале диавол согрешил. Для сего и явился Сын Божий, чтобы разрушить дела диавола, — сказал Апостол, не отрывая глаза от струящейся воды.

Слуга дворянина, услышав такие слова, стал насмехаться над ним и обозвал его грязным бродягой.

— Тот, кто сбежал из своей страны, боясь мести за прелюбодействие с женой брата своего, а здесь прелюбодействует є женой своего господина... — сказал Симон Кананит, все так же глядя в прозрачную воду.

Слуга дворянина, ударив странника по голове камнем, скрылся.

Сит вышел из задумчивости, услышав скрип калитки. Он поднял голову и посмотрел в сторону калитки. Внимание его привлек незнакомый мужчина, который, открыв калитку, реши-

тельно направился в его сторону. Это был Макчахвара Сабыда, житель дальнего села Цимхакыта.

— Ухацкы, Сит, помоги мне, если это в твоей власти, — умоляющим тоном заговорил Сабыда, но умолк, не в силах продолжать.

— Расскажи, дад, какая беда стряслась с тобой? Я сделаю все, что в моих силах, — подбодрил гостя Сит.

— Мой единственный ребенок находится между жизнью и смертью. Мальчику всего семь месяцев, лежит безжизненный, не ест, едва дышит, и врачи бессильны... Долго у меня не было ребенка, и наконец Бог, сжалившись надо мной, послал мне наследника. А теперь, будто раздумав, хочет забрать его... Неужто Богу угодно, чтобы на мне закончился род Макчахвара? — горестно поник он головой.

— Дад Сабыда, — задумчиво молвил Сит, — я знаю то единственное средство, которое может избавить малыша от сковавшего его недуга. Отправляйся в дорогу и достань грудное молоко женщины, не знавшей мужчины, кроме собственного мужа, и не состоявшей с тобой в родстве. Второе условие посложнее первого: приведи мне троих людей, не запятнавших свою совесть и честь, представителей разных фамилий.

— Ухацкы, Сит, сегодня же найду и материнское молоко, и троих честных людей, — воскликнул Сабыда.

— Нелегкое это дело, потому немедля отправляйся в дорогу. Желаю тебе удачи! — напутствовал Сит.

В тот же день к дому Сита подкатил автомобиль «Жигули», из него вышел Сабыда со стаканом молока в руке.

Сит принял стакан из рук Сабыды и, поставив на ладонь, пристально посмотрел.

— Не годится это молоко, дад Сабыда. Кроме мужа, рядом с этой женщиной я вижу еще троих мужчин, — сказал Сит и возвратил ему стакан.

— Хай, пропади она пропадом, бесстыдная женщина, еще уверяла меня, что не найти никого безупречней ее. Воистину, нет предела женскому коварству! — Сабыда с досадой выплеснул на землю содержимое стакана.— Вижу, ничего не остается, как отправиться мне в высокогорное село Цвигрипш, авось там удастся найти безупречную женщину.

По пути в Цвигрипш, попутно останавливаясь в каждом селе, Сабыда набрал десять стаканов женского молока. Каждая молодая мать сочувствовала его горю и клялась в своей безукоризненности.

«Жигули» не одолели ухабистую дорогу высокогорного села Цвигрипш, и Сабыда отправился за бесценным молоком пешком.

Проходя мимо одного из дворов, он услышал голос женщины, бранившей сына, при этом она поклялась именем отца сына, что строго накажет его. «Если жена клянется именем мужа, она верна ему», — подумал он и решил спросить, нет ли у нее грудного младенца. Увидев у ворот гостя, женщина вышла к нему и радушно пригласила в дом. Сабыда, поблагодарив хозяйку, вошел во двор и присел на скамью под яблоней.

— Прошу прощения, но хозяин не может оказать вам достойного гостеприимства, — вынеся графин вина с закуской, пожалела она. — Он был удачливым охотником. Но три года назад случилось несчастье: в единоборстве с медведем он потерял зрение и с тех пор не может передвигаться без посторонней помощи. Он уединяется в саду, облегчая душу свою игрой на апхярце.

— Я вижу, в этом доме есть младенец? — спросил он, обратив внимание на пеленки, развешанные на бельевой веревке.

— Да, у меня грудной ребенок, — подтвердила она зардевшись.

Сабыда немедля рассказал, какая беда привела его. Молодая женщина, не произнося ни слова, вошла в дом. Через некоторое время появилась с грудным молоком.

— Пусть оно вернет вашего ребенка к жизни! — горячо пожелала она.

Сабыда поднял стакан черной «Изабеллы», пожелал этому гостеприимному дому благополучия и выпил. Вынув из кармана две пятирублевки, протянул двум малышам-карапузам, что с любопытством разглядывали его. Те, нерешительно взяв деньги, смущенно потупились.

— Ах, это совсем ни к чему! — всплеснула мать руками.

Простившись, Сабыда собрался в обратный путь. Когда он проходил мимо забора, до его слуха донесся звук апхярцы. Он приостановился, вслушиваясь в его проникновенное звучание. Слепой запел песню о Шарпиецве и Хулпиецве — двух братьях-охотниках.

...Уаа, рада радагущагья,оуа!
— И детей твоих превращу в послушных холопов, —
сказал он. — Ты умрешь сегодня,
Уаа рад рарира — уа, и жена твоя давно мне нравится!
Уаа рад гущагья оу-оу уааа...

Расчувствовался Сабыда. На сердце и без того было скверно. Песня слепого охотника воскрешала полузабытую старую легенду...

Рано утром отправились на охоту в горы два брата. Шарпиецв пошел по следу шестнадцатирогого оленя. Лишь к концу дня настиг было его на неприступно высокой скале, но тут зашло солнце, и, не рискуя сорваться в глубокую пропасть, невозможно было спуститься. Тогда Шарпиецв запел песню, в которой звал на помощь своего брата.

Хулпиецв услышал брата и поспешил на зов к подножию скалы, но ничем помочь не мог — черная была ночь, хоть глаз выколи. Дабы брат, заснув, не сорвался со скалы, всю ночь пел Хулпиецв песни, в которых издевался, смеялся над ним, приводя его в ярость, которая не позволит сомкнуть глаз.

Но Шарпиецв не воспринял мудрую находчивость Хулпиецва. Возвращался он с охоты угрюмый, затаив злобу.

Солнце поднялось на высоту дерева, когда братья приближались к дому. Проходя через реку Кодор по висячему мосту, Шарпиецв выстрелил в спину брата. Бурный Кодор унес бездыханное тело веселого Хулпиецва.

Вернулся Шарпиецв домой один и признался о случившемся матери своей. Разъяснила мать сыну, что находчивость Хулпиевца спасла от верной смерти его, и пронзительным криком известила село о посетившем ее дом горе.

Потрясенный Шарпиецв пошел к реке, которая унесла тело убитого брата, и долго лил в нее горячие слезы. Не облегчили слезы душу. Завернувшись в бурку, бросился Шарпиевцв с моста в бурную реку. Река понесла его вдогонку Хулпиевцу.

Мерцают две звезды на небосклоне: Шарпиецв — утренняя звезда и Хулпиецв — вечерняя звезда.

Народ назвал их так в честь братьев-охотников.

...Отвергнув все десять стаканов, Сит взял в руки одиннадцатый.

— Порази меня гром, но рядом с этой женщиной я вижу мальчонку трех лет, — воскликнул он. — Отправляйся в Цвигрипш и узнай правду у женщины.

Не теряя времени, помчался удрученный Сабыда в Цвигрипш. А к вечеру вернулся, озаренный радостью, и изложил старцу услышанное.

Женщина долго ломала голову над словами ясновидца. И вспомнила одну милую историю и, рассмеявшись, поведала ему о ней. Пятнадцати лет она осиротела, и ее взял на воспитание родственник из Цвигрипша. У хозяев рос мальчик трех лет, который очень привязался к ней. Каждое утро, просыпаясь, малыш прибегал к ней и залезал в ее постель. Она целовала его и тискала. Как-то он обмочился на нее и увлажнил ее нижнее белье. Бог свидетель, другого греха за ней не водилось.

— Коли так, это молоко годится, — сказал Сит. — Остается тебе найти троих людей, представителей разных фамилий, с кристально чистой душой.

Всю Апсны — от Ингури до Псоу — изъездил Сабыда, но не смог найти человека с незапятнанной совестью.

— Дад Сабыда, — обратился к нему старец. — Не так легко встретить безгрешного, а время не ждет. Я хочу помочь тебе. Приведи ко мне своего младенца и белого бычка: на заре нового дня соберу я народ и проведу исцеление.

— Да продлит Господь твою жизнь! — возблагодарил его Сабыда.

Наутро во дворе Сита собрались жители Блаа. Старец вышел к народу в сопровождении женщины с младенцем в руках. Безысходно скорбный взгляд молодой матери был опущен на безжизненное личико младенца.

— Да обойду вокруг вас, уважаемые односельчане, да падут ваши болезни на меня! — обратился Сит-ясновидец к народу. — Ваши взоры скорбно устремлены на неподвижное тельце невинного дитя. И коли среди нас прозвучит истина устами трех с безупречной совестью людей, носящих разные фамилии, ваши глаза узреют, как бледность его расцветет, и услышат ваши уши лепет малыша. Да возрадуются сердца ваши! Затем я дам ему молоко женщины, честной, верной своему супругу, и младенец избавится от тяжелого недуга. Таковы всесильные свойства истины, чести, добра — истоков нашей человечности. Всевышний следит за нами со своих высот. Да снизойдет он до нас и поможет этому младенцу!

Старец зорким взглядом обвел толпу:

— Если кто свято уверен в своей безупречности, выходи.

Народ безмолвствовал.

— Пригласите сюда мою мать и жену! — повелел он.

Привели мать и жену.

— Перед вами трое: я, моя мать, моя жена — представители

разных фамилий. Сейчас каждый из нас будет говорить, и если мы будем правдивы и не слукавим — к младенцу вернется жизнь.

Народ с безмолвным вниманием слушал.

— Мать, я не помню своего отца, он оставил белый свет, когда я был ребенком. Как тебе жилось с моим отцом и как тебе живется со мной?

— Нелегко, нан, приходилось с твоим отцом, — отвечала старая женщина. — Моя жизнь была сплошной мукой. Когда он пахал поле, я становилась впереди быков. Солнце палило, пот глаза застилал. Возвратясь с поля, я бралась за новую работу: готовила ужин, нянчила тебя. Но подрос ты, и будто гора с плеч. После твоей женитьбы я не знала ни горя, ни забот — окружена невесткой вниманием и любовью... Но нет для меня человека ближе мужа. Память о нем дороже, чем ты, сын мой. Мне тяжело передвигаться, но каждый божий день наведываюсь на могилу мужа, чтобы провести рукой по могильной ограде. Мне легче живется с думой о нем.

Затем Сит обратился к жене:

— Не смущайся, жена, перед народом, скажи правду о себе.

— Мне нет причины краснеть перед народом, я была верна тебе и предана, — сказала жена. — Всем известно: ты был достойным мужем. Но, бывая на людях, мне нравилось ловить на себе мужские взгляды, я и сама, бывало, засматривалась иногда на них. Иной раз, да простит меня Господь, хотелось отдаться другому мужчине, пришедшемуся мне по душе.

— Эх, афасаайт, и я был таким, да и теперь порой взыграет кровь при виде красивых женщин! — воскликнул Сит.

И случилось чудо. Младенец на руках матери всплакнул и потянулся к ней ручонками. Тут же Сит поднес к его рту ложечку молока. К изумлению толпы, младенец ложечку за ложечкой выпил все молоко.

Проводив последнего гостя, Сит стоял у ворот и думал о том, что произошло ночью. Во сне Сит почувствовал, что сердце его остановилось, но он ощутил прикосновение на лице своем и голос громкий услышал:

— О Сит! Двое пришли и здесь стоят у ворот!

Сит проснулся и понял, что Двое Посланников Бога уходят, вернув его к жизни.

Сит закрыл ворота и, опираясь на посох, направился к скамье.

Он увидел «...отверстое небо, и конь белый, и Сидящий на нем называется Верный и Истинный, который праведно судит и воинствует. Очи у Него как пламень огненный, и на голове Его много диадим; Он имел имя написанное, которого никто не знал, кроме Его Самого. Он был облачен в одежду, обагренную кровию. Имя Ему: Слово Божие. И воинства небесные следовали за Ним на конях белых, облаченные в виссон белый и чистый.

Из уст же Его исходит острый меч, чтобы им поражать народы. Он пасет их жезлом железным; Он топчет точило вина ярости и гнева Бога Вседержителя».

Подстрочный перевод

КОММЕНТАРИИ

Во многих абхазских сказаниях встречается слово *—аныха* (святилище). Ниже приводим выдержки из трудов абхазских этнографов.

«Анан-Лдзаа-ных —одно из главнейших святилищ западной Абхазии, почитающееся наряду с Дыдрыпшским (Анып-ных) в селе Ачандара. Его всегдашнее местопребывание — несколько священных дубов, которые исстари были окружены ореолом святости и недоступности. Это божество абхазы представляют не имеющим определенного вида, как божество «наподобие облака». По их рассказам, Аныха показывалась в виде огненного шара, блестящего, с головой и хвостом, отбрасывающего большие искры при полетах... сообщаясь с Анып-ных. Оба этих божества составляют нечто вроде одной семьи, причем Анан-Лдзааных является богиней, а Анып-ных — богом *.

Святилище было и местом для очистительной присяги. Обвиняемый и его соприсягатели (ахыкуаацва) становились поодиночке между двумя дубами, брали в руки веточку от дуба, поднимали ее и, произнося: «Клянусь этой святыней, что я не виновен в том, что сегодня мне приписывают», — бросали веточку и отходили. После этого они считались оправданными» (А.Чукбар. Анан-Лдзаа-ных. — Сотрудник закавказской миссии, 1915, №№ 9,10,11)

По книге: Ш. Д. Инал-ипа. Абхазы. Сухуми, 1960

«Присягающий стремительно отворачивается, отходит от дерева и уходит в чащу леса до следующего утра, т.к. после присяги не должен встречаться не только с человеком, но даже с живот-

---

* Дыдрыпш —в переводе с абхазского означает «Гора громов» (владение громов). Встречается предание, согласно которому Дыдрыпш-ныха и Лдзаа-ныха соединяются посредством молнии, в небе над рекой Бзыбь (*прим. состав.*).

ным». (П. С. Уварова. Абхазия, Аджария, Шевштетия, Псховский участок. Путевые заметки. Ч.2. М., 1981,с. 158).

По книге: Л. Х. Акаба. Исторические корни архаических ритуалов абхазов. Сухуми, 1984

«Согласно преданию, на Дыдрыпшской горе восседал один из нартских героев по имени Дыд. Он разъезжал на своем коне, крылатом араше, который одним прыжком достигал Лыхны, причем в полете от них исходил огонь так, что казалось, что само небо загорелось. В селе Лдзаа жили лдзаавцы. Дыд встречался с ними.

Он полюбил их сестру, отбил ее у похитителя по имени Кулан и женился на ней.

Взаимно посещали друг друга святилища Дыдрыпшская и Хбыи-ныха.

...Псху-ныха и Елыр-ныха признаются братьями, Инал-куба и Дыдрыпшская Анып-ныха — братом и сестрой.

В близких отношениях находятся Псху-ныха с Лашкендаром, Лдзаа-ныха с Дыдрыпшским».

По книге: Ш. Д. Инал-ипа. Абхазы. Сухуми, 1960

О связи божества горы Дыдрыпш с войной или, наоборот, оберегающего народ от войны, свидетельствует, на наш взгляд, абхазское предание, рассказанное А.Пасхалову стариком Чичба, который, как указывалось, находился в числе его спутников при подъеме на гору Дыдрыпш. В ответ на вопрос Пасхалова о причине почитания этой горы Чичба привел следующее предание: «Во время оное раздавались тут выстрелы, и каждый раз, перед опасностью для абхазцев, откуда выстрелы, кто стрелял, было неизвестно. В старое время нас часто беспокоили враги, иноплеменные и другие народы. Они появлялись тут полчищем, с целью перейти гору, завладеть нашей землей и заполонить нас самих, но святая гора не допускала их далее своей вершины.

На Дыдрыпше начиналась перестрелка без войска, т.е. без войска с нашей стороны, и враги каждый раз отступали, отра-

женные невидимой рукой. Иногда вершина горы покрывалась страшной темнотой, что служило признаком появления врагов. Однажды, когда враги собрались на вершине и отдыхали там под тенью одного большого дерева, то это дерево на другой день высохло совсем с корнем...» (А. Пасхалов. Дыдрыпш — святая гора в Абхазии. — Кавказ, 1874, № 141).

«Что касается горы Дыдрыпш, то замечательно, что абхазцы решительно отрицали всегда, чтобы какой-либо русский, хотя бы и А. Н. Веденский, попирал своими ногами ее священную вершину, не будучи за то поражен молнией. До того вкоренилось суеверие» (В. И. Чернявский. Ответ на замечания А. Н. Веденского по поводу моей записки «О памятниках Зап. Закавказья и дополнения». — Труды у археологического съезда в Тифлисе в 1881 году. М., 1884, с. 254).

Тис (по-абхазски — аа) играл в культе горы Дыдрыпш роль мирового дерева, выступающего как посредствующее звено между Вселенной и человеком, как место их пересечения. Возможно, что такому представлению предшествовало более раннее представление об этом дереве как о древе изобилия. О связи культа горы Дыдрыпш с божеством плодородия свидетельствует также выявляемая в нем числовая символика. То, что святилище Дыдрыпш состояло из 14 священных площадок, — не случайный факт. Число 14 связано с сохранившейся у абхазов сакрализацией числа 7 (удвоенного числа). С числом 7 связано божество плодородия Айтар. В молитве, обращенной к нему, произносилось: «О, Айтар — семь Айтар, в руках которого семь икон (которому подчинено семь богов) и которому ставят семь свечей, — будь ты покровителем наших стад! Размножь их так, чтобы мы доили по семи человеческих нош молока». С сакрализацией числа 7 связано у абхазов также божество кузнечного ремесла — Шашуы-Абжь-ныха, т.е. Шашуы —семь святынь».

По книге: Л. Х. Акаба. Исторические корни архаических ритуалов абхазов. Сухуми, 1984

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

ПРЕДАНИЯ И МИФЫ

Апсуара. Все, чем живут абхазы 7
Абрскил (Абхазский Прометей) 8
Абхазский Прометей 12
Абрскил 17
Ацаны 23
Когда Цоу спал 25
Аерг 27
Бог и Ацан 28
Ажвейпш 29
Дочь Ажвейпша 31
Охотник Смел и его сын 32
Цхы-мш 36
Агуж-ипа Уаздамыр 37
Абхазы и арапы 38
Абхаз и наут 40
«Апсы иуаа» 41
Два брата 42
Хавя Амаршан 44
Абынуавы 46
Аиага Гурюак 48
Баранзаа Абыгу 49
Как Хавя Амаршан случайно оказался во владениях Ажвейпша 50
Худыш 51
Пещера чертей 52
Как люди стали приносить жертву Богу 53
Как люди стали курить табак 54
От судьбы не уйдешь 55
Владение Ананы Гунды 57
Ецваджаа 60
Легенда об Утренней звезде и Вечерней звезде 61
Поляна звезды 63
Звезда абазина 64
Звезда трех братьев 65
Жгараа 66
«Нар Улбааит!» 67
Кувшин 68
О том, как разлучились Амра и Амыз 69
Отчего на луне пятна 72
Г. Галашевский. Рицха 75
Ажгери Кучук и черкес Саруат 77
Песнь про Енджи-ханум 80
Песня о Катмас-ипа Халыбее Амаршан 82
Песня о Хуите Айба 84
Песнь о Сахаткери, сыне Керантуха 86

ИЗ АБХАЗСКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА «НАРТАА»

Рождение нарта Сасрыквы 89
Человек, живший вне времени 92
Нарты и драконы 93
Нарты и тучи 94
как нарт сумел жениться на дочери Ажвейпша 95
Как Бог позвал к себе Сатаней-Гуашу 96
Сатаней-Гуаша и река Кубань 97
Сасрыква и его отец 98
Сасрыква сбивает звезду 99
Песнь о Сатаней-Гуаше 105
Побежденные женщинами 107
Мылхвызы 110
Нарты и сестра ацанов 111
Меч Сасрыквы 113
Сильнее сильного 115
Удивительнее удивительного 118
Великий кувшин 122
Песня Нарчхоу 126
О том, как у нартов появились свирель и песня 128
О том, как женился нарт Дыд 132
Нарт Сасрыква и дикий конь 136
Коварство братьев. Гибель Сасрыквы 138
Как проводили Сасрыкву на тот свет 140
Солнце и луна 142

ВОЛШЕБНЫЕ И БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

Случай в горах 145
Всадник и пахарь 147
Девушка, которую умыкнул медведь 148
Три князя и старик горбун 149
Достойный мужчина и мальчик 151
Сыновья Замухо 152
Смелость женщины 153
Воспоминание о потопе 154
Загадочное приключение в горах 156
История одной девушки 158
Череп 160
Место, где на дереве подвешивали цыпленка 161
Как родилась «Песнь о скале» 162
День волчьего купания 163
Как снять с себя проклятие 164
Необычные превращения 165
Человек и змея 168
«Воровство» души 170
Находчивый пастух 172
Как жена Тыт-ипа Кьящаща сбежала от абреков 173
Как сложили песню про Гедлаче — сына Арстаа Шабатыквы. 174
Владетельный князь и Мшы 176
Владетельный князь Абхазии и Маршаны 177
Хавя Амаршан и Ткутку Дзапш-ипа 180
Песня об Инапхе Киагве 183
Что произошло в Псху 187
Пророк 190

ИЗ УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА УБЫХОВ

Смерть Саусеруко 193
Кусэкух 195
Человек, решивший стать несчастным в молодости 197
Три совета 201
Честный враг 203
Юноша, научившийся понимать язык животных 204

АБАЗИНСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Сила любви 209
Хан-Заубид и Аталык-печальный 211
Охотник и змеи 219

ПРЕДАНИЯ ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА ИСТОРИКА Р. ГОЖБА

А. Эмухвари. Предание об абхазском князе и кабардинском дворянине Заурбеке 223
«Трефовый джигит», или карточная игра 228
Дочь морского царя 232
Цебельдинский охотник Кудри-Али 235
Ахын 239
Верования абхазцев 241
В. Соловьев. Страшный долг 243
А. Цаликов. Последний из убыхов 250

ЗАПИСКИ, МЕМУАРЫ...

Н. Колюбакин. Картины и характеры Кавказа 257
Е. Челеби. Война между абхазскими и черкесскими джинджиками . . . 267
Ф. Ф. Торнау. Охота за зубрами в горах Кавказа 269

РАССКАЗЫ СОВРЕМЕННЫХ АБХАЗСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

М. Лакербай.
Отец и сын 283
Осечка 284
Пушинка 285
Ф. Искандер.
Пастух Махаз 290
А. Гогуа.
Дикая азалия 315
Д. Зантария.
Адзызлан 329
С. Лакоба.
Опрокинутое 345
Лепешка 346
Дорога 347
И. Хварцкия.
Пророк Анакопиа 352

КОММЕНТАРИИ 363

